САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

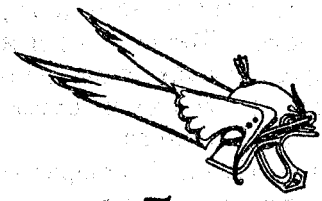
ТОНГОР

ЦАРСТВО ТЕНЕЙ

Лин Картер

ЕЩЕ ДО РОЖДЕНИЯ КОНАНА ПО ЗЕМЛЕ СТРАНСТВОВАЛ ДРУГОЙ ГЕРОЙ

Сказание о Тонгоре

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

ТОНГОР

ЦАРСТВО ТЕНЕЙ

Лин Картер

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

ББК 84.7 США
К 27

Перевод стихов в первой и третьей книгах
А. Михайловой

Lin Carter
«Thongor in the city of magicians» © 1968
«Thongor at the end of time» © 1968
«Thongor fights the pirates of Tarakus» © 1970

Картер Л.
К 27 Царство Теней. Романы / Пер. с англ. — СПб.: Терра—Азбука, 1996. — 512 с.
ISBN 5-7684-0082-6

Над древней Лемурией — миром джунглей и динозавров — нависла опасность. Колдуны Востока с помощью черной магии собираются призвать на Землю повелителей Хаоса... На юге творят бесчинства безжалостные пираты, овладевшие жуткими тайнами колдунов прошедших эпох. Они собрали непобедимую флотилию и могут насылать на своих врагов Серую Смерть... А сам Тонгор — Черный ястреб предательски выдворен в Царство Теней...

О новых приключениях непобедимого северянина Тонгора, о его странствиях в таинственном мире древних богов повествует новая книга Лина Картера.

© 1996 «Азбука» — «Терра», русское издание

ISBN 5-7684-0082-6

ПРОЛОГ

Глава 1

Огни заката потухли, превратившись в мерцающие угли над западным горизонтом. Медленно потемнело небо, и звезды засверкали над полем битвы.

Все это происходило в огромной долине, в землях валькаров, за горами Моммар, где холодные черные воды Жаранга Тетрайбаала — Великого северного океана плещутся о холодный скалистый берег.

Хотя был уже конец весны, снег толстым слоем лежал в долине. Но его растоптали и разрыли. Повсюду виднелись неподвижные черные фигуры — тела мужчин, женщин и детей, одетых в меха и кожу. В застывших руках мертвецы сжимали оружие. Сотнями лежали они тут и там среди утоптанного снега, и тот стал грязным от пролитой крови...

Битва началась на рассвете и закончилась на закате. Весь долгий, тяжелый день воины, охотники и предводители племени Черного Ястреба стояли по колено в снегу и сражались железными мечами, деревянными дубинами и каменными топорами с врагами, которые подобрались к ним под покровом ночи. Один за другим гибли валькары, и теперь ни одного живого не осталось на залитых кровью снегах. Народ племени Черного Ястреба нелегко победить, но враги брали числом. Очень много их, погрузившись в черный сон смерти, полегло у ног валькаров.

Долина напоминала погребальную яму. Звезды с небес удивленно взирали на поле битвы.

Люди племени Черного Ястреба были могучими. Мужчины — высокими, крепкого сложения, с густыми гривами черных волос и золотистыми глазами. Женщины — большегрудыми. Нестриженые волосы они заплетали в тяжелые косы. Меха укрывали их белые тела от укусов зимнего ветра. Они — женщины племени Черного Ястреба — сражались и умирали рядом со своими мужчинами. В конце концов они пали, так же как и дети которые умерли, сжимая в маленьких кулачках ножи, испачканные кровью врагов.

Жизнь в пустынных северных землях Лемурии была непрекращающейся борьбой с суровой Природой, кровожадными хищниками и не менее дикими людьми. Слабые или трусливые умирали в юности. Племя Черного Ястреба было сильным и погибло достойно.

У одной из скал последний свой бой принял высокий и могучий воин. Он сидел, упершись спиной в скалу, и своим огромным мечом рубил и рубил, пока снежный склон перед ним не оказался усеян трупами нападавших. В конце концов враги прикончили его стрелами, не приближаясь к его ужасному мечу. Потребовалось пять стрел, чтобы убить этого воина. Теперь же он лежал, облокотившись о камень. В смерти, как и при жизни, на его лице светилась улыбка. Растаявший снег и кровь забрызгали густую седую гриву его волос и бороду. Жена этого молодца лежала рядом с ним, сжимая в руках рогатину. Ее голова покоилась на плече мужа. Враги зарубили ее топорами, так же как двух ее сыновей и юную дочь, лежавшую рядом.

Мертвого воина звали Тамитар. Он был вождем племени и прямым потомком героя Валька — Валька Черного Ястреба, — Валька из Немедисов, седьмого сына Тангарта из первых королевств людей. Барды племени, старые сказители саг, рассказывали, как на заре времен Вальк собрал племя валькаров. И огромный широкий меч, который сжимали мертвые пальцы Тамитара, был самим Саркозаном — мечом валькара.

Он был мудрым вождем, этот Тамитар, справедливым и сильным. И еще — великим полководцем и прославленным охотником.

Но больше не выйти на охоту ни ему, ни его сыновьям.

Однако среди мрачной панорамы смерти все же нашелся один живой — худой мальчик, которому едва ли исполнилось пятнадцать, голый, если не считать драных лоскутов и мехового плаща, наброшенного на плечи. А они были широкими, эти плечи, но поникшими от усталости и груза печали, слишком тяжелого для мальчика.

На коричневой коже его широкой груди сверкала кровь врагов, с которыми он сражался и которых убил. Но врагов оказалось слишком много... Мальчик ковылял по окровавленному снегу, приволакивая ногу. То и дело он останавливался, вглядываясь в мертвые лица, но никак не мог найти того, кого искал.

Наконец хромой мальчик добрался до того места, где седовласый воин принял последний бой. Мальчик вздрогнул, разглядев лицо мертвого в звездном свете. А при виде спокойного лица женщины, которая лежала в снегу рядом с мертвецом, громкий крик сорвался с его побелевших губ.

Он опустился на колени перед мертвецами и спрятал лицо в ладонях. Слезы медленно потекли сквозь пальцы, покрытые коркой крови. Мальчик плакал впервые... Раньше он никогда не плакал.

Его звали Тонгор.

Глава 2

Вскоре Тонгор тяжело поднялся и замер, глядя на трупы людей, понимая, что мир, в котором он жил раньше, разрушен.

У мальчика была точно такая же грива волос, только еще не тронутая сединой. Глаза его под нависшими черными бровями сверкали золотом, словно глаза льва.

Ноги Тонгора были длинными, руки — покрыты шрамами, точно такими, какие потом останутся от его свежих ран.

В давке и суматохе битвы Тонгора оттеснили от отца, матери и братьев. Весь день сражался он с тигриной яростью юного берсеркера. Много врагов пало от его смертоносных ударов. Когда старый меч в руке мальчика сломался, он схватил дубину, потом стал бросаться камнями, которые выкапывал из-под снега... и в конце — голыми руками, да и крепкие белые зубы пошли в ход.

Тонгор получил широкую рану на груди и раны поменьше на бедре, плече и лбу. С ног до головы он был забрызган своей и чужой кровью, хотя сразу остановил кровотечение своих ран при помощи снега.

Воины клана Белого Медведя сбили его с ног, долго пинали и оставили лежать, посчитав мертвым. Тут они допустили ошибку.

Тонгор не умер.

Он выполз из Царства Теней, вернулся в мир живых и обнаружил, что уже спустилась ночь, битва закончилась и в долине остались только мертвые. Медленно, приволакивая раненую ногу, он долго бродил среди павших, пока не обнаружил то, что искал. Он знал, что должен делать дальше.

Мальчик очистил небольшой участок земли, руками разгребая снег, и уложил на голую землю тела матери и отца рядом с телами братьев и младшей сестренки.

Возле них он положил их оружие. Все, кроме огромного меча его отца — могучего Саркозана, потому что этот меч был нужен Тонгору.

Мальчик на прощание поцеловал холодные губы своих родных.

Потом он стал складывать над их телами пирамиду из камней.

Нужно было собрать много камней, чтобы ночью звери не смогли добраться до тел. Хоть Тонгор и чувствовал себя смертельно уставшим, хоть он и потерял много крови, он укладывал один за другим большие камни, возводя пирамиду выше роста взрослого человека. Тогда и

только тогда, когда работа была закончена, позволил он себе отдохнуть. Мальчика качало от усталости.

Но пирамида простоит тут долгие годы, отмечая место, где пал Тамитар из валькаров. Она простоит тут, пока существует этот континент, пока не уничтожит его землетрясение и пирамида не скроется под холодными морскими волнами.

А потом Тонгор пропел над пирамидой песню воинов. Его чистый, молодой голос был резким, громким и странно звучал в мертвой тишине, повисшей над долиной.

Залив своим светом бесплодные земли валькаров, над краем мира поднялась огромная золотистая луна старой Лемурии.

В холодном полуночном свете Тонгор увидел, что пирамида получилась высокой и большой. Белые медведи не растащат ее, точно как и серые волки. Не удастся им попировать тем, что спрятано под камнями.

При мысли об этом челюсти Тонгора сжались, губы вытянулись в тонкую линию. Ведь белые медведи были тотемным зверем племени, которое днем возвело кровавые холмы из тел валькаров. Точно также черный ястреб, парящий высоко в небесах, был символом племени Тонгора.

Мальчик же ненавидел улта — белого медведя снежных стран — и часто охотился на него на пустынных холмах, где правила вечная зима. А теперь у Тонгора появилась новая причина для ненависти...

Пирамида была построена. Больше Тонгору тут нечего делать.

Но мертвые поставили перед ним еще одну задачу.

И называлась она — Месть.

Глава 3

Тонгор собрал свои пожитки и готов был уйти. Все, что ему могло понадобиться, он забрал у мертвых. Он не грабил мертвых. Они были людьми его племени, и

та же кровь, что обагрила снега — яростная и горячая, — текла в венах мальчика. Мертвецы не станут преследовать его за то, что он забрал у них. Все равно им это больше не нужно.

У одного из них он взял черные кожаные одежды, какие носили воины, — нагрудник с нашитыми на него медными дисками, который одевался через голову и защищал плечи, одеяние воина из соединенных пряжками ремней, огромный медный диск, защищавший грудь от прямого удара меча, пояс, собранный из железных пластин, который носили на бедрах, тяжелые сапоги, кинжал с широким лезвием и пару кожаных бутылей, одна из которых была наполнена вином, другая — водой. Свой меч Тонгор упрятал в старые ножны. Он прикрепил их к перевязи и одел ее поперек груди, так что ножны оказались у него за спиной.

Тонгор еще не достиг возраста, в котором юношам разрешают одевать доспехи воина, и не прошел обряда посвящения у старого шамана племени Черного Ястреба. И не пройдет уже никогда, потому что болтливый старый пьяница лежал мертвым в той же долине. Прежде чем его зарубили, он прикончил дюжину воинов Белого Медведя двуручным топором. Если бы все шло как обычно, Тонгор этим летом отправился бы в высокие горы. Он жил бы там один, пил воду или талый снег, питался бы тем, что сумеет добыть голыми руками. Мальчик провел бы в одиночестве сорок дней, пока ему не явилось бы видение тотема его племени. И тогда Тонгор узнал бы свое тайное имя.

Но ничего этого не случится. Он стал мужчиной без всяких ритуалов посвящения.

Месть — только для мужчин. Эта задача не для мальчишек.

Наступила полночь. К этому времени Тонгор уже пересек долину и взобрался на утесы, не обращая внимания на свою раненую ногу. Крепкое красное вино

согрело его конечности, влило новую силу и энергию в усталое тело Тонгора. Холодный, разреженный воздух высот прочистил его голову, и усилия, затраченные на подъем, заставили кровь со звоном пульсировать в его висках.

Позже, сделав дело, можно будет и отдохнуть.

Если он останется в живых...

Луна уже стояла высоко над горизонтом. Ночное небо было черным, как смерть, и звезды сверкали на нем, словно драгоценности, рассыпанные на черном бархате. Пока Тонгор лез наверх, он ни о чем не думал — не думал о мертвых, оставшихся в долине, не думал о тех, кого собирался убить. Он просто ставил ногу на один камень, а другую — на камень, что был выше. Наконец он поднялся на вершину, и весь бескрайний мир оказался у его ног. Мальчику казалось, что звезды совсем рядом.

Тонгор поднялся на седловину, соединявшую два пика. Тут лежал толстый слой девственного снега. Может, этот снег выпал и покоился здесь со времен, когда мир еще был молодым и свежим, а боги ходили среди людей и обучали их семи ремеслам и семи искусствам.

Тонгор побрел по снегу, решив пройти меж пиками. Он нарушил девственность снега, пролежавшего так тысячи лет. Пурга кружила перед ним снежную пыль — словно духи пробуждались, стремясь выскользнуть из-под ног мальчика, чтобы тот на них не наступил.

Волосы на затылке Тонгора оледенели, а кожа на лбу пошла мурашками. Ему казалось, Нечто, пробудившееся ото сна, ожидает его появления.

Холодок страха пробежал по его жилам, и этот холодок был морознее снега. Тонгор поднес руку к груди, где на шнурке, под сердцем, висел у него фетиш из белого камня. Тонгор вслух прошептал имя Горма — своего бога.

Но чудовище, взревев, проснулось!

Налетевший неожиданно порыв ветра поднял снег бурлящим облаком, прямо перед Тонгором. И это

облако постепенно превратилось в огромную фигуру, башней возвышающуюся над мальчиком. Перед Тонгором на лапах, толстых, как стволы деревьев, поднялся призрак. Его согнутые плечи были чудовищно огромны. Лапы поднялись, чтобы рвать и уничтожать. Челюсти раскрылись. Красные глаза горели безумием. Или чудовище было созданием воспаленного воображения Тонгора?

Тонгор встал в стойку. Огромный меч выскользнул из ножен и, мерцая голубой сталью, запел в его руке. Символы, выжженные на клинке кислотой, засверкали сверхъестественными огнями.

Тварь приближалась к мальчику. И тут Тонгор понял, что сталь не сможет убить это создание, потому что оно не было живым существом.

Глава 4

Гигантское, неповоротливое белое чудовище нависло над мальчиком. Тонгор знал, что это улт — белый медведь. Но этот зверь был в два раза толще и выше, чем любой улт, которого видели глаза смертного.

И еще Тонгор понял: перед ним — призрак, демон снегов. Ведь от него исходил замораживающий кровь холод, неживой и волшебный. Блестящий пот на бронзовых руках и ногах юноши замерз, превратившись в тонкую стеклянную корку. Ледяное дыхание, вырывающееся из клыкастых челюстей чудовища, ударило в лицо Тонгора, и мальчик почувствовал, как кожа лица мертвеет и коченеет, превращаясь в ледяную маску.

Кровавая ненависть затопила и ослепила Тонгора. Когда он вдыхал, ему казалось, что огонь врывается в его легкие — холодный и невидимый огонь. Мальчик сражался против обволакивающего его холода. Саркозан взлетел вверх, а потом обрушился вниз, рубя призрачную тварь. Но в ответ на удар на мальчика хлынула новая волна холода, от которого цепенело тело. И вся-

кий раз, когда стальной клинок Тонгора касался громадного снежного чудовища холод обрушивался на мальчика с новой силой.

Тонгор сражался, зная, что смерть близка. Человеческая плоть не могла долго выдержать такой холод. Сердце мальчика замерзло в груди. Его горячая кровь превращалась в лед. Он больше не мог дышать, так как каждый вдох вызывал такую боль, словно в легкие был воткнут ледяной нож. Тонгор сражался, понимая, что скоро погибнет.

Пронзительный крик раздался над ним в вышине.

Взглянув в небо сквозь вихри хлещущего снега, Тонгор увидел сверхъестественное, фантастическое создание — черное и крылатое, закрывающее собой звезды.

Отчетливо разглядеть его мальчик не мог. Оно казалось лишь движущимся сгустком тьмы. Глаза этого создания сияли золотистым пламенем ярче звезд, а клюв и выпущенные когти сверкали в лунном свете.

Птица с яростными криками молнией упала с небес, обрушившись, словно вихрь, на белого медведя.

Горы пошатнулись, и звезды потухли, когда сошлись две эти твари.

Черные заостренные крылья били с невероятной силой. Из пасти медведя вырывался крик. Он пытался ухватить ими крыло птицы. Черные когти, похожие на косы, схватили белого медведя и стали рвать его на куски. Белое чудовище застонало, повалилось и рассыпалось на снежные глыбы.

Черная тень сделала круг, бросив на мальчика один-единственный взгляд.

И взгляд глаз расплавленного золота встретился со взглядом золотистых глаз Тонгора.

Потом птица расправила черные крылья и улетела, а задыхающийся Тонгор остался лежать в снегу. Меч выпал из его омертвевшей руки.

Тело мальчика выгнулось от боли, когда горячая кровь снова побежала по его полуобмороженному телу.

Тонгор вяло тряхнул головой, пытаясь привести мысли в порядок.

Теперь-то он точно стал мужчиной.

Он в одиночестве поднялся в горы, и ему было видение. К нему явилась птица — тотем его племени, и Тонгор узнал свое тайное имя.

Он получил благословение всех мертвых воинов своего племени с начала времен, потому что птица, явившаяся мальчику, была самим Черным Ястребом валькаров — символом его племени. Тонгор понял, что судьба его — стать скитальцем и приключения его будут более удивительные и ужасные, чем те, что выпадали на долю других мужчин племени валькаров.

А еще он увидел пророчество.

Он видел, как Черный Ястреб сражался и убил Белого Медведя. Призрачные зверь и птица бились в вышине, возле сияющих звезд, и из этой схватки победителем вышел Черный Ястреб.

Тонгор выпил холодного вина и немного отдохнул.

Потом он встал. Пора было совершить то, о чем поведало ему пророчество.

Стоял последний из весенних месяцев — Гейранг. Начались оттепели. Огромные снежные массы, лежавшие на склонах поднимающихся уступами утесов, подтаяли. Тут и там звенели ручейки. Тонгор перебрался на другую сторону хребта и увидел внизу, в долине, палатки племени Белого Медведя. Черными пятнами казались они на снегу, подкрашенном в розовый цвет первыми лучами зари.

После долгой битвы воины клана Белого Медведя устали — те из них, кто выжил. Они перебили своих врагов, а потом вернулись с сокровищами клана Черного Ястреба: бивнями мамонтов, червонным золотом и теми женщинами и детьми из племени Тонгора, кому не посчастливилось умереть рядом со своими мужчинами.

Потом племя Белого Медведя долго пировало. Воины много пили, развлекались с пленными женщинами и оплакивали павших. Так веселились победители — воины племени Белого Медведя. А теперь они крепко спали, объевшись мясом, напившись вином и кровью, насладившись плотью женщин.

И сон этот был беспробудным.

Долго стоял Тонгор, сложив руки на груди, и смотрел вниз, на лагерь врагов.

Его угрюмое лицо напоминало маску, отлитую из бронзы. По возрасту Тонгор был еще мальчиком, но дух его окреп, как у взрослого воина. Он знал, что должен сделать. Духи мертвых прошептали ему об этом в морозной тишине, и мальчик, выслушав их, подчинился.

Своим огромным мечом он начал вырубать куски снега и сбрасывать их вниз.

Это оказалось нетрудным делом. Оттепель, пришедшая в северные земли, сделала за Тонгора половину работы. Огромные комья снега полетели вниз по ступенчатым склонам. Падая, они сбивали со своего места все больше и больше снега. Обвал превратился в лавину — и она белой рекой с грохотом устремилась с утесов в долину, к подножию горы.

Племя Белого Медведя поставило палатки прямо под утесами, чтобы защититься от ветра. Но теперь не ветер, а много тонн снега лавиной обрушилось на них.

Лавина вмяла их в землю, раздавив и их, и сокровища племени, убив изнасилованных женщин. Грохочущая лавина никого не пощадила.

У племени валькаров была простая вера.

Только духи тех отважных воинов, что лицом к лицу встречали врагов, сражались и погибали в битве, только смельчаки, чьи души рождены девами войны допускались в Зал Героев на пир у трона Отца Горма.

А если воины умирали, раздавленные лавиной, когда крепко спали после попойки? Шаман в таком случае лишь пожал бы плечами, ничего не сказав. Воины племени Белого Медведя погибли не как мужчины. Зал

Героев будет закрыт для них, и их жалкие души навсегда обречены бродить среди серых теней и холодных туманов Подземного мира.

Месть Тонгора свершилась.

Глава 5

Утренний свет разгорелся на востоке, и в красных лучах зари одна за другой поблекли звезды.

Когда Тонгор убедился, что ни одному врагу не удалось избежать лавины, он отвернулся и подставил лицо лучам восходящего солнца.

Задача была выполнена, и мальчик остался жив.

А теперь — куда же ему идти? В долину своего племени, где остались лишь трупы и пустые хижины, в стенах которых больше никогда не зазвучит радостный смех его отца и спокойные, душевные песни его матери?

Нет. Он не вернется.

Но куда же ему идти? Ни одно другое племя не примет его, потому что жизнь здесь, в землях севера, — жестокая, тщетная борьба за выживание и новый рот означает, что кто-то другой должен остаться голодным.

Его племя погибло. Тонгору некуда было идти.

И тут мальчику вспомнились строки из песни старого воина, которую Тонгор пропел над могилой отца. Мальчик задумался о южных землях, о странах буйных джунглей, что лежат у теплых вод Галфа на юге, за горами Моммара.

Там молодые города нежились под ярким солнцем, там зеленели сады и смеялись девушки. Там жили пылкие короли и принцессы, там шли страшные войны. Там лежали королевства, только и ждущие, чтобы их кто-то захватил. Тонгор подумал о золоте и драгоценностях, плодах, согретых солнечным светом, яростных битвах на зеленых равнинах, о темнокожих женщинах варварских племен...

И тогда он вложил в ножны широкий меч, выпил красного вина, посмотрел на зарю, разгорающуюся над

краем мира северных земель. А потом Тонгор — последний воин племени Черного Ястреба — повернулся лицом к югу.

Он скользнул взглядом по склонам утесов и широким шагом направился вдоль гигантского хребта пурпурных гор, пересекающего весь мир с запада на восток.

Сердце Тонгора наполнилось радостью, потому что ночь закончилась. И, шагая, мальчик прочистил горло и затянул песню воинов своего племени:

Там, где садится солнце,
Ждут тебя королевства,
Вино, богатство и слава, —
Так отправляйся в путь!

Глава 6

Жгучее тропическое солнце старой Лемурии проделало долгий путь, спускаясь с зенита.

Оно уже соскользнуло к земле по куполу небес и теперь умирало в пурпурно-алом тумане, заливая тусклым пламенем весь западный горизонт.

В стране зазубренных, в беспорядке разбросанных скал ничего не двигалось. Тут не было ничего живого, только тени!

Лучи красного солнечного света били вдоль обширного плоского плато. Чернильные тени протянулись от круга камней, стоящих посреди этой пустыни.

Камней было семь, и они были в два раза выше человека — суживающиеся кверху колонны из темного вулканического, грубо отесанного камня. Они стояли кругом на равнине среди обломков скал, и в красных лучах тонущего за краем земли солнца от них протянулись длинные, суживающиеся тени... словно пальцы чудовищной, что-то ищущей руки.

Колдовские знаки были вырезаны на этих монолитах. Однако ныне их едва можно было разглядеть. И в таинственных землях камней и тишины существовал лишь один «глаз», постоянно взиравший на них.

Он возвышался в центре круга колонн и, ловя красные лучи заката, сверкал, словно драгоценный бриллиант.

Это был огромный кристалл неправильной формы, тусклый, затуманенный — огромный зеленый, сверкающий серебром драгоценный камень, такой большой, что взрослый человек не сумел бы обхватить его руками.

Кристалл сверкал девятью сотнями граней. На каждой из них был вырезан знак. Знаки чем-то походили друг на друга, но не было среди них двух одинаковых.

Когда солнце устроило славный закат на западном горизонте, многогранный камень, поймав последние лучи света, чудесно засверкал и заискрился.

В мерцающем свете странные символы на его гранях загорелись сверхъестественным светом, как живые. Словно глаза — холодные, ничего не пропускающие, внимательные, — уставились они на темно-красные тени.

В ту далекую эру не существовало на земле человека, который мог бы прочитать символы, вырезанные на огромном драгоценном камне, не существовало чар, с помощью которых можно было бы понять затертые веками иероглифы на семи монолитах.

Но что-то скрывалось внутри камня, нежилось в сердце кристалла, омываемое лучами заходящего солнца.

Сила!

Огромная, пугающая, магическая.

И... смертоносная.

Глава 7

Уже пять часов бежал мальчик, спасая свою жизнь. Теперь же силы его были на исходе.

Его онемевшие ноги не могли нести его дальше, и он, задыхаясь, упал на мелкие камни, которыми было усыпано все плато.

Легкие мальчика горели, горло болело, а жажда стала пыткой. Больше он не мог бежать.

На фоне сверкающего заходящего солнца кружили драконы. Две черные, страшные тени со змеиными шеями и истрепанными кожистыми крыльями. Они учуяли горячий запах человеческой плоти вскоре после полудня и полетели за беглецом вдоль высокогорного ущелья, рассекавшего могучий хребет гор Моммара, а потом погнали его через бесплодное пустынное плато, пока вконец не измотали беглеца.

Теперь драконы лениво покачивались в воздухе. Поднялся ветер, и крылья их гудели, как паруса. Холодный яростный огонь сверкал в глазах рептилий. В полутьме сумерек их глаза горели, словно желтые угли.

Растянувшись на камнях, что само по себе было болезненно, мальчик следил за драконами. Его странные, золотистые глаза сверкали из-под спутанных локонов черной гривы. Мальчик не боялся рептилий и собирался сражаться с ними, пока еще оставались силы в его загорелом, бронзовом теле. Но он был обречен и понимал это.

Старики его дикого народа — северного племени — говорили: «Когда охотятся драконы, прячутся даже самые смелые воины».

Беглец был молод. Мальчик лет семнадцати, а может, и моложе. Он был почти голым, если не считать сандалий с высокой шнуровкой и тряпья вокруг бедер. Его грудь и могучие руки, спину, живот и плечи покрывали шрамы и белая дорожная пыль, потому что пришел он издалека... пересек полмира, бежав с залитого кровью поля битвы, где погибли все люди его племени. Из ледяной тундры замороженных северных земель пришел он, путешествуя пешком в одиночестве, сражаясь с дикими зверями и с еще более дикими людьми. Шрамы многих схваток украсили его тело.

Длинный ремень старых ножен натирал широкие плечи мальчика. В ножнах покоился огромный меч валькаров. Единственное оружие беглеца. Такой клинок был бесполезен против крылатой смерти, которая парила, лениво хлопая крыльями на фоне темно-красного неба. Имей Тонгор лук, он бы попытался сбить

летающих тварей, которые играючи, словно кошки, охотились на него весь день, спустившись с бесплодных гор на это пустынное плато.

Здесь в краткой кровавой схватке мог погибнуть беглец. И тогда кости последнего из валькаров остались бы навсегда белеть под бездонными небесами Лемурии.

Но этот мальчик с кожей цвета бронзы не знал страха, хоть и лежал, кривясь от боли, беспомощный и усталый.

Звали его — Тонгор.

Глава 8

Неожиданно холодная тень скользнула по разгоряченному бедру Тонгора. Он резко развернулся, вспомнив обо всех своих ночных страхах. Рука его крепко сжала рукоять широкого двуручного меча. Потом мальчик расслабился.

Холодная черная тень, подкравшись, проползла по его телу. Длинная тонкая тень, похожая на указательный палец.

Заинтересовавшись, мальчик приподнялся на одной руке и посмотрел на то, что отбрасывало эту тень.

Резким движением головы он отмел за спину черную гриву волос и в недоумении уставился на круг темных колонн, стоявших вокруг куба черного камня, напоминающего грубый алтарь. Но больше всего привлекло его то, что стояло на этом алтаре.

Тонгор смотрел против солнца, но полукруг огненного светила был тусклым по сравнению с огромной искрящейся драгоценностью, находившейся среди монолитов.

Налетел порыв холодного ветра!

Зловоние, вызывающее тошноту, ударило в лицо Тонгору. В первый момент он подался назад, пригнувшись. Одна из чешуйчатых тварей спикировала с высоты, пытаясь вцепиться желтоватыми клыками в Тонгора, но промахнулась.

Дракон осмелел, а может, проголодался.

Тонгор поднялся на ноги, одной рукой держась за большой валун, чтобы стоять прямо.

Он встретит смерть лицом к лицу, стоя на ногах, как мужчина. Так решил Тонгор.

Хищники покачивались высоко в небе — парочка тварей с крыльями, как у летучих мышей. Они кружили, готовясь совершить убийство.

Мальчик огляделся. Он стоял, прислонившись плечом к большому камню. Неожиданно Тонгор подумал о круге колонн. Монолиты стояли довольно близко друг к другу. Там твари с кожистыми крыльями не смогут напасть на него ни сверху, ни сзади, если он станет спиной к одному из камней. Им придется нападать честно и встретиться с блестящим, острым как бритва мечом, которым он и его отцы сражались со многими врагами. Возможно, тогда у него будет какой-то шанс.

Пошатываясь, кривясь от боли в онемевших от усталости ногах, Тонгор подошел к кольцу столбов и сверкающей загадке, которую они охраняли.

Мальчик вытащил из ножен свой огромный меч. Прижавшись спиной к грубому холодному камню, он застыл, ожидая смерти. И тут, взглянув наверх, Тонгор заметил перемену в поведении крылатых хищников.

Твари спускались, с шумом неслись к нему, словно черные тени, хлопая крыльями. Тонгор видел пылающие угли их горящих глаз. Огромные челюсти чудовищ приоткрылись, обнажив, словно в усмешке, желтые клыки. Длинные змеиные шеи голодных драконов тянулись к мальчику, когтистые птичьи лапы готовы были вцепиться и рвать его плоть...

Не обращая внимания на боль в усталом теле, мальчик занес меч, когда один из летающих драконов приблизился к нему...

...И вдруг чудовище свернуло в сторону!

Удивленный Тонгор прищурился. Сквозь переплетение черных локонов, нависших над глазами, наблюдал он, как развернулись летающие рептилии, как изменили направление полета и застыли в небе,

нерешительно хлопая крыльями, словно обдумывая, нападать ли им снова.

Потом они неожиданно опять устремились вниз.

И снова в последний момент отвернули в сторону.

Странно они себя вели. Более чем странно, даже немного пугающе. Так, словно ужасные драконы боялись... круга камней!

Опершись о грубую колонну, положив усталые руки на перекрестье огромного меча, застыл мальчик. Тонгор наблюдал, как, превращаясь в дымящиеся угли, умирает солнце. Небеса потемнели, и на черных ветрах с другого края земли принеслась ночь, погрузив весь огромный континент в свои тени.

Драконы подождали, покружили и наконец, хлопая крыльями, улетели, исчезли в сгущающихся сумерках.

Тогда мальчик повернулся, чтобы исследовать странное кольцо монолитов... куда не смели залететь даже зубастые небесные хищники, — круг камней, который чешуйчатые драконы не смели преступить!

Глава 9

Тонгор осмотрел семь каменных колонн. Они были из холодного, мертвого камня — черного, вулканического, грубого и пористого на ощупь. Любопытный юный варвар провел пальцами по странным иероглифам, начертанным на камнях. Мальчик ничего не знал о таких загадочных символах, к тому же он не умел ни писать, ни читать. Не знал он, что эти символы были знаками давно исчезнувшего языка. Последние из тех, кто разговаривал на этом языке, умерли много эпох назад...

Потом Тонгор приблизился к низкому алтарю.

На шестигранном кубе черного камня Тонгор не нашел никакой резьбы.

На алтаре сверкал огромный драгоценный камень.

Никогда мальчик не видел кристалла такой величины. Любопытство охватило его, и холодные огни, пере-

мещавшиеся внутри камня, осветили лицо Тонгора странным сиянием.

У Тонгора было мужественное лицо с квадратной челюстью, широкими бровями и скулами. Солнце и ветер обожгли, высушили кожу мальчика. Сила, разум и благородство были в его лице. Хотя откуда в чертах полуобнаженного мальчика из диких пустошей холодных северных земель могло появиться это благородство, никто не мог сказать.

Мальчик заинтересовался символами, украшавшими поверхность каждой грани кристалла. Вытянув руку, Тонгор коснулся одного из них...

Тихо вскрикнув, отдернул он онемевший палец! Холодный электрический удар поразил мальчика в тот момент, когда его вытянутые пальцы коснулись гладкой поверхности... Сверхъестественная, вызывающая дрожь сила.

Нахмурившийся, озадаченный, он наклонился над сверкающей, искрящейся драгоценностью и заглянул в ее глубины.

Он вглядывался снова и снова... пытался заглянуть за боковые грани... вниз, за мерцающий тускло-зеленый туман и сверкающую серебряную пыль... в странную пульсирующую сердцевину драгоценности, где вспыхивали и гасли холодные фосфоресцирующие огни.

Но что-то случилось. Кристалл... изменился.

Туман поредел... поблек... начал испаряться.

Или прикосновение пальцев Тонгора замкнуло контакт, соединив мальчика и силы, которые дремали, запертые глубоко внутри мистической драгоценности?

Может, прикосновение Тонгора пробудило какие-то древние чары... некое древнее колдовство, чей секрет скрывался за таинственными знаками, вырезанными на гранях драгоценности?

Сверкающий туман заклубился... разошелся... исчез!

Внезапно затуманенный зеленый кристалл стал чистым, прозрачным как стекло... и глаза мальчика расширились от удивления, когда он увидел то, что

было сокрыто внутри огромной драгоценности. Он смотрел на...

Город! Город был в сердце драгоценного камня!

Он выглядел удивительно, словно город эльфов. Крошечные изящные минареты и острые как иголки шпили, утонченно сверкающие слоновой костью. Возвышающиеся колокола куполов, поблескивающие таинственными огоньками. Восхитительные маленькие дома с островерхими двускатными крышами, с застекленными окнами не больше ногтя большого пальца.

Волшебное королевство в замороженном сердце драгоценности!

Затаив дыхание от страха и удивления, мальчик-дикарь смотрел на маленькие извилистые улицы, вымощенные словно морскими раковинами; на изогнутые пролеты алебастровых лестниц с палец толщиной, на эльфийские сады с миниатюрными деревьями, где сверкающими нитями синего сатина протянулись крошечные ручейки.

Все было сделано из изысканной слоновой кости. Стены, тонкие и точеные, словно кружево, освещались крошечными серебряными лампами, напоминающими раковины устриц. Тонгор осматривал дворы, выложенные малахитом, стены из розового коралла, на башни из сверкающего нефрита, стройные арки с пилястрами из нежного мрамора, эбонитовые балки, узоры над окнами, ажурные балконы, балюстрады... такие крошечные, что у рассматривавшего их Тонгора заболели глаза.

Это был мираж — творение эльфов, видение, насланное гоблинами, удивительный миниатюрный мир.

Но все исчезло, стоило лишь Тонгору моргнуть.

В один миг видение города затуманилось... увяло... и исчезло.

Огромная драгоценность снова стала непрозрачной — город затянул туман нефритового цвета, пронизанный слепящими кольцами серебряных искр. Мальчик расстроился и нахмурился, отступив от куба

черного камня и таинственного сверкающего кристалла.

Он грезил?.. Было это видением... или колдовством? Но чем бы это ни было, сейчас все прошло.

Глава 10

Мальчик неразборчиво пробормотал заклинание и прикоснулся к маленькому идолу из белого камня, который висел на его шее на кожаной тесемочке. Фетиш его племени — грубая поделка, похожая на бородатое лицо с короной из выстроившихся кругом звезд.

У Тонгора от страха волосы встали дыбом. Он был диким молодым варваром, презрительно относившимся к городам, воином от рождения, выросшим в грубых землях невежественных дикарей, где каждый природный феномен приписывался сверхъестественным силам. Поэтому-то Тонгор инстинктивно ненавидел и боялся магии, впрочем, как и черного колдовства.

Перед ним была волшебная драгоценность, окруженная зловещими черными камнями, украшенными иероглифами, — от них пахло колдовством!

Тонгор застыл перед кристаллом, словно испуганный молодой зверек. Теперь огоньки внутри драгоценности успокоились и лишь тускло сверкали. Однако мальчик боялся их и неизвестных сил, которые их породили и притаились внутри драгоценного камня.

Должен ли он покинуть это странное место, которого даже драконы боялись? Хватит ли у него мужества окунуться в неясные опасности ночи, царящей по ту сторону круга камней? Рискнет ли он выйти туда, где по каменистой пустыне черными тенями крадутся ночные хищники, охотящиеся за теплым мясом?

От заката на западе остались лишь слабо мерцающие угли. Плато погрузилось в темноту. Небо затянули облака, скрывшие слабый свет нескольких звезд, что сияли в небе, когда заходило солнце. Отправиться дальше, уйти из этого непонятно каким образом

защищенного места к неизвестным опасностям, скрывающимся на плато, было бы глупо.

Вскоре, когда над краем мира, заливая светом землю, поднимется золотистая луна Лемурии, Тонгор смог бы пересечь каменистое плато в сравнительной безопасности. А в темноте он может стать добычей какого-нибудь чудовища. В лунном же свете он по крайней мере будет видеть своих врагов и попробует защитить себя огромным мечом, который он до сих пор сжимал в руке.

Возможно, самым мудрым решением будет переждать тут, в кольце камней, ведь звери, кажется, боятся сюда заходить. Переждать до восхода луны, а потом отправиться дальше в желанные, заросшие джунглями южные королевства, где дремлют золотые города и живут могущественные короли.

Тонгор решил подождать восхода луны.

К тому же он смертельно устал, после того как ему пришлось бежать с гор, спасаясь от парочки голодных драконов. Он тут отдохнет, вытянув разболевшиеся ноги, и постарается не замечать жажды, которая жжет горло, словно пламя, и голода, от которого скрутило пустой желудок. Тонгор прилег на ровную скалу между черным кубом алтаря и высокими колоннами.

И конечно, уснул...

Странные сны пришли к нему, породив любопытные видения.

Мальчику казалось, что он лежит в темноте, расцвеченной холодным светом, льющимся из кристалла необычного размера. Сверхъестественное сияние нефрита, смешанного с серебром, пульсировало, словно исходило из живого сердца... сердца пульсирующего света!

Волны зеленого и серебряного света омыли тело спящего мальчика, и откуда-то из огромной пульсирующей сердцевины магической драгоценности раздался далекий, слабый голос, позвавший Тонгора на языке, которого он не знал.

Но смысл этих слов он понял очень хорошо.

Голос соблазнял, пел, зазывал, — голос сирены. Он непреодолимо звал Тонгора, пел чудно и удивительно

о невероятно красивых вещах, неразгаданных тайнах... шептал заклятия.

Словно порожденный серебряным колокольным звоном, голос плел магическую сеть вокруг спящего разума... тянул Тонгора... дальше и дальше...

И в этом таинственном сне Тонгору казалось, что он открывает глаза и легко встает. Но ведь все это происходило во сне. Шаг за шагом, в трансе, широко открыв глаза, но не просыпаясь, приблизился мальчик к огромной драгоценности.

Она сверкала — пульсирующая сфера света. Потрескивающая аура силы, словно огромные сверкающие ворота, окружала драгоценный камень... и сквозь врата был хорошо виден маленький город эльфов, однако теперь он казался не маленьким, а большим... достаточно большим для того, чтобы Тонгор вошел в него, прошелся по извилистым улицам, прогулялся по прохладным, волшебным садам, попробовал искрящееся вино в этих дворцах из слоновой кости...

Шаг за шагом приближался Тонгор к горящим вратам...

...И проснулся в звенящей тишине!

Глава 11

Тонгора окатила холодная волна страха, словно он неожиданно попал под ливень. Во сне он и в самом деле встал и приблизился к огромному драгоценному камню, а теперь стоял возле него словно замороженный. Его вытянутая рука была всего в нескольких дюймах от поверхности сверкающего кристалла, который, как во сне, искрился кружащимися огнями. Аура пульсирующей силы окружала его.

Ярость вспыхнула в сердце мальчика-дикаря. Подлое колдовство вывело его из себя. Густые брови поползли вверх. Губы растянулись, обнажив белые волчьи зубы. А из глотки Тонгора вырвалось вызывающее рычание. Угрожающе звучал этот рык.

— Горм!

Прорычав лишь имя своего примитивного бога, мальчик осторожно потянулся вперед и дотронулся до огромного сверкающего кристалла. И снова Тонгор привел в действие какое-то колдовство!

Ледяной звон зазвучал в ушах мальчика, когда он коснулся холодного гладкого кристалла. От электрического разряда, пронзившего тело Тонгора, затрепетало все его тело. Холодные, слепящие волны затопили его разум, притупили зрение. Мальчик закачался на онемевших ногах... и упал...

Упал в кристалл!

Тонгор стал падать, и твердая поверхность кристалла расплавилась, превратившись в сверкающий туман, который забурлил вокруг Тонгора ледяными водоворотами, но ничуть не препятствовал падению. Мальчик полетел вперед и вниз, сквозь кристалл... в туманный зев вихрей бурлящего нефрита, усыпанного серебряными светящимися пылинками.

Странно все это было, потому что Тонгор не чувствовал ни удивления, ни страха. Происходящее напоминало необычный сон... слишком фантастический и невероятный, чтобы быть реальным. И, следовательно, во всем этом не было ничего страшного. Все происходило как бы не на самом деле.

Тонгор пролетел сквозь вихрь светящихся пылинок, и ему стало казаться, что он падает все медленнее и медленнее, так, словно клубящиеся пары камня, блестящие от нефритового и серебряного света, поднимаясь вверх, задерживали падение мальчика, каким-то образом поддерживая его тело.

В следующее мгновение Тонгор со страшной силой ударился о какой-то склон и покатился вниз.

Живая, сочная, изумрудная трава заскользила вокруг его рук и ног, и он остановился, утонув в пахучих цветах под янтарным, тускло светящимся небом.

Ошеломленный, не понимающий, что с ним происходит, Тонгор огляделся. Выпучив глаза, уставился он на странные деревья с листьями-перьями, едва различимые

в топазовой полутьме... деревья без листьев, чьи гладкие черные ветви несли фантастические плюмажи из зелени заплесневелого металла, золота и лазурита.

За ними прятались невероятно стройные снежно-белые животные, щиплющие сочную траву. На Земле, насколько знал Тонгор, никогда не рождалось столь странных и милых существ с шелковистой шкурой и длинными, густыми золотистыми гривами. Но если это не Земля... то где же он?

Потом внимание Тонгора привлек блеск, манивший дальше — за перистые деревья и поляны со сверкающими единорогами... к изысканным высоким минаретам и куполам сказочного города, поднимавшегося в тумане неподалеку.

Город в драгоценном камне!

Это был не сон, а странная реальность.

И таким же реальным, как и все это фантастическое окружение, были появившиеся из пустоты и взявшие Тонгора в кольцо воины с птичьими головами. Впрочем, как и клинки нагинат холодной синей стали, нацеленные в обнаженную грудь Тонгора.

Глава 12

Стражники забрали у мальчика огромный широкий меч, ножны и перевязь. Они заломили Тонгору руки за спину и сковали их цепями из меди или из металла, выглядевшего как красноватая, сверкающая медь. Все это время Тонгор с удивлением смотрел на своих тюремщиков.

Вначале он подумал: у стражников и в самом деле головы птиц. Потом мальчик разглядел, что они носят любопытные то ли головные уборы, то ли шлемы. Однако птичьи головы выглядели очень натурально: стоящие хохолком на макушке гладкие поблескивающие перья свисали на лицо. И еще были сверкающие бездушные глаза и страшные изогнутые клювы.

На птиц они походили и из-за своих фантастических костюмов — длинных одежд и плащей с плюмажами.

Латные рукавицы превращали их руки в подобие лап крылатых хищников. Даже их туники чем-то напоминали грудки ястребов.

Птицы-воины двигались словно автоматы, беззвучно, неуклюже. Они не сказали Тонгору ни слова, не соблаговолили ответить на его вопросы. Грубо и бесцеремонно схватили они его... Все выглядело так, словно кто-то приказал им схватить Тонгора, обезоружить его и связать, отобрать все, что можно, чтобы лишить его возможности сопротивляться.

Странно. Очень странно. Тонгор решил попозже во всем этом разобраться, так как это была всего лишь еще одна из множества тайн.

Потом тюремщики повели его по сверкающим улицам чудесного города.

Заря — жемчужно-перламутровая и бледно-розовая — странным янтарным цветом окрасила небеса, когда Тонгора как пленника ввели в сверхъестественно прекрасный город. Но эта заря совершенно не походила на земные зори, потому что в небе не было солнца — колеса волшебного огня, — только постепенно разгорающийся свет в затянутом туманном небе. Казалось, свет этот не имеет источника.

Раньше Тонгор никогда не видел городов, кроме грубых деревень в родных северных землях, но какое-то чувство подсказало ему, что не может существовать в каменных метрополисах, похожих на этот лабиринт.

Воздух тут был холодным и чистым, в нем витал аромат цветов. Но в этом ласковом зеленом лете, похоже, не существовало росистой утренней прохлады. И это было... невероятно.

Когда Тонгор, вызывая камнепады, спускался по огромному Йомсгардскому ущелью, разделявшему две из гор Моммара, стоял фиол — третий месяц зимы. Однако тут не было снега, который закрыл бы эту землю своим ледяным панцирем, а по запаху, сочным лужайкам и цветущим деревьям мальчик решил, что здесь уже конец весны, скажем, месяц гаранг или тирон — первые месяцы лета.

Вот еще одна тайна!

И когда он провалился внутрь драгоценности, только-только потух закат. А здесь — рассвет!

Тонгор с яростным рычанием потряс головой, чтобы прогнать все эти тайны. Но он уже начал подозревать правду. Он перенесся в какой-то иной мир. А может, внутри волшебной драгоценности день и ночь поменялись местами, так же как времена года? Тайна за тайной! Но других ответов у Тонгора пока не было. Так или иначе он уменьшился с помощью какого-то волшебного заклятия и оказался внутри драгоценного камня, или драгоценный камень был всего лишь волшебными воротами, которые привели Тонгора в таинственный новый мир. А впрочем, какая разница?

Сейчас важно было то, что он стал пленником правителя волшебного мира, где царило вечное лето.

Шагая между конвоирами в птичьих масках, Тонгор глазел вокруг, все больше и больше удивляясь, забыв про свои страхи перед сверхъестественным и тот неприятный факт, что он в плену. Всюду, куда бы он ни взглянул, ему открывались удивительные вещи: тусклые аркады стройных колонн, а между ними в маленьких витринах подносы с удивительными драгоценностями, великолепными украшениями, сосуды с драгоценными виноградными винами.

Невероятно прекрасный город раскинулся перед Тонгором в тусклом утреннем свете, однако тень непонятного страха лежала на всем вокруг. Тонгор смог различить ее на бледно-золотистых лицах бородатых обитателей города. Страх звучал в низких музыкальных голосах горожан, которые опускали глаза, когда мальчик и захватившие его в плен воины проходили по улице мимо них. Страх и что-то еще. Может... жалость?

Мальчик смотрел вокруг и понимал, что такой город не может существовать на самом деле. Да, он казался достаточно материальным и, без сомнения, существовал на самом деле... но тем не менее выглядел нереальным.

Тонгора провели мимо купола, по форме напоминавшего колокол. Тот сверкал и искрился в утреннем свете. Он был целиком сделан из горного хрусталя, но никогда нигде на Земле не было утеса или цельного кристалла такого размера.

А башня — высокий минарет — была построена из цельного куска крепкой слоновой кости. Ни моря, ни леса Земли не могли породить чудовища столь огромного, чтоб из одного-единственного его рога, напоминающего по снежной белизне слоновый бивень, можно было построить высокую башню.

Тонгора привели в огромную, увенчанную башнями цитадель из сверкающего нефрита и мрамора, а оттуда — в огромный сводчатый зал, где кандалы Тонгора прикрепили к кольцам в полу. Пищу в мелкой чаше из какого-то темно-красного дерева и бутыль — кристалл с водой поставили у его ног. Наконец воины ушли.

Что же до Тонгора, то первое, что он сделал, — напился и съел столько, сколько смог.

А потом, утолив голод и жажду, мальчик попытался разорвать кандалы на руках, на ногах, вырвать кольцо из пола.

Крепкие мускулы вздулись на его сильных руках. Мышцы его могучей груди и плеч напряглись, рельефно проступив под кожей. Мрачное лицо Тонгора потемнело от усилий. Но сверкающий металл, выглядевший как медь, оказался слишком крепким.

Тонгор лег и, подумав, что отдохнет и решит все проблемы, уснул.

Нежное прикосновение руки к плечу заставило его, как настороженного кота джунглей, немедленно проснуться.

Над Тонгором склонился тощий старик в одеждах из белой шелковистой материи. Капюшон его был надвинут так, что закрывал лицо.

— Ты проснулся, мальчик? Не бойся меня. Я пленник... раб, вроде тебя.— Старик говорил спокойным, вежливым голосом.

Тонгор расслабился.

— Почему вы спросили? Разве я выгляжу спящим? — тихо проворчал он. Старик пожал плечами, сел на пол, скрестив ноги.

— Увы. У меня нет глаз, чтобы я смог увидеть, спишь ты или проснулся, — сказал он.

Тонгор прикусил губу, злясь на собственную грубость.

— Извините, дедушка, — пробормотал он. — Я не знал, что вы слепой.

— Не слепой, сынок... но без глаз. Это, если ты хорошо подумаешь, вещи разные.

Тонгор пожал плечами:

— Я не понимаю.

— Я покажу тебе, если ты пообещаешь не пугаться. Потому что, как ни ужасен мой внешний вид, это не моя вина и я не враг тебе. Однако мое лицо может испугать тебя, — сказал старик.

Приподняв тонкую, высохшую руку, он стянул капюшон и открыл мальчику свое лицо. Тонгор задохнулся от невероятного ужаса. У старика не было лица, вообще не было лица, только чистый, лишенный черт овал бледной кожи без всяких морщинок. Ни глаз, ни носа, ни рта. А если и был рот, то стоило его закрыть, твердая кожа смыкалась, без всякого следа скрывала отверстие.

— Горм... — хрипло пробормотал Тонгор. Может, мальчик собирался воззвать к своему богу, но слова застряли у него в горле.

— Наш повелитель Зазаманк иногда... капризен, — вежливо объяснил старик.

Глава 13

— Как с вами случилось... такое? — тихо спросил Тонгор. Старик закрыл свое ужасное, лишенное черт лицо маской белого шелка и заговорил тихим, спокойным голосом:

— Послушай меня, сынок. У нас мало времени. Сейчас я не могу ответить на все твои вопросы. Но очень скоро тебя заберут отсюда и отведут к повелителю этого города, и моя задача — приготовить тебя к этой встрече. Не перебивай и дай мне рассказать о том, что ты должен знать, чтобы уберечься от того кошмара, который вынужден терпеть я... Зовут меня Яллимидас, и я попал в это место точно так же, как ты... провалился сквозь кристалл. Мой родной город Катул — город Пурпурных Башен. В молодости я был торговцем драгоценностями и часто водил караваны через горы Моммара, выискивая драгоценности. В одной из таких экспедиций я поднялся на скалистое плато и нашел посреди ровного плоскогорья круг стоящих камней, а внутри этого круга огромный драгоценный камень. Но мне не удалось ни изучить камень, ни поэкспериментировать с ним. Со мной случилось то же, что с тобой. Ведь иначе ты бы тут не оказался. Так?

— Так, — согласился Тонгор.

Яллимидас кивнул.

— Века назад, когда мир был молод и семь городов Востока процветали, появился могущественный колдун, странный человек большой мудрости, мастер оккультных наук — Зазаманк — Чародей Под Вуалью... Занимаясь магией, он достиг высот силы, о которых смертные и предположить не могут. Он продлил свою жизнь так, что она продолжалась много больше, чем у обычных людей. Его пытливый взор достиг дна скрытых трещин луны, далеких миров, темных бездн, лежащих меж звездами. Однако, несмотря на знания и могущество, Зазаманк остался человеком из плоти и крови, и смерть все равно должна была когда-нибудь прийти за ним. А это было бы глупо. Зазаманк долго размышлял о приближающейся смерти и наконец придумал способ, с помощью которого смог бы обмануть саму смерть и прожить еще много веков... С помощью своего магического искусства он сконструировал кристалл очень прочного

вещества. Внутри этого кристалла он построил свою личную, неподвластную Времени, вселенную, куда не может явиться смерть. В созданной им волшебной стране он выстроил удивительный город, возведя его руками невидимых пленных духов. Там Зазаманк собирался править вечно, как король, бессмертный и всемогущий, вроде бога... Этот город он назвал Итомааром Вечным, потому что никто внутри его не может состариться или умереть. И в королевстве, где правит Зазаманк, живут пленные вроде тебя и меня (неосторожные путешественники, привлеченные тайной кристалла и его звуками), те, кто вошел в магические земли, а теперь не может их покинуть.

— Все это фантазии, дед! — прорычал Тонгор.

— Увы, сынок, это — горькая правда, — вежливо ответил Яллимидас. — Скажи мне: какой сейчас год во внешнем мире — в том мире, откуда ты пришел?

— Так. Дайте мне подумать. Этой зимой исполнилось шесть тысяч девятьсот девяносто девять лет королевствам, где правят люди, — ответил Тонгор. Последовавшая пауза была слишком долгой. Потом...

— Так долго... так долго, — прошептал человек без лица. — Ах, парень, я попал сюда весной, когда королевствам людей исполнился четыре тысячи девятьсот семьдесят один год... Две тысячи лет прожил я здесь, в этом проклятом раю, закрытом для Времени!

— Боги! Может ли такое быть правдой? — прошептал Тонгор.

Яллимидас вздохнул:

— Все это правда, парень. Здесь мы никогда не умираем. Я столетиями молил о смерти... но мы здесь недоступны смерти... и недоступны даже девятнадцати богам!

— Этот колдун, Зазаманк, — заговорил мальчик, — что он сделает... со мной?

Тусклое эхо страха прозвучало в ласковом голосе старика.

— Он будет... играть.

Глава 14

В тусклом мире, где днем не светило солнце, а ночью луна не лила на землю свой серебристый свет, чувство времени изменяло человеку. Тонгор вскоре убедился в этом на собственном опыте. Высокие и узкие стрельчатые окна были забраны прутьями странного, похожего на медь металла, который Яллимидас назвал «оричалком». Из этих окон лился тусклый опаловый свет. Тонгор подумал, что определит, сколько прошло времени, по движению световой дорожки странного цвета, протянувшейся от узкого стрельчатого окна... Но световая дорожка не двигалась. Свет не убывал.

Мальчик-варвар не смог бы сказать, сколько прошло времени, прежде чем пришли воины, чтобы отвести его к Чародею на... суд?

Яллимидас предупреждал, что Чародей Под Вуалью — гордый равнодушный бессмертный, правящий этим крошечным миром, относится к своим подданным как к игрушкам, рабам, непокорному скоту. Здесь, в этом мире, его искусство сделало его почти богом, и он мог играть игрушками-людьми как пожелает. Люди не могли умирать в его тусклом, неизменном мире, но они могли... страдать. По прихоти своей Чародей Под Вуалью трансформировал тела людей, превращая их в чудовищ. Некоторые стали ужасными, чудными гибридами. Люди с головами насекомых, женщины с цветочными лепестками вместо волос, крошечные карлики, тощие гиганты, существа без рук и без ног, извивавшиеся, словно змеи, с которых содрали кожу.

Яллимидас сам был придворным до тех пор, пока его повелитель сносил осторожные замечания торговца драгоценностями и прислушивался к его мудрым советам. А потом с помощью могущественного колдовства старик превратился в безликую тварь. Взгляд Тонгора затуманился от ярости, когда он понял, как обстоят дела в этом мире, и на затылке его волосы встали дыбом, словно шерсть дикого зверя джунглей. Мальчику-дикарю жестокость не была в новинку. Природа

и сама жестока. Люди — ее дети, и во многом они следуют по ее пути. Но мальчик знал лишь суровую жестокость дикого края, дарующую быструю смерть или кровавое безумие войны, где человек сражался против человека или против животных.

Такой же сорт жестокости — холодной, циничной — был нов для Тонгора. И он вызывал в сердце мальчика холод из-за невероятной смеси ужаса, отвращения и презрения. Мальчик удивлялся: какой человек мог так небрежно и беззаботно изуродовать другого человека, не сделавшего ему ничего плохого... А ведь Зазаманк был таким же человеком, как и его жертвы.

Иногда невинные люди страдали от рук забавляющихся, беззаботных богов. Но был ли Чародей Под Вуалью богом? Правда, он создал весь этот миниатюрный мир внутри драгоценного камня, а это было деяние, достойное бога.

И... волна дрожи от страха прошла по телу мальчика, когда он подумал: если Зазаманк — бог, то можно ли убить бога?

Воины, которые эскортировали мальчика-дикаря через удивительный дворец на встречу с Чародеем, сами по себе были любопытными существами. Оказавшись среди них, юный Тонгор стал рассматривать их, украдкой бросая любопытные взгляды.

Эти стражники ничуть не походили на воинов-птиц, что арестовали Тонгора за городом.

Лица их казались холодными, бледными и равнодушными. Они двигались механически, точно так же, как воины в фантастических птичьих костюмах. Больше всего они напоминали мертвецов, созданий некроманта, похожих на живые существа, но лишенных координации движений живых людей.

Еще раньше, в тюремном зале, старый Яллимидас рассказал Тонгору о зомби. Описывая их, он использовал любопытное слово «аваткуары» — живые мертвые. Странное, неприятное слово. У Тонгора по

телу бежали мурашки каждый раз, как он касался кого-нибудь из стражников — холодных и вялых, напоминавших раздувшиеся трупы.

Яллимидас, который в свое время больше года пробыл заключенным тюремного зала, после того как навлек на себя немилость повелителя, предупредил Тонгора, рассказав, что все, кто вошел в Драгоценность Между Семью Колоннами, — живы, но некоторые, попавшие в миниатюрный мир, погибли, разбившись при падении. Они-то и превратились в кадавров, ожив волшебным образом с помощью оккультного искусства. Вот так и получались аваткуары. Это была лишь догадка, и Тонгор, шагая рядом с живыми мертвецами, бросал на них откровенно любопытные взгляды.

Его конвоиры выглядели полностью высушенными и опустошенными, в них не было ни жизненного тепла, ни страсти. Тонгор с удивлением думал, а живы ли они на самом деле или превратились в автоматы из мертвой плоти, оживленные Чародеем с помощью сверхъестественных сил. Тем не менее они были великолепными образчиками людей — высокими, и крепко сложенными, и по-настоящему красивыми. Но они вышагивали, точно марионетки, и не смотрели по сторонам. Их бледные, строгие лица казались напряженными, а холодные глаза — пустыми.

Размышляя об этом, Тонгор едва замечал великолепные коридоры, залы и палаты, через которые проводили его конвоиры. У него осталось размытое впечатление о сверкающих гобеленах, бурлящих цветом и движением; о ярких статуэтках и статуях неземной грации со столь проработанными деталями, что создания из камня казались живыми; о мраморных стенах, увитых резьбой; о ширмах из тонких пластин слоновой кости; высоких колоннах и арках; сводчатых потолках, расписанных фресками со сверхъестественными, мистическими сюжетами.

Наконец конвоиры привели мальчика в огромный зал, где пол из черного мрамора был отполирован и сверкал, как гигантское зеркало.

Далеко наверху, теряясь среди тусклых теней, был купол невероятного размера. Он покоился на толстых колоннах из камня цвета морской волны, непривычного для Тонгора. Вдоль стен стояли воины, похожие на зомби. Они не двигались, словно выходцы из могил, безупречные в своей сверкающей броне.

Но на них Тонгор внимания не обратил.

Его привлекло то, что находилось в центре сумрачного зала. От этого зрелища он не смог отвести свой очарованный взгляд.

А в центре зала стояло высокое-высокое кресло, вырезанное из алого кристалла. Оно было в три раза выше роста взрослого человека.

И в этом кресле... сидел обычный человек.

Глава 15

Зазаманк оказался стройным высоким молодым человеком с сильными руками, длинными ногами и холодным, красивым лицом, по которому невозможно было определить его возраст.

Он был разряжен в сложные и фантастические разноцветные одежды: красновато-коричневые, канареечные, кроваво-красные, лавандовые, розовато-лиловые, утонченно-серые и темно-фиолетовые.

Его одеяние было не похоже ни на один из костюмов, что видел или о которых слышал Тонгор. Чулки плотно облегали длинные тонкие ноги волшебника. То ли туника, то ли камзол в сборках, складках и отворотах, согласно какому-то неизвестному фасону, выглядел великолепно. Рукава различной длины высовывались один из-под другого. Длинные перчатки были на его тонких, сильных руках, и странные кольца из металла, камня и цельных кристаллов сверкали и искрились, когда Чародей шевелил пальцами.

Капюшон мантии, отделанной странным пурпурным мехом, был наброшен на голову, но не закрывал лица колдуна.

Его лицо привлекло и удержало взгляд Тонгора. Оно было сверхъестественным, нечеловечески прекрасным. Высокий широкий белый лоб, выгнутые шелковисто-черные брови, длинный императорский нос, волевой, точеный подбородок, тонкие, но изысканной формы губы — вот каким он был.

В его чертах не существовало ни изъяна, ни недостатка. Ни одной морщины не пролегло через непорочный божественный лоб. Даже легкая тень эмоции не согрела холодное совершенство лица Чародея. Оно напоминало идеальную скульптуру: холодную, красивую, целомудренную, но нечеловеческую.

И только глаза на этом лице казались живыми.

Странные глаза... Черные и холодные, как замороженные чернила... Глубокие, бездонные ямы... Холодные, но горящие яростным, святотатственным пламенем...

Мальчик-дикарь почувствовал, что за этим загадочным взглядом скрывается огромный, равнодушный, не знающий границ разум человека, так далеко ушедшего от обычных людей, как, скажем, человек ушел от насекомых или извивающихся змей.

Стражники подвели Тонгора к высокому алому трону, и мальчик застыл, не поклонившись, в то время как черный, обжигающий взгляд колдуна скользил по нему с головы до ног. Осторожно, рассудительно, обдуманно изучал Тонгора Чародей Под Вуалью.

Когда же колдун заговорил, только тогда Тонгор понял, откуда взялось такое странное прозвище. От бровей до подбородка холодный, совершенный лик колдуна прикрывала прозрачная вуаль из какой-то легкой ткани, столь прозрачной, что ее почти и видно не было. Почему Чародей носил вуаль, которая ничего не закрывала, вуаль, сквозь которую все отлично было видно? Но эта загадка выглядела наименее существенной из тех тайн, с которыми Тонгор столкнулся, очутившись в крошечном мире магии, красоты и ужаса.

— Это — мальчик-дикарь. Без сомнения, он из северных земель. Я считаю, что он принадлежит расе мо-

гучих варваров, которые обитают в областях Лемурии, ныне захваченных зимой и превратившихся в тундру, — лениво протянул Чародей. Его голос был точно таким же, как и его лицо: холодным, совершенным, чистым, но лишенным тепла и интонаций. — Я сказал бы, что его племя... Нет, слишком давно это было.

Почему-то Тонгору показалось, что черные огни глаз волшебника скрывают в своих глубинах безмерную усталость, скуку, пришедшую с возрастом. Возможно, даже какую-то... пустоту?

— Он молод, силен и рожден отважными воинами, в этом я не сомневаюсь. Быть может, забавно будет убедиться в его силе... Отправьте его к управляющему ареной. Мы посмотрим, насколько удал этот юноша в День Опалового Тумана. Можете его увести...

С механическим совершенством стражи отдали салют своему повелителю и повели Тонгора из безмолвного зала.

За спиной у него Чародей Под Вуалью, высокий, прямо и надменно сидящий на троне, уставился в пустоту перед собой. Его холодное и прекрасное лицо попрежнему оставалось равнодушным.

Глава 16

Зазаманк стоял в своей магической лаборатории. У него над головой в искривленных стеклянных трубках клубились едкие пары. Густые раскаленные жидкости кипели в тигелях на сверхъестественном огне из мерцающих минералов. Пойманный в двухмерный ад между пластинами кварца, беззвучно кричал обезумевший призрак. Странным и ужасным было это место, где разом действовало множество заклятий. В воздухе стояла колдовская вонь. Тут можно было отыскать все основные запахи преисподней.

Квадратная каменная комната была странно освещена. Удивительные, похожие на призраков, едва светящиеся шары плавали в воздухе, словно мыльные

пузыри из света. Они были тут и там — ледянисто-синие, алые, ослепительно белые.

Их колеблющийся свет порождал черные тени, ползающие по неровным стенам, собирающиеся по темным углам, словно испуганные летучие мыши.

Большой шар серебристого металла породил образ странной твари. Огромное, насекомообразное существо с обнаженным, незащищенным, выступающим вверх мозгом и черными сверкающими фасетчатыми глазами сидело на корточках в зеленоватой пещере, где было множество похожих на стекло сталактитов и странных кристаллов, поблескивающих в мечущихся лучах света.

Это было одно из философов-насекомых, обитающих в мертвой коре луны. Иногда Зазаманк с помощью своего искусства призывал его оттуда.

Чародей разговаривал и с разумной белой губкой из зоны сумерек планеты Меркурий и с кристаллическим, но очень чувствительным разумным минералом, живущим на одной из лун Сатурна.

Сейчас же изображение насекомоподобной твари с обнаженным мозгом постепенно таяло. Наконец осталась лишь металлическая сфера. В этот раз Зазаманк решил заглянуть в будущее.

И вот появилось другое изображение. Изнемогающий от зноя сверкающий песок арены, где полуобнаженный мальчик боролся с огромным алым зверем. Зазаманк резко вздохнул, с беспокойством наблюдая за происходящим. Оружием мальчику служил изогнутый серп. Дикая черная грива волос, очерчивающая лицо юного гладиатора, трепетала каждый раз, когда он кричал. Его таинственные золотые глаза сверкали сквозь переплетение локонов нависших надо лбом волос.

Алая тварь взревела и яростно напала на проворного тощего мальчика. Могучие лапы твари были вооружены черными когтями, напоминавшими опасные бритвы. Наконец мальчик оказался в пределах досягаемости ужасных лап.

Зазаманк втянул воздух и задержал дыхание.

Описав опасный полукруг, серп сверкнул, поймав луч света. Не задерживаясь, прошел он сквозь раздутую шею ревущего алого зверя, который тотчас повалился, заливая кровью песок. Тонгор тоже остановился, тяжело дыша, но полный триумфа. Из многочисленных мелких ран на его теле сочилась кровь.

Зазаманк произнес проклятие и позволил изображению распасться на отдельные световые точки. Поверхность серебристой сферы стала ровной и тусклой.

Отвернувшись от волшебного зеркала, Чародей Под Вуалью пересек заставленную комнату. Он подошел к огромному письменному столу — кубу из серого потрескавшегося камня. На нем в беспорядке лежали развернутые рукописные свитки, придавленные по углам амулетами, талисманами, волшебными кольцами и инструментами, необходимыми в магическом искусстве.

Сдвинув в сторону два свитка поменьше, Чародей открыл большую и тяжелую книгу.

Этот том был творением особого, чуждого людям ремесла, неземного писательского искусства. Листы были вплетены между двумя корками очень прочного металла — редкого, синего, как сапфир, с вкраплениями хлопьев, светящихся золотом. Двойные пластины украшали сильно выпуклые рельефные изображения геометрически правильных иероглифов. А внутри листы выглядели еще более странно. Сделанные из эластичного прозрачного вещества, они казались стеклянистыми, кристаллическими, но гибкими.

Знаки на этих страницах были написаны то красно-оранжевым, то зелено-черным, то серебряным, то фиолетовым, то странным переливающимся цветом, который казался чем-то средним между оттенками гелиотропа и яшмы, но который не существовал ни на Земле, ни в спектре обычного света.

Удивительным способом эти магические знаки были вписаны внутрь гнущихся листов.

Зазаманк открыл тяжеловесный том и начал внимательно изучать колдовские знания.

Мальчик Тонгор должен умереть. И пусть смерть его будет ужасной и кровавой.

И... скоро!

Но как его убить?

Глава 17

Арена находилась на дальнем конце города Итомаара — обширный круглый амфитеатр, похожий на необычный кратер. Плененный дух выкопал в земле огромный котлован, по форме напоминающий котел. На его склонах, спускающихся вниз террасами, установили мраморные скамейки. Комнаты гладиаторов и клетки, где держали зверей, располагались в склепах под ареной. Туда неразговорчивые воины в птичьих масках и препроводили юного варвара Тонгора.

Они привели его к огромному толстому полуголому мужчине, который тренировался с одним из гладиаторов. Он побагровел от напряжения, его массивный торс сверкал от пота. Когда Тонгора привели к нему, незнакомец в первую очередь насухо вытерся полотенцем и опустошил невероятных размеров рог темного пива. Один из стражей в птичьем шлеме протянул ему тонкую табличку из слоновой кости. На ней изумрудными чернилами крючковатыми иероглифами, каких варвар никогда раньше не видел, были написаны краткие инструкции. Незнакомец быстро и тщательно изучил их, потом задумчиво, с любопытством посмотрел на Тонгора.

— Северянин? Высокий для своих лет и сложен словно молодой лев. Ладно, молокосос, не сомневаюсь, что твои сильные руки доставят немало удовольствия нашему повелителю в День Опалового Тумана! — Его голос был теплым и мягким.

А его большое красное, как кусок мяса, сверкающее от пота лицо со сломанным носом выглядело веселым и честным. У гиганта были светло-голубые глаза, и он находился в хорошем расположении духа. Тонгору этот

человек понравился, и юноша немного расслабился. Распорядитель игры кивнул ему, а потом хихикнул.

— Меня зовут Джотар Джорн, и я — распорядитель игр, стараюсь доставить удовольствие моему господину, — сказал он. — Ты зря боишься меня, львенок. Скажи-ка, как тебя звать.

— Я — Тонгор из валькаров, — ответил мальчик.

Распорядитель игр кивнул, быстро и внимательно взглянув на мальчика-варвара.

— Валькар. Я мог бы догадаться об этом по цвету твоих глаз. Племя Белого Медведя?

Тонгор ощетинился, и красный огонь вспыхнул в его странных золотистых глазах.

— Мы были людьми клана Черного Ястреба, а племя Белого Медведя было... нашим врагом, — с вызовом заявил он.

В глазах великана появилось искреннее дружеское любопытство.

— Ты что-то путаешь, парень. «Были... было...» Что ты имеешь в виду?

Голова Тонгора чуть поникла, а его широкие плечи опустились. Ровным, лишенным чувств голосом он сказал:

— Люди моего племени мертвы. Они пали в битве от рук псов Белого Медведя. Мой отец, мои братья...

Сочувствие — вещь редкая в этом примитивном веке — зажглось в маленьких синих глазках распорядителя.

— Все... все люди твоего племени были убиты во время войны с другим племенем? — спросил он низким подавленным голосом.

Тонгор гордо поднял голову и распрямил плечи.

— Все мертвы. Я — последний из Черных Ястребов, — холодно сказал он.

— Ладно... ладно... — Джотар Джорн громко прочистил горло и слегка встряхнулся. — Ты, наверное, голоден, — с участием сказал он. — Голоден достаточно для того, чтобы, скажем... съесть Белого Медведя?

Мальчик спокойно улыбнулся, потом рассмеялся. И они пошли обедать.

Джотар Джорн приказал мелкому прислужнику отвести варвара в общую комнату, где, сидя на длинных скамьях, обедали гладиаторы, и давать Тонгору добавки, пока он не наестся. Сочный, недожаренный, с кровью бифштекс, плавающий в дымящейся подливе, черствый черный хлеб, зрелые фрукты и кружка крепкого пива. Тонгор набросился на угощение, подумав о том, что если это и неволя, то после всего не такая уж плохая.

Глава 18

Прошло десять дней. Все это время Тонгор был сильно занят. Как новоприбывшего в Город в Драгоценном Камне, его все интересовало. Он держал уши и глаза открытыми. Мальчик-варвар вскоре узнал, что Джотар Джорн попал в магический кристалл всего двадцать лет назад. Раньше он был распорядителем игр на арене Тсаргола — прибрежного города далекого юга; он возглавил экспедицию в горы Моммара, отправившуюся наловить зверей для игр, которые должны были состояться во время празднования коронации Санджара Тхала — сарка Тсаргола. Джотар тоже заметил драгоценность на алтаре, когда, оставив загонщиков позади, убежал вперед, разгоряченный погоней за горным драконом. Его соблазнил кристалл...

Все гладиаторы, которых тренировал Джотар, родились в Итомааре и ничего не знали о внешнем мире, откуда явились Джотар и Тонгор. Однако мальчик быстро нашел свое место среди них, хотя не обошлось без оскорблений и синяков. Большая часть гладиаторов Итомаара Вечного были взрослыми людьми, и юнец, попавший к ним, выглядел лакомой мишенью для злых шуточек. Но молодой варвар отреагировал на грубость вовсе не так, как ожидали его приятели-гладиаторы.

Первым человеком, который попытался посмеяться над мальчиком, был большой здоровяк с холодным взглядом — признанный предводитель гладиаторов. Звали его Зед Комис. Все закончилось тем, что он очутился в углу со сломанной в трех местах челюстью и ртом, полным выбитых зубов, хоть он и был лет на десять старше Тонгора, на голову выше и весил больше фунтов на тридцать.

Три приятеля Зеда Комиса, собравшиеся посмотреть, как их предводитель немного позабавится с угрюмым мальчиком-чужеземцем, проворно набросились на Тонгора сзади, когда увидели, как тот разделался с их другом. В первые несколько секунд они обнаружили, что им и в самом деле придется бороться со львенком. Вандар — так звался черный, как агат, лев Лемурии, обитавший в заросших лесами землях, — был двенадцатью футами стальных сухожилий от когтистых лап до кончика хвоста и обладал сокрушительной силой. Так что Джотар Джорн дал Тонгору подходящее прозвище.

Для мальчика из северных земель война была образом жизни, и, несмотря на свои юные годы, паренек из валькаров хорошо знал кровавое искусство, так как, едва выбравшись из колыбели, сразу же взялся за меч. Северяне — те, к которым принадлежал Тонгор, — жили в бесплодной и враждебной к людям земле суровых зимних снегов, и жизнь их была нескончаемым сражением против хищников, едва ли менее свирепых, чем враги-люди и сама Природа, которая — севернее гор Моммара — жестоко и грубо обходилась со слабыми.

Так что для Тонгора умение сражаться было не игрой, а способностью, необходимой для выживания. На севере никто не нападал на воина понарошку, чтобы поиграть, только по-настоящему. Поэтому, когда подпевалы Зеда Комиса набросились на Тонгора сзади, мальчик стал сражаться с ними не играя, а с яростью, как если бы сражался за свою жизнь. Все они получили переломы, а одному из них, по-видимому, теперь суждено было хромать до конца дней своих.

Вот так Тонгор и занял свое место в подземельях Итомаара. Его достаточно уважали. После того случая гладиаторы общались с ним осторожно. Многие из них вскоре стали приветствовать мальчика как друга. Тонгор же не питал зла к четырем гладиаторам, которых побил, и был готов дружить и с ними, так же как с любым, кто с уважением относился к нему.

Мальчик окреп на хорошей пище. А кормили гладиаторов мясом, нарезанным на мелкие кусочки и плавающим в мясной подливке, вареными овощами и свежей выпечкой, поили хорошими крепкими винами. В этом меню последние два элемента были новыми для Тонгора. И после непродолжительного знакомства с винами, от которых Тонгора начинали подводить ноги, а голова на следующее утро пульсировала от тошнотворной боли, мальчик-варвар стал пить вино по меньшей мере с той же осторожностью, что и другие гладиаторы.

От Джотара Джорна он научился некоторым боевым приемам, которые практиковали цивилизованные люди. Воины клана Черного Ястреба обучили Тонгора пользоваться луком и стрелами, копьем и дротиками, боевым топором и, конечно, искусству владения огромным двуручным мечом. Свой меч Тонгор потерял, когда стражи в масках птиц пленили его. Тот меч был старым, древним, настоящим и долго служил роду Тонгора, переходя от отца к старшему сыну с незапамятных времен. Некоторые говорили, что огромный меч — он назывался Саркозан — некогда принадлежал самому Вальку Черному Ястребу — знаменитому герою народа Тонгора. Вальк из Немедисов считался одним из бессмертных героев, поднявшихся против Царей-Драконов в конце Тысячелетней войны. По мужской линии он был прямым потомком Фондата в двенадцатом поколении.

Меч этот века назад пил кровь Царей-Драконов, пожиная кровавую жатву на черных берегах Побережья ужасов Фирта. Возможно, сами девятнадцать богов благословили этот клинок, когда герои подняли Неме-

дисов в последнюю битву, ведь в «Летописях Лемурии» написано о том, что, когда было создано Первое Царство, боги ходили среди людей,

Тренировал мальчика-дикаря сам Джотар Джорн. Он научил Тонгора пользоваться таким «цивилизованным» оружием, как кинжал, рапира и меч с крюком на конце, сабля и ятаган. Но сильные руки валькара тосковали по рукояти любимого Саркозана. И наконец юноша возмутился.

— Но, парень! Мы в Итомааре не сражаемся широкими прямыми мечами... Посмотри, ты ведь сам можешь выбрать себе оружие, — возразил распорядитель игр.

Тонгор насупился.

— Они забрали мой меч. Я хочу вернуть его, — упрямо сказал он.

Что-то в напряженно сжатых губах и упрямом взгляде горящих глаз сказало Джотару Джорну, что спорить не стоит. Все же он попробовал возразить, попросил Тонгора быть умнее и даже пригрозил. Но после угроз и увещеваний Тонгор снова сказал:

— Они забрали мой меч. Я хочу вернуть его.

Наконец Джотар охрип и отступил. Кто знает? Может, варвар, вооруженный широким мечом, станет сенсацией игр? В конце концов будет что-то... новенькое.

— Отдайте ему меч, — распорядился Джотар и ушел.

Глава 19

Теперь, когда Саркозан вернулся к своему владельцу, Тонгор стал планировать бегство. У мальчика не было ни одной идеи о том, как выбраться отсюда, но он собирался вернуться в мир, который знал. Он был готов умереть за это. С его жаждой крови, его храбростью берсерка, яростью в схватке он напоминал огромных котов джунглей, и его нельзя было держать в клетке. А Итомаар был клеткой... Очень красивой,

но, без сомнения, клеткой. Тонгор смотрел на мир глазами дикарей своей легендарной земли, и то, что он видел здесь, ему не нравилось: ни деликатесы, ни разодетые хлыщи двора Чародея, которые приходили смотреть, как практикуются гладиаторы, потому что их приятно возбуждало зрелище настоящих мужчин, потеющих на поле брани, ни простой люд в городских лавках и на улицах — люди с равнодушными лицами, мертвыми глазами и сердцами, где нет надежды.

Подземелья не охранялись, потому что охранять их не нужно было. Они находились под землей, высеченные невидимыми руками в каменном основании города. Отсюда невозможно было выбраться. Большинство гладиаторов никогда и не пытались бежать, потому что жизнь, которую они вели здесь, была много лучше, чем то, что ждало их, если они сбегут. Тут можно было сражаться, не боясь смерти, и гордиться своей доблестью; тут хорошо кормили и поили, а изредка появлялись женщины, удовлетворяющие нужды гладиаторов. Но уже в свои семнадцать Тонгор отлично знал, что скорее умрет, чем станет жить в клетке.

Не много времени понадобилось ему, чтобы найти таинственную дверь в одной из стен. В центре двери — бронзовой плиты — был выбит какой-то иероглиф, значения которого Тонгор не знал. То, что дверь казалась незапертой, особенно заинтересовало Тонгора... По крайней мере, запоров на ней не было видно. Вскользь, не привлекая внимания, Тонгор, беседуя с гладиаторами, по крохам собирал сведения. Дверь располагалась на самом нижнем уровне подземелий, позади клеток со зверями. Наконец, напившись вина с Джотаром Джорном, которому Тонгор нравился, мальчик упомянул о двери. Отважный распорядитель игр нахмурился. Его улыбка растаяла.

— Ведь ты же не хочешь посмотреть, что спрятано за той дверью, парень? Никогда не приближайся к ней! — прорычал Джотар. Взгляд его протрезвел, и в нем читался страх.

— Я не понимаю, почему на ней нет замка? — спросил Тонгор. — Куда она ведет?

— В Башню Черепов, — ответил Джотар Джорн. А больше он ничего не сказал. Такое предупреждение ничего не значило для Тонгора. Мальчик понимал лишь то, что дверь ведет еще дальше под город, потому что на самом деле возле арены не было никакой башни. Побывав в городе, Тонгор знал, что не трудно будет в случае чего спрятаться в окружающих город лесах, потому что у Итомаара Вечного не было стен, а значит, и ворот со стражей.

И вот однажды ночью Тонгор решил попробовать открыть дверь. Он хорошенько поужинал за длинным столом алого лотиферового дерева вместе со своими товарищами гладиаторами. Но он не съел часть фруктов, мяса и хлеба, спрятав пищу в сумку. Тонгор соорудил ее из обрывков одежды и прятал под плащом. Когда его товарищи отправились в общую комнату, откуда слышались звуки лютни и где танцевали девушки, Тонгор задержался, а потом в одиночку спустился по винтовой каменной лестнице на уровень, где стояли клетки зверей и находилась таинственная дверь — неохраняемая и незапертая.

Тонгор открыл ее и обнаружил длинный узкий коридор со стенами и потолком из сырого камня. Мальчик вошел, и дверь мягко закрылась у него за спиной.

Молодой варвар отправился вперед, сжимая в руке обнаженный меч валькаров.

Глава 20

В обширной палате под Башней Черепов Зазаманк, Чародей Под Вуалью, сидел на троне, наслаждаясь собственной колдовской силой.

Трон этот стоял на возвышении, сложенном из девяти ярусов черного мрамора, и вырезан был из бивня мамонта. На широких ручках трона темнели символы, с помощью которых Чародей Под Вуалью вызывал де-

монов, джиннов и элементалей, исполнявших все его желания. Для этого часа волшебник одел Зеленую одежду заклинателя, а его правая рука покоилась на Ауфониксе — девятом знаке планеты Сатурн, который жители Лемурии в те века называли иным именем. Левая рука мага закрывала Зоюр — третий знак луны. Перед колдуном на табурете из агата лежали скрещенные мечи и жезл, который называли Имготом.

Амулеты висели на запястьях и горле колдуна. На цепочке над бровями, на лбу был подвешен талисман, который в гримуарах назывался Аразамуоном. В центре его сверкающими рунами из маленьких черных жемчужин было выложено Имя.

Лицо Зазаманка в этот день закрывала бледно-зеленая газовая ткань, через которую холодное, бледное и прекрасное лицо колдуна казалось маской из слоновой кости. Глаза колдуна сверкали замораживающей злобой.

На нижнем ярусе возвышения извивалась обнаженная шестнадцатилетняя рабыня, и под ней медленно расползалась кроваво-красная лужа. Рядом с телом умирающей лежал острый как бритва кинжал, которым всего несколько мгновений назад колдун вырезал сердце девушки. А само сердце — окровавленный кусок плоти, еще теплый и трепещущий, — Чародей бросил в огромную бронзовую чашу, украшенную любопытной гравировкой, внутри которой неторопливо поднимались красные языки пламени.

Прочно сидел на своем троне из слоновой кости Чародей Под Вуалью, взывавший к Алзарфу. И когда эхо его голоса, дрожа, затихло среди стропил высокой палаты, волшебник начал печальным, зловещим тоном произносить ужасные имена джинна, правящего Двадцатью восьмью замками на луне. Странными и необычными были эти имена. Многие из них никогда не произносили вслух губы человека. Их было трудно выговорить. Пока колдун в зеленой одежде говорил их одно за другим, красные языки пламени, вспыхивавшие и затухавшие в чаше, стали сначала тошнотворно жел-

тыми, а потом злобно зелеными — цвета гноя, разрушения и разложения.

От колдовского пламени кольцами стал подниматься к потолку густой маслянистый дым, тяжелый и черный, как сажа. От него исходила адская вонь.

— ...Загшиел!.. Малдрюим!.. Фонтон!.. Зиминар!

Имя за именем срывались с губ Чародея. Каждый раз, когда новое имя звенело в подземном зале, тошнотворные пары становились гуще, концентрированнее. Постепенно они начали приобретать форму, становиться материальными и превратились всверхъестественную, огромную фигуру, едва различимую на фоне темных стропил под потолком зала.

В три роста взрослого человека была эта тень и напоминала человека только тем, что стояла прямо, на двух ногах и имела голову. Странное создание было тощим, как мертвец, с серой сальной шкурой, морщинистой и покрытой бородавками, как у жабы.

Этот демон согласно гримоирам был известен как Ксаксус — Спрятанный глаз. Чародей Под Вуалью давно использовал его, связав ужасным и нерушимым договором.

Длинные тонкие руки демона заканчивались страшными клешнями, как у гигантского краба, а его голова выглядела столь ужасно, что невозможно описать. У чудовища был один глаз, спрятанный в глубокую выемку в плоти, окруженную тонкими щупальцами, сгибавшимися и скатывающимися самым отвратительным образом. Из-за этого органа демон и получил свое имя.

— Мальчик появился, — начал Зазаманк, когда демон обрел форму. — Но я не могу согласиться с твоим советом. Мальчик ничего не знает обо мне. Он — грубый необученный дикарь. Я хочу снова прочесть будущее, увидеть, о нем ли предупреждали меня, от него ли мне ждать ужасной погибели.

Демон посмотрел на колдуна. Щупальца собрались в ужасной глазной впадине с единственным глазом. Потом огромное чудовище заговорило голосом более

низким, чем мог бы говорить любой из людей, но до странного равнодушным и глухим. Он издавал звуки щупальцами, не похожими на рот, но это ничуть не беспокоило Зазаманка, знавшего, что таким, как Ксаксус, не требуется органов речи, потому что они и так могут вызвать необходимые колебания воздуха или заставить свои мысли звучать прямо в голове тех, с кем им приходится беседовать.

— Я предупреждал, чтобы ты не имел дела с этим человеком, — сказал демон. — Я предсказывал, что приближается тот, кто станет причиной твоей смерти, уничтожив тебя в битве. Ты поступишь мудро, если выставишь его за пределы вселенной, которой правишь.

Задумавшись, Зазаманк замер. Казалось, он не слышал слов демона.

— Ты можешь видеть будущее дальше, чем я, — наконец заговорил он. — В моем волшебном зеркале я видел, как мальчик-дикарь сражался на арене против чудовищных гибридов. Он столь доблестный воин, что может одержать победу в любой битве, если есть хорошее оружие и хоть какой-то шанс на победу. Но можно легко убить его...

Демон покачал своей ужасной головой. Привычный жест выглядел устрашающим из-за нечеловечности этого существа.

— Только малую часть будущего могу предсказать я с большой степенью уверенности, но одно я точно могу сказать: жизнь этого юноши связана с твоей жизнью. Если ты убьешь его, или прикажешь убить, или нашлешь на него смертельную опасность, ты вскоре и сам погибнешь.

Неприкрытый страх засветился в холодных, непроницаемых глазах Чародея Под Вуалью. Смерть была единственной вещью во всех мирах и вселенных, которой колдун боялся, потому что он слишком хорошо знал, что случится с его душой после смерти, и, всякий раз думая об этом, содрогался. Его руки в перчатках сжались на ручках трона.

— Почему ты отказываешься поподробнее рассказать о моем будущем? — спросил он тонким раздраженным голосом. — Ты обязан служить мне, согласно договору...

— Я не отказываюсь. Но я не способен выполнить твою просьбу, — сказал демон. — Ты капризен, но ты — человек, несмотря на всю твою магию, и истинная природа времени останется спрятанной от тебя. Тайной его владеют только повелители Света и... я сам. Знай, что время — лабиринт из многих тысяч пересекающихся дорожек. Каждый новый шаг ставит тебя перед выбором, на какую тропинку свернуть дальше. Можно высчитать, какую тропинку ты выберешь, но, продумывая все твои решения, оказываешься в лабиринте с возможностями выбора, нарастающими в геометрической прогрессии. Из-за этого, предсказывая будущее, оказываешься перед бесконечным множеством всевозможных вариантов и выбираешь один из них.

— Тогда прочитай, что можешь, из моего будущего, — приказал Зазаманк.

Ксаксус подчинился.

— Каждому смертному грозят семь смертельных опасностей, назначенных таинственной судьбой. Первую, вторую, третью он может избежать. Некоторые люди избегают все семь. Юноша, который так глупо был втянут в твое королевство, — одна из смертельных опасностей, приготовленных для тебя, Зазаманк.

— Тогда я должен первым убить его! И тогда исчезнет угроза, нависшая надо мной...

Глаз демона, окруженный щупальцами, уставился на колдуна, щупальца в глазнице зашевелились.

— Смерть никогда не входила в твою вселенную, — равнодушно заговорил Ксаксус. — Гладиаторы, искалеченные на арене, рано или поздно выздоравливают. Их изуродованная плоть заживает. Даже эта девочка, чье сердце ты бросил в огонь, рано или поздно снова оживет. Убив мальчишку, ты впустишь смерть в свое королевство... а когда смерть войдет сюда, ее уже будет не выгнать. Поостерегись, Зазаманк, и хорошенько

охраняй свои покои. Слишком долго избегал ты руки разрушительницы всего, и первым, кого она станет искать, если ты ее впустишь, окажешься ты сам...

С этими словами демон начал распадаться и таять. Зазаманк напряженно замер, глядя прямо перед собой. Его лицо оставалось маской равнодушия. Но в глазах появилась тень страха. Он знал, что маг может защитить свою жизнь тысячей способов, но сила, которой правит Создатель, могла отыскать лазейку в самой прочной защите. И еще Зазаманк знал, что для существ из плоти и крови существуют запреты, первым из которых является вечная жизнь. Хотя Чародей продлевал свою жизнь с помощью тайн колдовской науки, он никогда не смог бы обрести бессмертие. Настоящее противоречие: чем дольше он жил, тем больше хотел жить.

А теперь Зазаманк боялся — впервые за бессчетные годы свой жизни.

Глава 21

Тайный проход казался бесконечным. Пробираясь по нему, Тонгор сжимал в руке Саркозан, ожидая нападения в любой момент, но никто не нападал на него. Без сомнения, Чародей Под Вуалью пользовался этим туннелем, когда ему нужно было прогуляться к клеткам с животными, где множество чудовищ-гибридов ожидало своей очереди выйти на песчаную арену. Туннель не запирался и не охранялся по одной простой причине: никто из гладиаторов не посмел бы потревожить уединение Зазаманка и вызвать его гнев. Но Тонгор посмел!

Наконец он подошел к концу туннеля и обнаружил сдвижную панель, ведущую в огромный зал — тот самый, где держали Тонгора, когда он только попал в Город в Драгоценном Камне. Этот большой зал, очевидно, находился в Башне Черепов.

Мальчик стоял, вглядываясь в тени. Огромный меч был в его руке. Если Тонгор смог бы выбраться отсюда,

то он незамеченным выскользнул бы из города, потому что Итомаар не имел ни ворот, ни стен, и все бульвары выходили на зеленые поля и опушки густых лесов. А где-то за ними находился край этого мира — узкий полукруглый горизоит сверкающего пара, — край этой вселенной.

Если же Тонгор достигнет края мира непойманным... Что тогда? Как найдет он путь назад, на просторы Лемурии, сквозь грани волшебного кристалла? Мальчик тряхнул плечами. Рычание вырвалось из глубин его груди. Воин племени Черного Ястреба не мог одновременно решать более одной проблемы. Он найдет или прорубит себе дорогу к границе этого хитрого мира, а уже потом будет беспокоиться, как преодолеть ее.

Неожиданно Тонгор понял, что в зале он не один. Он ощутил это неким шестым чувством, точно так, как чувствуют приближение опасности обитатели джунглей. Мальчик встал в боевую стойку. Широкий меч сверкнул в его руке... и Тонгор уставился на холодный, нечеловеческий лик Чародея Под Вуалью.

Зазаманк бесшумно материализовался из воздуха, когда почувствовал, что дикарь знает о его присутствии. В правой руке волшебник держал жезл черного дерева, украшенный искривленными рунами и покрытый с обоих концов черным металлом. Тонгор не знал такого оружия. Это была волшебная палочка, которую называли Базлимот — Сжигающий Жезл. Внутри нее дремали молнии.

— Ты, мальчик, заблудился и ушел из подземелья, — проговорил Чародей холодным, отстраненным голосом. Тонгор ничего не ответил, но его странные золотистые глаза под спутанными локонами засверкали. Привстав на цыпочки, мальчик-варвар покачивался, готовый в любой момент кинуться в бой.

Чародей медленно вытянул черную палочку, пока ее кончик не уперся в грудь Тонгора. Хитрый Чародей кипел от множества вопросов, на которые не находил ответов... Солгал ли ему демон? Как может убийство

мальчика-дикаря навлечь смерть на него самого? На самом деле смерть никогда не входила в его мир, но что из того? Он может испепелить мальчика... И как это может повредить ему? С его холодных губ готово было сорваться Слово. Неожиданно жезл в его руке завибрировал от переполнившей его силы. Волшебное оружие задрожало в руке колдуна, словно ожив и желая кого-нибудь убить.

Но тут кто-то отвел в сторону руку волшебника. Удивившись и разозлившись, Зазаманк повернулся и обнаружил, что рядом с ним стоит безликий Яллимидас. В безумном желании сжечь варвара, Чародей Под Вуалью забыл, что по его же собственному приказу его прежний советник был заключен в этом зале. Волшебник стряхнул руку Яллимидаса. Совершенный лик Чародея Под Вуалью исказился от ярости. Старик отступил и оказался между разъяренным Зазаманком и молодым валькаром.

— Зазаманк, твой конец близок, — сказал старик. — Твое время вышло. Не убивай этого ребенка. Дай ему вернуться во внешний мир, откуда он пришел. Сделай так — и, быть может, ты останешься жив.

— Ты посмел прикоснуться к своему повелителю? — закричал Зазаманк, дрожа от гнева. — В сторону, дурак, или из-за своей глупости ты умрешь вместе с мальчишкой!

— Я не боюсь смерти, потому что конец существования закончит мои муки, — спокойно сказал старик. — Это ты ее боишься и очень хорошо знаешь, что ждет твою душу после смерти.

Зазаманк вздрогнул от этих слов, потому что никогда не подозревал, что его советник знает, какой договор был заключен между ним и Ксаксусом. Демон поклялся служить Чародею, пока тот жив, но после смерти дух колдуна станет служить Ксаксусу... Зазаманк очень хорошо знал, какие ужасы ожидают его по ту сторону могилы. Он задрожал. Его лицо мертвенно побледнело, и неожиданно проступили морщины

и усталость, словно его сверхъестественная молодость разом увяла.

— Тогда, червь, умри! — фыркнул он, поднял жезл и освободил дремлющее в нем пламя.

Глава 22

Заполненный тенями зал неожиданно осветила слепящая вспышка сверхъестественной яркости. Раскаты грома потрясли крышу купола, и эхо вторило им. Пронзенный молнией, человек без лица согнулся и упал. Одежды его почернели, а на груди выгорели, открыв ужасную рану.

Больше старый Яллимидас не сказал ни слова. Его голова свесилась набок так, словно жизнь полностью покинула его изуродованное тело. От страха волосы на затылке Тонгора встали дыбом. Моргая, он отогнал цветовые пятна и с удивлением увидел, что в момент смерти маска плоти сползла, съежилась и открыла черты старика. Усталым и морщинистым оказалось благородное лицо старика, но умиротворенным.

Зазаманк отступил, увидев это. Его чары оказались разрушены. Холодная рука сжала сердце волшебника, и наконец мрачное предчувствие смерти, которой он так долго избегал, обрушилось на него. Он широко развел руки. Лицо его исказилось, превратившись в маску неприкрытого страха.

— Нет!.. — закричал он пронзительно, словно женщина.

И в этот момент Тонгор ударил.

Мальчик прыгнул вперед через обугленный труп Яллимидаса, издав дикий боевой крик. Огромный меч сверкнул, когда Тонгор занес его высоко над головой и со свистом обрушил вниз на отпрянувшего, согнувшегося Чародея.

Зазаманк зашатался и упал на колени. Кровь потекла у него по лицу. Черная палочка выпала из его пальцев и покатилась по каменному полу.

Чародей покачался, стоя на коленях, слепо глядя в угрюмое лицо полуголого мальчишки, которое неясно вырисовывалось над ним, словно лик духа мести. Дрожащими пальцами Зазаманк зажал свою рану, чувствуя ужас от вида собственной крови. Изумленный волшебник едва ли мог понять, что случилось. Тысячи заклятий делали его невосприимчивым к смерти, неуязвимым для убийц. Клинок должен был отскочить от его плоти, защищенной заклятиями, оставив его невредимым.

Потом волшебник увидел огромный иероглиф, вытравленный кислотой на клинке могущественного меча, и понял, тот означает... понял, что руки смертного не могли начертать этот волшебный знак на стали клинка Тонгора.

— Ай-й-й, — простонал он, качая головой из стороны в сторону, в то время как жизнь вместе с кровью вытекала из его тела капля за каплей. — Ай-й-й... Это — Саркозан... Саркозан... Саркозан — моя погибель...

Снова Тонгор поднял широкий меч над головой и, со свистом разрезая воздух, обрушил его на колдуна. Затрещали кости, брызнула кровь. Срубленная с плеч голова Чародея, словно перезрелый фрукт, шлепнулась на пол. Безголовый труп повалился вперед в расползающуюся красную лужу.

Тонгор угрюмо поджал губы. Его лицо побелело. Его горящие глаза округлились, потому что он не верил тому, что видел.

Даже глядя на отрубленную голову, он... дрожал. Плоть колдуна съежилась... высохла... потрескалась и стала осыпаться, обнажая кости, которые за несколько мгновений потемнели. Череп, лишенный плоти, усмехался Тонгору с окровавленного пола. На глазах у ошеломленного мальчика тонкие кости стали терять форму, ссыхаться, крошиться. Череп развалился. Отделившаяся челюсть с клацаньем упала на пол. Через несколько мгновений от колдуна не осталось ничего, кроме нескольких высохших костей и сухой пыли... Выглядели эти останки так, словно Зазаманк, умирая, за мгновение состарился, обратившись в прах.

Все получилось, как и иредупреждал демон. Зазаманк впустил смерть, и она наконец забрала давно просроченный долг...

А Итомаар стал свободным.

Тонгор стоял на краю мира, где без конца бурлили сверкающие туманы. Они двигались так, словно обладали собственной жизнью.

— Разве ты не вернешься со мной в реальный мир, Джотар Джорн? — спросил мальчик. Стоявший рядом с ним дородный распорядитель игр механически потер свою мясистую челюсть.

— Не знаю, львенок, — усмехнулся он. — С тех пор, как Чародей ушел, это — чудесный и достаточно уютный мир. Да и все мои прежние друзья в Тсарголе уже умерли или изменились за эти годы так, что для них я буду чужестранцем. Так что останусь-ка я здесь. Кто-то же должен следить за тем, что здесь происходит, следить за порядком и править теми, кто не захотел возвращаться во внешний мир... так будет лучше для меня и моих парней.

— Как ты думаешь, многие останутся? — спросил юноша.

Гигант пожал плечами и усмехнулся:

— Некоторые. Многие уйдут, чтобы найти свое место в большом мире, но часть останется, потому что они родились здесь и здесь их дом. Это чудесное место. Нам теперь не надо больше бояться злой магии. А как ты, парнишка? Вернешься в холодные северные земли?

Тонгор посмотрел на клубящийся туман. Его суровое бронзовое лицо ничего не выражало.

— На севере у меня никого не осталось. Те, кого я любил, погибли... все... все они умерли. Я отправлюсь по ущелью в южные земли, поищу удачу в блистательных городах юга. Определенно там найдется местечко для человека, умеющего орудовать мечом и не боящегося стать лицом к лицу со смертью...

Джотар Джорн задумчиво посмотрел на высокого юношу:

— Тогда иди, лев... Теперь ты уже не молокосос, а настоящий лев! И... может, в конце концов ты найдешь то, что ищешь!

Тонгор хлопнул распорядителя игр по плечу, отвернулся и шагнул в клубящийся туман, пустился в путь сквозь магический кристалл во внешний мир, чтобы отправиться в джунгли юга на поиски новых приключений.

КНИГА ПЕРВАЯ

ТОНГОР ВЕЛИКИЙ И ЧЕРНЫЕ ДРУИДЫ ЗААРА

...И так разбил Тонгор-варвар и изгнал из своих земель жестоких, мерзких, поклонявшихся демонам друидов, уже долго старавшихся захватить девять городов Запада. Но через несколько лет на юные дерзкие города Запада упала зловещая тень колдовского Заара, лежащего в самом далеком уголке земли. На черном алтаре Хаоса девять колдунов Заара поклялись отомстить царю-воину Патанги, который уничтожил их братьев на Западе. Они поклялись ужасной клятвой, что кара, которая должна постичь Тонгора, будет такой чудовищной, что память о ней вечно станет преследовать все будущие поколения.

Летописи Лемурии

Однажды безлунною ночью, когда Тонгор крепко спал,
Душа его вдруг оказалась на гребне одной из скал.
Яростно волны бились о вековой гранит...
Никто никогда не узнает, где эта земля лежит.
Герою явились боги и рассказали о том,
Что миру несет угрозу Заар своим черным крылом;
Но есть у мира надежда, и Тонгор должен найти
В великой книге Шайраты способ народы спасти.

Сага о Тонгоре, XVII, 1, 2

Глава 1
ТАЙНАЯ СОКРОВИЩНИЦА

А книга великого мага запрятана так глубоко,
Что даже отважным и смелым ее отыскать нелегко —
Под стенами древнего храма в пыли подземелий пустых
Скрывает она свои тайны от глаз ненасытных людских.

Сага о Тонгоре, XVII, 3

Ночь висела, словно занавес, над каменным, окруженным стеной городом, стоящим в устье Рек Близнецов. Покрывало темных облаков спрятало огромную золотую луну Лемурии и скрывало от взора звезды. Ничто не двигалось на улицах Патанги, Города Огня, кроме поющего ночного ветра. Иногда отряд стражников проходил по улицам к городским воротам сменить караул. Но над городом беззвучно кружили патрули — блестящие летающие корабли Воздушной гвардии.

Они летали над главной площадью, лежащей в центре города, над куполом огромного храма девятнадцати богов и над великолепной Торианской дорогой — широким проспектом, уходящим через весь город от центральной площади к суровым бастионам Западных ворот. Воздушные суда несли круглосуточную вахту, поскольку Патанга являлась сердцем огромной империи, сарконатом пяти городов. И хотя ее черно-золотые знамена развевались почти над всеми городами, лежащими на берегу залива и вдоль бурного берега Яхензеб-Чуна, Южного моря, много хитрых и жестоких врагов

с завистью следили за молодой империей и стремились втоптать в грязь ее знамена.

Но сегодня завистники спали. Летняя ночь была тихой, и Патанга мирно отдыхала, окруженная могучими стенами.

Лишь один человек не спал...

Кто-то бесшумно пробирался по темному залу храма девятнадцати богов. В храме царил мрак, если не считать вечных огней, горящих перед верховным алтарем и перед гигантскими каменными статуями.

Человек по каменным ступеням спустился к основанию алтаря, протянул руку и коснулся потайной кнопки, спрятанной среди узора символов, вырезанного на бледном мраморе. Послышался шорох — и открылся темный ход!

Высокий человек спустился по винтовой лестнице. Она привела его в темную пещеру, о существовании которой знали лишь немногие.

Человек вошел в Грот Пламени.

Перед ним открылась гигантская пещера. Стены из древнего камня образовывали высокий свод, с которого свисали сталактиты — толстые пики из перламутрового камня, размером с клыки Барумфара, легендарного отца всех драконов. От пола пещеры навстречу этим пикам поднимались стеклянистые сталагмиты с округлыми верхушками, созданные известковой водой, бесчисленные века просачивающейся через грунт. Жуткое, захватывающее дух первобытное великолепие!

Но самым необычным было пламя.

В центре пещеры, в полу, находился глубокий, окруженный низким бортиком колодец, напоминающий фантастический кратер. Из его черного жерла вырывался громадный сноп изумрудно-зеленого пламени. Таинственный свет мерцал на стеклянных стволах леса сталагмитов и сталактитов... Загадочным был этот изумрудный вечный огонь! Никто из живущих не знал его секрета. Желтые друиды Ямата, бога огня, окружили огненный колодец всевозможными мифами. «Вечно сияющий» — называли они его, или «Негасимое пламя».

Вероятно, это была струя неизвестного газа, поднимающегося из неведомого сердца Лемурийского континента — из недр планеты. Пламя горело здесь с незапамятных времен. Шайрата, ушедший из жизни великий колдун Лемурии, предположил однажды, что газ выходит из неведомого людям мира вулканического огня, бушующего глубоко под основанием материка. Это мир лабиринтов и пещер, где, находясь в неустойчивом равновесии, борются силы огня, пока сдерживаемые, но которым в необозримом будущем суждено вырваться на свободу и чья ярость встряхнет всю Лемурию и утопит ее в водах Тихого океана... Ничего не останется от былой славы и великолепия первых храбрых царств человечества, кроме обрывков легенд и имени... Лемурия, затонувший континент, колыбель человечества.

Тонгор мрачно глядел на пламя. Именно он, повелитель пяти городов, спустился по тайной лестнице сюда в подземелье, следуя указаниям, что оставил ему несколько лет назад старый волшебник Шайрата. Это он, сарк сарков, император, не спал в эту ночь.

Северянин Тонгор, могучий бронзовый лев, с мускулами будто у языческого бога, с телом, укрытым лишь алой набедренной повязкой и кожаными ремнями с пряжками — одеждой лемурийского воина, был повелителем Патанги. К ремням, которые он носил, при помощи бронзовых колец крепились ножны кинжала и огромного меча валькаров, с которым Тонгор не расставался

Суровое величественное лицо валькара обрамляла густая грива черных волос, струившаяся по могучей спине и массивным плечам. Она была перехвачена золотым обручем с граненными опалами из горных рудников в горах Моммара. К широкому кожаному воротнику, охватывающему сильную шею, застежками из дымчатого топаза крепился широкий алый плащ. На пальцах и жилистых запястьях сверкали перстни и браслеты. Северянин, сжав губы, бесстрастно взирал на пляшущее пламя.

Но Тонгор явился в эту тайную пещеру не для того, чтобы посоветоваться с древним оракулом Пламени. Северянин прошел через пещеру к дальней стене. Его шаги эхом разносились по небольшому помещению, а алый плащ надувался у него за спиной, будто крылья фантастической птицы.

Тонгору не давал покоя страх. Он заставил валькара подняться с постели, где он отдыхал со спящей княжной, и погнал в таинственную ночь. Сердце северянина сжигал страх за свой народ, страх перед тем, что может ожидать его царство в будущем.

Тонгор был варваром, единственным оставшимся в живых представителем первобытного племени, клана Черного Ястреба, валькаров, чьи сложенные из камня укрепления до сих пор взирали на холодную пену Жаранга Тетрайбаала, Великого северного океана. Тонгор пришел с сурового и дикого Севера, пересек горы Моммара и спустился к пышным, поросшим джунглями холмам, где молодые города вздымали к утреннему небу свои башни... Валькар пришел на Юг, туда, где жили юные народы и правили пороки, туда, где сталкивались амбиции сарков и жадность друидов.

Молодой великан, обладавший неиссякаемой энергией и военным мастерством, с колыбели владевший мечом, буянил и пировал, дрался и гулял, хвастался подвигами и побывал в половине городов Юга. Тонгор был вором и наемным убийцей, бандитом и бродягой. Рабом на галерах в Шембисе, он потел под безжалостной плеткой надсмотрщиков. Потом, став предводителем пиратов, валькар грабил города по берегу Патангского залива. Позднее, благодаря дружбе молодого воина по имени Элд Тармис, ему удалось стать наемником, и он воевал под красно-черным знаменем Турдиса.

В те безумные годы, наполненные дерзкими подвигами, Тонгор не задумывался о том, что принесет с собой следующий день. И не было у Тонгора никаких желаний, которые не могли бы утолить чаша красного вина, податливые алые губки или острый меч.

Но мудрые боги древней Лемурии, или судьба, которой, как говорят некоторые, подвластны даже сами боги, уготовили необычное будущее этому косматому варвару северных равнин. Вначале он ступил на тропу, которая привела его почти через пол-Лемурии к Внутреннему морю Неол-Шендис, где вместе с могучим колдуном Шайратой он, используя как оружие божественную молнию, бился против остатков рептилий, Царей-Драконов, которые до появления людей долгие века правили миром. Во время этого фантастического приключения, память о котором, дошедшая до нас в сагах и легендах, пережила сам континент, Тонгор познакомился с прекрасной девушкой, которой суждено было стать его супругой, — с Сумией, изгнанной царицей Патанги, Города Огня.

Тонгору, благодаря храбрости и военному искусству, удалось разбить врагов Сумии, победить желтых друидов и изгнать их из Патанги, освободить Город Огня и вернуть Сумии ее трон. Тонгор же занял место рядом с ней, как сарк или царь земель Патанги.

Но вместе с царским титулом Тонгор принял на себя множество забот. Патангу со всех сторон окружали сильные враги. Другие города, Тсаргол на юге и воинственный Турдис, расположенный на другой стороне залива, выступили против варвара-завоевателя. Много раз после того, как старый и мудрый Эодрим, Иерарх храма девятнадцати богов, обвенчал Тонгора и царицу перед алтарем Отца Горма, звучали трубы, и царь Патанги выводил свои легионы на поле боя. Город Дракона пал перед ним, как и Шембис, лежащий на берегу, и Тсаргол, возвышающийся на берегу моря, на юге. Таким образом северянин создал могучую империю, посадив на троны завоеванных городов своих самых лучших друзей.

Но Патанге по-прежнему грозила опасность... На этот раз она надвигалась с востока, из самого дальнего уголка Лемурии, оттуда, где поднимались угрюмые стены Заара, города черных колдунов.

Пять лет прошло с тех пор, как Тонгор столкнулся с одним из магистров Черного города, с Адаманкусом Заарским. Воин уничтожил злого мага при помощи его же собственного демона и спас царицу, отняв ее у колдуна. Башню колдуна пожрал колдовской огонь. Тонгор вернулся назад в Патангу и скоро позабыл о Черном городе, занявшись делами Зангабала, ставшего пятым городом империи, и тысячей других государственных дел.

Но в эту темную безлунную летнюю ночь, когда Тонгор спал рядом со своей царицей, он услышал во сне зловещее имя — Заар...

Валькар нахмурился, вспомнив об этом. Тонгору снилось, что он поднялся сквозь туманы сна и оказался на вершине огромной горы. Небо над ним сияло миллионами звезд. А вокруг вершины, так, как стоят вокруг стола его друзья во время совета, застыли полупрозрачные огромные фигуры богов, увенчанные ослепительными звездами! Тонгор замер в благоговейном трепете, голый и одинокий на обдуваемой ветрами вершине. Со всех сторон были обращены к нему суровые туманные лики девятнадцати богов. Тут были и Отец Горм, повелитель неба, с косматыми бровями, развевающейся бородой и яростным орлиным взором; старый Пнот, бог звездной мудрости, прижимающий к груди Книгу миллионолетий; улыбающаяся Тиандра, богиня удачи; Аслак, кузнец богов; сияющий Аэдир, бог солнца, и его супруга Иллана, богиня луны, и другие, — и девятнадцать богов сказали ему:

— Тонгор, берегись Черного города, чей Глаз следит за твоим царством и за тобой... Подумай над мудрыми словами Шайраты Великого, который, как ты знаешь, обитает сейчас в наших звездных чертогах, и над предостережениями, которые он записал в Книгу Мудрости, что оставил тебе... Возвращайся на Восток, туда, где сможешь найти волшебные кристаллы. В них — залог будущей безопасности Патанги. Берегись, Тонгор, ибо на Востоке поднимается буря, и все земли Запада может накрыть ее тень. И если ты не обуздаешь небесные молнии, падут города Запада...

Тонгору снилось, что он протянул руку к огромному величественному лику Отца Горма и проговорил:

— Отец богов, я готов исполнить то, что может смертный. Я готов защитить мир от Темных сил... Я не боюсь опасности, поскольку мы с ней давние друзья! Но скажи! Объясни, что это за нависшая угроза, окажи помощь в борьбе против врагов богов и людей!

И бог ему отвечал:

— Знай, о Тонгор, что боги принадлежат более высокой сфере, чем мнр людей, и мы ничего не можем делать в твоем мире согласно Законам, которые правят даже нами, ибо твои боги лишь слуги неизвестных тебе Высших богов! Мы действуем только через людей. В снах и видениях приходим мы к таким людям, как ты, тем, от кого зависит судьба мира... И то лишь в мгновения величайшей опасности для вселенной позволено нам дарить людям знамения и символы... Прислушайся же к нашим предупреждениям, Тонгор, и берегись!

Клубы тумана вдруг поглотили лица богов. Облака скрыли их, а потом унеслись прочь, оставив чистое небо, в котором завывал ветер. Неожиданно вершина горы исчезла, и Тонгор начал падать сквозь клубы тумана... все ниже и ниже... Тут валькар вскочил, потрясенный благоговейным ужасом. Он услышал, как за окном стража прокричала третий час ночи...

Тогда валькар поднялся с постели и прокрался сюда, в неизвестный мир пещер под огромным городом. Поскольку здесь, в только одному ему известном месте, хранилось волшебное сокровище Патанги. И вот Тонгор оказался перед потайной дверью сокровищницы!

Северянин вытянул руку, надавил на грубую каменную стену в нужном месте, и каменная плита опустилась вниз, открыв вход.

Перед Тонгором была вырубленная в камне комната, пустая, если не считать грандиозного куба из черного полированного мрамора. На его блестящей поверхности лежал золотой браслет с загадочным камнем, редким хандралом с крапинками янтарного цвета.

Рядом покоилась гигантская книга, размером в полчеловеческого роста. Это был гримуар Шайраты Великого, где маг огненными чернилами на тонких листах металлической фольги запечатлел плоды своей мудрости. Этот огромный удивительный том имел переплет из зеленой чешуйчатой кожи дракона и запирался семью стальными замками. За черным мраморным кубом, прикрепленный к стене железными скобами, сверкал легендарный меч — тот самый меч богов, который Тонгор держал в руках семь лет назад, когда судьба привела его к черной цитадели Царей-Драконов.

Никогда больше не возьмет в руки Тонгор заколдованный клинок, но тот, кто придет после него, поднимет этот меч, когда настанут последние дни Лемурии, и использует чудовищные силы меча мечей против Хаоса и Вечной ночи...

Вынув связку ключей из сумки у пояса, Тонгор отпер один за другим семь замков. Затем он склонился над огромным гримуаром и, медленно переворачивая блестящие страницы, стал читать наставления Шайраты.

Долго размышлял он над словами старого колдуна. Восток уже окрасился алым, когда валькар вышел из камеры, снова запечатал тайную сокровищницу и стал подниматься по винтовой лестнице.

Глава 2
ПРИРУЧИТЬ МОЛНИЮ

В той книге — пророчество мага о том, что восстанет Заар
В безмерном коварстве и злобе, в могуществе черных чар;
О том, что в борьбе с ним поможет подобный звезде красотой
Магический синий камень, что молнией бьет, как стрелой.

Сага о Тонгоре, XVII, 4

К северу от центральной площади Патанги недалеко от Речных ворот находилась небольшая площадь, называвшаяся Форум Нумидона. Там возвышалось здание из желтого камня с красной черепичной крышей,

дом Иотондуса Катоольского, молодого философа и естествоиспытателя. И туда направился утром царь Тонгор в сопровождении знати...

Долго размышлял валькар над словами книги, прежде чем вернуться в царский дворец, чтобы позавтракать вместе с супругой Сумией и юным царевичем Тартом, их шестилетним сыном. После северянин отправился посоветоваться с молодым мудрецом. Прошлой ночью во сне или в видении боги говорили о «волшебных кристаллах». Тонгор вспомнил о том времени, пять лет назад, когда он во время одного из невероятных приключений оказался на равнинах рмоахалов далеко на Востоке. Он вспомнил шамана Тэнгри и его магический жезл, увенчанный сверкающим камнем, от простого прикосновения которого человека тут же парализовало. Тонгор срезал этот камень с жезла шамана и привез его в Патангу как достопримечательность. Камень он передал затем Иотондусу для изучения. И мудрец поведал ему, что среди волшебников камень этот зовется ситурлом... волшебным кристаллом.

Так что этим утром Тонгор отправился к Иотондусу для того, чтобы узнать, не смогут ли острый ум и обширные знания молодого философа разгадать загадку, заданную ему богами. Солнце уже приближалось к зениту; день выдался солнечным и жарким. Верхом на быстроногих кротерах Тонгор и его товарищи выехали через задние ворота из дворца и проскакали по проспекту, называемому Царской дорогой, направляясь через старый город к Форуму. Вместе с Тонгором ехал плечистый старый воин князь Маэл; толстый с красным лицом пожилой барон Сельверус; элегантный молодой князь Дру, даотар патангских лучников; Зед Комис и Том Первис, даотары Черных Драконов и Воздушной гвардии.

Оповещенный гонцом о прибытии Тонгора, мудрец встретил гостей у ворот дома, приветствовал их и провел внутрь. Как и все дома на западе Лемурии, этот дом имел свой двор, или атриум, который и служил мудрецу местом работы, его лабораторией. Тут Иотон-

дус проводил эксперименты, пытаясь глубже постичь тайны природы.

Атриум был тенистым и прохладным. От солнца его защищал полосатый брезентовый полог. Вдоль стен стояли низкие длинные железные столы с мраморными столешницами, на них размещались приборы: пробирки, реторты, тигли и странные стеклянные сосуды, где бурлили таинственные жидкости. Повсюду были деревянные полки с книгами и чертежами. В углу стоял человеческий скелет, сочлененный при помощи медной проволоки; а на фарфоровой скамеечке за стеклом в мутной жидкости плавал человеческий мозг.

Прямодушный и веселый старый воин князь Маэл с отвращением косился на заставленные книгами полки и столы, заваленные бумагами и всевозможными артефактами: военный человек, он верил лишь мечу и своему царю, и интеллектуальные занятия попахивали, по его мнению, колдовством и черной магией.

Его верный товарищ, жирный и краснолицый барон Сельверус, зайдя во двор, проворчал что-то и фыркнул сквозь свои разбойничьи усы, косясь на реторты, тигли и другой научный инвентарь. Но третий спутник Тонгора, стройный щеголь князь Дру, кузен Сумии, с живым интересом принялся рассматривать таинственные химические аппараты, листать старые, переплетенные кожей фолианты, разглядывать разбросанные по столам пергаментные свитки со сложным иероглифическим письмом.

Что же касается Зеда Комиса и Тома Первиса, то они стояли, внимательно слушая то, что тихим голосом говорит царю мудрец. У Зеда Комиса, даотара отряда ветеранов Тонгора, отобранных, закаленных в боях воинов, были черные с проседью волосы и седая короткая борода. Но тело его сохранило юношескую крепость. Торс оплели черные блестящие кожаные ремни — форма Черных Драконов, черный плащ был закинут за спину и обнажал загорелую грудь воина.

Том Первис, даотар Воздушной гвардии, казался суровым и величественным, будто пантера, с зорким взгля-

дом, с копной седых волос; его одежды украшали серебряные позолоченные ремни Воздушного флота, блестящий серебряный шлем и широкая голубая накидка.

Молодой философ обратился к ним.

— Беларба, господа, — произнес он обычное лемурийское приветствие. — Я много времени посвятил изучению этого кристалла и готов продемонстрировать вам его необычные свойства, как и хотел сарк сарков.

Иотондус вынул ситурл и положил его на мраморный стол вместе с другими предметами. Волшебный кристалл представлял из себя камень размером с кулак мальчика. Он был огранен, и вдоль его оси шла медная проволока, выступающая с двух концов и заканчивающаяся утолщениями, в ней человек нашего времени узнал бы электрод. Кристалл был непрозрачным, но внутри постоянно двигалась, образуя завихрения, дымка, и вспыхивали странные зеленые и серебряные искорки. Маэл и барон Сельверус опасливо поглядывали на этот камень, но остальные принялись с большим интересом разглядывать ситурл.

Иотондус, спокойный, скромный молодой человек, одетый в неброский серый халат, грустно смотрел на свою блестящую игрушку.

— Вот, что я узнал, — тихо заговорил он. — Такой камень можно найти лишь на равнинах далеко на востоке, где кочуют огромные племена рмоахалов. Он обладает свойствами, отличающими его от всех известных веществ. Например, этот кристалл впитывает и сохраняет солнечный свет. Ситурл вбирает в себя свет и фильтрует его, превращая в энергию, подобную энергии молнии, и накапливая эту энергию. Я не могу сказать, как солнечное тепло превращается в силу молнии, но это так. Возможно, все происходит, как писал древний ученый мудрый Квонидус Ибский: «Все виды энергии: тепло, свет, огонь и небесная молния — лишь формы одной первичной силы».

Философ продолжал перечислять свойства ситурла.

Но ныне нельзя полностью разгадать тайну ситурла и невозможно уже с точностью восстановить все свойства

этого камня. Последний известный подлинный ситурл исчез во время гибели Атлантиды.

— Сарк сарков поведал мне историю о Джомдате из племени кочевников джегга, говорившем, что, когда жезл шамана, увенчанный этим кристаллом, коснулся его тела, он почувствовал странное онемение, оказался парализован. Сила камня не является тайной: я был свидетелем того, как в корабельную мачту попала молния и людей, стоявших рядом, сбило с ног и парализовало. То же самое делает и ситурл. Энергия, высвобожденная определенным способом, превращается в тонкий луч, парализующий нервы. Если высвободить ее иным способом, результат получится более... впечатляющим.

— Как же это делается? — спросил Тонгор, глядя на таинственный камень. Его золотистые глаза необычно блестели.

— Все дело в металлической проволоке, проходящей вдоль оси кристалла. Она — ключ, управляющий молнией, — объяснил ученый. — Также важно соотношение формы, количества граней и внутренней структуры кристалла, а местоположение этих проволочек влияет на высвобождение энергии.

Мудрец что-то покрутил на металлическом штативе, где был закреплен кристалл, и поставил штатив на край низкого стола, с которого перед этим убрал весь хлам. На другом конце стола он установил деревянные тиски и зажал в них стальной кинжал клинком вверх.

— Я проводил опыты в различных условиях и выяснил, как добиться высвобождения луча различной силы воздействия, — сказал философ.

Князь Дру недоверчиво поглядел на кинжал и на камень, закрепленный на штативе.

— Ты говоришь, что результат может получиться «впечатляющим»?

Философ кивнул.

— В зависимости от размеров кристалла и времени, в течение которого он находился под воздействием солнечных лучей, результаты действительно могут быть различными,— ответил Иотондус с улыбкой.— Смотрите!

Он еще что-то покрутил...

Ослепительная молния зеленоватого цвета вырвалась из дымчатого кристалла. В ноздри ударил запах озона. Клинок кинжала засветился вишневым... ярко-желтым... и согнулся. Расплавленный металл стек вниз и образовал на столе кипящую лужицу.

Крепкий стальной клинок исчез, остался лишь куцый раскаленный огарок и застывающая лужица расплавленной стали.

Действительно... впечатляюще!

— Горм! — пробормотал Тонгор, у которого зашевелились волосы на голове от врожденного страха перед сверхъестественным.

— Колдовство! Злое колдовство! — забасил старый Сельверус и схватился за амулет из зеленого стекла, висевший у него на шее на кожаном ремешке.

Все остальные вытаращили глаза, застыв от удивления, моргая, ослепленные яркой вспышкой.

— Или... смотрите! — сказал мудрец, снова поколдовав у штатива с удивительным камнем.

Зеленовато-серебристое сияние ситурла постепенно стало ярче... и вдруг мягкое неземное сияние залило затененный пологом двор, словно зажглось миниатюрное солнце!

— Небесная молния и небесное солнце, заключенные в одном магическом камне, — проговорил Зед Комис, задумчиво поглаживая бороду.

Тонгор вспомнил пророчество, прочитанное им прошлой ночью в гримуаре Шайраты. Он повторил эти слова вслух:

— Сила будущих веков заключена в кристаллах таинственного Востока, их энергия может осветить города людей или стереть их в пыль...

Молодой Иотондус кивнул.

Сияние ситурла ослабело... сделалось тусклым... и исчезло.

— Вот какой это кристалл, — подытожил философ. — Он может накапливать солнечную энергию. Камень бóльших размеров и более чистой воды мог

бы нанести удар большей разрушительной силы и светиться в течение нескольких часов... — Голос его сделался мечтательным, лицо — задумчиво-грустным. — Теперь нам открыта великая тайна, использовать которую можно либо на благо, либо во вред человеку. Обладая этим знанием, мы сможем освещать города в темное время, чтобы люди не боялись ни темноты, ни убийц, притаившихся в тени, ни подкарауливающего их вора. Либо, изменив огранку, можно добиться того, что поток солнечного тепла смягчит суровую зиму... или...

— Или можно использовать камень в военных целях, — закончил Том Первис мысль философа.

— Да, это так.

— И я боюсь, что в первую очередь нам придется использовать ситурл на войне, — мрачно проговорил Тонгор.

Он никому не рассказывал о предупреждении богов, ни супруге Сумии, ни знатным военачальникам его империи. Но слова богов тяжелым грузом лежали на его душе.

А потом валькар обратился к мудрецу:

— Ты выяснил, как высвободить силы, заключенные в волшебных кристаллах. Смог бы ты узнать, как изготовлять кристаллы, дающие более сильную молнию? И если бы мы установили ситурлы на наших воллерах, смогли бы мы поражать цели на расстоянии?

Иотондус кивнул:

— Да. Если достать кристаллы в пять или шесть раз больше, чем этот, я бы за несколько дней огранил их для этой цели.

— Ты получишь их, клянусь Гормом. И если злые колдуны Заара нападут на нас, мы станем защищаться небесными молниями.

— С радостью воспользуюсь возможностью поэкспериментировать с новыми камнями и изучу природу скрытой в них силы, — сказал Иотондус. — Мне лишь нужно побольше кристаллов. Я смогу приспособить их к действию на большом расстоянии. Я приду-

мал, как установить камни на треножниках на палубе и управлять их разрушительной силой из кабины.

Князь Маэл с удивлением посмотрел на мудреца.

— Как? Всего мгновение назад ты сожалел о том, что кристаллы можно использовать для военных целей, а сейчас ты уже переполнен идеями о том, как превратить их в оружие! Как тебе удается примирить свои нравственные принципы с практичными интересами Тонгора?

Философ мягко улыбнулся.

— Я ученый, мирный человек, а не воин. Однако у меня хватает ума, чтобы понять: заниматься мирными делами и наукой можно лишь тогда, когда царство достаточно сильно и может защититься от врагов! Мир там, где сила, и так будет всегда, пока люди не станут мудрыми и благородными, как сами боги, — что, боюсь, на моем веку не случится! И значит, нам нужны доблестные воины, которых следует обслуживать и почитать тем, кто не носит оружия. Поэтому я понимаю: в наше время и в нашем мире нельзя пренебрегать никаким оружием, если мы хотим, чтобы мирные люди, такие как я, могли заниматься философией и наукой, — сказал Иотондус, который, несмотря на то что был молод годами, считался в ту героическую эпоху мудрейшим из мудрых.

Князь Маэл просиял, подошел к мудрецу и хлопнул могучей рукой по худому хрупкому плечу Иотондуса — и улыбающийся молодой человек чуть не упал от такого удара.

— Хорошо сказано! Да, действительно мудрые слова. Мне нравится твое настроение! — прогремел басом Маэл, и все вокруг заулыбались.

Тонгор же грустно смотрел на загадочно мерцающий небольшой кристалл... кусочек камня, которому суждено изменить лицо Земли и повлиять на всю последующую историю. Но настроение его вдруг изменилось, и в жилах валькара, будто хмельное вино, закипела жажда приключений. Ему предстоит снова отправиться на неизведанные восточные равнины! Нужно завладеть могучим оружием для того, чтобы

вести оборонительную войну против злого Заара! Голос валькара зазвучал как труба, призывая к войне:

— Том Первис! Подготовь два десятка самых больших, самых вместительных воллеров, и мы немедленно отправимся в поход в земли кочевников джегга. Отбери самых опытных пилотов, мы вылетаем сразу, как только закончатся все приготовления.

— Есть, мой царь!

— А ты, Зед Комис, дай команду отборному отряду драконов приготовиться к погрузке на корабли. Одному Горму известно, какие опасности ждут нас на краю земли!

Так начался этот поход... Последняя битва, когда боги снова положили на весы армию Патанги с одной стороны и злую науку Заара — с другой, так что один город должен возликовать победителем, а другой — пасть!

Глава 3
ТОНГОР ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ВОСТОК

И Тонгор отправиться должен во имя защиты от зла
Со всем своим флотом крылатым в далекие земли, туда,
Где высится город друидов, а рядом средь вечных скал
Можно найти тот самый прекрасный и грозный кристалл.
И мчатся блестящие птицы — прославленные корабли —
Туда, где восходит солнце над утренней негой земли,
Туда, на восток, где отныне Грядущего тайна лежит,
Где будущих подвигов ратных великое пламя горит...

Сага о Тонгоре, XVII, 5, 6

На востоке загорелись ало-золотистые огни утренней зари. Подувший с залива свежий соленый ветерок принялся трепать широкий плащ Тонгора и играть черно-золотыми знаменами на крышах. На сборы ушло два дня, и вот экспедиция в неизведанные восточные земли была готова отправиться в путь. Свет восходящего солнца играл на серебристых корпусах воздушных кораблей, кружащих над дворцом сарка, дожидаясь Тонгора.

На крыше, переделанной в посадочную площадку, валькар прощался со своей царицей и сыном, молодым царевичем. Молодой Тарт, или Тар, как его называли родители, был крепким шестилетним мальчиком, загорелым и гибким, с грубой черной гривой волос и необычными золотистыми глазами, как и у его могучего отца. Тонгор нагнулся, схватил малыша в охапку, подбросил в воздух и поймал рассмеявшегося сына — затем передал его княжне Иннельде и княжне Лулере, дочерям князя Маэла, фрейлинам царицы Сумии.

Затем он обернулся и заключил в объятия свою темноглазую супругу. Он прижал к груди ее мягкое тело и звучно поцеловал в губы, отчего у Сумии перехватило дыхание.

— Не бойся за меня, — ласково сказал он. — Мы просто отправляемся в земли, где правит наш друг Джомдат, старый вождь племени джегга, наберем волшебных кристаллов и тут же вернемся в Патангу.

Сумия улыбнулась и вместо ответа поцеловала его. Будучи женой воина, она понимала, что жизнь ее супруга полна опасностей. Хотя женское сердце щемило при мысли о том, что любимый человек отправляется на другой конец света и тысячи опасностей могут обрушиться ему на голову, она не сказала ни единого слова против. Храбрый мужчина должен сражаться с врагами либо погибнуть в борьбе с ними. И она не согласилась бы, чтобы было иначе.

Они последний раз обнялись, после чего Тонгор повернулся и приветствовал остальных, пришедших проститься на площадку на крыше — князя Маэла и барона Сельверуса, князя Дру и философа Иотондуса, Черного Дракона Зеда Комиса, который должен будет править Огненным городом во время отсутствия Тонгора, и мудрого старого Эодиима, Иерарха храма девятнадцати богов.

— Слава Тонгору! — прокричали собравшиеся, и валькар поднял руку, приветствуя их. Затем он повернулся к центру посадочной площадки, туда, где

к мачте был пришвартован его личный воллер. По веревочному трапу Тонгор взобрался на палубу и отдал приказ молодому пилоту Фалвоту Птару отдать швартовы. Когда корабль поднялся в небо, где парили остальные корабли экспедиции, Тонгор вошел в небольшую каюту. Там его ожидали телохранители.

Во время предыдущей экспедиции на Восток северянин крепко подружился с сыном старого вождя кочевников джегга — с дерзким молодым воином, князем Шанготом, которого он вырвал из лап у Адаманкуса Заарского. После этого Шангот вместе с несколькими молодыми рмоахальскими воинами, вместе с Тонгором отправился на запад, чтобы участвовать в битве за Тсаргол. С тех пор рмоахалы стали верными друзьями северянина и вошли в его царскую свиту. Кочевники Чунда, Джугрим и Рорик-Топор остались в Патанге, чтобы служить Тонгору. Теперь они сопровождали его. Ведь Тонгор направлялся на бескрайние восточные равнины, где кочевали и дрались их братья.

Под блестящим килем воздушного судна-воллера проносились купола и башни Патанги. Острые лопасти пропеллеров рассекали прохладный утренний воздух. Караван возглавляла личная яхта Тонгора, а за ней двумя рядами следовали остальные корабли. Пропеллеры наполняли небо монотонным гудением. Вот далеко внизу показались возделанные земли, окружающие Патангу. Вскоре корабли вышли за пределы бассейна Рек Близнецов и полетели над поросшими лесом холмами Птарты.

Воллеры составляли основу могучей армии Патанги, дав Городу Огня преимущество над другими городами Запада. Их тайна заключалась в блестящем серебристом металле, из которого была сделана обшивка узких обтекаемых корпусов. Именно он поднимал воллеры в воздух. Урилиум, таинственный металл, являлся сплавом, созданным гением Оолима Фона, алхимика из Турдиса. Этот сплав оказался единственным веществом, способным противостоять силе гравитации. Про-

пеллеры, приводимые в движение длинными, расположенными под палубой пружинами, позволяли судну с легкостью обогнать и кротера, и зампфа.

Первый воздушный корабль построил Оолим Фон. Судно должно было бы стать прототипом мощного военного Воздушного флота, при помощи которого Фал Турид, безумный сарк Турдиса, намеревался завоевать весь мир. Но семь лет назад Тонгор, служивший тогда наемником в Турдисе, был приговорен к смерти за дуэль с офицером. Во время побега Тонгор угнал корабль, а позднее воспользовался им для того, чтобы победить Фала Турида и его помешанного на власти военачальника Хайяша Тора, когда те осадили Патангу. После того как Тонгор женился на царице Сумии и стал сарком Города Огня, он построил собственный могучий воздушный флот для защиты империи пяти городов.

Прошли часы. Солнце поднялось еще выше над горизонтом. Когда оно приблизилось к зениту, флот уже находился над землями Нианги. Здесь не было городов. Кругом простиралась мрачная пустыня, иссохшая, малонаселенная местность. Когда-то здесь было царство с зелеными лесистыми холмами и множеством богатых городов. Но прошло уже четырс тысячи лет с того дня, когда обожествленные цари Нианги дерзнули оспорить власть Неба, и девятнадцать богов обрушили на его царство страшное проклятие, названное Проклятием Серой Лягушки. После этого чудовищного наказания мрачные пустыни Нианги оказались заброшены. Люди прозвали их Серыми пустынями или Землей смерти.

С высоты Тонгор и его воины смотрели на центральные земли Лемурии, распростершиеся под ними, словно гигантская карта. На севере, вдоль линии горизонта с запада на восток через всю Лемурию, подобно позвоночнику материка, протянулась величественная гряда гор Моммара. Далеко на северо-востоке среди гор над

спокойными водами Внутреннего моря сияло полуденное солнце, где семь лет назад Тонгор и колдун Шайрата бились с Царями-Драконами и разрушили их последний оплот.

На востоке у самого горизонта, пурпурной грудой, окутанной туманом, высились Ардатские горы. А на юге, не видные даже с такой высоты, на берегу Яхензеб-Чуна, Южного моря, стоял город Тсаргол. Там правил товарищ Тонгора Карм Карвус, которого до этого изгнал и объявил вне закона Красный архидруид Йелим Пелорвис. Тонгор сломил силы красных друидов, поклонявшихся злому богу Слидиту, богу крови, и выгнал их из Тсаргола, вернув князю Карму Карвусу принадлежавший ему по закону престол. Теперь Тсаргол стал вторым по величине городом империи, самым сильным и надежным союзником Тонгора.

В полдень воины подкрепились вяленым мясом, фигами и финиками, хорошим черным хлебом из Пелорма — города, лежащего на берегу залива, засахаренными фруктами из Таракуса и все это запили вином из Сарна.

Ближе к вечеру они пересекли реку Илт и пролетели над самыми восточными городами, Дарунгабаром и Далаккоком, стоящими на берегу великой реки, оставив далеко на юге приморский город Возашп, который уже окутали вечерние тени.

Теперь воины Патанги летели над неведомой страной. Тонгор один раз уже пролетал над этими землями, но никогда не посещал их. Даже Шангот, сын вождя племени, кочующего по восточным равнинам, никогда не отваживался заходить в эти земли. Внизу тянулись пески страны пустынь, которую, бросая вызов жажде, песчаной буре и другим опасностям, иногда пересекают купеческие караваны. Тут среди бескрайних барханов красного песка живет ужасный катган, или песчаная кобра, и самая страшная тварь страны пустынь чудовищный слорг... змея с женской головой.

На западе догорели последние угольки заката. Ночь распростерла свое черное крыло над Лемурией, а воз-

душный флот продолжал лететь все дальше и дальше сквозь сгущающуюся темноту. Вскоре туман и облака, скрывавшие вечернее небо, разогнали многокрылый Аарзот, бог ветра, и его брат Дирм, царь бури. Во всем своем великолепии вспыхнули звезды, ожидая восхода небесной госпожи Иланы. Вскоре она появилась во всей своей красе, огромная золотая луна древней Лемурии.

Юный Фалвот Птар, пилот воллера Тонгора, устал. Тонгор сменил его за рычагами управления, и пилот прилег немного поспать на узкой койке.

Впереди, скрытая темными крыльями ночи, вытянулась на юг гряда Ардатских гор. Где-то там среди этих пиков поднималась огромная черная гора, похожая на пирамиду из черного мрамора. Когда-то Тонгор попал в ловушку на одном из ее склонов. Несколько часов простоял он на узком карнизе. Валькар очутился там, преследуя Зандара Зана, тсаргольского вора.

В эту ночь, однако, воллеры пронесли Тонгора и всех его воинов мимо этой суровой горы, унося флот к голым безрадостным равнинам на востоке, огражденным этими горами, будто могучей стеной. Рассвет застанет воллеры Патанги над южной страной джунглей, а полдень — над землями кочевников-рмоахалов, друзей Тонгора. Когда же начнут удлиняться тени, флот достигнет осыпавшихся стен древнего мертвого города Альтаара, который тысячелетия тому назад был великим городом. Ныне же его руины стали надгробным памятником людям, которые камень за камнем сложили этот город... Теперь это место стало главной стоянкой племени джегга. Там Тонгор надеялся найти своего верного друга, великого вождя племени джегга — Джомдата.

Далеко на самой южной оконечности Лемурии, на мысе, выдающемся в море, стоял город колдунов. Оттуда за флотом Тонгора наблюдал колдовской Глаз, полный черной злобы и невероятной ненависти.

Глава 4

ВСЕВИДЯЩИЙ ГЛАЗ

Но силы Заара не дремлют: волшебного зеркала взгляд
Следит, как в полуденном небе предвестники бури летят,
И мрачные взгляды друидов, как воды морские, темны,
И мысли недобрые — яда, смертельного яда полны!

Сага о Тонгоре, XVII, 7

Зеленый Глаз следил!

В центре громадного сводчатого зала, выложенного черным полированным камнем, в оправе из потемневшей меди лежало огромное зеркало зеленой ртути. На кольце оправы через равные промежутки были установлены большие ситурлы. Волшебные кристаллы светились таинственным светом. От их электродов в разные стороны протянулись медные провода, образуя настоящую паутину. Тяжелый воздух дрожал от энергии, переполняющей зал. Циклопические стены из стекловидного черного камня вздымались к хрустальному куполу. Конус изумрудного сияния над озерцом ртути пульсировал, подобно сердцу титана, в такт с искрящимися ситурлами.

На громадном троне из черепов, стоящем на возвышении, куда вели девять ступеней из зеленого мрамора, сидел Марданакс, повелитель Заара, города колдунов, Черный архидруид, верховный жрец богов Хаоса.

Высокий и худой, он укутался в складки объемного халата из черного бархата. Руки его скрывали черные перчатки, а лицо прятали от взгляда людей черная маска и капюшон.

Сквозь прорези в маске с высоты трона из черепов полные холодного изумрудного огня глаза колдуна вглядывались... в бурлящую серебристо-зеленую глубину Всевидящего глаза.

Он располагался у основания возвышения, на котором стоял трон. Там в черном мраморном полу был пробит глубокий колодец, окруженный кольцом крас-

ной меди. Семь ситурлов, установленных на оправе, наполняли колышущийся жидкий металл электрическим огнем.

Но вот бурлившее озерцо ртути успокоилось. Туман испаряющегося металла рассеялся, открыв зеленую поверхность волшебного зеркала. В глубине зеркала начало проступать странное видение.

Укрытые ночью холмы у подножия огромных черных гор. Их склоны отражались в многочисленных черных озерах. Ночное небо над ними сияло звездами, словно драгоценными камнями, разбросанными небрежной рукою по черному бархату... Огромная золотая луна Лемурии, будто золотая брошь, сверкала среди звезд.

На фоне золотого лика луны проплывали странные тени. Бескрылые, обтекаемые воллеры с заостренными носами блестели полированным металлом. Посредине каждого летающего судна были низкие рубки, открытые со стороны кормы. На корме на флагштоках воллеров развевались флаги — золотые полотнища с черным ястребом валькаров.

Флот Тонгора пролетал над Ардатскими горами!

Все дальше летели сигарообразные воллеры, пересекая яркий диск Луны. Все дальше на восток... Увидев это, черный колдун улыбнулся. Холодные жестокие глаза Марданакса сразу узнали эти черно-золотые знамена. Колдун уже видел точно такое же знамя несколько лет назад, когда воздушный корабль Тонгора пробил стену башни Адаманкуса. Самого колдуна убил его же собственный демон, а царица Патанги Сумия и ее защитник, грозный воин-рмоахал из племени джегга были освобождены. Тогда, пять долгих лет назад, холодные жестокие глаза черного друида вот так же вглядывались в глубины Всевидящего глаза. Марданакс видел, как доблесть и сила Тонгора-варвара принесла смерть Адаманкусу.

Теперь царь-воин Патанги снова решил вторгнуться в таинственные восточные земли... Видно, не боялся он гнева Заара и ужасной мести повелителя Марданакса!

Колдун прищурился. Не моргая глядел он в колеблющееся зеркало, наблюдая, как флот Патанги пролетает над горами, пустынями, джунглями и равнинами.

Замок Марданакса возвышался, будто чудовище, готовое к броску, на вершине скалы в центре города Заар. Вокруг замка спал укутанный темнотой город тысячи чудес. Словно орел с вершины, зорко следил повелитель Заара из своего замка за всем происходящим в его стране.

Шел семь тысяч четырнадцатый год истории человечества. Семь тысяч лет простоял этот город на самом краю Лемурии, омываемый темными водами неведомого моря. В незапамятные времена здесь, на Востоке, правили девять сыновей Фондата Перворожденного. Они и их сыновья, и сыновья их сыновей построили первые города... древний Иб и огромный Альтаар, потерянный в веках Немедис и угрюмый, лежащий на юге Заар. Во время Тысячелетней войны дети Немедиса и Заара, Альтаара и Иба, Города Червя, боролись против орд рептилий, Царей-Драконов, властвовавших на земле, до того как Отец Горм вылепил из Грязи первого человека и влил в свое создание жизнь вместе с кровью из своей правой руки.

Тысячелетняя война закончилась. Эпоха Царей-Драконов прошла; и первые человеческие города пришли в упадок. Империя Востока пала под грохочущими колесами колесниц диких орд рмоахалов.

Пали все города, кроме Заара. На краю земли в городе из черного камня по-прежнему жили потомки его основателей. Заар — единственный из городов людей изменил Завещанию Перворожденного. Он вступил в союз с Царями-Драконами, испил из их рук неземной мудрости, принял темное знание от холодных человекозмей и смог при помощи колдовства отсрочить свою гибель, оградив себя магической силой, словно крепкой стеной. Заар выжил, предав само имя Человека.

Самый древний город планеты, Заар был так же стар, как и само человечество. Восточные земли, где зародилось человечество, стали свидетелями первых признаков великого катаклизма, в котором суждено будет погибнуть Лемурии. Вулканические силы, постоянно действующие в глубине Земли, уже начали неумолимо разрушать древнейший континент. Мыс, на котором стоял Заар, город колдунов, давно уже начал погружаться в безымянное море — суровая прелюдия того рокового дня, когда целый материк дрогнет и скроется под бескрайними водами Тихого океана. Но это случится еще через несколько тысяч лет.

А пока Заар оттягивал день своей гибели с помощью грандиозной стены, сдерживающей черную морскую воду. Колдуны Заара с опаской следили за наступающим морем. Уже многие годы они искали себе новый дом... на далеком Западе.

Однако заарских колдунов, хотя и искусных в черной магии, осталось мало. Им было не одолеть империю пяти городов в открытом бою — или они не решались выставить силу черной науки колдовства против доблестных клинков Патанги и других городов.

Маги действовали незаметно, тайно. Больше тысячи лет агенты Заара сеяли раздор, разжигали зависть, ненависть и предубеждение в городах Запада. В последние годы интерес к Западу так возрос, что одного из девяти колдунов — верховного совета магов, управляющего городом, — десять лет назад отправили на Запад с тайной миссией. Это злобное существо, известное людям как Талаба Разрушитель, втерся в доверие к Фалу Туриду, безумному сарку Турдиса. Талаба подливал масла в огонь, распалив мечты Фала Турида о мировом господстве... Но появление Тонгора разрушило часть великого плана колдунов Заара. Когда победа армий Турдиса и Шембиса уже была близка, когда они уже стояли перед воротами Патанги, осадив Город Огня, появился Тонгор, безродный варвар из северных степей. Он поверг знамена Турдиса, разбил железные легионы Фала

Турида и втоптал и безумного сарка, и хитрого Талабу в грязь...

Но один из этапов великого плана был начат еще при жизни предыдущего поколения, когда тайные агенты Черного города проникли на ключевые места в братствах друидов культа Ямата в Патанге и культа Слидита в Тсарголе. Желтый архидруид Патанги и Красный архидруид Тсаргола работали рука об руку с Черным архидруидом Заара. Их жестокие культы развращали людей Запада и сеяли страх в их сердцах. Наконец и в Тсарголе, и Патанге эти махинации принесли плоды: Васпас Птол, архидруид Хмата, занял трон Патанги, в то время как на юге Йелим Пелорвис, архидруид Слидита, стал править Тсарголом.

Но опять каким-то чудом безродный варвар, Тонгор из племени валькаров, разрушил планы Заара. Он разбил оба братства, казнил их руководителей, а оставшихся сторонников этих культов изгнал, лишив власти и влияния. После этого Тонгор объединил разрозненные западные города и основал молодую империю, которая, зализывая раны, встала могучей цитаделью, защищая Запад от темных сил Востока.

Этот выскочка Тонгор, ставший сарком сарков Запада, создал империю, объединившую пять из девяти западных городов. Колдуны же хотели, чтобы города Запада ослабели в борьбе друг с другом. Тогда Заар одним махом покорил бы весь Запад. Ныне и эта часть великого плана провалилась.

Такие мысли тревожили злобного Черного архидруида Марданакса, пока он сидел, наблюдая за полетом воздушных кораблей Тонгора.

Тонгор из Патанги нанес планам колдунов разрушительные удары. Одним из наиболее ощутимых — стала смерть Талабы Разрушителя и Адаманкуса. Оба они являлись великими магами Тьмы; оба были членами Совета Девяти. А девять колдунов Заара объединились со зловещей целью: в структуре Хаоса они явля-

лись незаменимыми силовыми полюсами. А когда два полюса оказались уничтожены, осталось лишь семь... Их общая сила уменьшилась в той же степени.

Однако заарская семерка была сильна: Марданакс и Питуматон, Ксот-Череп, Малдрут, Вуал-Мозг, Рамадондус Вотх и Сарганет Нульдский. Хоть их и стало меньше, сил колдунов Совета еще могло хватить для того, чтобы погубить Запад!

Когда рассвет окрасил золотом дымку на востоке, злой колдун прервал свои наблюдения. По его команде ситурлы потухли. Изображение на поверхности волнующегося озерца жидкой ртути исчезло, и пульсировавший конус зеленого света над колодцем, где находился Глаз, потух. Зеленое сияние в огромном каменном зале погасло. Сквозь хрустальный купол забрезжил дневной свет.

Марданакс поднялся с трона. Он медленно спустился по девяти ступеням, прошел через зал к алькову. Разведя алые бархатные занавески, скрывавшие нишу, он открыл свинцовый постамент, на котором стояла странная сфера из металлической сетки.

Изумрудные глаза под черной маской, скрывавшей лицо мага, закрылись. Колдун сосредоточил все свои мысли на этой блестящей сетке, стоящей на тускло поблескивающей свинцовой колонне.

Усиленное и сфокусированное этим инструментом мысленное послание пролетело через весь город колдунов, призывая остальных магов.

Одного за другим Марданакс вызывал величайших волшебников всей Земли — Сарганета Нульдского, Рамадондуса Вотха, Вуала-Мозга, Малдрута с железными мускулами, Ксота-Черепа, Питуматона — отрывая их от темных колдовских занятий... собирая их на Совет Девяти, чтобы решить, как погубить Тонгора... В глубине души повелитель колдунов поклялся, что Тонгор погибнет самой страшной, самой чудовищной смертью...

Глава 5

СКАЛЫ КРИСТАЛЛОВ ГРОМА

От алой зари на востоке и снова до алой зари,
Как стрелы, соперники ветра, летят и летят корабли —
Все дальше, лига за лигой, над пиками гор, над водой,
Над лесом, над степью безмолвной, над жизнью и
смертью людской...

Сага о Тонгоре, XVII, 8

Всю ночь серебристый флот Патанги скользил по усыпанному звездами небу.

Различные земли проносились под сверкающими килями кораблей, исчезая в темноте за кормой. Сейчас воллеры пролетали над суровыми южными пустынями, где древние руины забытых городов, построенных на заре времен, вздымали раскрошившиеся колонны дворцов к презрительно взирающим на них нестареющим звездам... Потом впереди показался барьер Ардатских гор. Над ними возвышался монолит из черного мрамора, гора смерти. Когда воллеры пролетали над окутанными облаками вершинами, под ними раскинулись непроходимые джунгли, в изумрудной темной глубине которых огромные драконы древней Лемурии с ревом сражались с яростными деодатами и величественными черногривыми вандарами. Когда на востоке забрезжил бледный рассвет, флот пролетел над бесконечными равнинами Голубых кочевников... Бескрайней степью, поросшей шепчущими травами, где паслись зульфары, лемурийские кабаны, и дикие стада зампфов и буфаров.

Аэдир, бог солнца, медленно ехал на огненной колеснице, поднимаясь все выше по лазурному небосводу. Воллеры летели уже много часов. Моторы работали без перебоев. Пропеллеры рассекали воздух.

Когда день померк и тени протянулись по бескрайней равнине, на горизонте показался еще один разрушенный город. Стали видны огромные, подобные скалам стены серого камня, а за ними высокие башни и

темные обвалившиеся купола. Серебристые воллеры притормаживали, начиная снижаться.

Они зависли над величественными развалинами древнего города. Стены, когда они только появились на горизонте, казались прочными и надежными. Когда же воллеры подлетели поближе, стало видно, в каком они жалком состоянии. Время жестоко обошлось с древним Альтааром. За семь тысяч лет гордый город превратился в поросшую травой груду камней. Там, где когда-то на заре времен жил могучий народ, лежали грандиозные руины. Огромное пространство завалили каменные обломки. От башен остались лишь куцые пеньки либо горы камней, завалivших прежние проспекты и бульвары. Купола, подточенные неумолимым временем, обрушились. Даже толстые стены местами обвалились, словно земля, устав от их веса, сбросила с себя эту обузу.

Когда-то, много веков назад, Альтаар был цветущим городом. Но сейчас величественные дворцы и седые храмы облюбовали суровые кочевники, народ без прошлого, чья жизнь была полностью посвящена бесконечной борьбе с жестокой природой и другими племенами кочевников. И еще бесчисленные века рмоахальские воины, владеющие этими землями, страдали от самых странных предрассудков и были обречены вести жизнь невежественную, полную трудностей.

Теперь Альтаар стал лагерем прославленного в боях племени джегга. И воины этого племени вели бесконечную войну, пытаясь выжить в этих суровых землях... Они сражались с чудовищными зверями, бродящими по поросшей травой земле, и с людьми. Многовековая история кочевников джегга была написана алыми чернилами человеческой крови.

Иногда племя джегга воевало с могущественным племенем зодак, владеющим землями на юге. Ими правил вождь Зартон Грозный, одно имя которого внушало страх. Реже кочевники джегга воевали с менее сильными племенами шанг и тад или с племенем карзоона на западе. Джегга, как и любое другое из пяти племен,

было племенем диких кочевников, вечно скитающихся по бескрайней степи на своих громадных колесницах, которые лишь изредка останавливались среди развалин городов Первых людей, предпочитая открытое небо. Так было раньше...

Но несколько лет назад это племя повстречалось с Тонгором. Валькар научил их многому. В те дни великий вождь племени джегга Джомдат вместе со своим сыном Шанготом оказался изгнан амбициозным, хитрым шаманом. Старейшины племени, одураченные злым шаманом Тэнгри, сместили старого вождя. Хотя Джомдат и был грозным воином, в его диком сердце зародились более мягкие чувства, он стал возражать против жестоких казней на костре и длительных пыток, которые шаманы посвящали своим богам неба. Тонгор спас вождя и его сына от медленной смерти, сверг шамана, помог Джомдату снова стать вождем джегга и отчитал старейшин. Теперь среди древних стен Альтаара стоял лагерем совсем иной народ, которому не чужды были понятия милосердия и справедливости, добра и любви... народ, сделавший наконец первый шаг по лестнице, выводящей из мрака звериной жестокости к свету цивилизации.

Под килями воллеров лежала полуразрушенная площадь древнего города. Из рубки своего судна Тонгор видел, как могучие, украшенные перьями воины джегга приветствуют его, размахивая огромными копьями, стоя на крышах, на стене и на развалинах башни. Воллеры замедлили движение, описали круг и зависли над заваленной обломками площадью.

Оглушительный приветственный крик вырвался из тысячи глоток, когда Тонгор по веревочному трапу спустился на разбитую мостовую. Следом за ним спустились Шангот, Джугрим, Чунда и другие воины джегга из личной охраны Тонгора.

Тонгор прошел по площади, чтобы приветствовать старого вождя племени джегга и пожать ему руку.

— Беларба, Тонгор, — произнес вождь, с царским достоинством приветствуя своего друга. Валькар отве-

тил на приветствие и отошел в сторону, пока старый воин здоровался с сыном, которого не видел несколько лет. Сдержанность, составная часть достоинства варвара, проявилась в том, как они обменялись простыми приветствиями. Великий вождь пытливо оглядел своего сына с ног до головы.

— Вел ли ты себя среди народов Запада так, как подобает настоящему воину джегга, сын мой?

— Да отец, — скромно ответил Шангот.

Джомдат фыркнул, явно не веря.

— Пс-с-с! Без сомнения, ты лил себе в глотку огненное вино Запада и храпел как пьяный боров! — Джомдат сплюнул. Глаза его вспыхнули притворной яростью, за которой он пытался скрыть гордость за сына и нежность, которые переполняли его сердце. — И у тебя по-прежнему сильная рука сына богов, который может без устали сражаться, служа своему господину Тонгору? Не опозорил ли ты имени отца своего перед лицом врагов?

Тонгор едва сдержал улыбку. Он выступил вперед и положил руку на могучее плечо Шангота, который опустил голову, слушая отца.

— Твой сын, правитель племени джегга, вел себя как подобает. Он достойный сын своего родителя, — произнес валькар. — Во время битвы с легионами Тсаргола, Алого города, он вступил в бой с моим архиврагом Хайяшем Тором из Турдиса, главнокомандующим армии Тсаргола. Я собственными глазами видел, как твой сын снес ему голову. Да! Своим топором он прорубил дорогу в самое сердце вражеского строя!

— Ха! — усмехнулся Джомдат. — Неплохо, в племени джегга любой сосунок...

— И еще, — продолжал Тонгор. — Собственными глазами видел я, как твой сын одним ударом топора убил трех тсаргольских воинов и срубил шест знамени Алого города, бросил в грязь стяг наших врагов.

— Хорошо! — суровое лицо вождя расплылось в довольной улыбке. — Ты действительно видел это, Тонгор? Тогда, сын мой, приветствую тебя, ибо вижу, что ты не посрамил своего народа!

Сияя от невыразимой радости, Джомдат обнял сына, а потом повернулся и прокричал собравшимся воинам:

— Воина джегга! Приветствуйте Великого повелителя Запада! Режьте животных, несите меха с пивом. Этой ночью, когда взойдет луна, у джегга устроят пир в честь друзей, прилетевших с западного края мира!

— Слава Тонгору! — прогремели воины джегга, потрясая копьями.

Когда огромная золотая луна древней Лемурии засверкала в небе, большие костры уже пылали на разрушенной площади старого города. Кочевники джегга угощали гостей, развлекали их военными танцами и оглушительной барабанной музыкой. На кострах жарились туши буфаров, рекой лилось и горькое пиво, и сладкое вино. Тонгор и его военачальник Том Первис обсуждали со старым вождем цель своей столь далекой экспедиции на Восток.

Действительно, как и надеялся Тонгор, Джомдат знал о горном отроге, который протянулся между землями племени джегга и землями, где правило племя зодак, — горы, где можно найти загадочные волшебные кристаллы. Воинам джегга камни эти были не нужны, но они знали, что их можно найти среди скал предгорий, там, где были выходы породы, содержащей свинец. Часто (как рассказывал Джомдат) охотник или разведчик, забредавшие подальше в поисках места, где можно укрыться от грозы, блуждая среди этих скал, видели, как страшные молнии богов притягиваются к земле мистической силой этих кристаллов.

Утром, когда взошло солнце, всадники выехали из разрушенных ворот древнего Альтаара. В то время как флот Тонгора поплыл по небесам, Джомдат, Шангот и отряд воинов джегга поскакали на кротерах. Кочевники решили помочь Тонгору отыскать волшебные камни.

Вышло так, что на седьмой день, после того как Тонгору явились во сне девятнадцать богов, он отправился за камнями в сопровождении могучей армии джегга.

Валькар еще никогда не видел воинов джегга в полном вооружении. Это было фантастическое и впечатляющее зрелище варварского великолепия: девятифутового роста великаны с синей кожей в богато украшенных кожаных ремнях, увешанные драгоценными камнями и знаками отличия из редких металлов! Бритые головы воинов венчали качающиеся плюмажи. Поверх ремней рмоахалы носили роскошные халаты из алого, изумрудного и шафранного бархата, не гнущегося от обилия вышивки золотом и серебром. В руках воины несли страшные рмоахальские копья, длиной в двадцать футов от окованного железом тупого конца до острого стального наконечника. Часть воинов ехала на гигантских, похожих на трицератопсов зампфах. Одни сидели на украшенных драгоценными камнями кожаных седлах. Другие ехали на грохочущих колесницах, сверкающих сталью, под колесами которых дрожала земля. Это был почетный караул из сотни воинов, который отправился вместе с Джомдатом, чтобы проводить Тонгора и его флот к горам. Когда валькар увидел это грандиозное зрелище, его варварское сердце радостно забилось.

Вскоре они достигли скал кристаллов грома. Воины Тонгора сошли с кораблей, чтобы добыть эти камни. Задача эта казалась несложной, так как таинственные зеленоватые кристаллы лежали среди скал десятками, неглубоко присыпанные землей, либо торчали из склонов низких скал. Их можно было легко выковырять острием меча. Тонгор приказал своим людям отбирать самые большие и чистые камни, такие, из которых, как заявил Иотондус, можно сделать оружие.

Откапывать камни было нетрудно, но они оказались тяжелыми, как свинец. Воинам пришлось попотеть, погружая их на воздушные корабли. Но когда солнце поднялось к зениту и объявили обеденный перерыв, на воллеры погрузили примерно три сотни превосходных камней. За это Тонгор должен был

благодарить гордых воинов джегга, так как их огромная сила очень пригодилась.

И вдруг, когда все сидели в тени летающих аппаратов и ели, случилось несчастье.

Фалвот Птар, молодой воин Воздушной гвардии, пилот личной яхты Тонгора, вдруг подавился, побледнел и медленно повалился. Огромная черная стрела торчала из его груди!

Закричав, Тонгор вскочил на ноги и выхватил меч. Воины Патанги и джегга закричали от ярости, ужаса и боли. Их осыпал смертоносный дождь черных стрел. Люди гибли десятками!

На флагманском судне, где дежурил Том Первис, протрубили в рог. Черные Драконы Тонгора и могучие воины джегга приготовились к бою. Но кто же их враг, без предупреждения обрушившийся на них в этих пустынных землях? Как ни оглядывался Тонгор, он никого не увидел! Кроме его собственных воинов и воинов джегга, никого не было среди скал кристаллов грома.

Глава 6
СЕМЬ КОЛДУНОВ ЗААРА

Когда ж повелители смерти узнали в герое того,
Кто в прошлом лишил их надежды свершить свое черное зло —
И снова ворвался в их царство, чтоб планы нарушить опять...
Друиды решили героя мучительной смерти предать,
И в мрачном собравшись зале на тайный высокий совет,
Измыслили Тонгору гибель, страшнее которой нет,
Измыслили муки такие, которых никто не видал,
Чтобы весь пламень ада ему показался мал!

Сага о Тонгоре, XVII, 9, 10

Повелитель Марданакс сидел на черном мраморном троне, закутавшись в бархатные одежды. Его холодные глаза злобно блестели через щелки в маске.

Огромный круглый зал Совета Девяти был вырублен в монолите черного мрамора. Вдоль изогнутых стен

стояли колоссальные колонны, вершины которых терялись во мраке под куполом.

Трон Марданакса, повелителя Заара, был одним из девяти каменных тронов, стоявших широким кругом... а в центре зала перед девятью тронами в мраморном полу находился глубокий колодец. Из этого колодца, из неведомых глубин, с ревом вырывалось красно-золотое пламя, распространяя по огромному помещению золотистое сияние.

Остальные троны пустовали. Вдруг вокруг трона из пурпурной яшмы начал сгущаться мрак. Он уплотнился, и на троне появилась прозрачная тень, которая, сгустившись, превратилась в человека. Вверх взметнулся фонтан огня, залив зал алым светом. Громоподобный голос, доносившийся непонятно откуда, медленно произнес одну фразу, наполнив зал Совета звучным эхом.

— Прибыл повелитель Питуматон, князь магии!

Он был огромен. Его раздутый живот и пухлые члены покрывала фантастическая одежда из пурпурного бархата и лавандового шелка. В мочках ушей холодным светом сверкали громадные драгоценные камни. Толстые пальцы его были унизаны перстнями. Явившийся поклонился. Череп его был лыс, лицо — масса дряблого жира, брови и ресницы отсутствовали, а бледные глаза, окруженные бледной болезненной кожей, мерцали словно кусочки льда.

Потом из незаметной двери выскользнул великан с голубой кожей. Превосходную фигуру высокого рмоахала украшали изумрудно-зеленая портупея и огромная накидка. Лицо его было невыразительным; глаза тускло блестели, и в них не было ни малейшего признака разума. Он двигался неловко, словно зомби. В могучих руках он нес уродливое отвратительное скрюченное тельце.

— Прибыл повелитель Вуал-Мозг, князь магии! — произнес тот же замогильный голос. Вспышка алого огня осветила жалкое уродливое существо, которое бесстрастный раб положил на массивный трон из зеленого нефрита. Отвратительное тельце было не больше тела годовалого ребенка, но голова — огромная, раздутая,

болтавшаяся над узкими плечиками — по размеру в несколько раз превосходила голову взрослого человека. Лицо же мага оказалось крохотным, остреньким, и на нем огоньками горели злые черные глазки.

Вуал-Мозг кивнул огромной уродливой головой в сторону черного трона и уселся на зеленом нефритовом троне. Раб-рмоахал встал за спинкой трона, сложив могучие руки на груди.

Затем вошел великолепный воин в алых одеждах и сверкающей стальной кольчуге, мускулистый и сильный, словно величественный тигр. Он был высоким и крепким, широкоплечим; на суровом лице, обрамленном короткой черной бородой, по-кошачьи горели зеленые глаза, губы иронично улыбались. На боку висел огромный меч, с плеч ниспадала алая шелковая накидка. Воин подошел к одному из тронов, с саркастической улыбкой поклонился и, громко вздохнув, развалился на троне из сверкающего алого хрусталя. Вспыхнуло пламя, и трубный голос возвестил:

— Прибыл повелитель Малдрут, князь магии!

Вокруг пятого трона, вырубленного из цельного гигантского сапфира, появилась тускло светящаяся дымка. Полыхнуло! В беззвучной вспышке цвета индиго появился пятый колдун.

Высокий и тощий, он казался костлявым, словно сушеная мумия. Этот сутулый скелет кутался в широкий темно-синий бархатный халат. Когда он откинул рукой, похожей на птичью лапу, капюшон, в тусклом свете сверкнул лысый череп неестественного бурого цвета. В глубоких черных глазницах горели глаза безумца. Колдун поклонился черному трону и устало сел на свое место, облизав губы узким черным языком.

— Прибыл повелитель Ксот-Череп, князь магии!

Шестой трон из серого гранита оказался вдруг занят, но никто не мог сказать, откуда появилась эта небольшая хрупкая фигура. Узкое мягкое, без всякого выражения лицо, кроткий взгляд и бесцветные волосы, скромно сложенные на груди ручки. Этот колдун оказался бледным человечком, одетым в хорошо подогнан-

ный костюм из серого шелка. Он молча поклонился черному трону.

— Прибыл повелитель Сарганет Нульдский, князь магии! — прогремел голос, наполнив темный свод над головой громким эхом.

Шесть князей магии заняли свои места. Но три каменных трона вокруг огненного колодца оставались пусты. Седьмой трон принадлежал Талабе Разрушителю, мерзкому существу, с изуродованным болезнями и изъеденным плесенью телом. Талаба погиб в битве за Патангу. Восьмой трон принадлежал Адаманкусу, великому колдуну, которого уволок демон, когда Тонгор разрушил его башню. Но девятый трон? Оглядев собравшихся, Марданакс, сидящий на черном троне, спросил:

— А где наш брат, повелитель Рамадондус Вотх? Его трон из желтого камня пуст!

Мягким тихим голосом заговорил Сарганет Нульдский, сидящий на сером троне:

— Желтый брат занял мое место среди крылатых людей Занда, о старший брат. Я удачно там поработал, развратил и склонил Нульд на нашу сторону. Делать мне там больше нечего. Закончит же дело наш Желтый брат. Он лучше меня разбирается в науке управления сознанием.

Заговорил сидящий на алом троне Малдрут:

— Значит, скоро армия летучих воинов ураганом накинется на Патангу, Город Огня! Да здравствует Хаос! Веселый будет денек! А как дела, Пурпурный брат, у нашего секретного агента в самой Патанге? Как дела у злой и подлой змеи, которую патанцы греют на своей груди, не зная, что это наш агент?

повелитель Питуматон поерзал на своем огромном троне и сипло захохотал.

— Наш тайный агент, князь Далендус Вул, барон Таллан, еще не готов захватить трон Города Огня, мои братья, но время это близко! Ни Тонгор, ни его военачальники не подозревают Далендуса Вула. Барон же набирает головорезов и готовится ударить в тот момент, когда крылатые воины Нульда обрушатся на Патангу.

Тогда он захватит дворец и арестует всех придворных Тонгора.

Марданакс рассмеялся.

— Это может случиться раньше, чем вы думаете, братья! Возможно, нам не придется ждать долгие годы, для того чтобы отомстить!

Все присутствующие в зале напряглись, все повернулись в сторону смеющегося Черного архидруида.

— Да, пришло время поведать вам одну новость, братья мои! Наш величайший враг, дикарь Тонгор, сам пришел мне в руки.

Со стороны синего трона раздался голос Ксота-Черепа:

— Что ты имеешь в виду, старший брат? Как это произошло?

И повелитель Марданакс рассказал все по порядку. Он сообщил о том, как при помощи Всевидящего глаза узнал, что Воздушный флот Патанги движется на восток. А теперь Тонгор и армия его чантари, его воинов-героев, приземлились на площади мертвого города Альтаар. Когда рассказ завершился, Вуал, сидевший на зеленом троне, пронзительно закудахтал от смеха.

— Глупец! — пропищал Мозг. — Тонгор, видно, сошел с ума, если решился пересечь границу нашего царства! Теперь?..

— Теперь нам надо просто сжать ладонь в кулак, и Тонгор будет наш! — промурлыкал Сарганет бесцветным голосом.

— Правильно, Серый брат, — холодно улыбнулся Марданакс.

Наступившее молчание прервал ироничный голос Малдрута:

— Но если он в Альтааре среди своих друзей из племени джегга, то каким образом повелитель Марданакс предлагает нам схватить Тонгора? Ведь его окружают десять тысяч крепких воинов.

— Это проще, чем ты думаешь, Алый остряк! — грубо ответил ему Марданакс. — Уже бесчисленные годы великое племя зодак воюет с племенем джегга.

И, как вам всем хорошо известно, могучий военный вождь зодак Зартон Грозный, наш союзник, которого иногда можно уговорить оказать нам услугу...

Питуматон поерзал на месте и захихикал, отчего затряслись его живот, подбородки и щеки. Он склонился вперед и сквозь смех проговорил:

— Значит, если я правильно тебя понимаю, Старший брат, ты натравишь племя зодак на племя джегга? Ха, приятное зрелище для старых усталых глаз! Но что делать с летучими кораблями Тонгора? Вдруг они поднимутся в воздух и станут воевать на стороне Джомдата?

Насколько я знаю, они — очень грозное оружие. Ведь имея всего лишь один корабль, эта северная свинья Тонгор разбил объединенную армию двух городов. Тогда Черный Ястреб одержал победу над Драконом Турдиса и над Серебряным дельфином Шембиса?

— План мой изощреннее, чем вы полагаете, — холодно объяснил Марданакс. — Я еще не все вам рассказал. Завтра, не знаю зачем, Тонгор и его воины отправляются к скалам, разделяющим земли племен зодак и джегга. Синекожие воины отправятся вместе с Тонгором. Этим вечером мы вступим в переговоры с вождем Зартоном и предоставим ему наше новейшее оружие — плащи-невидимки!

Череп едва не вскрикнул. Глаза его вспыхнули фанатичным огнем, и тело колдуна, укутанное синим халатом, затряслось.

— А-а-а... Теперь я понимаю, старший брат, — в сухом монотонном голосе слышалось предвкушение удовольствия, — воины Зартона незаметно подкрадутся к судам, схватят Тонгора и накроют его еще одним плащом... Так что никто не помешает нашим союзникам увести Тонгора в свой лагерь. А как только он окажется в стенах древнего Иба, Города Червя, я явлюсь за ним и доставлю в Заар... где мы сможем поступить с пленником по своему усмотрению.

По кругу гигантских тронов пробежала волна злорадного смеха.

— Теперь, братья, остается лишь решить то, какому наказанию мы подвергнем эту унзу, этого северного варвара.

Затем последовал спор между князьями, во время которого обсуждались достоинства различных способов истязания. Пока колдуны спорили, черный архидруид спокойно сидел на своем месте и едва заметно ухмылялся. Через некоторое время он прервал своих братьев:

— Все эти способы достаточно хороши, но ни один из них не унизит Тонгора так, как мы хотели бы. Нам требуется найти наказание, соответствующее величине преступления, совершенного валькаром против повелителей Хаоса и нас, их слуг.

Малдрут склонился вперед.

— Ты хочешь нам что-то предложить, старший брат?

Марданакс злорадно усмехнулся.

— Да, — ответил он.

А потом в наступившей тишине он медленно произнес два ужасных слова:

— Величайшее жертвоприношение.

Его слова эхом разнеслись по залу.

Толстый Питуматон побледнел. Его рыхлые дряблые щеки заблестели от пота.

Черные глаза Вуала вспыхнули злобой, а тонкие губы растянулись в улыбке.

Малдрут иронично усмехнулся. Но никому больше идея эта не показалась смешной. Даже костлявый Ксот содрогнулся, услышав такой приговор.

Первым заговорил Питуматон:

— Но, старший брат. Последние несколько тысяч лет ни один магистр Заара не решался провести этот ритуал!

Глаза Марданакса в прорезях маски вспыхнули изумрудным адским огнем.

— Значит, мы будем первые, кто обрушит на Тонгора эту самую ужасную кару, придуманную человеческим разумом. — Он сделал паузу и затем с явным удовольствием в голосе произнес полное название дья-

вольского обряда: — Ритуал превращения души человека в раба сил Хаоса!

Затем, прикрыв глаза воспаленными веками, Марданакс откинулся на спинку трона.

— Но развлечение состоится не сегодня. Сейчас надо заняться делом! Я отправляюсь в древний город Иб, чтобы договориться с Зартоном. А ты, повелитель Питуматон, подготовь достаточное число плащей. До восхода луны я должен быть в Городе Червя.

Жирный колдун задумчиво почесал отвисшую щеку.

— Не думаю, что за это время можно успеть зарядить энергией больше дюжины плащей, старший брат, — просипел колдун в пурпурном.

— Ладно, и дюжины должно хватить, — решительно произнес Марданакс. — Займись этим.

Совет закончился.

Один за другим колдуны вставали, отдавали честь Черному колдуну и уходили... каждый по-своему... Они возвращались к свои делам... с нетерпением ожидая того момента, когда бессмертная душа Тонгора Великого будет отдана в вечное рабство повелителям Хаоса.

Глава 7
НЕВИДИМАЯ АРМИЯ

Над степью безвестной и дикой, где вечно царит война,
Где странных людей синекожих чужая лежит страна, —
Там воинству Тонгора гибель наносит свой первый удар,
И падают люди с криком, в душе унося кошмар...
Ужасна и непостижима как будто из воздуха смерть!
Как можно сражаться с теми, кого и не разглядеть?
И как же суметь защититься от шквала незримых атак?
То люди иль черная сила?! — невидим таинственный враг!

Сага о Тонгоре, XVII, 11, 12

— Горм Всемогущий!

Это выругался Тонгор, вскакивая и не найдя от удивления других слов.

Мимо его плеч просвистела черная стрела и впилась в горло могучему рмоахальскому воину. Другая стрела ударила о корпус судна и разлетелась в щепки.

Тонгор обернулся, сжимая меч, и позвал Тома Первиса. И тут недавно принятый в Черные Драконы молодой воин, случайно оказавшийся рядом, вдруг крикнул: «Господин, берегись!» Он кинулся к Тонгору и заслонил грудь валькара небольшим легким щитом.

Тонгор замер. Еще одна стрела впилась в круглый кожаный черм — так назывался в Лемурии небольшой щит. Если бы не юный воин, стрела пронзила бы грудь Тонгору!

Валькар взглянул на залитое потом лицо молодого воина и улыбнулся:

— Благодарю тебя, Чарн Товис. Но ты ранен...

Молодой воин махнул рукой.

— Просто руку задело. Ничего серьезного.

Однако длинный порез на предплечье молодого воина сильно кровоточил. Тонгор положил ладонь на плечо юноши.

— Ты заслонил меня от стрелы, рискуя собственной жизнью, — спокойно проговорил он. — Такая преданность очень редка, Чарн Товис. С этого момента ты — койан и принадлежишь к знати империи. Кроме того, ты теперь командир сотни.

Юноша покраснел от радости и сбивчиво забубнил слова благодарности. Но у Тонгора не было времени слушать его. Валькар побежал к скале, туда, где стоял даотар Том Первис и внимательно оглядывал местность.

— Не могу отыскать врага, господин! — сказал старый воин. — Непонятно, откуда берутся эти стрелы.

Тонгор огляделся. Воины его выстроились кольцом, готовые к бою, защищая грудь и лицо чермами, которые при помощи лямки крепились на предплечье. Черные стрелы сыпались вокруг смертоносным дождем. На камнях уже лежало девять окровавленных тел, а часть отряда племени джегга ускакала в поисках невидимого врага. Но они пали, утыканные стрелами, а их кротеры взволнованно заметались из стороны в сторону. Невероятно!

Тонгор заметил, как старый вождь джегга и его сын Шангот укрылись за кормой ближайшего судна. Но кто же напал на них?

Том Первис провел рукой по седым волосам.

— Будто напали духи из Страны Теней... или у самого воздуха выросли руки, он взялся за оружие и обратился против нас, — проворчал старый воин.

Над его плечом со свистом пролетела стрела. Даотар пригнулся и грязно выругался.

— Надень на голову шлем. Не зевай, держа его под мышкой, — раздраженно сказал ему Тонгор. Пока Том Первис надевал на копну седых волос сверкающий шлем, валькар внимательно огляделся вокруг. Даже его острое зрение не могло различить ни малейшего следа нападавших. Похоже на то, что слова, только что сказанные даотаром, правда. Невероятно.

Самым разумным было бы сесть в летающие корабли и подняться в воздух — в трюмы уже погрузили три сотни превосходных кристаллов, — но сердце Тонгора противилось мысли о том, чтобы бежать от врага. Если бы ему нужно было думать только о себе, он бы без промедления покинул укрытие среди скал и непременно отыскал бы неизвестного противника, чем бы ему это не грозило. Но Тонгор давно уже не был одиноким чантаром, который может бродить по свету, ни о чем не заботясь, кроме как о чести воина. Он — царь и в первую очередь должен думать о многих тысячах людей, которые зависят от него. Так что, хотя ему и претило бежать, не нанеся в ответ ни одного удара, он понимал, что необходимо поступить именно так.

— Горм! Если бы только увидеть этих собак, мы бы изрубили всю их стаю — или погибли бы в бою, а не прятались здесь, как желтобрюхие унзы, — проговорил он, еле сдерживая ярость.

— Да, господин, — ответил военачальник. — Но сейчас мы беспомощны! Мы не можем сражаться с невидимками.

Тонгор проворчал что-то, но вынужден был согласиться.

— Ладно, но одно ясно, если мы задержимся здесь еще ненадолго, невидимые враги всех нас перебьют.

— Может, сделаем вылазку? Нападем на них неожиданно? — предложил старый даотар. Тонгор молча подумал над этим предложением... Заманчиво. Но валькар понимал, что рисковать не имеет права. Необходимо сохранить имеющийся запас ситурлов. Его обязательно надо доставить в Патангу. И незачем... Тонгор знал свой долг и, как бы он ни жалел об этом, понимал, что необходимо сделать в первую очередь.

— Нет, — ответил он. — Том Первис, дай команду садиться на корабли. Поднимемся туда, где нас не достанут стрелы этих собак. Потом вернемся в Альтаар.

— Да, но... — начал было возражать старый воин.

Тонгор оборвал его:

— Это приказ. Выполняй! Мне это нравится не больше, чем тебе. Но делать нечего. Действуй!

Том Первис отдал команду горнисту на флагманском судне, и тот протрубил сигнал. Черные Драконы с восхитительной слаженностью шаг за шагом стали отступать к воллерам, защищая друг друга щитами, и забираться в тяжелогруженые корабли. За воинами Тонгора последовали воины джегга, которым ничего не оставалось, как потрясать огромными копьями, грозя пустой равнине.

Почти все люди находились уже на борту. Тонгор и даотар Воздушной гвардии последними направились к воздушным судам. Они вышли из-за скалы, за которой прятались, и побежали к ближайшему кораблю. В них полетели черные стрелы. Будто град ударил в дерн.

Так получилось, что старый воин достиг судна первым. С удивительной для его возраста ловкостью военачальник уцепился одной рукой за палубное ограждение и запрыгнул на борт. Встав на колени и прикрываясь щитом, он протянул руку своему господину.

Но тут случилось нечто странное.

Тонгор остановился, споткнувшись, попытался ударить мечом по воздуху, качнулся, будто налетел на невидимое препятствие, — и исчез!

Старый воин разинул от удивления рот.

Он слышал шум потасовки — тяжелое дыхание, ругань, звон оружия, — но ничего не видел. У него волосы зашевелились на голове, когда он заметил, как приминается сухая трава в том месте, где стоял до этого Тонгор. Казалось, по ней ходят невидимые ноги.

— Господин! Я иду! — крикнул он, выхватил меч и взялся рукой за ограждение, для того чтобы спрыгнуть на землю. Но вдруг раздался другой звук — топот множества ног! Невидимая армия приближалась к воллерам.

Из ниоткуда донесся сдавленный голос Тонгора:

— Назад! Назад, глупец, — сейчас же взлетайте! Не пытайтесь меня спасать. Взлетайте, пока корабли не захватили невидимки!

Том Первис с отчаянием простонал. На его лице каплями выступил пот, и ужас сдавил его горло, так что он едва мог говорить.

— Но, господин! Мой царь! — воскликнул он дрожащим от горя голосом.

Звуки борьбы удалялись. Тот, кто схватил Тонгора, оттащил его подальше, — но в каком направлении — сказать было трудно.

Снова из ниоткуда донесся голос Тонгора. Но на этот раз слова прозвучали холодно, властно, по-царски решительно:

— Я... приказываю... взлетать... и доставить кристаллы Иотондусу! Пусть ускорит изготовление оружия... установить его на... кораблях!

— Мой господин!

— Затем возвращайтесь... и ищите меня...

— Господин! Тонгор!

Ответа не было. Валькар молчал. Тонгор, повелитель Запада, исчез, словно под землю провалился. По искаженному горем лицу Тома Первиса текли слезы, смешанные с холодным потом.

Воин, стоявший рядом с ним, вдруг вскрикнул и зашатался. Из раны на груди потекла кровь, и он, взмахнув руками, уже мертвый упал за борт.

Тот Черный Дракон, что держал щит над Томом Первисом, закричал, когда невидимый топор ранил его в руку и повалился, зажимая рану. Том Первис, почти ничего не понимая, оглядывался по сторонам.

На палубу воллера забирались невидимые воины!

Будто очнувшись от ужасного сна, Том Первис поднялся на ноги. Другие Черные Драконы тоже заметили, что невидимый враг добрался до них. Прямо перед Томом Первисом на блестящем урлиевом корпусе появилось мутное пятно. Зеркальная отполированная поверхность запотела. Словно к ней прикоснулась потная рука. Палуба чуть качнулась. Кто-то тяжелый перелезал через борт. Старый даотар почувствовал, как по телу его побежали мурашки.

Он вслепую ударил по воздуху. Клинок со свистом рассек пустоту — и вонзился в чье-то тело. Прямо перед даотаром кто-то закричал, и палуба под ногами закачалась, будто за борт упал тяжелый предмет. Невесомое судно слегка вздрогнуло.

Военачальник удивленно поглядел на клинок, который он держал в руке. Тот был в крови от кончика до самой гарды! Тогда воин решил, что, взмахнув клинком, полоснул врагу по горлу.

Том Первис быстро развернулся и помчался по палубе. Подбежав к стоящему на корме флагштоку, он нагнулся и со всей силой ударил мечом, перерубив трос, который удерживал судно. Немедленно, словно выпущенный воздушный шар, воллер рывком поднялся на десяток ярдов.

Перекрывая шум, прогремел могучий, словно рев медной трубы, голос даотара:

— Всем подняться в воздух! Рубить концы!

Как стая голубей, флот Патанги взмыл в воздух. На палубах продолжалась суматоха, воины, крича и ругаясь, сражались с невидимыми противниками. Но к тому моменту, когда Том Первис перерубил канат, лишь горстка врагов успела подняться на палубу воллера. Этих немногих быстро перебили и выбросили за борт. К тому времени суда находились уже

высоко в воздухе, и воины тяжело дышали от возбуждения и дрожали от суеверного страха, глядя на степь и пустынные низкие скалы, где, пощипывая траву, бродили зампфы. Внизу лежали пронзенные стрелами трупы... но больше никого не было видно! Случившееся казалось кошмаром, но теперь все закончилось. Им удалось вырваться, сохранив кристаллы и свои жизни...

Старый военачальник поморщился при мысли о том, что вынужден был отступить. Он вытер лоб тыльной стороной ладони. Но что поделать: даотар выполнил царский приказ. Как старый солдат, Том Первис знал: приказы не обсуждают.

Однако за всю свою жизнь он никогда не получал приказа, который ему было бы так тяжело исполнить. Теперь Том Первис сгорал от стыда. Он чувствовал себя сломленным. Словно смертельно раненный зверь, он хотел лишь уползти подальше и остаться наедине со своей болью.

Даотар напрягся, расправил плечи и постарался выглядеть равнодушным и спокойным. Он словно нацепил железную маску.

Теперь он остался единственным начальником. Два десятка судов — сотня добрых воинов Воздушной гвардии и Черные Драконы — ожидали его распоряжений. Не время поддаваться горю: он должен принимать решения и отдавать приказы, должен отвести флот в Патангу и доставить Иотондусу груз кристаллов. Это сейчас самое главное.

Еще будет время скорбеть о погибших...

И отомстить! Сердце даотара забилось быстрее. Последним приказом Тонгора было: установить на корабли новое оружие и вернуться на равнины.

Плотно сжатые губы военачальника растянулись в зловещей улыбке. Глаза загорелись ледяным огнем.

Это будет такая месть, какой равнины еще не видели, с тех пор как руки богов вылепили их из первозданного Хаоса.

Том Первис подозвал горниста:

— Труби: мы возвращаемся в Альтаар. Высадим там наших друзей, а потом полным ходом в Патангу! Труби!

На палубе другого корабля сидел, прижавшись к ограждению, и незаметно для других плакал Шангот. Он видел, как исчез Тонгор, как его унесли невидимые враги.

В руке князь джегга сжимал черную стрелу, одну из многих, упавших на палубу. Успокоившись Шангот внимательно рассмотрел эту стрелу. Она была помечена знаками изготовившего ее племени.

Стрела племени зодак... их старинных врагов!

Шангот слышал последний приказ, который успел прокричать Тонгор, прежде чем его одолел невидимый противник.

И Шангот видел горе Тома Первиса. Он понимал, что старый воин отвечает за исполнение этого приказа, и заметил, как согнулась спина даотара под тяжестью этой ноши. Шангот знал: даже если расскажет Тому Первису о том, что знает, кто на них напал, он не сможет заставить даотара нарушить приказ, отданный царем.

Шангот стал на колени у палубного ограждения и сломал стрелу.

Пять лет тому назад, после того как валькар спас его от страшной смерти от рук Адаманкуса, колдуна из Заара, Шангот положил свой боевой топор к ногам Тонгора — как символ клятвы верности, какую приносят рмоахалы своим вождям.

Тогда же он положил к ногам Тонгора и свое сердце.

Кочевник понимал, что ему остается сделать только одно.

Решив так, он со свойственной дикарям быстротой и откровенностью перелез через ограждение палубы воллера и ухватился за веревочный трап, болтавшийся в воздухе. Воллеры так поспешно взлетали, что никто еще не вспомнил о том, что надо втянуть веревочные трапы и сложить их на палубе.

Шангот же спустился по трапу и повис на самом его конце.

Разжав руки, он спрыгнул, приземлившись на упругий мягкий дерн. Более слабый человек переломал бы себе ноги. Но Шангот был кочевником племени джегга и, как и все они, обладал железной силой и могучей мускулатурой. Хоть он и ушибся, травм он не получил.

Шангот поднялся и смотрел, как воллеры проносятся над головой. Но вот флот Патанги растаял вдали, направившись к далеким стенами Альтаара.

Тогда князь повернулся и побежал уверенно и быстро; такой темп при необходимости он мог поддерживать в течение нескольких часов.

Он знал, что племя зодак стоит лагерем среди руин Иба, Города Червя, на расстоянии многих лиг к югу отсюда. Шангот понимал: для чего бы враги ни схватили Тонгора, они тут же поспешат доставить свою добычу в свой лагерь. И кочевник молча поклялся преследовать похитителей и попытаться освободить Тонгора, пусть даже на пути его встанет десять тысяч врагов.

Или погибнуть.

Глава 8

ПЛЕННИК СИНИХ ВЕЛИКАНОВ

Стараниями друидов невидимость обрело
Свирепое племя зодак — свершилось черное зло,
И Тонгор, так подло плененный, предстал перед
грозным вождем —
Стреноженный, связанный крепко, со смертью к лицу лицом.

Сага о Тонгоре, XVII, 13

Солнце начало сползать к горизонту. Тени стали длиннее. Наконец кочевники, взявшие в плен Тонгора, увидели вдали стены Иба, Города Червя...

Как только невидимые люди отошли подальше от Скал кристаллов грома, они сняли с себя плащи и сорвали плащ с Тонгора, скрывший валькара от Тома

Первиса, Шангота и других воинов. И Тонгор узнал, что пленили его рмоахалы из враждебного племени, хотя северянин и не мог определить по украшениям кожаных ремней, что это воины племени зодак, так как не знал отличительных знаков различных племен кочевников. Руки Тонгора заломили за спину и надели на запястья крепкие наручники.

К югу от Скал кристаллов грома стояли привязанными несколько зампфов. Рмоахалы свернули свои волшебные плащи, сделанные из скользкого, стеклообразного материала. Они уложили плащи в седельные сумки.

Плащи, как удалось разглядеть Тонгору, больше походили на мантии с капюшонами, скрывавшими все тело. Рукава, длиннее обычных, скрывали даже кисти рук, а капюшон — лицо. Насколько Валькар сумел разобраться, брошь на груди, украшенная драгоценными камнями, таинственным образом управляла невидимостью плаща. В центре каждой броши был огромный золотисто-оранжевый хандрал — камень очень большой редкости, исчезнувший с Земли после гибели Лемурии. Похоже, все дело было именно в нем. Он вращался в оправе, подобно ручке настройки.

Тонгор вспомнил, что много лет назад великий лемурийский колдун, мудрый Шайрата, передал ему золотой браслет с огромными хандралом, упомянув, что безделушка может когда-нибудь пригодиться. Позже, находясь в плену у мертвецов из затерянного города Омм, в джунглях Ковии, Тонгор случайно обнаружил, что браслет является талисманом, позволяющим носящему этот браслет перемещаться, оставаясь невидимым, если повернуть в оправе подвижно закрепленный хандрал.

Еще северянин вспомнил, что Шайрата жил в Зааре до того, как порвал с неразборчивыми в средствах черными друидами, бежал и поселился в подземном дворце у подножия гор Моммара далеко на Западе.

Тонгор решил, что его враги, колдуны Заара, дали плащи-невидимки рмоахальским воинам. Конечно, северянин не был в этом полностью уверен, но скорее

всего все было именно так. Тонгор никогда не имел ничего общего с людьми этого племени, и непонятно, зачем им похищать именно его, если только они не действуют по указке черных колдунов?

Толкаясь, воины племени зодак посадили Тонгора верхом на одного из зампфов и повезли на юг, в сторону древнего Иба. Зампф — огромное, сильное и медлительное животное, похожее на носорога, или трицератопа. Толстая шкура его имеет цвет индиго, плавно переходящий в грязно-желтый на брюхе. Короткие толстые ноги зампфа могут без устали нести животное в течение нескольких дней. У зампфа твердый, покрытый роговой тканью клюв, как у попугая, и между свинячьими глазками и маленькими нежными ушками — рога. Огромный вогнутый костный щит защищает его шею и плечи. Он напоминает седло. В западных землях наездники использовали этот щит как седло, но рмоахалы с синей кожей были слишком велики и поэтому цепляли на спину зампфа специальное седло из кожи. Они управляли животным при помощи поводьев, прикрепленных к железным кольцам, вставленным в чувствительные ушки зампфа. Страшный на вид, огромный взрослый зампф весил от трех до четырех тонн. На самом деле это был добродушный травоядный зверь, легко приручаемый, хотя и туго соображающий.

Отряд племени зодак вместе с Тонгором отправился в путь по долине, оставив два десятка товарищей следить за воинами Патанги и сопровождающими их джегга. Они догонят племя позднее, когда летающие корабли покинут эти края.

Через некоторое время рмоахалы и Тонгор въехали в ворота Города Червя. Кочевники не разговаривали с Тонгором, да и он не пытался задавать им вопросы, предпочитая сохранять царское достоинство и величие.

Тонгор заметил, что пленившие его воины племени зодак (в конце концов он узнал это из их разговоров) находятся на гораздо более низкой ступени развития,

чем его друзья из племени джегга. Суровые, некрасивые воины, с дикими лицами, покрытыми ритуальными шрамами, мало смеялись, редко обменивались шутками. Каждый воин племени зодак смотрел на своих товарищей с подозрением и ненавистью. Молчаливые и угрюмые, они пользовались речью лишь для того, чтобы прорычать оскорбление или жестоко пригрозить. Они постоянно ссорились. Все они, как казалось, готовы были в любой момент взбунтоваться. За время долгого пути по равнине вспыхнуло несколько драк. Любой воин, которого случайно толкал или задевал плечом товарищ, разражался безумным гневом. Тогда весь отряд ненадолго останавливался и два гиганта с криками кидались друг на друга, бешено размахивая огромными бронзовыми топорами до тех пор, пока один из противников не превращался в изрубленный кусок мяса. Во время таких дуэлей никто из остальных воинов не вмешивался и не делал ни малейших попыток остановить драку. Они просто собирались вокруг, чтобы посмотреть и посмеяться от радости, когда один из их товарищей падет под ударом тридцатифунтового топора. Потом победитель снимал с трупа все украшения и драгоценные камни, и отряд двигался дальше, оставив мертвое тело хищникам.

Наблюдая бурные проявления животной ярости рмоахалов, Тонгор решил, что племя зодак находится на более низкой ступени развития, чем джегга, их северные враги. Хотя кочевники джегга тоже считались дикарями, у них был принят определенный ритуал вызова на дуэль. Во время дуэли они придерживались строгих правил. За их точным соблюдением следил секундант. Дуэль была честной, а победа — справедливой. Более того, в племени джегга во время военных операций, вроде этой экспедиции, дуэли вообще запрещались. Тонгору было непонятно, как дикарям племени зодак удается поддерживать дисциплину в своих рядах во время войны.

Когда кочевники и их пленник въехали в город, еще более очевидным сделалось то, что зодак — варварский и темный народ, достигший лишь самой низшей ступени

социальной организации. Женщины являлись общей собственностью всех воинов племени. На детей воины не обращали внимания либо угощали их пинком или подзатыльником. Когда дети взрослели и уже могли за себя постоять, их неохотно принимали в среду полноправных воинов племени.

Проезжая по заваленным обломками улицам, Тонгор наблюдал на каждом шагу убожество и запустение. Жилища племени зодак выглядели невообразимо жалко, заваленные зловонным мусором, лишенные элементарных удобств, — временные убежища от непогоды, а не дома. Племя зодак, похоже, не имело никаких вещей, кроме украшений, которые они, скорее всего, никогда не снимали. Эти рмоахалы, очевидно, не достигли того уровня цивилизации, когда появляются понятие личной жизни и частная собственность. Эти кочевники явно не имели вещей, которых нельзя носить с собой, постоянно защищая.

Лагерь великого вождя племени зодак находился на центральной мощеной площади разрушенного города. Более половины ее завалила обломками упавшая башня. В руинах была выкопана пещера, которая и служила залом, где жил Зартон и его придворные. От непогоды вход в зал защищал рваный и грязный навес, который поддерживали две палки. Когда Тонгора подвели ближе, он заметил, что это остатки некогда роскошного гобелена изысканной работы, который даже сейчас, выцветший и заляпанный, сохранил следы былого великолепия.

Перед входом отряд остановился, спешился. Воины грубо сбросили Тонгора с седла на грязную мостовую. Валькар молча поднялся на ноги, не высказывая никаких претензий. Воины грубо заржали, глядя на бесстрастное, похожее на маску лицо Тонгора, а самый высокий из них, тот, кого остальные считали старшим и которого, как понял Тонгор, звали Хошка, ткнул массивным кулаком Тонгора в грудь. Валькар послушно зашагал к темному входу.

Логово Зартона представляло собой неописуемо грязную дыру, источающую невероятное зловоние. Повсюду в помещении валялись военные трофеи, предметы, отнятые у более слабых племен. Разломанные шкатулки, из которых высыпались каскады драгоценных камней. Вазы и статуэтки из золота и серебра, из язита и электрума валялись под ногами, среди гниющих пищевых отходов: раздавленных фруктов, разлитого вина и обглоданных костей.

В центре помещения находилась приподнятая платформа, где стояло похожее на трон кресло из слоновой кости, украшенное превосходной резьбой, обмазанное грязью и остатками пищи. И на этом величественном кресле сидело самое отвратительное чудовище в человеческом обличье, какое только видел когда-либо Тонгор. Обнаженное тело с развитыми до настоящего уродства мускулами выглядело противоестественно. На этой груде мышц висели гроздья драгоценных украшений. Его роскошные ремни были буквально утыканы самоцветами и обшиты круглыми, похожими на монеты, золотыми пластинами. Фантастический пояс, поддерживавший огромное пузо, весь сверкал бриллиантами, и на этом поясе висел целый арсенал из усыпанных драгоценными камнями кинжалов, ножей, огромной кривой сабли и гигантского бронзового топора с золотой ручкой и вставленными в нее неограненными рубинами.

Но все эти роскошные драгоценности не могли скрасить отвратительную внешность их владельца. Лицо Зартона хранило следы всех пороков, какие только могут отразиться на лице. Грозный лик вождя опух от разгульного пьянства. Под маленькими холодными глазами, белки которых были налиты кровью, набухли мешки. Губы Зартона выглядели дряблыми и безвольными.

В мерзком облике вождя не было ничего царского или даже простого человеческого. Из-за болезни или какой-то травмы рот Зартона постоянно был приоткрыт, и слюна тонкой струйкой непрерывно стекала на массивную грудь. Морщины лица подчеркивали жестокость и животную хитрость вождя. Желтые клыки,

торчащие из нижней выдающейся вперед челюсти, упирались в верхнюю губу, отчего казалось, что вождь постоянно ухмыляется. В одной грязной лапе, усаженной перстнями, вождь держал невероятного размера чашу с вином, из которой он, когда Тонгор подошел к трону, шумно отпил. В другой руке Зартон сжимал жирную полусырую говяжью ногу, которой закусывал.

— Так это и есть та жалкая унза, которую велели нам поймать повелители Заара? — прорычал вождь. Воины, толпившиеся рядом с троном, расхохотались от такой грубой шутки, так как унза — маленький лемурийский грызун, чьи отвратительные повадки в сочетании с трусостью сделали его имя любимым ругательством.

— Да, великий вождь! — подобострастно сказал Хошка. Он опустился на колени и положил к ногам Зартона меч валькаров, отнятый у пленного. Серая сталь блеснула первозданной чистотой среди окружающей смеси роскоши и дерьма.

Тонгор ничего не сказал, но его величественная поза говорила сама за себя, а взгляд золотистых глаз был полон презрения.

Задетый молчанием пленника, Зартон швырнул чашу на грязный пол и наклонился вперед.

— Говори, малявка... позор воинов! Зачем могучему колдуну из Черного города понадобилась такая мелюзга, как ты? Может, у тебя есть что-то, что им нужно? — В глазах Зартона на мгновение вспыхнул огонь жадности. Он икнул и вытер жирный рот такой же жирной рукой. Затем, не дождавшись ответа от Тонгора, он швырнул недоеденную ногу, с которой капал жир, прямо в лицо валькару и взорвался хохотом, брызжа слюной, когда Тонгор покачнулся от удара.

Вождь вытер руку о бедро и вытянул ее.

— Хошка, дай мне оружие чужестранца, — приказал вождь.

Из груди Тонгора вырвалось рычание. Его золотистые глаза вспыхнули как глаза тигра. В его племени никто никогда не прикасался к чужому оружию, ведь

меч, так же как и жена, может принадлежать лишь одному мужчине. Так считали валькары, и это было делом чести.

Зартон не обратил внимания на рычание Тонгора. А следовало, так как кисти Тонгора, скованные за спиной, напряглись и мускулы плеч и спины валькара задрожали от напряжения.

Восточные кочевники однажды уже сковывали Тонгора. Это случилось, когда взбунтовавшиеся воины племени джегга захотели сжечь своего старого вождя Джомдата и его друга валькара. Тонгор тогда обнаружил, что наручники кочевников рассчитаны на кисти рук синекожих гигантов. А обычный человек сумеет выдернуть из них руки, если постарается. Незаметно для воинов племени зодак, чье внимание было прикован к вождю, Тонгор попытался освободиться. Сильно ободрав кожу, он сумел-таки это сделать.

Зартон узнал о том, что Тонгор освободился, когда железный кулак северянина, как кузнечный молот, обрушился ему в поддых. Тонгор прыгнул на развалившегося на троне вождя с ловкостью лесного кота. Когда Зартон согнулся от боли, сжимая руками живот и блюя, Тонгор подхватил свой меч и, обернувшись, утопил блестящую сталь в зловонном сердце жестокого Хошки.

Воины вокруг закричали — два десятка кочевников, обезумев от ярости, бросились защищать своего вождя.

Но Зартон одним взмахом могучей руки остановил их, а другой рукой выхватил из-за пояса кривую саблю. Он уже пришел в себя после удара Тонгора. Размахнувшись, он примерился, чтобы снести голову жалкому человечишке, осмелившемуся прикоснуться к его священной особе.

Но удар сабли не попал в цель — Тонгор не стоял на месте. Он подпрыгнул под удар сабли Зартона и пронзил острием меча мясистое плечо вождя. С нечленораздельным криком боли и ярости раненый кочевник выронил саблю и бросился на Тонгора с голыми руками, желая смять северянина в своих объятиях. Но валькар ловко увернулся от рук разъяренного вождя и болезненно уда-

рил его мечом по бедру. С гневным ревом десятифутовый колосс покачнулся, когда подогнулась раненая нога. Теперь Зартон с трудом держался на ногах.

И тогда Тонгор ударил его кулаком прямо в челюсть. Чудовищный удар. В этот удар Тонгор вложил всю мощь своих мышц.

Должно быть, Зартона впервые за его долгую жизнь ударили по лицу.

Вождь повалился на спину и рухнул с возвышения на толпящихся воинов, сбив их с ног. Его лицо, искаженное яростью, распухло и посинело. Но больше всего вождя бесило то, что его унизили. Посидев несколько мгновений и убедившись, что все это происходит на самом деле, Зартон обезумел. Он поднялся на ноги, дрожа словно раненый бык, и набросился на своих людей, разметав их в разные стороны ударами могучих рук. Схватив огромный топор, вождь повернулся к Тонгору, чтобы изрубить валькара на куски, — но бронзовая фигура дерзкого и неуловимого противника исчезла!

Стоя на платформе рядом с троном в центре помещения, окруженный со всех сторон врагами, Тонгор воспользовался тем, что все кочевники на мгновение отвлеклись, бросившись на помощь своему упавшему вождю. Валькар присел и потом подпрыгнул и ухватился руками за потемневший от времени деревянный брус, проходивший прямо над троном.

Зоркий взгляд северянина разглядел черную дыру в стене в дальнем конце зала. Подтянувшись и взобравшись на брус, Тонгор побежал по нему в другой конец зала, спрыгнул на пол и исчез в дверном проеме. Он выскользнул из зала еще до того, как удивленные рмоахалы заметили, что его нет возле трона.

Но один зоркий воин приметил, куда сбежал пленник, и указал остальным.

Нырнув в темный дверной проем, Тонгор оказался в узком коридоре, похожем на туннель, с осыпавшимися стенами. Валькар помчался по этому коридору, хоть и не знал, куда тот его выведет. Как голодные демоны, воины племени зодак ринулись за ним в погоню. Их вел

хромающий, обезумевший вождь. Из его разинутого рта капала белая пена, красные глаза вылезли из орбит.

В конце узкого коридора находилось некое грубое святилище, посвященное каким-то адским тварям, которым поклонялись кочевники. За низким, забрызганным кровью алтарем зияло черное отверстие, уходящее в глубь земли.

Тонгор остановился на краю, быстро огляделся по сторонам. Больше идти некуда — через секунду разъяренные воины, как свора собак, растерзают его. Сжав меч в руке, валькар прыгнул в темную дыру!

Зартон и его воины остановились на краю колодца, заглядывая в черную бездну. Из дыры дул легкий ветерок. Воздух пропитала мерзкая вонь рептилий, словно на дне колодца было логово чудовищных змей.

Тонгор прыгнул туда...

Зартон стоял и смотрел вниз.

Вначале он улыбнулся... холодной злой улыбкой.

А потом он расхохотался.

Глава 9

ГИБЕЛЬ ПЛЕМЕНИ ЗОДАК

Звучат боевые трубы, нарушив степей тишину, —
Суровое племя джегга свою начинает войну.
За Тонгора жизни готовы воины джегга отдать,
Их смертоносная ярость — как бога войны печать!

Сага о Тонгоре, XVII, 14

Когда закат развернул на западе алые знамена, отряды воинов племени джегга выехали из ворот мертвого города Альтаара.

Впереди ехал Джомдат, старый вождь, который уже тысячу раз водил своих воинов в бой. Кочевники отправились в поход. В своем необузданном сердце старый повелитель кочевников джегга поклялся в том, что доберется до Иба, возьмет город штурмом и проткнет клинком зловонное сердце Зартона либо погибнет сам.

Джомдат, так же как и его сын Шангот, узнал знаки на черных стрелах, дождем посыпавшихся с ясного неба у Скал кристаллов грома. И старый вождь понял, кто подло напал на них, воспользовавшись какой-то колдовской уловкой. Это были старые враги его народа, воины племени зодак.

Именно они убили или похитили великого Тонгора, которому Джомдат выделил эскорт из своих воинов. И теперь старый вождь поклялся, что не пройдет и дня, а оскорбление, нанесенное его народу, будет смыто кровью. Он пообещал себе снять позорное пятно со своего щита или погибнуть.

Как только Том Первис доставил вождя и оставшихся в живых рмоахалов в лагерь в разрушенном Альтааре и флот Патанги удалился, чтобы отвезти драгоценные волшебные кристаллы Иотондусу, затрубили большие боевые трубы, призывая кочевников джегга к войне!

Теперь, когда ночь расправляла свои черные крылья и скрывала землю тенью, племя джегга отправилось на войну.

Поросшая травою равнина дрожала под тяжелой поступью огромных зампфов, которые несли на своих широких спинах десять тысяч одетых в кольчуги и украшенных перьями воинов. Земля стонала под тяжестью больших металлических боевых колесниц воинов племени джегга, которые с грохотом ехали по степи. Миллионы сверкающих звезд с любопытством взирали на это грандиозное зрелище.

Эта огромная орда без остановки двигалась по бескрайней ночной степи. Но когда через несколько часов огромная луна древней Лемурии поднялась над линией горизонта, чтобы залить равнины ровным сиянием, она осветила фантастическую картину.

Воины племени джегга к восходу луны уже достигли разрушенных стен древнего Иба, Города Червя. Обвалившиеся стены и рухнувшие купола, осыпающиеся фасады древних дворцов с упавшими колоннами и пустыми глазницами окон, улицы и площади, заваленные обломками и заросшие сорной травой, очень походили

на руины фантастического города, затопленного водами золотого моря.

На улицах пылали большие костры. Тысячи воинов джегга, сверкая оружием, подошли к проломленным стенам. Но на стенах не было ни одного часового, и никто из племени Зодак раньше времени не заметил приближения их давнего врага. Пытаясь смыть горечь обиды на самих себя из-за побега Тонгора и нанесенных им оскорблений Зартону, все кочевники Иба погрузились в пучину буйного пьянства.

Сам Зартон, которому кое-как перевязали раны полосками разорванной дырявой накидки, дико орал. Он перепил кислого сарнового вина, которое готовил его народ. Вождь наполнил себя этой огненной жидкостью для того, чтобы побыстрее заглушить страдания уязвленных гордости и чувства собственного достоинства, а не тупую боль плохо обработанных ран. И еще он хотел охладить свою ярость... Не успел Тонгор скрыться в темной пещере под городом Иб, как Зартон обрушился на тех, кто стоял рядом с ним тогда, когда дерзкий валькар бежал. В гневе вождь перерубил половину своей свиты. Чтобы его, самого могучего и грозного завоевателя в мире, оскорбили, ударили и выставили дураком, пока толпа его самых сильных воинов стояла разинув рты! Этого он не мог стерпеть.

Было от чего прийти в ярость. Вот Зартон и взбесился, обрушился на своих людей, как разъяренный тигр. Теперь все население города тряслось в страхе, прислушиваясь к реву вождя и его ругани, когда он, упившись, шатаясь ходил по центральной площади, убивая всех, кто попадался ему под руку. За ним протянулся след из окровавленных тел, беспомощно бьющихся, корчащихся на каменной мостовой.

Бесшумно, как привидения, воины джегга пробрались в город сквозь тысячи проломов в стене.

Через открытые неохраняемые ворота с грохотом и скрипом вкатились мощные колесницы друзей Тонгора, но весь этот шум потонул в криках, доносящихся с

центральной площади, где бушевал и убивал людей пьяный вождь в окружении перепуганной свиты.

Кто-то закричал... Из толпы, стараясь выбраться из давки, выбежал худенький голый мальчик. Гневный взгляд Зартона остановился на ребенке, и вождь с чудовищным ревом взмахнул огромной кривой красной от крови саблей и зарубил перепуганного мальчика.

Над наблюдавшей за этим толпой повисла тишина. Руки, покрытые шрамами, незаметно потянулись к рукоятям сабель и кинжалов. В сотнях злобных глаз вспыхнула обида. Но ничего так и не произошло. Если бы кто-нибудь из рмоахалов вышел вперед и показал пример, которому могла бы последовать толпа, вспыхнул бы бунт. Толпа растерзала бы Зартона.

Но ничего не произошло. Среди напряженной мертвенной тишины Зартон презрительно пнул тело ребенка и захохотал, брызжа слюной. Вдруг смех его оборвался.

Все увидели, как появившаяся словно по волшебству алая стрела пронзила его грудь!

Зартон качнулся, тупо глядя на трепещущую стрелу. Кривая сабля выпала из обессилевшей руки и зазвенела, покатившись по каменной мостовой. Вождь поднял руку и, застонав от боли, выдернул стрелу, отшвырнув ее в сторону.

Стрела упала на камни, и все воины с удивлением посмотрели на нее. Среди постоянно враждующих племен равнин зодак и джегга, шанг, тад и карзоона стрела, отмеченная знаками племени и пущенная во вражеский город, равносильна объявлению войны.

На алой стреле ясно были видны знаки племени джегга.

И вдруг весь мир сошел с ума!

Затрубили трубы, и, как паровые гудки, заревели боевые зампфы. Свита, окружавшая Зартона, заколебалась — и побежала! Сквозь беснующуюся толпу с грохотом понеслись колесницы джегга, давя тех, у кого не хватало быстроты и ловкости, чтобы ускользнуть от тяжелых, утыканных шипами колес.

Десять тысяч глоток проревели боевой клич джегга. В воздухе засвистели алые стрелы, осыпав толпу смертоносным дождем.

Зартон стоял и тупо глядел на происходящее, словно не мог поверить...

К нему подъехала тяжелая колесница, ею правил величественный суровый старый вождь Джомдат. В руках у него был могучий лук.

Немеющей рукой Зартон пошарил по своему украшенному камнями кожаному поясу, стараясь отыскать саблю, которую только что уронил. Пальцы его нащупали рукоять тяжелого бронзового топора. Вождь зодак выхватил топор и замахнулся им, собираясь метнуть его прямо в лицо Джомдату. Но вождь джегга поднял лук и выпустил вторую алую стрелу. Она попала Зартону точно между бровей.

Огромное отвратительное лицо рмоахала приобрело мертвенный свинцовый оттенок. Воспаленный взгляд потух. Рот расплылся в идиотской ухмылке... Зартон медленно, словно массивная башня, чье основание неожиданно разрушил какой-то катаклизм, повалился вперед, упал лицом на мостовую.

На площади началась резня. Рмоахалы дрались при лунном свете, отчего происходящее походило на барельеф, изображающий битву чудовищ. Время от времени воины племени зодак собирались в группы и атаковали врага, но их тут же сметал град алых стрел, от которых их ряды таяли, будто лед в жарком дыхании печи.

По улицам громыхали колесницы. Они загоняли вопящих воинов в тупики, где их убивали, приперев к стене.

Ликующие воины джегга, верхом на огромных боевых зампфах, разъезжали среди орущей беснующейся толпы воинов племени зодак, рубя саблями направо и налево. Многих затоптали могучие лапы зампфов. Многие, не успевшие вовремя отскочить в сторону, умирали в клювах зампфов. Звери перекусывали людей пополам.

Один за другим, десяток за десятком, гибли сотни воинов.

Восточные равнины никогда еще не видели такой ужасной резни, какую в ту ночь устроил Джомдат. В ту ночь большая часть племени зодак погибла на улицах и площадях мертвого города, стоявшего посреди бескрайней равнины!

Резня закончилась не скоро, но все же закончилась. Розовые лучи рассвета осветили верхние этажи дворцов древнего Иба. Над залитым кровью городом воцарилась тишина.

Упиваясь победой, воины джегга не забыли о том, чему учил их Тонгор, — о мудрой справедливости, милости и сдержанности.

В эту ночь преследовали и убивали лишь воинов. К тому же только тех воинов, которые отказывались сложить оружие и сдаться.

Женщин и детей, стариков и больных, рабов и всех воинов племени зодак, у которых хватило ума сдаться, щадили.

Взошедшее солнце стало свидетелем того, как кочевники-победители разделили добычу и погрузили сокровища на огромные колесницы. Так велико было богатство, накопленное воинственным племенем зодак за долгие годы, что пришлось использовать и грузовые телеги разбитого племени. Воины джегга забрали также и остатки племени зодак. Ведь Джомдат поклялся, что племя зодак должно быть уничтожено. Детей, женщин и всех оставшихся в живых примут в племя джегга.

Обыскав весь город, люди Джомдата не нашли и следа Тонгора. В мертвом городе не нашли ни его трупа, ни его оружия.

И хотя Джомдат и его военачальники продолжали поиски, допрашивали пленных, им не удалось разрешить загадку исчезновения Тонгора...

Единственное, что удалось им узнать, лишь еще больше удивило их, поставив перед ними еще одну неразрешимую задачу.

Странные слова сказал ухмыляющийся старый шаман племени зодак, а может, и знахарь, который проповедовал мерзкий, требующий жертвоприношений, культ бога Ксатусаркиа, повелителя червей. Этот культ, полный жестоких пыток и кошмарных убийств, являлся неким подобием религии.

Злорадно посмеиваясь от удовольствия, старый знахарь сказал:

— Вы ищете чужестранца Тонгора? Здесь вы его не найдете!

— Где же он тогда, старик? — сурово спросил Джомдат.

Сморщенные губы шамана скривились в ехидной улыбке, и он произнес, посмеиваясь:

— Вы найдете его в пасти Червя!

Дальше старый знахарь говорить отказался, и никакие уговоры и пытки не смогли ни развязать ему язык, ни уничтожить ядовитой усмешки.

Джомдат почувствовал, как холодная рука отчаяния сжимает его сердце.

Сказав слово «червь», не имел ли в виду старый знахарь бога, которому они поклонялись? Не давал ли он понять, что Тонгора принесли в жертву во время какого-нибудь мерзкого ритуала? Либо в его устах это был синоним слова «смерть»? Ведь в одинокой темноте могилы царствует лишь Червь.

Вождь наморщил лоб, пытаясь решить эту загадку. Древний город Иб иногда называют Городом Червя. Потому ли это, что он являлся культовым центром поклонявшихся повелителю Червя... или, может быть, те обрывки легенд, что слышал Джомдат... правда? Молва утверждала, что в катакомбах под древним городом Иб обитает отвратительное существо... гигантский червь.

Джомдат продолжал искать своего друга Тонгора до полудня, до тех пор, когда уже не мог больше откладывать возвращение в Альтаар. Он так и не сумел отыскать вход в то таинственное и, вероятно, легендарное подземелье, существующее, согласно поверьям, под руинами древнего Иба. Возможно, и нет никаких катакомб. Воз-

можно, Тонгора убили. Хотя Джомдату очень не хотелось прекращать поиски, он вынужден был это сделать. Раненых воинов надо доставить обратно в Альтаар, где их раны можно промыть, смазать и перевязать.

Когда огромный караван колесниц победившего племени джегга выехал из ворот павшего Иба на бескрайнюю равнину, Джомдат последний раз взглянул на безмолвные руины. Он подумал о том, пожмет ли он когда-нибудь еще руку Тонгора.

И злобно произнесенная фраза ухмыляющегося шамана снова прозвучала у него в голове. Она преследовала его и будет еще долго преследовать...

«Найдете его в пасти Червя!..»

Глава 10
ПОДЗЕМНЫЙ МИР

На диких и вольных равнинах музыка битвы звучит,
И гнев молодого Джомдата противнику гибель сулит.
Враг побежден. Но напрасно Тонгора ищет Джомдат:
Он, разорвав свои цепи, бежал в мир подземный, в ад, —
В пещеры ужасные ныне Тонгору путь лежит,
Туда, где живому нет места, где страх и безумье царит.
Один на один со смертью, во тьме, глубоко под землей
С кошмарною, мерзкою тварью в схватке сошелся герой.

Сага о Тонгоре, XVII, 15, 16

Тонгор камнем падал в непроглядную тьму. Из черной бездны дул сырой ледяной воздух. Он был отвратительным, влажным, затхлым... зловонный запах разложения, который бил по органам чувств, словно вонь гнезда змей, которые извивались, свернувшись клубком среди собственного помета.

Падая, Тонгор вложил меч в ножны, так, чтобы обе руки его оказались свободны. Он не подумал, когда прыгал, что колодец может оказаться такой неимоверной глубины, так что валькар расставил руки, пытаясь ухватиться за какой-нибудь выступ. Но северянин не смог дотянуться до стен.

Однако если он упадет с такой высоты на камни внизу, то должен радоваться, если только ноги переломает...

Вдруг тело валькара погрузилось в ледяную воду, и Тонгор понял, что упал в подземное озеро. Вода показалась валькару невероятно холодной. Вначале удар о воду оглушил Тонгора, но жгучий холод быстро оживил его. Северянин вынырнул на поверхность и стал барахтаться, с трудом дыша, отплевываясь и немея от холода.

Тонгор обнаружил, что его несет куда-то мощное течение! Значит, это не озеро, а подземная река, которая с непреодолимой силой уносит его куда-то. Кругом царила абсолютная темнота. Валькар ничего не видел, но по тому, как рев бурлящей воды отражается эхом, он решил, что поток несет его по узкому тунелю с низким сводом. Бесполезно было бороться с бурным потоком, так что Тонгор сосредоточился на том, чтобы держать голову над водой. Это оказалось достаточно трудно. Борьба со стихией целиком захватила Тонгора.

Подземная река неслась с чудовищной скоростью по туннелю, который постоянно петлял, как очень скоро обнаружил валькар, когда вода с силой ударила его о грубую стену туннеля на первом же повороте. Тонгор быстро приспособился и выставлял вперед ноги, когда чувствовал, что поток собирается снова швырнуть его на камни. Всеми силами сражался он с рекой и вдруг почувствовал, как от ледяного холода черных вод начинают неметь его члены. Если он не выберется из потока — и при этом в самое ближайшее время, — холод скует его ноги и руки, так что даже железная воля валькара не заставит их пошевелиться, и беспомощный Тонгор утонет в этих черных водах неизвестной реки где-то глубоко под землей...

Совершенно неожиданно подземный поток вырвался в огромную, отдающую гулким эхом пещеру, просторную, с высоким сводчатым потолком, как в невероятно большом храме.

Вдруг Тонгор заметил вдали слабое свечение — и тут же поток с силой ударил его о мокрый холодный камень. Из последних сил Тонгор онемевшими руками схватился за скрытый под водой уступ и вытянул свое тело из реки на плоскую холодную каменную поверхность.

Тонгор смахнул с глаз прядь мокрых волос, вглядываясь в окружавший мрак. Пока тело его отдыхало, глаза привыкали к темноте. Слабый свет — тусклое зеленоватое свечение — не походило ни на что, виданное Тонгором раньше. Северянин огляделся.

Вокруг камня, на который он выполз, несся поток воды. Он впадал в черное озеро, на поверхности которого пузырилась белая пена.

Где-то слева, вне поля зрения Тонгора, вода из озера стекала куда-то вниз водопадом, о высоте которого ничего сказать было нельзя. Но грохот его эхом разносился по пещере, а в воздухе висел туман брызг. Местами из воды поднимались каменные стеклообразные клыки. Некоторые из них достигали высоты в три человеческих роста. Толщиной они могли сравниться лишь с гигантским лотифером из джунглей. Мощный поток воды за долгие века подмыл основание громадных сталагмитов так, что на уровне воды образовались уступы. На один из таких каменных уступов и вылез Тонгор.

Валькар закинул голову, вглядываясь в темноту. Он не смог разглядеть свода пещеры, но если тот находился достаточно низко, Тонгор мог бы ухватиться за низко свисающий сталактит и вскарабкаться на нему и, возможно, отыскать выход наверх!

Справа, за группой остроконечных сталагмитов, он увидел уступ, образованный краем озера. И зеленоватый свет, похоже, шел с той стороны.

До ближайшего сталагмита было недалеко. Поднявшись на ноги и цепляясь за скользкий камень, нависающий над уступом, валькар сумел перебраться на соседний сталагмит, оттуда на следующий. Он добрался до края озера, вскарабкался по изъеденному водой склону и оказался на сухом месте.

Под ногами был прочный камень, но покрытый грязью и разлагающимся мусором, хрустевшим под ногами. Тонгор поднялся по склону, спустился по другой его стороне и увидел остальную часть пещеры. Впереди поднимался густой лес сталагмитов, но Тонгор решительно направился вперед. По мере его продвижения странный свет усиливался.

Тонгор оказался в фантастическом лесу чудовищной растительности. Поганки... огромные, вздувшиеся купола зловонных грибов доходили ему до груди. Они покачивались на бородавчатых ножках, толщиной с могучую руку воина. Всю эту растительность окружал светящийся нимб — жуткий, не имеющий определенного источника света, замеченный валькаром, когда он выбрался из подземного озера.

Зеленоватое свечение походило на блуждающие огни, встречающиеся на болотах.

Здесь, отойдя от ревущей воды, отделенный от черного озера лесом каменных пик, Тонгор мог оценить высоту сводчатого потолка. Если где-то и свисают сталактиты, то, судя по звучному эху падающих капель, гудящему над головой, потолок находится очень высоко.

Придется искать другой выход.

С упорством настоящего варвара Тонгор отправился искать его, двигаясь вдоль стены огромной пещеры.

Пробродив невесть сколько, Тонгор отыскал туннель, выходящий из сводчатого зала пещеры. Тусклое свечение, идущее от разлагающихся грибов, не проникало внутрь туннеля. Как валькар ни вглядывался, его зоркие глаза не могли проникнуть сквозь занавес темноты. И все же, обнажив меч, валькар нырнул в кромешную тьму. Он напрягал все свои органы чувств и готов был в ответ на малейший шорох нанести серию ударов.

Но, очевидно, в подземном мире не было ничего живого, кроме неестественно больших грибов в пе-

щере у озера. Тонгор прошел по туннелю, не встретив ни одного живого существа, и вышел в еще более просторный сводчатый зал — в гигантскую пещеру, протянувшуюся, наверное, на тысячу ярдов. Она казалась такой огромной, что валькар не видел дальней стены!

Помещение освещал свет вулканического огня. Приятно было четко видеть предметы после этого проклятого зеленого полумрака!

В неровном полу громадной пещеры полным-полно было похожих на кратеры ям. Из многих из них били струи красно-золотого пламени — вероятно, фонтаны горящего природного газа или выходы вулканического огня, бушующего глубоко под земной корой. В любом случае, какова бы ни была природа этих огней, Тонгор отлично видел все вокруг.

Валькар подошел к ближайшему огненному гейзеру и согрел свои руки и ноги, отжал и высушил плащ и длинную гриву черных волос. Нежась в жаре гейзера, он чувствовал, как усталость и онемение постепенно покидают его тело. Наконец северянин пришел в себя, почувствовал, что готов преодолеть все препятствия, преграждающие ему дорогу назад, на землю.

И еще он почувствовал сильный голод. Последний раз он ел много часов назад, среди Скал кристаллов грома, да и то лишь сухой походный паек. Варвар мечтал о сочном куске мяса и надеялся, что встретит какого-нибудь вкусного представителя пещерной фауны, убьет его и поджарит мясо в пламени гейзера. Но, увы, пещера эта, куда он попал, казалось, была лишена жизни. Не видно было даже грибов.

Согревшись, Тонгор стал думать, как выбраться на поверхность. Он перебрался на другую сторону пещеры гейзеров и вошел в туннель, ведущий в глубины подземной страны.

Вскоре Тонгор потерял всякое представление о времени. Он долго шел по туннелям, пещерным залам, опять по туннелям. Вскоре он почувствовал такую

усталость, что заснул, стараясь не обращать внимания на мучительный голод, свернувшись на теплом полу в каком-то огромном длинном зале, накрывшись плащом и на всякий случай держа меч под рукой.

Тонгор не мог сказать, сколько времени проспал. Час или день — кто скажет? Но голод мучил его еще сильнее, скрутив кишки в большой болезненный узел.

Тонгор миновал еще цепь пещер и вышел к каменному мосту, природной арке, перекинувшейся через быструю подводную реку с черной водой. Была ли это та же самая река, в которую он упал, когда только попал в подземный мир, или это ее приток, а то и вовсе другой поток, Тонгор не мог определить. Но в этой реке была жизнь!

Когда он находился на середине моста, из черной воды поднялась змеиная шея — шея, толщиной с туловище Тонгора, покрытая серыми костными пластинами. Голова чудовища качнулась в сторону Тонгора, челюсти раскрылись, показав кинжалы клыков. Глаза чудовища были белыми, слепыми.

Здесь, на скользкой каменной арке в темной пещере, варвару пришлось драться со слепым речным драконом. Поющий клинок валькара отмел голову чудовища в сторону, оставив рану на челюсти дракона, из которой тут же начала сочиться зеленая кровь рептилии.

Серый поа зашипел, как паровой котел, и бросился на Тонгора, щелкнув пастью на том месте, где только что стоял успевший пригнуться варвар. Валькар отскочил в сторону, чуть не поскользнувшись на мокром сыром камне, и нанес удар, вложив в него всю силу могучих рук, плеч и спины.

По-прежнему бешено щелкая челюстями, отрубленная голова поа упала по одну сторону каменной арки, в то время как извивающаяся шея, разбрызгивая кровь, исчезла в бурном потоке по другую сторону.

Тонгор выловил все еще бьющееся тело речного дракона немного ниже по течению, там, где оно застряло между двумя сталагмитами. Резать прочную чешуйча-

тую шкуру гигантский рептилии было очень трудно, но голод подгонял Тонгора. Вскоре он отсек несколько кусков мяса, промыл их в воде, смывая кровь.

Воздух в следующем зале был нестерпимо раскален, но на этот раз вместо огненных гейзеров по полу растеклись бурлящие озерца лавы. Проделав несколько опытов, валькар обнаружил, что мясо поа можно приготовить, положив его на край кипящего озерца вязкого расплавленного камня.

Тонгор проглотил первые куски мяса с аппетитом, польстившим бы главному придворному повару в Патанге. Варвар нашел мясо дракона вкусным. Оно было плотным, сочным и лишь слегка отдавало затхлостью. Впервые Тонгор пробовал мясо дракона и был рад, что вкус не оказался таким гадким, как можно было бы ожидать.

После еды Тонгор улегся у лавового озерца и уснул так крепко, как только может уснуть усталый человек с полным желудком. Через несколько часов он проснулся и отправился дальше по лабиринту подземного мира.

Кто-то преследовал его. Он преследовал Тонгора уже около часа. По крайней мере, первые подозрения о преследовании возникли у валькара час назад.

Отдаленный шорох, долгий скрежет, словно какое-то существо с трудом волочило огромное тело по неровным камням. Валькар не стал ждать, пока неизвестный преследователь нагонит его, он не стал задерживаться, чтобы посмотреть, что это за тварь. Северянин шел дальше и дальше, двигаясь как можно скорее, надеясь на то, что преследователь бросит его след.

Неожиданно он вышел на верхнюю галерею гигантского сводчатого зала. Его стены и потолок сверкали жуткими мерцающими огнями, светом, исходящим, по-видимому, от прожилок какого-то минерала, прорезавшего черный камень.

Уступ, на котором стоял валькар, находился примерно ярдах в двадцати над полом пещеры, и стена обрыва выглядела крутой и гладкой. Шорох за спиной северянина становился все громче и громче, так что валькар понял, что существо, идущее по следу, быстро его настигает. Нет времени стоять здесь, на краю уступа. Как ни опасен спуск, надо спускаться, и поскорее — иначе неизвестная тварь может попытаться сбросить его с обрыва.

Тонгор был человеком действия. Он лег на край, ухватился за каменные выступы и повис, пытаясь нащупать ногами опору на ровной стене. Он отыскал выступающий камень, который выдержал его вес, и перебрался на него. Тонгор согнулся, обхватил выступ обеими руками, повис, опустил ноги и нащупал трещину. Потом Тонгор стал искать, за что можно ухватиться руками. Теперь скрежет стал очень громким. И еще Тонгор почувствовал невероятно мерзкую вонь... Тот же тошнотворный запах разложившейся слизи ударил в нос северянину, когда он падал в подземный мир много часов или дней назад!

Осколки камней посыпались ему на спину, и валькар поднял голову, чтобы посмотреть, кто там подбирается к нему сверху... Кровь похолодела в жилах от ужаса!

В десятке футов над Тонгором, там где он прилепился к скале, через край уступа свесилась голова из желеобразного полупрозрачного дряблого вещества, воняющего слизью, — голова гигантского слепого мерзкого, отвратительного и ужасного Червя невероятной длины. Его открывшаяся пасть имела десяток футов в поперечнике и готова была проглотить человека, будто муху.

Держась руками за скалу, Тонгор не мог выхватить меча.

Желеобразное тело Червя вытекало из туннеля. Червь все сильнее перевешивался через край обрыва. Слепое рыло с раскрытой пастью потянулось к Тонгору.

Глава 11
В ПАСТИ БОГА ЧЕРВЕЙ

Пред Тонгором мрачно зияет огромная, жуткая пасть.
Хоть воин в лицо этой твари мечом и сумел попасть,
Но... тварь не чувствует боли и неумолимо вперед,
Внушая холодный ужас, все так же неспешно ползет.
Тонгор, как будто в трансе, странную битву ведет,
А тварь надвигается, словно всепожирающий рот,
Словно и нет смертоносных укусов стального клинка.
Неведом ни страх, ни боль ей... Ну чья тут не дрогнет рука?!

Сага о Тонгоре, XVII, 17, 18

Весь день Шангот шел на юг по бескрайней равнине в поисках воинов племени зодак, которые схватили Тонгора и увели с собой. Верный рмоахал бежал размеренным шагом, оставляя за спиной милю за милей, — в темпе, какой не выдержал бы ни один другой рмоахал. Стальные мускулы восьмифутового великана с синей кожей работали ритмично, как паровая машина, и гнали его все дальше и дальше.

Кочевник знал, что воины племени зодак отведут пленника в Иб, Город Червя. Он бежал в сторону разрушенного города, ведомый таинственным седьмым чувством, чувством направления, известным лишь воинам его расы. Природа снабдила рмоахалов естественным компасом. Не обладая четким представлением о направлении, рмоахалы заблудились бы и погибли среди бескрайной, поросшей травой равнины. Таким образом, не пользуясь никакими видимыми ориентирами, подсознательно определяя дорогу, князь джегга стрелой летел по равнине к далекому Ибу.

Несколько раз он останавливался, чтобы дать отдых своим могучим мускулам, подкрепиться имеющимися у него запасами и выпить из бурдюка, подвешенного к поясу. Все рмоахалы из-за постоянных битв с многочисленными врагами всегда имели при себе запас еды и питья.

Но ближе к вечеру воин остановился.

Впереди беспокойно рыскал в траве огромный зампф. Это был молодой самец, весом примерно в тонну, и по виду его можно было заключить, что ему нужна вода, так как он бродил, спотыкаясь, и мотал огромной головой из стороны в сторону, словно его мучила жажда. На могучей спине зампфа было громадное седло, украшенное драгоценными камнями и бляхами. По знакам, плохо различимым в затухающем свете, Шангот узнал в этом зампфе одного из верховых животных, на которых ехал эскорт — воины племени джегга, сопровождавшие Тонгора в Скалы кристаллов грома. Эти животные разбежались во время нападения невидимого отряда воинов племени зодак. Зампф забрел очень далеко, но Шангот был рад, что встретил его, так как верховое животное намного ускорит его путешествие в Иб.

Шангот побежал вперед и криками стал подзывать животное. Зампф явно узнал команду, которой его приучили повиноваться. Однако он не пошел навстречу наезднику. Вместо этого огромный зампф широко расставил толстые ноги и, вяло покачивая головой, стал ждать, опустив морду так, что острый рог, подобный костяному мечу, торчащему между глаз, нацелился прямо на Шангота.

У молодого князя не было времени обдумывать такую странную реакцию, так как зверь вдруг качнулся и ринулся ему навстречу. От его поступи затряслась земля. Только тогда Шангот заметил черную стрелу, торчащую из глазницы животного, и понял, что бедное животное ранено и взбесилось от боли.

Больше Шангот уже ничего не узнал — огромный зверь могучим ударом подбросил тело кочевника и отшвырнул его на несколько ярдов в сторону, где оно шлепнулось на землю, словно сломанная кукла.

Тонгор болтался на отвесной скале, а слепое рыло дьявольского Червя, покачиваясь, приближалось к нему. Пасть, похожая на сфинктер, уже была рядом. Валь-

кар задохнулся от зловонного дыхания громадного чудовища, вони, исходившей от слизи, разлагавшейся тысячелетия. Из черной пасти твари капала мерзкая слюна.

Тонгор понял, что это ксат — один из ужасных гигантских червей, обитающих глубоко под землей в недрах Лемурии. Он уже встречался с таким червем и бился с ним шесть лет назад в пещерах под Турдисом, когда бежал вместе с Элдом Тарнисом от Талабы Разрушителя. Но этот Червь выглядел неимоверно огромным... разросшимся так, что трудно поверить! Ксаты — это огромные слепые, покрытые слизью черви, ползающие в темноте глубоких пещер. Они втягивают свою жертву в полость внутри их тела, устланную железами, выделяющими едкий желудочный сок. Растворенное вещество тела жертвы затем всасывается в желудок... Ксат — существо очень примитивное. Его, почти лишенного мозга и органов чувств, если не считать рудиментарной способности воспринимать запах пищи, не имеющего сердца и других уязвимых органов, практически невозможно убить. К тому же амебообразное слизистое тело не чувствует боли.

Эти мысли промелькнули в голове у Тонгора, пока он висел на отвесной стене. Он ужасно жалел, что не может выхватить меч и защищаться. Если бы он повис на одной руке и попытался защищаться другой — то непременно сорвался бы со стены. Но, возможно, лучше сорваться и погибнуть на каменном полу пещеры, а не задыхаться в мерзком животе гигантского Червя...

Червь ударил как молния.

Рот-сфинктер сомкнулся, заглотнув валькара. Тонгор начал погружаться в шамкающую утробу дьявольского Червя!

Свет померк. Тело северянина облепила желеобразная масса. Кожу защипало, когда кругом забулькала, будто горячий ад, едкая слюна. Валькар чувствовал, как сокращаются мышцы ксата, проталкивавшего проглоченную жертву по пищеварительному тракту.

Наступило самое мрачное и ужасное мгновение жизни Тонгора... и без сомнения, это было его последнее мгновение.

В висках у Тонгора застучала кровь, когда Червь пополз вниз по вертикальной стене! От недостатка воздуха болела голова. Валькар открыл глаза, не обращая внимания на жгучую слизь, и увидел тусклый красноватый свет, исходящий от огненных фонтанов лавы. Их свет проникал сквозь полупрозрачное тело чудовищного Червя. Тонгор понял, что если не сделает вздоха — умрет.

Почти не думая (ужас создавшегося положения толкнул Тонгора на отчаянный поступок), Тонгор онустил руку и, не обращая внимания на слизь, дотянулся до ножен и выхватил огромный меч. Пространство в животе червя оказалось слишком ограниченным для того, чтобы нанести настоящий удар. Валькару слабеющей рукой удалось сделать лишь колющее движение, но холодная сталь с легкостью пронзила желеобразное тело чудовища!

Свежий воздух и яркий свет!

Острие меча прокололо тонкую кожу на брюхе твари. Тонгор принялся изо всех сил работать руками и ногами, глотая свежий воздух и прорубая себе отверстие пошире. А ползучая тварь уже добралась до пола пещеры. Тонгор напряг все свои силы, вырвался наружу и с трудом поднялся на ноги... Он вырвался!

Тут же покачнувшись, Тонгор привалился боком к отвесной стене, и его начало рвать. С головы до ног северянин был измазан слизью и отвратительно вонял. Но он остался жив и сделал то, что раньше не удавалось ни одному человеку, — он прорубил себе дорогу на свободу, после того как его проглотило чудовище!

Невероятно огромный червь находился рядом, он проползал мимо, ритмично сокращая и расслабляя мышцы. Огромная рана зияла на его брюхе. Из нее текла зловонная маслянистая жидкость, но тварь не

чувствовала боли — казалось, даже не замечала гигантской раны на своем теле!

Но каким-то таинственным образом мерзкая тварь все-таки чувствовала близость человека. Слепое безглазое рыло медленно повернулось к валькару, и тварь омерзительно зачавкала.

Тонгор отбежал на середину огромного зала, надеясь оторваться от медлительной безмозглой твари. Но когда он оглянулся, оказалось, что огромное подземное чудовище неутомимо ползет следом за ним.

Ослабевший, измученный тошнотой, потрясенный Тонгор повернулся лицом к Червю, готовясь к бою. Он нанес удар мечом, вложив в него всю силу могучих плеч. Такой удар на месте уложил бы взрослого зампфа! В желеобразном теле появилась новая рана. Полуотрубленный кусок Червя повис, качаясь, будто кусок вонючего прозрачного желатина. И хотя чудовище истекало прозрачной маслянистой кровью, оно продолжало ползти, надвигаясь неумолимо, как судьба. Тонгор продолжал наносить удар за ударом.

Один из его ударов перерубил кольцевую мышцу, управлявшую пастью чудовища. Похожий на сфинктер рот чудовища открылся, не в силах сомкнуться, — но даже этой раны ксат не почувствовал!

Тонгор укрылся за толстым, как ствол дерева, сталагмитом и перебежал в центр пещеры, быстро оторвавшись от медлительного чудовища. Там валькар обнаружил зловещий громадный куб из грубого черного камня, покрытый давно забытыми иероглифами. Тонгор с удивлением осмотрел камень и заметил на его поверхности, обмазанной зловонной слизью, большие пятна почерневшей запекшейся крови. Что-то хрустнуло под ногой, и валькар посмотрел под ноги. Пол вокруг черного куба был усыпан костями и человеческими черепами — высохшими и пожелтевшими, и удивительно гладкими, словно омытыми сильной кислотой...

Валькар понял, что это означает, и лицо его сделалось суровым. Значит, именно здесь бездушные воины

племени зодак приносили жертвы своему богу, гигантскому Червю! Тонгора переполнило отвращение. Он слишком хорошо представил себе тысячи обнаженных, плачущих жертв, прикованных к мрачному алтарю, в то время как поющие заклинания звери в человеческом обличии призывали на пир мерзкого Червя!

Валькар обернулся. Ксат по-прежнему гнался за ним. Теперь их разделял только на время задремавший огненный гейзер.

Губы Тонгора растянулись в боевом оскале, так как теперь он знал, что делать. Вместо того чтобы бежать, валькар шагнул навстречу приближающемуся Червю. Холодная сталь не смогла остановить неторопливого бога Червя. Разум валькара может оказаться острее сверкающего клинка! Тонгор остановился на краю дымящегося колодца. Слепое рыло ксата находилось всего в десятке ярдов от северянина. Тонгор попытался припомнить, сколько времени прошло с тех пор, как этот гейзер исторгал пламя из недр земли.

Как валькар и ожидал, бог Червь приподнял тело над дымящейся ямой, чтобы обрушиться на Тонгора сверху. Северянин поскорее отскочил назад и, не устояв на ногах, упал. Огромная тень головы Червя накрыла его. Тонгор упал на живот, и руки его обожгла волна жара. Послышался громкий треск. Тонгор перекатился на спину, повернул голову и увидел зрелище, от которого похолодело все внутри.

Адский Червь аркой изогнулся над небольшим отверстием в полу пещеры, медленно поводя головой из стороны в сторону в поисках жертвы. И тут полыхнул гейзер! В потолок пещеры ударил огненный фонтан. Тело Червя оказалось на пути огненного потока!

Тонгор услышал, как зашипела, затрещала плоть Червя, увидел, как жарится и горит, словно живой факел, тело чудовища. Слизистое, водянистое, амебообразное тело древнего бога Червя сморщилось, за несколько секунд почернело и загорелось, когда пламя добралось до какого-то легковоспламеняющегося вещества, содержавшегося в теле твари.

Окутанный пламенем стофутовый Червь извивался, дико бился в безумной агонии на каменном полу просторной пещеры. Теперь он все-таки ощутил боль.

Тонгор мрачно наблюдал за тем, как умирает чудовищный ксат.

Валькар вышел из пещерного зала с алтарем и нашел еще один водный поток. Тонгор умылся, отмыл вонючую слизь, а потом направился дальше, намереваясь идти, пока силы не оставят его.

Но далеко идти не пришлось.

Пробираясь по одному из туннелей, Тонгор заметил во мраке чье-то быстрое движение. У его ног упал и разбился шар тонкого стекла.

Раньше чем северянин успел что-либо предпринять, его обволокло облако ароматной голубой пыли.

Не понимая, что делает, Тонгор вдохнул воздух — и втянул в легкие наркотический порошок. Силы оставили его. Он упал и остался лежать на земле как мертвый.

От стены отделилась тень. Оказалось, там прятался высокий человек в темном, как ночь, халате с капюшоном. Лицо его закрывала маска.

Это был Черный архидруид Марданакс из Заара!

Он прибыл сюда для того, чтобы забрать у племени зодак плененного Тонгора. Не встретив своих слуг, он при помощи магического искусства разыскал Тонгора в подземном лабиринте... и усыпил при помощи порошка из сушеного лотоса.

Теперь Тонгор, величайший из воинов, благороднейший из героев, лежал совершенно беспомощный у ног своего злейшего врага.

В холодных глазах колдуна, сверкавших сквозь прорези маски, искрилось злорадство. Марданакс из Заара склонился над телом Тонгора, попинал его и уверился, что сарк Патанги спит. Тогда, довольно посмеиваясь, колдун пнул поверженного героя в лицо...

Глава 12

КРЫЛАТЫЕ ДРАКОНЫ ЗААРА

И все же герою спасенье дарит сама земля:
Тонгор в багровое пламя заманивает Червя;
Тварь гибнет... Но где же Тонгор? Под действием черных чар
Герой отправляется к морю в ждущий его Заар.

Сага о Тонгоре, XVII, 19

Холодный ветер, обжигающий лицо, разбудил Тонгора. Он помотал головой. Грива черных волос Тонгора развевалась на ветру у него за спиной, словно черное, шелковое знамя. Чары наркотического порошка, сковавшего его, постепенно рассеялись, и сознание валькара прояснилось. Он взглянул вниз и увидел, что летит по небу в тысячах ярдах над землей!

Какое-то время, пока мозг его был затуманен синим порошком лотоса сновидений, варвар думал, что его убили в темных подземельях под Городом Червя. В какой-то миг он решил было, что его душу несут на небо крылатые кони Воинственных дев, доставляющие души павших героев в Страну Теней, в чертоги Отца Горма.

Но потом он увидел, что привязан к огромному седлу, закрепленному на фантастическом чудовище, которое, мерно размахивая перепончатыми крыльями, несло его, будто какого-нибудь бога, по небу! Тонгор уже видел таких драконов раньше и даже дрался с ними. Валькар узнал длинную змеиную шею и ястребиную морду с хищным клювом и торчащие вдоль спины шипы. Он посмотрел на кожистые крылья, размах которых достигал сорока футов, и почувствовал, что ноги его прижаты к холодной чешуе летучей рептилии. Сзади извивался длинный хвост с острыми шипами.

Это был страшный ящер, грозный дракон лемурийского неба, ужасный птеродактиль древних времен, чудовищный облик и прожорливость которого сохранили память о нем в зловещих легендах. Именно он послужил прототипом мифических летающих драконов.

Но на этом крылатом чудовище было седло и узда!

Сзади донесся пронзительный крик. Тонгор обернулся и увидел еще одного ящера, летящего сзади. Его огромные крылья заслоняли солнце. И второй дракон тоже нес седло... и всадника. Сильный ветер, дующий в лицо, не давал рассмотреть детали, но валькар разглядел фигуру в черном как ночь одеянии, оседлавшую дьявольского скакуна... И тут Тонгор вспомнил тень, которую заметил в туннеле как раз перед тем, как наркотический порошок лишил его чувств.

Вот тогда-то Тонгор и понял, что оказался в плену колдунов Заара. Ничто, кроме черной магии, не смогло бы приручить свирепых чудовищ, на одном из которых летел сейчас пленивший его колдун.

Валькар снова осмотрел свои путы. Хитрый колдун связал ему кисти и локти ремнями из сыромятной кожи. Прочная кожа слегка растянулась, когда Тонгор напрягал могучие мускулы рук и груди, — растянулась, но не порвалась. Тонгор мрачно поджал губы. Веревки или даже цепи он бы разорвал, но сыромятная кожа, высыхая, сжимается. Уже сейчас она врезалась в тело так, что немели мускулы.

Тонгор оказался беспомощен.

Он огляделся вокруг. Садящееся солнце зависло над горизонтом, залив горы жидким золотом. Длинные пурпурные тени протянулись по бескрайней равнине. По положению солнца валькар определил направление, куда они летели, — на юг.

А далеко на юге поднимались мрачные стены и темные бастионы Заара, города колдунов!

Теперь Тонгор убедился в том, что догадка его относительно того, откуда у племени зодак появились плащи-невидимки, — верна.

Предупреждение девятнадцати богов, правящих миром, оказалось правдой. Колдуны Заара являлись его тайными врагами. Каким-то образом, при помощи неведомого колдовства, они узнали о его появлении в восточных землях и сговорились со своими союзниками, кочевниками племени зодак, схватить повелителя Патанги!

Но... с какой злой целью колдун в маске везет его на юг, в Черный город? Наверное, ради пыток, чтобы предать Тонгора мучительной смерти и отомстить за смерть Адаманкуса и Талабы Разрушителя, расплатиться за разгром братств друидов Патанги и Тсаргола? Золотистые глаза валькара прищурились, губы сжались, а мышцы на скулах напряглись. Тонгор не боялся смерти, как боится ее большинство людей, живущих в городах, воспитанных среди размягчающей роскоши, называемой «цивилизацией». Нет... Тонгор получил суровое воспитание, и с ранних лет его спутником стал мрачный призрак смерти. Смерть превратилась в его верного друга, и в Стране Теней не было ничего, что могло бы испугать его храброе сердце.

Но что станет с патангским царством, если Тонгора убьют? Что станет с царицей Сумией и маленьким сыном валькара? Тонгор знал, что боги придают большое значение его жизни, хранят его для какой-то важной роли, которую предстоит ему сыграть в будущем. Если Тонгор погибнет, не покорят ли колдуны Заара молодые города Запада? Суровое лицо валькара стало еще более мрачным, а глаза засверкали холодным золотистым огнем. Хотя сейчас он и беспомощен, он не должен упустить возможности вырваться...

Теперь земля, над которой они летели, становилась постепенно все более суровой и пустынной. Густая сочная трава лугов осталась позади, уступив место потрескавшейся глине. В свежем ветре появился едкий запах раскаленного металла. Чем ближе они подлетали к Черному городу, тем более пустынным и угрюмым становилось все вокруг. Казалось, они приближаются к некоему источнику заразы, где собрались космические силы разрушения.

Не успел еще пожар заката поглотить остатки дня, а они уже летели над мертвой равниной голых камней и ядовитой земли, такой же безжизненной, как замерзшие лунные пустыни.

И вот Тонгор увидел Черный город. Заар стоял на краю длинного скалистого мыса, далеко выдающегося

в Неизвестное море. Холодные волны налетали на утесы, с грохотом разбивались и отступали, прячась в теле огромного океана. Но новые волны снова и снова в ярости бросались на пляжи черного песка, взрывались брызгами и в отчаянии ревели, пенясь у грандиозной стены, сдерживающей неумолимое наступление океана.

Южная оконечность Лемурии гибла под действием непобедимых сил Природы. Самая древняя часть потерянного континента начала уже неотвратимо погружаться в глубины океана. Если бы не мощная стена черного мрамора, которой колдуны отгородились от моря, Черный город давно пал бы под бушующими холодными водами вечного океана.

Ящеры закружились над самым древним из городов людей, и Тонгор внимательно поглядел вниз.

Заар был построен подобно крепости на мысе. Его защищали огромные стены из черного стеклообразного вещества; между массивными приземистыми башнями и зиккуратами протянулись узкие извилистые улочки. Когда валькар взглянул на Заар, сердце его сжалось. Ни одна армия не сможет проникнуть за эти нависающие стены или взять штурмом эти мрачные бастионы...

В глубине по пещерам, под мощеными улицами черной метрополии зла, текла мертвая река с соленой едкой водой. Она вытекала сквозь решетку в городской стене, унося в себе яд всевозможных отходов и зловоние экскрементов. Над темными дворцами магов висела пелена дыма — мерзкое дыхание печей в лабораториях колдунов. Черный город, выстроенный на покрытых сажей равнинах ада... И в этом царстве зла и колдовства должен он оказаться... один, без друзей, со связанными руками.

От такой мысли Тонгор вздрогнул.

Вдруг по невидимому, неслышимому сигналу колдуна в маске дракон Тонгора взмахнул могучими крыльями и стал спускаться по спирали. Черный город стал приближаться. Факелы ярко освещали кривые улочки и широкие проспекты между циклопическими постройками. Валькар видел отсветы красного пламени в узких

стрельчатых окнах и зарешеченных воротах, скалящихся, словно пасти дракона.

Массивные зиккураты и башни алого и черного цветов пронеслись мимо, когда крылатый дракон нырнул в самое сердце черной метрополии некромантии, неся связанного Тонгора в логово его врагов.

В самом центре Черного города в ночное небо ступенями поднимался огромный зиккурат, колоссальная гора, созданная руками человека. Размахивая крыльями, дракон, несущий Тонгора, полетел к центральной площадке. Из квадратной башни, на самой вершине массивного строения, через черное отверстие изрыгались попеременно то яркие языки пламени, то клубы черного дыма.

Оба дракона спустились на одну из широких ступеней центрального зиккурата и расселись, словно химеры, на массивных балках мутного черного хрусталя, нависающих над освещенными улицами. Птеродактили уселись на эти гигантские насесты, будто охотничьи соколы.

Балка была широкой и ровной, как большой проспект. Со стены и дальнего конца башни суровые молчаливые фигуры в широких халатах наблюдали за спускающимися драконами. По беззвучной команде колдуна в маске к Тонгору подошли двое. Лица их закрывали капюшоны. Они отвязали валькара от седла, позволив ему самому слезть с дракона, замершего на каменном насесте.

Пока незнакомцы в капюшонах помогали Тонгору перебраться на одну из ступеней зиккурата, он внимательно присмотрелся к ним. Трудно было определить, к какой расе принадлежат эти люди, укутанные в просторные одежды, но, приглядевшись, Тонгор распознал в них смуглых черноглазых длинноруких туранийцев.

Когда колдун в маске вылез из седла, Тонгор понял, каким образом повелители Заара управляли этими неподдающимися приручению древними чудовищами. Чародей засунул руку в перчатке под капюшон и, отстегнув, снял со лба тонкий оричалковый шлем с прикреп-

ленными к нему талисманами из странного, светящегося зеленоватым светом металла. Как только Марданакс снял с головы шлем, драконы забеспокоились. Птеродактиль, сидевший ближе к архидруиду, защелкал клювом, выгнул шею и зашипел.

Один из охранников в черном принял у мага в маске шлем и надел его себе на голову. Самый большой из талисманов шлема оказался в середине лба, в месте, рождающем таинственную энергию, известном в колдовских анналах как аджна чакра — «третий глаз». Два талисмана поменьше оказались плотно прижатыми к вискам, четвертый — к затылку у основания черепа, рядом с таинственной шишковидной железой, пятый был на макушке, в точке, называемой шахасрара чакра — «лотос, имеющий тысячу лепестков».

Как только охранник надел на себя этот странный шлем и повернулся к злобно шипящему ящеру, крылатая тварь успокоилась, стала сонливой, засунула голову под крыло... и уснула!

Тонгор задумчиво прищурился. Эти пять талисманов, по-видимому, усиливали волны, излучаемые мозгом, и таким образом команда, отданная человеком, заставляла повиноваться доисторическую рептилию. Подумав об этом, валькар содрогнулся. Обладая такими шлемами, черные колдуны Заара могли собрать бесчисленную армию птеродактилей и обрушить ее на своих врагов — могли направить орду драконов джунглей, титанических динозавров, на стены любого непокорного города. Обладая такими знаниями, они могут покорить мир!

Тонгор застыл на ступени зиккурата широко расставив ноги. Некоторое время он рассматривал охранников в халатах с капюшонами. Возможно, настал момент нанести удар и попытаться бежать — сейчас вокруг меньше охранников, чем будет, когда его уведут внутрь горы, созданной руками человека!

Но у каждого из охранников в руках находился длинный жезл из черного металла, верхняя часть которого была вырезана в форме демона, сжимающего

кристалл — неправильный дымчатый шар, в котором зловеще поблескивали зеленоватые огоньки.

Тонгор поглядел на эти жезлы и понял, что это такое... Валькар решил, что пока пытаться бежать бесполезно. Так как дымчатые шары были ситурлы. А по огранке Тонгор узнал парализующее оружие, которое одним прикосновением лишает человека сил. Точно так же был огранен ситурл, увиденный им впервые несколько лет назад, когда жестокий шаман Тэнгри парализовал великого вождя кочевников племени джегга могучего Джомдата.

Тонгор грустно онустил голову. Безнадежно... выхода нет!

Колдун в маске обратился к охранникам:

— Проводите нашего пленника, повелителя Тонгора, отсюда в Зал Девяти тронов, где он предстанет перед судом повелителей Заара!

— Слушаюсь, господин.

Тонгор повернулся и в сопровождении охраны зашагал по широкой ступени зиккурата, освещенной мечущимся высоко над головой алым пламенем, и послушно вошел внутрь здания.

Так Марданакс, Черный архидруид, взял Тонгора в плен и доставил в Заар, чтобы подвергнуть пытке, какую не знал еще ни один смертный...

Глава 13
ШАНГОТ-МСТИТЕЛЬ

Тем временем в поисках друга князь джегга, отважный Шангот
В путь устремляется снова — туда, где море поет,
Где волны бьются о скалы, где тайны вода хранит
И где на краю равнины мрачный Заар стоит.

Сага о Тонгоре, XVII, 20

Пролежав невесть сколько часов без сознания, князь кочевников джегга пришел в себя и обнаружил, что все его тело покрыто запекшейся кровью и ужасно

бодит. Бешеного зампфа, ударившего его, нигде не было видно. Наверное, обезумевшее животное побрело куда-то дальше.

Шангот с трудом поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Боль, вибрирующая, словно гонг, накатывалась волнами. Перед глазами кочевника все плыло, и мир казался кроваво-красным. Он потрогал рукой лоб и ощупал сочащуюся кровью рану. Рог зампфа сильно поранил князя. Если бы не завидная выносливость Шангота и не превосходное здоровье, он мог бы и вовсе не прийти в себя. Хотя могучее телосложение рмоахала и позволило ему выжить, после того как зампф боднул и потоптал его, раны Шангота оказались довольно серьезными, и он чувствовал себя слабым, как больная женщина. Некоторое время кочевник стоял, качаясь, приложив руку ко лбу, и боролся с наплывающими волнами темноты, которые грозили снова поглотить его.

Несмотря на важность вставшей перед ним задачи, он реально оценил свои шансы догнать схвативших Тонгора рмоахалов: в нынешнем своем состоянии ему догнать их невозможно. Так что Шангот решил отдохнуть, обработать раны и набраться сил, прежде чем двигаться дальше. Не теряя времени, он занялся этим со всей практичностью дикаря.

Пучок сухой травы, зажженный при помощи кремня и огнива, превратился в костер и согрел Шангота в холодную ночь. Разогрев в шлеме воду из фляги, кочевник смыл засохшую кровь с тела и промыл рану на лбу, а потом обработал ее мазью, чьи целебные свойства были почти что волшебными. После, расположившись у потрескивающего костра, рмоахал приготовил из имевшихся у него запасов сытный ужин, смешав и заварив сушеные плоды и вяленое мясо, и все это запил несколькими глотками вина.

Завернувшись в теплую накидку, Шангот заснул, проспал всю холодную ночь и проснулся, лишь почувствовав прикосновение свежего утреннего ветерка. Теперь князь племени джегга чувствовал себя хорошо. Прежние силы почти вернулись к нему.

Когда первые лучи восходящего солнца коснулись собравшихся на востоке кучевых облаков и позолотили их, Шангот отправился по следу Тонгора. Он вынужден был идти пешком, так как ему не попалось ни одного верхового животного, кроме бешеного зампфа со стрелой в глазу. Но молодость и сила взяли свое, и кочевник, не сбиваясь с темпа, все утро бодро шагал по степи.

Когда солнце почти достигло зенита, молодой князь добрался до разрушенных стен мертвого Иба — цели Шангота.

И тут он обнаружил вместо вражеского лагеря — разоренную стоянку, руины, залитые кровью, и мертвые тела воинов.

Зоркие глаза Шангота быстро заметили метки племени джегга на стрелах и проломленных щитах, валявшихся тут и там, и острый ум молодого воина быстро воссоздал события, превратившие Город Червя в кровавое кладбище, источающее зловоние, словно скотобойня.

Но что же стало с Тонгором?

Шангот вошел в разрушенные городские ворота и проскользнул по заваленным обломками улицам к центральной площади. Повсюду лежали тела павших воинов. Мечи, копья, стрелы и боевые колесницы с серпами на колесах пожали кровавый урожай. Он не нашел ни одного живого рмоахала, только несколько собак с рычанием глодали трупы, и вороны с шумом взлетали с тел, когда кочевник приближался к ним.

На центральной площади Шангот обнаружил мертвого Зартона Грозного. Труп в забрызганных кровью украшениях выглядел отвратительно. Унзы объели лицо вождя, превратив его в ужасную кровавую маску. Во лбу Зартона между бровей торчала красная стрела.

Шангот прочитал метки на стреле и узнал, что та выпущена из большого боевого лука его отца, великого вождя Джомдата. Значит, воины джегга спасли Тонгора?

Молодой рмоахал оставил труп вождя племени зодак и отправился побродить среди мертвых развалин.

Вскоре он нашел огромного боевого зампфа со сбруей, отмеченной знаками племени зодак. Огромный зверь был невредим, на голубой коже не было видно никаких ран. Зверь одиноко стоял рядом с запертым загоном для зампфов, терпеливо ожидая хозяина, который накормит и напоит его... хозяина, который, вероятно, погиб под копьями воинов племени джегга.

Когда Шангот подошел к животному, зампф жалобно замычал и осторожно ткнулся рогатой мордой в плечо князя. Молодой воин похлопал зверя и отпер ворота загона. Зверь вошел в загон. Шангот налил ему воды и насыпал в ясли зерна. Зампф погрузил морду по самые глаза в корыто с водой и принялся громко пить. Потом он вынул мокрую морду из корыта, повернул ее в сторону Шангота и фыркнул, будто говоря «спасибо». Шангот задумчиво разглядывал зверя. Найти послушного зверя было удачей... Если в поисках Тонгора Шанготу придется отправиться еще дальше, этот молодой зампф станет добрым скакуном.

И в этот момент Шангот увидел знак, который искал.

Солнце заслонила фантастическая тень.

Рмоахал посмотрел наверх и замер от удивления.

Два ящера рассекали перепончатыми крыльями воздух над мертвым городом Ибом.

Шангот укрылся в тени ограды загона. Ужасные крылатые ящеры обитали в Ардатских горах и горах Моммар. Они редко встречались на бескрайних равнинах Востока. Однако Шангот слышал рассказы о их ярости и кровожадности — и знал, что у них очень прочная чешуя. Убить такое чудовище мог лишь самый умелый и удачливый воин.

Тиандра, богиня удачи, явно по-прежнему благоволила князю джегга, так как крылатые демоны пронеслись у него над головой, не обратив на рмоахала никакого внимания. Они пролетели мимо, взмыли в вечернее небо и скрылись из виду, держа курс на юг.

Но Шангот успел разглядеть двух всадников.

Сердце заколотилось в могучей груди молодого рмоахала. Тонгор жив! Казалось, валькар спал под воздействием какого-то заклятия. Связанным сидел он в седле одного из драконов и не видел стоящего внизу Шангота... Но зоркий князь кочевников узнал своего друга даже на таком расстоянии. И еще он разглядел колдуна в черной одежде и в маске, летевшего на другом чудовище следом за Тонгором. Это и то, что драконы летели на юг, подсказало Шанготу, куда они летят, словно это было написано на небе гигантскими огненными буквами, — они летели в черный Заар!

Шангот решил отправиться следом, даже если дорога приведет его к самым воротам зловещего города черных колдунов, служителей Хаоса!

Шангот не знал о том, что Тонгора пленили, усыпив, в катакомбах Города Червя. Он не знал, что колдун в маске при помощи волшебства доставил валькара на поверхность, где их поджидали оседланные драконы. Все это было не важно. Князь знал лишь то, что Тонгор еще жив, хотя и находится в руках жестоких черных друидов... знал, что должен преследовать крылатых драконов и спасти своего друга или погибнуть.

Когда зампф наелся и вдоволь напился, Шангот пополнил свои запасы пищи за счет продовольствия в домах племени зодак, оставшихся теперь без хозяев. Потом он сел в седло зампфа, естественный нарост огромного костяного щита, защищающего шею и плечи лемурийского трицератопса. Потянув поводья, Шангот развернул животное. Зампф прошагал по заваленным обломками улицам, прошел сквозь разрушенные ворота Иба и выбрался на бескрайнюю равнину. Тут шаг его стал шире, и животное понесло своего наездника все дальше и дальше на юг.

Шангот натянул поводья и остановил зампфа на скалистом утесе, нависшем над мертвой рекой. Оттуда открывалась грандиозная панорама: древний город Заар на фоне подкрашенного закатом неба.

Кочевник потратил больше времени, пересекая равнины верхом на грузном зампфе, чем колдун в маске и Тонгор, летевшие на драконах. Но Шангот продолжал скакать, когда ночь закрыла небо своим крылом. И когда небо окрашивал красный рассвет, он не останавливался для отдыха. И сейчас, когда на западе пылал закат, он достиг черных стен, когда же солнце снова сползло к западному горизонту, Шангот уже стоял и смотрел на колдовской город. Где-то за этими стенами Тонгор Великий, пленник поклоняющихся Хаосу. И только Шангот может спасти повелителя Запада от гибели.

Но как один человек, даже такой превосходный воин, как восьмифутовый рмоахал, может бороться с целым городом обители злого колдовства.

Как ему проникнуть в Черный город?

Шангот рассматривал мощные нависающие стены, сторожевые башни. Городская стена была такой толстой, что на вершине ее проходила дорога, по которой можно было объехать город на колеснице. Безмолвные люди в капюшонах, вооруженные странными мерцающими жезлами, стояли на вершине стены и внимательно наблюдали за окружающей город равниной. Даже храброе сердце Шангота дрогнуло.

Он не мог вскарабкаться на стену. Она поднималась больше чем на сотню футов и была не из каменных глыб, между которыми, без сомнения, остались бы щели, за которые можно зацепиться рукой или ногой. Ее построили при помощи огненной магии из единой массы черного, неизвестного кочевнику камня. Шангот не мог войти и через ворота, огромные, железные, покрытые ржавчиной и закрытые, запертые так крепко, что ни таран, ни другая осадная машина не одолела бы их.

Как же проникнуть в город?

«Где бессильны сила и ловкость, надо использовать хитрость».

Эти слова из Алой Эдды прозвучали в голове Шангота, пока он, восседая на терпеливом зампфе, обдумывал вставшую перед ним задачу. Фраза эта еще звучала в мозгу, а глаза рмоахала уже принялись

внимательно разглядывать безжизненную реку, прорезавшую себе глубокую долину в черной, покрытой копотью и сгоревшим углем равнине и исчезающую под стеной Черного города...

Князь кочевников внимательно пригляделся к тому месту, где река исчезала под черной стеной, сделанной из стекловидной массы. Там в стене было прорезано низкое полукруглое отверстие. Стремительный поток просеивали ржавые тяжелые прутья, выходящие из верхней части арки и исчезающие под водой. Шангот понял, как он попробует попасть в город колдунов.

Но перед этим он снял узду с доброго зампфа, так верно послужившего ему во время долгого пути по равнине. Шангот вынул кольца, вставленные в нежные уши и нижнюю губу животного, и выкинул их. Теперь зверь был свободен. Зампф замычал и ткнулся мордой в плечо рмоахала, будто спрашивая человека. Шангот похлопал зверя по могучей холке и оттолкнул от себя. Зампф недоуменно поглядел на хозяина маленькими добрыми свинячьими глазками, промычал снова и побрел прочь. Князь некоторое время смотрел вслед животному. Ему было жаль расставаться с зампфом. Возможно, это последнее дружески настроенное существо из тех, что ему предстояло встретить. Но Шангот не мог оставить доброго зампфа привязанным. Ведь он может не вернуться из Заара.

Когда зампф исчез за горизонтом, Шангот собрался с духом и нырнул с утеса в черную едкую реку. Вода в ней оказалась солоноватой, мутной, холодной как лед. Рмоахал вынырнул на поверхность, жадно глотая ртом воздух, и поплыл к городу, надеясь на то, что вечерние сумерки и синий цвет кожи хорошо маскируют его на фоне черной воды. Но на всякий случай, приблизившись к стене, Шангот нырнул и уже под водой подплыл к решетке. Железные прутья были толщиной с его бедро, но за бесчисленные века, что они находились в воде, ржавчина сильно разъела их, а Шангот был больше чем в два раза сильнее обычного человека. Разогнув прутья, он поднырнул под арку и поплыл дальше...

Глава 14
ГОРОД ТЫСЯЧИ ЧУДЕС

О город проклятый и дерзкий, Империя зла! Уж давно
Купили властители ада презренное сердце твое,
Купили не звонкой монетой, не золотом, не серебром,
Не блеском бесценных подарков, а мерзким и злым колдовством!
Тебя обучили прекрасно темные чары творить,
Чтобы твоими руками планы Небес извратить.
Только властители ада не ведают первопричин
Тайны души человека, ее сокровенных глубин!

Сага о Тонгоре, XVII, 21, 22

Следом за колдуном в маске Тонгор вошел в титанический зиккурат. Они прошли по лабиринту галерей и залов, которые, словно соты, заполняли гигантское строение. Со всех сторон Тонгора окружали доказательства того, что черные маги Заара достигли невероятных вершин в колдовской науке, успехов, о которых остальной мир не мог и помыслить.

Галереи и залы освещались искусственным светом. Под потолками комнат, через которые проходили колдун и Тонгор, разбрасывая ровный свет и прогоняя тени, висели шары холодного белого огня. Эти странные сферы застывшего пламени не являлись ни кристаллами, ни полыми стеклянными шарами. Казалось, словно некая таинственная сила собрала воедино тускло светящийся туман болот и, спрессовав его бесплотное сияние, образовала сферу. Валькар не мог понять, как все это было устроено; не понимал он и того, каким образом шары эти висят неподвижно в воздухе. Но тем не менее они висели и давали ровный немерцающий свет.

Тонгор и колдун прошли по высокой галерее, с которой открывался вид на огромный зал, уходящий на два этажа вниз. Множество людей, собравшись в этом зале, выполняли какие-то неописуемые действия. Тонгор с любопытством разглядывал их через перила. В зале стояли столы из какого-то белого вещества, похожего на фарфор, но полупрозрачного. В центре

зала кольцом были установлены высокие печи из тяжелого металла, где пылало пламя, достигая температуры поверхности солнца. Рабочие, одетые в необычную толстую одежду, сотканную из серебряного металла, работали у печей, погружая в огонь длинные сверкающие шесты. Тонгор догадался, что здесь колдуны проводят жуткие алхимические опыты — в печах разогреваются тигли, в которых под действием жара изменяется внутренняя структура вещества и образуются новые вещества.

Потом Тонгор и колдун оказались в длинном помещении с низким потолком, где стояли колоссальные емкости зеленого стекла, в которых булькали разноцветные жидкости. Стеклянные трубки свивались в причудливые конструкции. В змеевиках конденсировались испарения, которым нет названий в человеческом языке. Люди, работающие здесь, носили плотные костюмы и стеклянные маски, защищающие от ядовитых паров и едких веществ, с которыми им приходилось работать. Тут разрабатывали яды и сильные опьяняющие вещества для использования во время пыток или военных конфликтов. Хотя Тонгор и старался оставаться бесстрастным, словно на лицо его одета бронзовая маска, он был переполнен отвращением, видя, что колдуны, глубоко проникнувшие в тайны структуры космоса и овладевшие законами, управляющими природой, направили свои знания не на службу человеку, а на его уничтожение.

Рабочие в лаборатории, одетые в странные костюмы и в нечеловеческие маски, освещенные зеленым светом, окруженные клубящимся паром, напоминали демонов из нижних областей ада, ворошащих угли в царстве мук и отчаяния.

Проходя по другим галереям, Тонгор увидел, как покоряют силы природы, для того чтобы пытливый человеческий ум мог исследовать скрытые от него законы и извратить их. Пленная молния, захваченная в невообразимую ловушку, извивалась, будто сверкающая змея, между двумя шарами из начищенной бронзы,

наполнив воздух резким запахом озона. В залах зиккурата полным-полно было всевозможных кислот и других сильно пахнущих химикатов. В длинной фарфоровой емкости под дождем электрических разрядов кипел маслянистый бульон. Вероятно, злобные маги Заара делали кощунственные попытки, стараясь повторить чудо, создав искусственную жизнь.

В другой адской лаборатории валькар увидел голых рабов, привязанных к операционным столам. Колдуны пилой вскрыли череп одного из них и вынули мозг, который затем погрузили в какую-то маслянистую жидкость и воткнули в него тонкие медные проволочки. Заметив, что валькар обратил внимание на этот грязный ритуал, колдун в маске холодно улыбнулся.

— Мы пытаемся разработать метод удаления и сохранения человеческого мозга, — объяснил колдун.

Он указал тощей рукой в черной перчатке на ряд платиновых канистр. Рабочие стерилизовали их паром.

— Если нам удается сохранить мозг живым, мы помещаем его в один из этих прочных контейнеров, соединив центры, отвечающие за восприятие и речь, с хитроумными механизмами, копирующими действия естественных органов тела, так что мозг, находящийся вне тела, живет и по-прежнему видит, думает и говорит. Когда мы окончательно разработаем этот метод, наши величайшие мыслители станут бессмертными. Пусть время одолеет тело человека, но сознание сможет продолжать жить и работать и после того, как тело рассыплется и станет пылью. Другими словами, мы ищем абсолютного бессмертия! Подумай об этом, дикарь, — сохранять сознание человека тысячи, миллионы лет после смерти тела!

Слушая колдуна, Тонгор морщился от отвращения.

— Сознание живет, тело умирает, — проговорил он. — Но скажи, друид, а как же душа?

Холодные насмешливые искорки засверкали в зеленых глазах колдуна.

— Наши исследования анатомии человека, кажется, еще не установили местопребывание этого неуловимого компонента.

Улыбающийся колдун и валькар пошли дальше.

Их прогулка напоминала экскурсию по преддверию ада. Тонгору показали оружие, до которого человечество не додумается и через десять тысяч лет. В огромном, напоминающем казарму помещении Тонгор наблюдал, как мрачные колдуны-воины обучаются обращению с волшебными жезлами. Кристаллы были настроены так, что выдавали импульс, соответствующий колебаниям в нервной системе, так что от единственного касания противник, вопя, корчился на полу. Все тело пылало в агонии, выжигающей мозг и разрушающей разум человека.

Тонгор видел газовые бомбы, хрупкие стеклянные емкости в форме гантели, внутри которых находился сжатый ядовитый газ, действующий в тысячу раз сильнее голубого порошка лотоса, что свалил его в пещерах Червя, — наркотические пары такой силы, что люди, вдохнувшие даже ничтожное количество, умирали, беснуясь. Они сходили с ума от невыносимых видений и галлюцинаций.

Валькару показали воинов, одетых в непробиваемые доспехи из синтетического материала, прозрачного, как тонкое стекло (доспехи легкие, словно из тонкого хрусталя, но такие твердые, что о них разобьется любое копье), которые мог отразить удар меча из закаленной стали.

Он увидел отряды летающих воинов, экипированных пластинами урлия, невесомого металла, придающего подъемную силу воздушным кораблям Патанги. Кровь Тонгора похолодела при мысли о том, что потерянные знания Оолима Фона снова найдены злобными чародеями, мечтающими о завоевании всего мира. Скоро, очень скоро, они используют тайное искусство для того, чтобы создать летающий флот, который сможет соперничать с Воздушной гвардией Патанги!

И еще он видел адские лаборатории, где людям делались инъекции больших доз наркотика, отчего они становились совершенно нечувствительны к боли.

— Представь себе, если можешь, целую армию таких воинов, — с ухмылкой заметил Марданакс. — Они будут драться до конца, даже если им отрубить все конечности. Конечно, такие дозы смертельны, но перед смертью воины от наркотика придут в ярость и станут сражаться как опьяненные жаждой крови безумцы. Ведь они все равно скоро умрут! Скоро мы поработим голубых кочевников — в первую очередь твоих друзей джегга, затем племена шанг, тад и все остальные. Наши препараты увеличивают физическую силу, помимо того что снимают чувствительность к боли, мы бросим на крепости Запада многочисленные армии рабов. И победим, не потеряв ни одного жителя Заара!

Тонгор ничего не ответил, но из груди его невольно вырвалось звериное рычание. Черный архидруид саркастически засмеялся и повел своего пленника дальше по коридорам зиккурата.

Наконец они пришли в самое сердце этой рукотворной горы. Здесь тайное искусство черных друидов добралось до вулканического огня, бушующего в недрах земли. Пламя земли использовали как источник энергии. Тепло вулканического огня вращало гигантские колеса. Избыток же вулканических газов шел по гигантской трубе внутрь зиккурата и вырывался наружу в виде факела, который видел Тонгор, подлетая к городу зла.

Здесь люди работали в теплозащитных костюмах. Они бродили среди озер раскаленной лавы и гейзеров, среди едких испарений, которые сожгли бы их тела в пепел, если бы у них хватило ума снять защитную одежду. Это походило на картину нижнего круга ада: приземистые фигурки рабочих в странных костюмах, гротескно ковыляющие между языками ослепительного пламени и выбросов горящего газа! Тонгор глядел на эту невероятную сцену через герметичное окно из жаростойкого стекла, но яркий свет пламени и здесь

слепил глаза. Пока Марданакс хвастался достижениями, которые помогли магам обуздать неисчерпаемую энергию, бушующую в глубине пламени, Тонгор думал, не может ли это чудо, это вмешательство человека в мир титанических сил, которые движут и формируют земную поверхность, быть частично ответственно за медленное погружение Лемурийского континента в воду океана. Валькар видел, что мыс, на котором злой город воздвиг свои зиккураты и башни, уже начал погружаться в море, и от него город защищала лишь могучая стена. Это было бы очень злой иронией, если бы оказалось, что сами научные достижения черных колдунов Заара посеяли семена их гибели...

Тонгор не знал, сколько длилась экскурсия по городу тысячи чудес, так как, потрясенный открывшимися ему ужасами, он потерял ощущение времени. Но у него окрепла уверенность в том, что Черный город нужно стереть с лица земли, если люди хотят жить мирно и спокойно. Все свои грандиозные научные открытия, все свое умение управлять силами природы колдуны Заара направили на то, чтобы достигнуть господства над миром и уничтожить людей, а не на благо человечества.

По этой причине город должен быть разрушен, а колдуны, живущие в нем, уничтожены до последнего. Ничего нельзя оставить, если мир снова хочет дышать спокойно.

В душе бронзовый великан-варвар поклялся богам, что если ему удастся вырваться, то он все свои силы бросит на то, чтобы от этого города не осталось ничего, кроме дымящихся руин... Даже если ему самому придется погибнуть ради этого!

И снова изворотливый ум Тонгора обратил внимание на гигантскую морскую стену, которая пока еще сдерживала бурные морские волны. Но как он — один, будучи лишь человеком, а не богом, разрушит гигантскую стену?

Во время экскурсии по адским лабораториям Тонгору показали серый порошок, появившийся в результате тысячи экспериментов. В каждой сухой грануле невинного на вид порошка таилась сила, которая могла вызвать землетрясение. Это взрывчатое вещество было столь могучим, как объяснили Тонгору, что горсть порошка могла разрушить гранитную стену в девять футов толщиной.

Тонгор подумал о том, как бы ему избавиться от своего конвоя, вернуться по извилистым коридорам в лабораторию, набрать порошка и взорвать морскую стену, так чтобы океанские волны поглотили Черный город зла... и пусть даже сам он погибнет.

В голове у Тонгора все время звучал один и тот же вопрос: «Может именно из-за этого порошка привели его боги в это жуткое место?»

Еще валькар думал о своей любимой жене, которую не видел уже много дней. Никогда больше он не обнимет ее мягкое теплое тело! Никогда больше не посмотрит он в ясные глаза своего сына, не увидит, как растет и крепнет его мальчик!

Но такую ли судьбу уготовили боги Тонгору-валькару? Может, боги желают, чтобы он сгорел в огне пылающего Заара — разрушил город, пожертвовав жизнью? Откуда ему знать? Или боги хранят его для какой-нибудь более великой, более значительной цели...

Однако какая цель может оказаться важнее, чем уничтожение Заара?

Занятый такими мыслями, Тонгор не заметил, куда привели его колдуны. Теперь, когда они остановились, валькар поднял голову и увидел огромную дверь, покрытую золотом и украшенную замысловатым узором.

Колдун в маске указал рукой вперед.

— Пришел час, о Тонгор из Патанги, предстать тебе перед судом повелителей Заара... и узнать о каре, ждущей тебя!

И кровь Тонгора похолодела, когда он услышал ледяной злорадный тон Черного архидруида.

Что это за кара, вызывающая такое злорадство у черного колдуна? Какая кара ждет Тонгора в Зале Девяти тронов?

Очень скоро он должен это узнать и испить горькую чашу отчаяния...

Глава 15
НОЖ В ТЕМНОТЕ

Коварства и страха обитель! Напрасно твое торжество,
И больше тебе не придется вершить свое черное зло.
Конец ненасытной власти стучится в твои врата,
И Тонгора гулкая поступь — это твоя судьба.
Уже молодой князь джегга в тени твоих каменных плит
Бродит по улочкам узким, и Небо его хранит.
Он ищет пропавшего друга. Великий Заар, берегись!
Оставь свои грязные игры и гнева Небес страшись!

Сага о Тонгоре, XVII, 23, 24

Шангот плыл в черной ледяной воде, заблудившись и не имея никакого представления о том, куда плыть. Каждый раз, когда он пытался вынырнуть на поверхность этой бурной реки, руки его касались низкого потолка! Могучие легкие рмоахала разрывались от недостатка воздуха. Мощное сердце работало как перегруженная, готовая сломаться паровая машина. Если он не найдет выход из подземного туннеля (и притом в самое ближайшее время), бурная ледяная вода понесет дальше лишь безжизненное тело.

Много сил и бóльшую часть запаса воздуха кочевник потратил, выламывая решетку, закрывавшую вход. Он очень долго боролся с толстыми железными прутьями. Кусочки ржавчины впивались в мозолистые руки. На спине и мощных плечах рмоахала вздувались и играли мускулы. Наконец последним рывком, истратив почти все силы, князь джегга выломал один из ржавых прутьев и вытащил его из гнезда. Шангот проплыл сквозь образовавшийся вход в мир, где была лишь темнота и бурлящая вода — и не было воздуха! Если в самое бли-

жайшее время он не вдохнет воздуха, ему все равно придется разжать губы, а потом он утонет в черных водах адской реки...

Свет!

Впереди сверху сквозь мутную воду показался тусклый свет! Собрав последние крупицы силы, Шангот напрягся и вынырнул на поверхность.

Легкие рмоахала с хрипом втянули воздух, и у Шангота даже закружилась голова от наслаждения. Никогда воздух не казался ему столь сладким.

Но вскоре его дыхание и сердцебиение пришли в норму. Звон в ушах прекратился, и туман, застилавший взор, рассеялся. Шангот огляделся по сторонам. Он находился на дне колодца с отвесными стенами, глубиной футов двадцать, закрытого сверху решеткой. Стены колодца были измазаны всевозможными отходами. Какое-то время князь не мог сориентироваться и понять, что это за колодец. Наконец он понял, что колдуны Заара использовали эти колодцы для отвода дождевой воды, стекающей сюда по городским каналам, а также чтобы легко избавляться от мусора. Если Шангот прав, то прямо над головой у него проходит одна из улиц Заара!

Но как подняться по вертикальному двадцатифутовому колодцу? Он не видел здесь ни скоб, ни лестницы. Стены черного колодца были сделаны из того же гладкого глянцевого вещества, что и городские стены. Тут не было отдельных камней с зазором между ними.

Шангот выпрыгнул из воды и, прижавшись широкой спиной к нижней части колодца, ногами в сапогах уперся в скользкую противоположную стену. Прочно закрепившись, Шангот поднялся чуть выше, скользя спиной по стекловидной поверхности. Потом он переставил одну ногу выше и замер в этом положении. Теперь он полностью выбрался из воды. Повторяя ту же операцию, Шангот поднялся на фут или два... дальше... и дальше... взбирался он по черной стене, словно чудовищная гусеница.

На самом деле это было не так трудно, как может показаться. Так как Шангот был огромен, тело его почти

полностью закупорило отверстие колодца. Единственная трудность состояла в том, что время от времени спина Шангота скользила по глянцевой поверхности и он съезжал вниз. Рмоахал сильно измазался. Стены колодца скользили из-за прилипших разлагающихся отбросов. Много раз за время нескончаемого подъема Шанготу с трудом удавалось не упасть назад в бурлящую воду.

Наконец он добрался до решетки сточного люка и с огромным облегчением обнаружил, что она не привинчена и не приварена, а просто лежит поверх отверстия колодца. По тому количеству света, что просачивалось сквозь решетку, князь заключил, что люк находится в темном переулке или каком-нибудь замкнутом пространстве. Он не услышал бы звуков шагов из-за гула воды внизу, и ему оставалось лишь надеяться, что рядом с люком никого не окажется и никто не увидит, как он вылезет на улицу. Собравшись с духом, кочевник поднял решетку, выполз и лег, тяжело дыша, на грязной вонючей уличной мостовой.

Но нужно было торопиться. Шангот не мог позволить себе лежать здесь и блаженствовать, дав отдых измученному телу, когда его могут в любой момент обнаружить. Он встал на колени и установил тяжелую круглую решетку назад в гнездо над гулким колодцем.

Затем, поднявшись на ноги, Шангот огляделся. Узенькая кривая улочка, где он оказался, была пуста. Ее тускло освещал странный, бледно светящийся шар, висящий в воздухе на углу улицы. Поглядев по сторонам, кочевник заметил неподалеку темные ворота, бросился туда. Там он чувствовал себя в большей безопасности, чем посреди улицы.

Потом Шангот осмотрел себя. Ремни его оказались изорваны в клочья. Пряжки и бляхи оторваны, а ядовитая вода разъела позолоту кожаных ремней. Из всего снаряжения остались лишь большой боевой топор и кинжал с тонким лезвием. Если не считать ноющих мышц, нескольких ссадин в тех местах, где стены колодца ободрали грубую кожу, рмоахал остался невре-

дим, но всего его с ног до головы покрывала зловонная жидкая грязь.

Оказавшись в городе, полном врагов, Шангот из племени джегга понимал, что ему надо соблюдать величайшую осторожность. Даже один неверный шаг может выдать его. И конечно, если какой-нибудь житель города встретит его, Шангот вызовет подозрение.

Мрачное небо время от времени подсвечивалось бело-голубыми вспышками. Моросил дождь. Шангот пожалел, что это не ливень, который омыл бы его тело. Но, поискав немного, Шангот обнаружил бочку, подставленную под водосточный желоб, полную свежей дождевой воды. Этой водой он смыл зловонную грязь со своего тела.

Но что делать с одеждой? Если кто-нибудь из горожан увидит его, то удивится, что рмоахал, воин племени кочевников джегга, свободно разгуливает по улицам их города. Надо переодеться... и как можно скорее!

Шангот пересек двор и обнаружил ворота, ведущие на большую площадь, куда выходила огромная стена фасада какого-то дворца или особняка. С карниза на площадь глядели, оскалясь и растопырив когтистые лапы, резные каменные химеры. Странные светящиеся шары отражались в лужах мокрой мостовой... Выглянув из тени подворотни, Шангот увидел множество людей, спешащих по своим делам. Среди них было много рабов-рмоахалов, что обрадовало князя джегга, который опасался, что, даже если он сумеет переодеться, вызовет подозрение само присутствие рмоахала в Черном городе.

Внимательно приглядевшись, он попытался запомнить манеру ходить и одеваться рабов-рмоахалов. Они носили ремни из простой кожи без драгоценных камней и брошек из дорогих металлов, с бляхами с геральдическими рисунками своих хозяев. Рабы носили их на плечах, на груди и на животе на уровне пупка. Шангот также заметил, что рабы-рмоахалы перемещались по городу без всякого препятствия со стороны заарских стражников, стоящих у входа в роскошные здания, окружающие площадь. Стражники вообще не обращали

на них внимания. Ни разу, за то время пока Шангот наблюдал из подворотни, они не остановили ни одного раба-кочевника и не потребовали у него ни удостоверения, ни пропуска.

Значит, решил Шангот, ему нужна портупея раба, в которой он без всяких расспросов сможет бродить среди заарцев. И тогда он без помехи найдет место, где держат его господина Тонгора. Но для этого надо потерпеть и подождать, пока один из рабов не подойдет так близко, что его можно будет схватить и затащить в тень.

Наконец долгое ожидание Шангота оказалось вознаграждено. Из ворот одного из роскошных зданий появился высокий, превосходно сложенный рмоахал. Он зашагал по площади к темной арке, где притаился Шангот. Безжизненные глаза и лицо раба были полностью лишены какого-либо выражения, как и у всех рабов в Зааре. Князь джегга даже подумал о том, не дают ли колдуны своим рабам какое-нибудь сильнодействующее снадобье, разрушающее мозг и превращающее человека в послушную машину. Он обратил внимание на то, что, хотя это был рмоахал, охранники выражали ему особое уважение. Шангот решил, что это, очевидно, из-за того, что хозяин его занимает очень высокое положение в иерархии Черного города.

Шангот внимательно оглядел одежду этого раба-рмоахала. Одет тот был не так просто, как остальные рабы, носившие лишь простые кожаные ремни. У этого раба был широкий зеленый плащ, а на его изумрудно-зеленых ремнях лемурийскими знаками, которым Тонгор обучил Шангота и других своих телохранителей, было написано слово «Вуал». Имя это ничего не говорило Шанготу. Взявшись за рукоять кинжала, он подкрался поближе к выходу.

Когда раб приблизился, Шангот шепотом позвал его, привлекая внимание раба, но так, чтобы его не услышали стражники, стоявшие неподалеку.

Как он и ожидал, рмоахал остановился... повернулся в сторону подворотни. Шангот еще раз позвал его шепотом и шагнул вперед, так чтобы раб заметил его.

— Иди сюда! — позвал он тихо.

Будто робот, не имеющий возможности противиться приказу, могучий раб шагнул в тень арки и скрылся в тени.

Он не стал ни сопротивляться, ни кричать, когда Шангот пронзил его сердце кинжалом.

Князь быстро снял с трупа ремни, надел их на себя, закрепил топор за спиной, скрыв его в складках плаща, а свои испорченные водой ремни нацепил на бездыханное тело. Затем он отволок труп через двор назад к люку, ведущему к подземной реке. Вокруг, к счастью, никого не оказалось. Лишь мгновение потребовалось сильному молодому рмоахалу для того, чтобы снова открыть люк, сбросить мертвое тело в темную воду и закрыть крышку.

После этого Шангот попытался придать своему лицу безжизненное выражение, чтобы не отличаться от остальных рабов его расы, и вышел на тускло освещенную улицу, пытаясь подражать механической походке рабов.

Теперь он собирался найти Тонгора, где бы его ни прятали в этом лабиринте черного стекла и мрачного камня. Если это вообще возможно...

Всю ночь Шангот бродил по улицам Заара. Люди, которых он встречал, не обращали на него внимания, и если замечали вообще, то только, как решил Шангот, из уважения к рангу его хозяина — кем бы ни был этот «Вуал»!

Хотя рмоахал много бродил по городу, стоял рядом с группами людей, пытаясь подслушать их беседу, узнал он о повелителе Запада очень мало. Некоторые жители города злорадными голосами обсуждали поимку Тонгора Великого, но ни один подслушанный разговор не подсказал Шанготу, где искать своего друга и господина. Много раз кочевник жалел, что не может завести с людьми непринужденный, невинный разговор

и спросить, как бы случайно, не знают ли они о том, где содержат пойманного варвара, но каждый раз, когда эта мысль приходила ему в голову, что-то удерживало его — какое-то интуитивное чувство подсказывало ему, что рабы-рмоахалы в пределах нависающих стен Заара не имеют права говорить!

Если не считать отсутствия информации о том, где держат Тонгора, трюк Шангота с переодеванием прошел превосходно. Никто не удивлялся тому, что он расхаживает по городским улицам и площадям, никто не пытался преградить ему путь или подойти с расспросами.

Но вдруг все изменилось.

Перед самым рассветом, сквозь окруженную колоннадой арку, рядом с которой бродил Шангот, на быстрых кротерах проскакал отряд стражников. Князь джегга был потрясен тем, что они носили одежду того же изумрудного цвета, что и его ремни, и что таинственное слово или имя «Вуал» вышито у них на капюшонах и на груди их просторных одежд. Стражники были вооружены черными жезлами с когтистой птичьей лапой, сжимающей мерцающий таинственный кристалл. Шангот видел такие жезлы в руках злых шаманов своего народа, еще до того как отец его, великий вождь Джомдат, изгнал мерзких шаманов. Шангот помнил, что легкого касания этого безобидного на вид жезла достаточно для того, чтобы парализовать человека на несколько часов.

Он надеялся, что стражники проедут мимо, не замечая его. Но Тиандра явно отвернулась от него.

Один из всадников, заметив его, осадил свою рептилию и крикнул своим спутникам:

— Эй! Вот он. Фантар, посади пустоголового на своего кротера... живее!

Стражники на кротерах окружили Шангота. По-прежнему копируя выражение лица и механическую походку других рабов, рмоахал попытался уйти, не обращая на стражников внимания. Не получилось. Один из них схватил князя за руку и велел остановиться.

— Стоять! повелитель Вуал нуждается в тебе... где ты пропадал столько часов, ты, дурак безмозглый? Мы прочесываем улицы с самого Часа Кота!

Шангот замер, не смея взглянуть на обратившегося к нему человека и благоразумно решив не отвечать.

Другой стражник расхохотался.

— Ты же знаешь, что они не умеют разговаривать, Ченгту. Давай затащим этого ходячего мертвеца на кротера, и отправляемся... возможно, я еще успею поспать часик до рассвета!

Не решаясь оказывать сопротивления, окруженный стражниками, Шангот позволил затащить себя в седло шипящего кротера и поехал по городу в сопровождении стражников. Он не имел ни малейшего понятия ни о том, куда его везут, ни о том, за кого его приняли.

Насколько он понимал, каждый шаг теперь уводил его все дальше и дальше от его господина.

Насколько он понимал, стражники взяли его в плен и отвезут туда, откуда он не сможет вырваться и помочь Тонгору.Однако он не решался сделать что-то, чего не делают рабы Заара. Он молча ехал, словно бык на бойню, и в своем отчаянии не понимал, что уже вступил на путь, который приведет его к великому подвигу...

Над угрюмыми зиккуратами Черного города Заара медленно загоралась заря.

Глава 16
ТОНГОР В БЕЗВЫХОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Тонгор, закованный в цепи, пред мрачным судом стоит,
А в центре зала на троне сидит верховный друид.
Где-то в степи замирает эхо далеких гор...
И вот Марданакс произносит чудовищный свой приговор.

Сага о Тонгоре, XVII, 25

Тонгор и колдун остановились перед гигантскими позолоченными дверями с замысловатым узором, напоминающим языки адского пламени. Один из

стражников подошел к висящему на серебряной цепи огромному нефритовому диску. Он ударил в центр нефритового диска, и раздался гулкий звон. В скрытых тенями углах загудело эхо.

Массивные двери начали медленно отворяться... и Тонгор оказался на пороге громадного Зала Девяти тронов. Нахмурившись, он шагнул в просторное, гулкое темное помещение. Двери затворились за его спиной, захлопнувшись со зловещим грохотом, будто удар колокола судьбы.

Валькар оказался в полной темноте.

Вдруг из центрального колодца вырвался фонтан огня. Из неведомых глубин с ревом взметнулся огромный язык алого пламени, разукрасив стены круглого зала с колоннами пляшущими тенями девяти стоящих вокруг колодца высоких тронов.

Гигантские тени поползли по выгнутым стенам за девятью тронами, на которых с невероятным искусством были нарисованы фрески, изображающие чудовищных демонов. Какое-то время валькар разглядывал изображения могучих служителей Хаоса и Древней Ночи — повелителей черного ада, таких, как ужасный Гаморий и Зефар Красный, и Фурфур, появляющийся перед смертными в образе харта с огненным хвостом... темный Кхил и чудовищный Салеос, который ездит верхом на Коркодрилле... Ситри с головой леопарда и крыльями грифона... и Велет, всадник, сидящий на белом коне... образы незабываемого кошмара с глазами из сверкающего хрусталя, написанные на стенах с невероятным мастерством пылающими красками, которые, казалось, выжигают даже глаза!

Теперь, по мере того как фонтан, разбрызгивая искры, поднимался все выше, алый свет залил весь зал. Стражники провели Тонгора в центр гулкого зала и поставили его рядом с огненным колодцем между тронами. И там они оставили валькара, исчезнув в тени. Тонгор огляделся, осмотрел огромные троны из разноцветного камня, стоящие каждый на собственном

возвышении из полированного мрамора, на огромные фрески с изображением злобно оскалившихся демонов. Сыромятная кожа заскрипела, когда Тонгор попробовал крепость ремней, стянувших его запястья.

Затем со стороны золоченых дверей донесся зловещий звон нефритового гонга.

И повелители Заара начали один за другим занимать свои места на тронах...

Трон из пурпурной яшмы занял дряблый Питуматон, разодетый в роскошный бархат и лавандовый шелк. Воинственный Малдрут, гордо вышагивая в алом одеянии и латах, с саркастической улыбкой на красивом смуглом лице, подошел к трону из сверкающего алого хрусталя. А тихий мягкий Сарганет Нульдский, укутанный в просторное одеяние, уселся на трон из серого гранита, откуда принялся пялиться своими бесцветными глазами на суровую фигуру плененного Тонгора. Явился тощий, похожий на мумию Ксот-Череп, тело которого было завернуто в ткань цвета индиго. Снова появился Черный архидруид Марданакс, ядовито-зеленые глаза его торжествующе сверкали сквозь прорези в маске. Он занял свое место на самом высоком троне из черного мрамора, и наконец появился Вуал-Мозг, чье щуплое иссохшее детское тельце внес на руках раб-рмоахал. И когда раб-зомби осторожно клал Вуала на огромный трон из сверкающего зеленого нефрита, колдун злобно взирал маленькими черными глазками на молча стоящего валькара.

Раб отступил и встал за спинкой зеленого трона, а заарские колдуны устремили свои взгляды на Тонгора, который очутился один, без друзей, в самом логове неприятеля, окруженный со всех сторон своими величайшими врагами.

Мрачным тоном Марданакс принялся перечислять преступления, в которых обвинялся Тонгор. Он рассказал о том, как валькар — искатель приключений

разрушил их тщательно подготовленный заговор против девяти городов Запада· о том, как он уничтожил их братьев-друидов, приверженцев культа Слидита, бога крови, и Ямата, бога огня, и о том, что ордена этих друидов были изгнаны из Тсаргола, Алого города, и Патанги, Города Огня, и вынуждены теперь скитаться, не имея крова. Он поведал грозным голосом о том, как их брат, повелитель Талаба Разрушитель, князь магии, встретил унизительную смерть, когда Тонгор разорвал кольцо осады Патанги и изгнал армии Турдиса и Шембиса... и как другой их брат, повелитель Адаманкус, князь магии, был побежден и погиб в объятиях им же вызванного демона, когда Тонгор разрушил стены заколдованной крепости, чтобы спасти царицу Сумию и Шангота из племени кочевников джегга. Он рассказал и о том, как племя зодак было разбито железными легионами союзника Тонгора Джомдата из племени джегга, который теперь правит на большей части равнин рмоахалов.

Тонгор понимал, что единственным приговором, который может вынести этот трибунал колдунов после столь длинной обвинительной речи, будет... смерть.

И, несомненно, учитывая ненависть, какую питают к нему черные колдуны Заара, казнь будет долгой и изощренной.

Но пока валькар стоял, молча и презрительно глядя на своих врагов, в груди его разгоралась искра надежды. Ему потребовалось задействовать всю свою силу, чтобы сохранить на лице бесстрастную холодную маску. Он чуть было не вскрикнул от неожиданности, когда увидел рмоахала, несущего на руках щуплое тело Вуала-Мозга, — рмоахала-зомби, в котором он узнал своего лучшего друга Шангота, князя племени джегга!

Каким образом сын Джомдата оказался в городе некромантии и зла, Тонгор никак не мог понять.

Последний раз он видел князя джегга, когда невидимые воины Зартона Грозного поймали его в ловушку у Скал кристаллов грома. Тогда он видел, что Шангот

успел укрыться на корме корабля Тонгора... а затем невидимые воины-кочевники зодак схватили Тонгора и уволокли в развалины древнего Иба, Города Червя.

Это произошло много дней тому назад, далеко на севере. Как Шангот преодолел такое расстояние — и зачем? Он хочет попытаться спасти повелителя Запада? На сердце у Тонгора потеплело. Ему хорошо известна преданность своего друга, князя племени джегга Шангота. Другого объяснения валькар найти не мог. Однако один страшный вопрос продолжал звучать у него в мозгу, и Тонгор едва не содрогался, глядя на неподвижную фигуру Шангота, стоящего скрестив руки на могучей груди и тупо глядящего перед собой безжизненным взглядом.

Неужели эти девять заарских злодеев уничтожили своим злым колдовством ум и волю князя кочевников превратили его в бездушного робота, подобно всем остальным своим рабам — ходячим мертвецам?

Решение суда, когда наконец настало время его произнести, было именно таким, как Тонгор и ожидал. повелитель Марданакс, сидящий на черном мраморном троне, закончил долгую злорадную обвинительную речь, и колдуны вынесли приговор.

— Остается лишь избрать вид наказания, — сказал он, и все семь колдунов зашевелились, предвкушая удовольствие. — Вы, вероятно, помните, о братья, что я предложил провести определенный... эксперимент... на нашем последнем Совете несколько дней тому назад? — Он выдержал долгую паузу и, ухмыляясь, поглядел на Тонгора. Валькар по-прежнему стоял молча. Его лицо напоминало бронзовую маску. — Эксперимент, названный в девяти книгах Тьмы... Ритуалом превращения души человека в раба Хаоса.

Тонгор не понял значения этого названия, но от демонической ухмылки и радостного тона архидруида у валькара волосы на голове зашевелились. Он оставался

спокойным, словно слова колдуна совсем не касались вопроса его смерти. Если семь колдунов Черного города надеются сломить его дух, поставить его на колени, заставить ползать перед их тронами, они ничего не добьются! Тонгор стоял неколебимо, словно гранитная статуя, выражая всем своим видом крайнее презрение.

— ...С тех пор, братья мои, — продолжил Марданакс шелковым мурлыкающим тоном, — я глубже изучил процедуру проведения этого ритуала. Хотите ли вы услышать об этом подробнее?

— Да, о старший брат! — ответили все вполголоса.

— Никогда еще за семь тысяч лет нашего господства не пытались мы провести этот ритуал. Но скоро мы проведем его... очень скоро!

На лице Тонгора по-прежнему не дрогнул ни один мускул.

Марданакс рассмеялся.

— Я восхищаюсь твоей храбростью перед лицом Неизвестности! Но скорее всего — причина этому твое невежество, а не отвага. Вероятно, мне следует объяснить простыми словами то, в чем именно заключается твое наказание. Попытаюсь объяснить. Во время этого ритуала в храм черных богов вызываются в материальной форме повелители Хаоса. При помощи могучих заклинаний, из твоего тела будет вырвана душа и скормлена царям Хаоса... Это обречет твою бессмертную душу на бесконечное рабство у господ Зла, а твое тело, лишенное души, станет безмозглой игрушкой... жалким растением, не способным ни на разумные, ни на волевые поступки, но все же сохраняющим способность чувствовать боль. И оно действительно будет чувствовать боль, Тонгор, бесконечные годы, полные унижения мук зверского надругательства... Твое тело станет рабом в наших руках, а душа твоя попадет в рабство темных повелителей Космического Зла! У тебя будет возможность осмыслить картину, описанную мной, в течение нескольких часов. Пока мы готовимся к ритуалу, ты будешь заперт в подземелье. Увести его.

Когда Тонгора уводили, он слышал, как девять колдунов продолжали обсуждать предстоящий ритуал.

— Это очень важный ритуал. Карцистом, главным лицом ритуала, назначается повелитель Вуал.

— Слушаюсь, старший брат. Почту за большую честь...

— Зеленый брат, для проведения этого ритуала тебе понадобится защита самого сильного из всех амулетов, защита Великого Нейтрализатора. Возьми его в периаптиуме и подготовь, напитав энергией.

— Иду, старший брат, — тихо проговорил Вуал-Мозг, мысленно подзывая раба-рмоахала.

Стражники вывели Тонгора из зала сквозь скрытую дверь. Валькар надеялся встретиться взглядом с безмолвным Шанготом, посмотреть, не ответит ли кочевник... сможет ли ответить князь племени джегга на его взгляд. Но стражники вытолкали валькара, так и не дав возможности посмотреть рмоахалу в глаза...

Дверь темницы, сплошная стальная плита лишь с маленьким зарешеченным окошечком, захлопнулась. Стражники заменили сыромятные ремни, связывавшие валькару руки, на железные кандалы и приковали их цепью к массивному бронзовому кольцу, вделанному в стену. Когда эхо от грохота захлопнувшейся двери затихло, валькар остался один в темноте и тишине, которую нарушал лишь звон падающих капель воды, просачивающейся откуда-то сверху. Да еще пищали и шуршали по углам унзы, голые, питающиеся падалью грызуны. В мозгу Тонгора все снова и снова эхом отдавалась одна фраза: «Ритуал превращения души человека в раба Хаоса».

Злобный разум, правящий мрачным городом Зааром, верно оценил Тонгора. Угрозы физических мучений никогда не смогут сорвать крика с его губ или вызвать отчаяние в храбром сердце воина.

Но такая пытка превосходит все мыслимые муки плоти... мучение души, которая вынуждена служить врагам. И даже Тонгор Великий содрогнулся при этой

мысли. Она не давала ему покоя в течение долгих часов, пока он лежал один, закованный в цепи, в холодной темнице, где с потолка капала вода, а в темных углах пищали грызуны.

Глава 17
ГОЛОС ДРУГА

Когда лучезарные звезды положенный сделают шаг
И образуют на небе древний магический знак —
Знак небывалой силы! — так говорят письмена...
Душа молодого героя сгинуть навеки должна!

Сага о Тонгоре, XVII, 26

Каменная стена темницы была сырой, холодной, влажной, и ее стены покрывала слизь. Где-то постоянно капала вода, монотонный раздражающий звук. До Тонгора доносился писк и шорох (маленькие коготки скребли о камни) невидимых существ. Унзы постепенно наглели. И... подбирались все ближе. Тонгор крепко сжал зубы. Он слышал рассказы о том, как на узников набрасывалась орда пищащих красноглазых отвратительных лысых грызунов, об узниках, заживо сожранных этими голодными обитателями подземелий, — и об узниках, чьи голые, обглоданные кости сгнили среди ржавых цепей, об узниках, которых просто... забыли в темницах.

Тонгору оставалось только завидовать такой смерти. Но черные колдуны Заара не позволят ему умереть такой смертью.

Он думал о том, когда же его наконец казнят. Марданакс ничего не сказал о том, сколько времени понадобится колдунам на подготовку ритуала... и когда они приведут в исполнение этот чудовищный приговор.

Здесь, в темноте, прислонившись спиной к сырому холодному камню, прислушиваясь к монотонному звону капель, Тонгор почти забыл о том, каков на вкус

свежий воздух и как выглядит чистое небо. Мысли его начали блуждать, и, несмотря на холод, вонь и неудобство, причиняемое цепями, валькар сначала задремал, а потом уснул. Засыпая, он думал о своей супруге, о темноглазой царице, о своем сынишке. Валькар пытался представить себе, что они делают в это время, вспоминают ли о нем.

Еще Тонгор думал о своей родине, лежащей далеко на севере, которую он уже так долго не видел. Он снова видел перед собой лицо своего отца Тамитара из племени Черного Ястреба... его могучее бронзовое тело, закутанное в меха. повелитель Патанги вспоминал, как отец его сражался с белыми длиннохвостыми ледниковыми волками, оглашая воздух боевым кличем, вспоминал его черную, покрытую инеем бороду. . и снова видел смеющиеся лица своих братьев... и спокойное красивое лицо своей матери.

Валькар вспоминал о той войне, когда племя Белого Медведя хлынуло в заснеженную тундру и захватило их места рыбной ловли. Он вспомнил жестокую битву, когда валькары сражались с врагами копьями с каменными наконечниками и бронзовыми топорами. От алого восхода до багрового заката сражались они. Когда же все кончилось, в живых из валькиров остался лишь Тонгор... тяжело дышащий, изможденный, измазанный кровью, окруженный десятком мертвых врагов.

В той страшной битве погибли его отец и все его храбрые братья... оставив Тонгора одного во враждебном мире, пятнадцатилетнего мальчика без родственников и друзей. Он похоронил там всю свою семью, выкопав в мерзлой земле сломанным топором яму и навалив кучу камней, чтобы волки не раскопали могилы. Затем он подобрал огромный меч — Саркозан, принадлежавший его отцу, а до этого отцу отца и так далее вплоть до могучего героя Валька Черного Ястреба, седьмого сына Тангарта из Немедиса, основателя племени валькаров на суровом севере... и, взяв с собой

меч, мальчик отправился странствовать по миру, полному врагов, надеясь найти себе достойное место среди людей. Но сначала он отомстил врагам...

Тонгор перебрался через ледяные перевалы гор Моммар и оказался в душных джунглях Ковии. Какое-то время он был грабителем и наемным убийцей в прекрасных варварских молодых городах Юга. Затем ему вынесли приговор, и он трудился на галерах Шембиса, но однажды ночью разорвал цепи, задушил жестокого надсмотрщика, от плетки которого на спине Тонгора появились длинные шрамы, и возглавил восстание рабов. Похитив судно, на котором он отбывал наказание, посадив на весла команду и стражников, восставшие уплыли в открытое море — и стали вести свободную жизнь, занимаясь пиратством. В течение пяти лет Тонгор был известен как Черный Ястреб, предводитель морских бродяг. Его корабль бороздил Патангский залив, грабил купеческие галеры, сжигал их и всякий раз уплывал назад в Таракус, город пиратов, чтобы без меры пить красное вино и расхаживать в награбленных украшениях по узким улочкам жестокого, буйного царства морских разбойников... Это были хорошие дни, полные золота и славы, яростных битв и дерзких приключений!

Вспомнил Тонгор и о том, как главари пиратского братства обратились против него, когда он убил их предводителя во время длившейся целый час дуэли на скользком причале, освещенном факелами. Они вынудили валькара бежать и преследовали его на своих кораблях. Чистая простая душа варвара противилась садистской жестокости пыток, при помощи которых царь пиратов добывал сведения у пленных моряков... Тонгор убил этого злого царя морских разбойников. А ночью он бежал. Следом за ним устремилась половина Таракуса. Тонгор проплыл мимо Птарты и оказался в порту Зингабала. Здесь, чтобы выжить, он воровал продукты и золото, и обрел друга. Им стал молодой зингабальский воин Элд Тармис, который убедил Тонгора не браться снова за воровское ремесло. Вместе

они переправились через залив и прибыли в Турдис, Город Дракона, где железная сила и военная сноровка позволили Тонгору получить место в наемной охране.

Семь месяцев он воевал за Фала Турида, безумного сарка Турдиса, вместе с другими воинами четвертой когорты. Но опять варварское представление о чести не позволило Тонгору занять достойное место среди людей с городским воспитанием. Когда один разодетый в шелка изнеженный князек отказался платить проигранные на скачках деньги, Тонгор тут же окунул его в огромный бронзовый чан с вином, а затем пропорол ему живот своим мечом. И снова северянину пришлось бежать, и снова за ним гналось полгорода — так как убитый князек был не только представителем знатного рода, наследником высокого титула и большого состояния... но он еще являлся и отаром, командиром, отряда, где служил Тонгор!

Так началась цепь приключений, в результате которых нищий варвар из покрытых льдами северных земель вместе с женщиной, которую любил, занял самый высокий трон на Западе. Если чему и научился Тонгор во время своего пребывания в пышных городах, так это тому, что простой кодекс чести, полученный им из уст его сурового отца, лучше, благороднее и честнее, чем законы так называемой цивилизации, где прихоти разодетого дурака (если у него есть земли и титул) могут перевесить разум, благородство, доблесть и честь.

Тонгор поежился, потянулся и зевнул. Потом он заорал так, что все унзы разбежались и попрятались.

— Тюремщик! Эй, тюремщик! Горм тебя побери, ты что хочешь, чтобы воин подох с голоду в этой дыре? Принеси поесть!

Наконец на его крики явился заспанный тюремщик и, вытаращив глаза, сквозь окошечко поглядел на валькара. Тюремщику доводилось слышать от несчастных запертых в темнице мольбы о пощаде... но он никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из них требовал, чтоб его накормили.

— Поесть? — удивленно спросил тюремщик. — Ты, должно быть, сошел с ума от страха. Ты что, забыл о предстоящем ритуале жертвоприношения?

Тонгор засмеялся.

— Человек умирает лишь однажды, дружище. Я могу умереть с голоду и не дождавшись ритуала. Боги! Уже много дней прошло (даже не могу сосчитать сколько), с тех пор как я нормально поел. Неси сюда поесть!

Требование возымело результат. Толстый глупый тюремщик зашаркал прочь в темноту, быстро, как только мог, и вскоре вернулся с огромной деревянной миской горячей похлебки, с куском черствого черного хлеба и кувшином кислого слабого красного вина. Это едва ли походило на острые изысканные блюда, к которым Тонгор привык в своем царстве, но голодному человеку мало дела до кулинарных ухищрений. Пока тюремщик глядел разинув рот, Тонгор принялся за еду. Он опустошил кувшин с вином и миску с похлебкой с аппетитом, который едва ли можно было ожидать у человека, приговоренного к смерти на алтарях Хаоса... и к тому же Тонгор потребовал добавки!

Через несколько часов (или дней? — Тонгор потерял всякое представление о времени в этом темном подземелье) валькара разбудил неожиданный звук. Шорох кожаных сапог, ступающих по камням перед дверью камеры!

Тонгор насторожился. Это не дряхлый тюремщик, который шаркает и звенит ключами. Нет. Это крадущиеся осторожные шаги — шаги того, кто не хочет, чтобы его услышали.

На широких бронзовых плечах надулись мускулы. Боги! Как ужасно быть прикованным к стене, беспомощным, как животное в клетке! Освободиться от цепей, прижаться спиной к сырой каменной стене, держа в руке добрый меч, — и пусть явятся эти служители дьяволов и возьмут его для своего мерзкого ритуала! Если только посмеют!

В зарешеченном окошечке камеры показалось лицо. Всего лишь черный силуэт на фоне мрака. Тонгор напряг зрение, пытаясь разглядеть черты... Кто же это может быть?..

— Это я, Шангот.

— Шангот! — Валькар едва ли не прокричал это имя, но затем быстро, понизив голос, произнес: — Горм, я думал, эти черные дьяволы поработали над тобой и превратили в безмозглого раба!

Великан с синей кожей улыбнулся.

— Нет, господин, я все еще в своем уме. И здесь я благодаря необъяснимой причуде Тиандры.

Очень быстро и кратко князь джегга описал все, что произошло с ним в последние дни. Как он проник в город по подземной реке, как убил рмоахала-зомби и обменялся с ним одеждой и как его приняли за раба Вуала-Мозга, члена Совета колдунов.

— Этот карлик ни разу не снизошел до того, чтобы посмотреть рабу в лицо, так как для господ Заара мы низшие существа, всего лишь животные, — объяснил Шангот, — поэтому когда посланные им стражники отыскали меня и привели к нему, я, не вызывая подозрений, смог взять на себя обязанности убитого мною рмоахала. Это удача, что процесс разрушения сознания превращает рабов колдунов в бездумных зомби, иначе я тотчас бы себя выдал! А раз все распоряжения рабу-зомби надо каждый раз отдавать заново, меня не разоблачили.

— Слава богам, что ты здесь! — проговорил Тонгор. — В этом проклятом месте друзья могут пригодиться.

— Да.— Шангот грустно кивнул. — Если бы ты знал, как я удивился, когда принес карлика в Зал Девяти... и увидел тебя, господин! Боги, я чуть не уронил этого головастика! И я боялся, что ты выдашь меня тем, что вздрогнешь, узнав меня.

— Я действительно пытался привлечь твое внимание, — проговорил Тонгор. — А когда не смог этого сделать, решил, что они превратили тебя в своего

раба — в безмозглого зомби. Но раз уж ты здесь, Шангот, не мог бы ты меня освободить?

Шангот оглядел дверь, затем грустно покачал головой.

— Нет, даже моя сила здесь бесполезна. Дверь заперта при помощи силы черного колдовства, и никто на свете не откроет ее без ключа. Но выслушай меня. Я могу ходить где угодно, так как любой, кто меня увидит, узнает по знакам на моей одежде, что я раб Мозга, и думает, что я выполняю приказ своего хозяина. Благодаря этому мне удалось найти место, где тебя держат. И поскольку я должен таскать на руках это щуплое чудовище всюду, куда только оно ни пожелает идти, мне удалось присутствовать на Советах и я знаю планы колдунов. Жертвоприношение... намечено на завтра.

Завтра...

— Час установлен при помощи астрологических вычислений, — продолжал рассказывать Шангот шепотом. — Какое-то важное созвездие, звезды которого были далеко разбросаны до этого друг от друга и очень долго бродили по небу, образуют сейчас какой-то могучий символ, знак кощунственного ритуала, во время которого они хотят вырвать из тебя душу и отдать ее Царям Хаоса. Но хотя я и не могу открыть этой двери и освободить тебя, у меня есть план. План отчаянный, но больше ничего не остается...

Тонгор придвинулся ближе к зарешеченному окошечку в двери и приготовился слушать. План был прост. Он также был очень рискованным, почти самоубийственным, но что могут сделать два человека против целого царства врагов, кроме как довериться удаче?

Валькар согласился с предложением Шангота, и рмоахал подбодрил Тонгора и, стараясь двигаться бесшумно, направился прочь, оставив валькара одного обдумывать последние слова, произнесенные кочевником, — слова, заключающие всю философию жизни Тонгора: «Не теряй надежды!»

Глава 18

ЧЕРНЫЕ АЛТАРИ ХАОСА

Для темного города смерти час роковой настает,
И от возмездия Неба ничто Заар не спасет.
Тонгор порвал свои цепи и с обнаженным мечом
Свободный стоит пред врагами, пред адом к лицу лицом!

Сага о Тонгоре, XVII, 27

В храме черных богов был огромный зал из черного мрамора, где титанические колонны, подобные окаменевшим секвойям, поддерживали на высоте в девяносто ярдов величественный свод из алого хрусталя. Вдоль круглых стен ступенями поднимались ряды каменных скамей, образуя амфитеатр. Там в ожидании представления восседали сотни заарских жрецов, собравшихся для того, чтобы наблюдать, как Тонгора принесут в жертву.

На полу в середине амфитеатра стоял колоссальный идол, напоминающий зловещего гиганта, застывшего и окаменевшего. Это был атлант невероятных пропорций, на плечах которого сидели не одна, а три головы.

У ног трехголового идола Хаоса стоял ряд тронов разных цветов, а между расставленных ног каменного гиганта находился куб черного мрамора в десять футов высотой, блестящий в свете масляных ламп.

На этом мраморном кубе стоял Тонгор. Руки его были расставлены в стороны и прикованы золотыми цепями к противоположным ребрам куба.

Час жертвоприношения настал!

Зазвенели бронзовые колокола, и трубы выли как гарпии.

Один за другим повелители Заара начали занимать свои места на тронах.

Слюнявый жирный Питуматон в пурпуре. Сарганет Нульдский в неброском сером. Дерзкий чернобородый Малдрут в ярком алом одеянии. Тощий Ксот-Череп, с горящим взглядом фанатика, укутанный в синюю материю. Могущественный Марданакс в маске и черной одежде.

И Вуал-Мозг, чью разодетую голову, украшенную изумрудно-зеленым, нес на могучих руках не раб-рмоахал, а князь Шангот из племени джегга.

Со стороны каменных скамей послышалось мрачное монотонное песнопение. Оно становилось то тише, то громче, голоса гудели, словно бурное море. Ритуал начался...

Сейчас все решится.

Сработает ли отчаянный план Шангота?

День и ночь этот вопрос не давал Тонгору покоя. Скоро... очень скоро!.. он узнает ответ.

Честь играть главную роль в проведении ритуала была предоставлена повелителю Вуалу. По команде хозяина могучий раб-рмоахал перенес Мозга с трона к огромной кафедре, установленной перед кубическим алтарем, к которому приковали Тонгора. Положив уродливое тело Зеленого колдуна на каменный подиум, могучий раб отступил назад и встал за спиной Вуала, сложив руки на груди.

Вуал приготовился. Все затаили дыхание. Поскольку Вуал-Мозг выполнял обязанности карциста, его сознание должно было служить посредником, который передаст призыв собравшихся на каменных скамьях вокруг арены. Его мысленный приказ полетит далеко-далеко в темные неведомые глубины космоса... дальше звезд... проникнет сквозь оболочку трехмерной вселенной, полной звезд, напоминающей гигантскую сферу... полетит дальше и дальше в таинственные глубины вечного, бескрайнего Царства Хаоса, который вечно, бушуя, бьется о Стену Творения.

На пюпитре перед карликом лежала громадная книга, запечатанная девятью печатями червонного золота со вставленными в них мерцающими ситурлами.

Когда колдун произнес магическое Слово, печати распались и огромный фолиант раскрылся перед карцистом.

Страницы громадной книги были сделаны не из бумаги или пергамента, папируса или кожи, а из блестящей фольги какого-то неизвестного, нержавеющего металла. Любой другой материал не выдержал бы силы написанных на нем заклинаний. С того места, где стоял Тонгор, были видны сложные фигуры, вытравленные на блестящих страницах чернилами алого, черного, едко-желтого цветов и цвета индиго... Видны металлические страницы, покрытые светящимися рисунками! Сам воздух вокруг металлической книги пульсировал и гудел, словно сила заклинаний, заключенная в рисунках, была столь велика, что удерживать заклятия на страницах можно было лишь с великим трудом.

Тонгор узнал эту книгу, узнал древние символы, так как видел похожую книгу в крепости Адаманкуса.

Но теперь перед ним оказался сам Сардатмазар, Волшебная книга, которую нечеловеческие руки написали полмиллиона лет назад в далекой таинственной земле Гиперборее, задолго до того, как первого человека вылепили из праха земли.

И Вуал заговорил, положив руки на страницы книги, тоненьким писклявым срывающимся голоском:

— Я Вуал, князь магии, повелитель Заара, магистр Девяти наук, призываю тебя, о Триединый Царь Хаоса, непроизносимым ужасным именем Ядо-Тейманго-зот, пред которым трепещут имена Стихий Творения, сотрясается воздух, дрожит земля, отступает вода, гаснет огонь земной и небесный, и вся армия духов земли, неба и ада бежит! Сойди к нам, нерожденный, силой Паумачи, Анафексатиона, Хелиорема, Примеуматона! Приди, зову и умоляю тебя, ради Бездны мучений, ради Реки Огня и Реки Крови, ради самой Непостижимой и Жуткой Печати Триединого Хаоса, зову тебя! Батол, движущийся к Солузену. Абреор, снисходящий на Ледриона. Малфас, повелевающий Шаксфаром!

По мере того как повелитель Вуал произносил заклинание, голос его начал странным образом меняться — обретать более глубокий тембр, набирать силу, становиться властным. За спиной карлика-колдуна на

каменных скамьях жрецы раскачивались в такт его словам и монотонно пели в унисон. Тонгор чувствовал, как по рукам, ногам и шее его от жуткого предчувствия бегут мурашки. Казалось, огромный сводчатый зал наполняется невидимыми, неощутимыми потоками, исходящими от тысяч жрецов, соединенных силой разума семи колдунов, и направляемыми карцистом, возглавляющим ритуал... Сам воздух, казалось, гудел электрическим напряжением, когда мощный луч мысленной энергии устремился от земли в таинственную точку, расположенную по ту сторону звезд...

— Приди, приди, более великий, чем боги... Приди, заклинаю могучим всесильным именем Токтах Таваронак, услышав которое, в страхе сжимаются души умерших, и замирают сердца живых, и трепещут Вечные Силы! Сойди на меня, о Царь Ночи и Ужаса, ради могущества Абимеша, Зио, Аблутора, Балдакгиенсиса, приди, призываю Тебя руной Ко и знаком Ягг, приди ради всесокрушающей силы Ириона, Оразима, Сургата, Надамиэля, приди ради звезды Иримид и Девятигранной печати... Ради Черного монолита и Алого озера вызываю тебя! Матон, свяжи Руакса. Зугарта, набросься на Фоса. Раум, следуй за Алетом. Фатси, покорись Яриату!

Теперь голос Вуала достиг нечеловеческой глубины и мощи, словно бледными растянутыми губами колдуна говорили тысячи людей. Монотонный речитатив становился все громче. Отупляющий грохот волнами накатывался на Тонгора и подтачивал рассудок и самообладание валькара, как океанские волны разрушают постепенно мощную дамбу.

— ...Приди ради Слов Тагла, Армисор, Залаи, Гутац, Гутор, Тзафниэль... Приди, мы ждем тебя, повелитель десяти миллионов Эонов... Кхил, призови Фримоста. Акорий, справься с Аксекоар. Алаостер, справься с Иототом... Приди! Приди! Приди! Приди!

И вдруг Тонгор увидел чудо.

Высоко над головой, там, где лучи пробивались сквозь алый дымчатый хрусталь свода и снова растворялись в полумраке... там, где воздух бурлил и гудел

от силы сознания... начала сгущаться чернота и появилась темная воронка, черная, как смерть, холодная, как пространство между мирами.

Холодное дыхание ветра, вечно дующего меж звезд, коснулось Тонгора, заморозив его до костей. Валькар посмотрел наверх и увидел бурлящую воронку тьмы, которая росла, росла, росла, становясь все более осязаемой. Она постепенно спускалась к тому месту, где стоял прикованный Тонгор.

Вот тогда Шангот и ударил.

Из-под просторного зеленого плаща он выхватил огромный боевой топор... и большой меч валькаров, который Марданакс отобрал у Тонгора, когда пленил его! Шангот нашел меч во время своих блужданий по цитадели Заара и принес оружие в храм, спрятав под плащом. И сейчас он поднял топор и срубил с тоненькой шейки раздутую голову Вуала — будто срезал с ветки гнилой плод!

Глаза Вуала все еще горели, рот все еще спазматически двигался, но сама отвратительная уродливая голова покатилась к подножию черного трона, на котором замер Марданакс... Покатилась к подножию его трона и ударилась, как кусок мяса о мраморную ступень!

Разбрызгивая липкую бледную кровь из обрубка шеи, тщедушное тельце свалилось с подиума перед огненной волшебной книгой, подергалось и замерло навсегда.

Монотонное пение прервалось, будто по тысяче глоток одновременно провели бритвой. Повисла напряженная тишина.

С грозным боевым кличем племени джегга Шангот одним прыжком вскочил на мраморный алтарь, где стоял Тонгор. Снова просвистел топор, и цени, будто бубенцы, зазвенели, покатившись по черному мрамору. Лезвие топора рассекало их, словно они были из бумаги.

Тонгор свободен!

С воплем повелитель Запада поймал переброшенный ему князем джегга меч.

Теперь, с мечом в правой руке, он чувствовал, что в состоянии сразиться с самими богами Тьмы.

Марданакс поднялся во весь рост и вытянул в сторону Шангота свой жезл. Восьмифутовый воин с криком бросился на колдуна... но с конца жезла вырвался зеленый луч и окружил тело рмоахала мерцающим нимбом.

Гигант с синей кожей замер, словно каменная статуя.

Стоя на черном алтаре, Тонгор приготовился к последней битве Но, напрягая мышцы могучих ног... собираясь прыгнуть к черному трону... он почувствовал, что его удерживает на месте странная сила, почувствовал электрическое покалывание по всему телу, будто прикосновение холодного щупальца, протянувшегося к нему из черного водоворота над головой.

Чье-то холодное прикосновение парализовало его, не давая двигаться. Холод сковал разум, притупил сознание, лишив тело сил... Тонгору казалось, что холодные руки сжали его душу!

Долго, бесконечно долго длилась эта немая сцена: Марданакс стоял у трона, вытянув магический жезл... Шангот-мститель застыл, окруженный зеленым сиянием... Тонгор, остановившийся, парализованный черным облаком, повисшим над ним, готовым всосать в себя его бессмертную душу...

И вдруг Марданакс не выдержал.

Жезл заколебался, выпал и покатился по каменному полу. Черный архидруид тяжело рухнул на свой трон, будто от напряжения, требовавшегося для поддержания зеленого парализующего луча, не выдержал какой-то таинственный внутренний источник энергии колдуна.

Шангот вновь обрел силы и, оглядевшись, мгновенно оценил ситуацию. Он бросился на помощь Тонгору, пытаясь придумать, как противостоять Темной силе, излучаемой черной воронкой, повисшей над стоящим на алтаре валькаром.

И вдруг взгляд рмоахала упал на блестящий зеленый талисман, все еще висевший на обрубке шеи Вуала. Тут же рмоахал вспомнил слова, подслушанные им во время Совета семи: «Зеленый брат, тебе понадобится защита самого сильного из всех амулетов, Великого

Нейтрализатора, если ты хочешь послужить фокусом сил и карцистом во время ритуала».

Кочевник сорвал зеленый талисман и перебросил его Тонгору.

Талисман ударился о вытянутую руку валькара, и его цепочка обмоталась вокруг запястья северянина!

Словно теплое дыхание весны среди зимнего холода, прикосновение талисмана вернуло Тонгору подвижность. Все еще онемевшей рукой он схватил амулет и надел цепочку на шею так, что амулет повис напротив сердца.

Оцепенение оставило Тонгора. Он окликнул Шангота, и гигант с голубой кожей ринулся на троны, кровожадно размахивая топором. Могущественные колдуны все еще неподвижно сидели, охваченные ужасом. Первым умер Ксот-Череп. Голова его была рассечена надвое одним ударом. Шангот подскочил к следующему трону и опустил окровавленный топор на съежившегося, забившегося в угол сиденья Сарганета Нульдского, который пронзительно запищал, словно крыса в когтях у кошки, когда холодная сталь рассекла ему живот. Из тела его хлынула кровь...

Но черная спиральная воронка по-прежнему висела в воздухе над орущей беснующейся толпой. По мере того как повелители Заара гибли один за другим, воронка темноты росла, словно питаясь смертью, увеличивалась и становилась все более осязаемой с каждым ударом окровавленного топора Шангота!

Разрываясь между необходимостью быть рядом с другом и еще более сильной необходимостью подчиняться мерзкой воронке, вызванной совместными усилиями колдунов Заара из глубин Хаоса, Тонгор пребывал в нерешительности.

Тут волокна тьмы начали оплетать его, холодные щупальца черноты, чьи ледяные прикосновения резали, как нож... Тонгор повис, болтаясь в воздухе... его затягивала воронка Тьмы, перед ним зияла раскрытая пасть Хаоса!

Когда Тонгор стал терять сознание, а сила начала покидать его тело, он собрал оставшиеся еще

крупицы быстро покидающей его силы и отчаянно воззвал:

— Горм, помоги мне! Горм! Горм...

Тьма поглотила валькара.

Глава 19

БИТВА БОГОВ

Призыв молодого героя услышали боги сквозь тьму,
И битвы небесной отзвук грозой разорвал тишину.
На стены морские Заара — за всю его подлость и ложь!
Боги из туч громадных обрушили огненный дождь.

Сага о Тонгоре, XVII, 28

...И тут в темноте вспыхнул свет.

Тонгор медленно начал приходить в себя. Казалось, сознание освобождается от укутывавшего его тумана. Тонгор неуверенно поднялся на колени и огляделся.

Кругом крики и беготня — жрецы в панике носились из стороны в сторону или стояли группами по двое или по трое с горящими глазами. Бледные, полные благоговения и ужаса, глядели они на что-то у себя над головой.

Тонгор взглянул наверх.

Над обезумевшей от страха толпой грозно возвышался Горм, повелитель звезд.

Титаническая, в сотню футов, фигура походила на величественную колонну мутной дымки. Суровое величественное лицо смотрело на жалкие фигурки, снующие у него под ногами. Из-под развевающейся гривы волос торчали белые крылья, а длинная борода водопадами струилась по груди. Его колоссальная грудь, плечи и руки с перекатывающимися гигантскими мускулами окутывали грозовые тучи, а вокруг величественной головы вспыхивали огненные молнии. Неземное великолепие... зрелище, наполнявшее благоговением любого смертного.

Когда Тонгор поднял голову и посмотрел на туманный образ языческого бога, кровь сильнее потекла по его жилам. У валькара закружилась голова, и он поднял большой меч, отдавая честь своему господину.

Перекрывая крики толпы, по залу разнесся боевой клич Тонгора:

— Приветствую тебя, отец богов и людей! Спасибо тебе, о Горм, за то, что ты не оставил меня в минуту великой беды!

И в глубине его сознания могучий голос медленно произнес: «Приветствую тебя, сын Севера. В том сне я сказал тебе, что лишь в минуту великой опасности для Вселенной сможем мы действовать в мире людей... поэтому я пришел к тебе».

Тонгор посмотрел туда, где висела черная воронка, у которой отняли добычу. Воронка висела над землей, плотная, как грозовая туча, холодная, как Северный полюс, бурля таинственными вихрями... Шангот снес голову повелителю Вуалу, до того как жуткий ритуал завершился и явившиеся из Хаоса не полностью обрели материальность в этом пространстве. Но даже полусформировавшись, боги Хаоса узнали своего врага, одного из богов Сотворенного мира.

Черная воронка метнулась к Горму! Они встретились, и огромный зал затрясся до основания от силы их столкновения. Пол вздыбился, каменные плиты раскололись. Люди попадали.

Словно чудовищная летучая мышь-вампир, сгусток темноты бросился к шее бога...

Мрачный зал залил ослепительный свет, будто под хрустальным куполом вдруг вспыхнуло полуденное солнце... С поднятых рук бога сорвались два пучка ослепительных молний, и на воронку тьмы огненным дождем хлынули потоки небесного огня.

Грохотал гром. Стены тряслись. Зал освещали вспышки молний. Бог Творения и повелитель Хаоса сошлись в грандиозной битве! Зрелище поражало воображение. Воздух гудел от разрядов неимоверной силы, которые выпускали друг в друга божества Неба

и ада. Мелькали молнии; зал осыпали искры. Серебряные лампы опрокинулись, и разлившееся море масла вспыхнуло, усилив общую неразбериху.

Тонгор заметил в толпе мечущихся колдунов своего друга Шангота, который сражался среди тронов. Валькар даже сквозь клубы дыма видел блеск бронзового топора рмоахала, которым князь джегга пытался сдержать вооруженную массу разъяренных жрецов. Что же касается оставшихся в живых повелителей Заара, то они сидели парализованные ужасом на своих высоких тронах и следили за битвой богов.

Тонгор ринулся по разбитому полу на помощь своему товарищу. Огромный меч валькара наносил удары во все стороны. Он потерял блеск, окрасившись кровью. Вскоре Тонгор прорубил себе дорогу к Шанготу, и двое воинов стали сражаться, стоя спина к спине, защищаясь от обезумевших друидов.

Меч Тонгора крушил черепа и отсекал конечности. Каждый удар разбрасывал по воздуху капли крови, казалось, шел алый дождь. На фоне рева и грохота битвы, воплей раненых, криков нападающих, хрипа умирающих, звона клинков зазвучал глубокий голос валькара, запевшего старинную боевую песнь:

Крови горячей вино молодое
Горму-Отцу преподносит рука.
Девы войны — как гроза над землею.
Бой — словно песня стального клинка!

Глаза Тонгору затуманили ярость и жажда крови. Он сражался словно неутомимая машина. Его бронзовая рука крушила противников. Черная грива волос развевалась за спиной, и над кровопролитной битвой гремела старинная боевая песнь. Друидов было очень много, но топор рмоахала и меч валькара косили ряды врагов.

Вдруг, совершенно неожиданно, вокруг больше не оказалось врагов, только кучи тел в черных одеяниях. Тонгор оперся на свой огромный меч, с трудом пытаясь отдышаться.

Но... но что с архидруидом?

Во время первой отчаянной атаки — казалось, это произошло много часов назад — Шангот из племени джегга зарубил трех повелителей Заара: Вуала-Мозга, Сарганета Нульдского и похожего на скелет Ксота. Но что случилось с остальными? Валькар обернулся, оглядел ряд тронов и увидел жирного, одетого в пурпур Питуматона, развалившегося на огромном сиденье. Лицо колдуна было бледным как воск и неподвижным. Вероятно, и без того перегруженное сердце колдуна не выдержало ужаса битвы, или, возможно, случайный колдовской разряд оборвал нить его жизни... Но как бы то ни было, Пурпурный колдун лежал мертвый.

А Алый колдун Малдрут был жив. Он оправился от ужаса перед Гормом и теперь обратил свое внимание на Тонгора и Шангота, которые стояли, тяжело переводя дыхание, среди гор трупов. Уголки губ колдуна изогнулись в ироничной улыбке, а черные глаза насмешливо и дерзко смотрели на Тонгора и князя племени джегга.

— Неплохо сражается милостивый государь с Запада! Приятно посмотреть... Но теперь у тебя будет совсем другой противник!

Тонгор без страха оглядел высокого крепко сложенного Алого колдуна.

— Сталь валькаров прорубит красную одежду так же легко, как и черную, — прорычал он. — Иди сюда, красная заарская собака, и я докажу, что говорю правду

— Не сомневаюсь в том, что ты говоришь правду, мой первобытный друг. — Малдрут ехидно улыбнулся. — Но простая схватка на мечах это так... примитивно... так вульгарно. Мое искусство более редкое.

Колдун поднял руку, странный перстень замерцал, и вдруг ослепительная молния ударила прямо в лицо Тонгору. В кольцо из серебристо-зеленого металла был вставлен сверкающий кристалл — вездесущий ситурл. Черные колдуны Заара использовали эти волшебные кристаллы для своих темных дел.

По почти обнаженному телу Тонгора пробежал озноб, будто его обдул холодный бриз, — пробежал и исчез. Какова бы ни была природа колдовского разря-

да, брошенного Малдрутом, он не подействовал на железного валькара. Тонгор поднял окровавленный меч и, хохоча, направил его на удивленного князя магии.

— Попробуй еще, красная собака! Простыми заклинаниями воина не остановить!

Перстень снова сверкнул. И снова. Если не считать быстро проходящего озноба, никакого воздействия талисман на Тонгора не оказывал. Каждую новую попытку колдуна валькар приветствовал взрывами хохота и все ближе подходил к чародею.

Это, вероятно, был первый случай в полной злодеяний неестественно долгой жизни Малдрута, когда колдовство Хаоса подвело Алого брата. И это потрясло его глубже, чем Тонгор мог подозревать. Хвастливый, дерзкий, ироничный повелитель Заара был всего лишь дешевым наглецом и жалким трусом.

А сейчас к тому же он оказался безоружен. На лбу его выступили крупные капли холодного пота, взгляд забегал из стороны в сторону, как у загнанного в угол грызуна. Повелитель Малдрут снова поднял руку с перстнем, чтобы направить магический луч ситурла на валькара.

Шангот рассмеялся.

— Талисман! — сказал он, указывая пальцем на необычной формы украшение из камня, напоминающего яшму, висящее на могучей груди Тонгора. Валькар поглядел себе на грудь и увидел амулет, сорванный Шанготом с обезглавленного трупа Вуала-Мозга, — амулет, который он накинул себе на шею, — Великий Нейтрализатор, как называли его заарские колдуны! Вот что защищало его от силы перстня Малдрута!

Взгляд Малдрута тоже привлек всемогущий талисман. Во взгляде колдуна появилось отчаяние, обычной ленивой кошачьей злобы там не осталось. Колдун понял, что он погиб.

Дрожа от ужаса, он принялся озираться по сторонам, ища выход — пытаясь улизнуть от улыбающегося царя-воина.

Но выхода не было.

Произнося злобные проклятия немного дрожащим голосом, Алый колдун выхватил из разукрашенных ножен позолоченную шпагу и попытался ударить забрызганного кровью варвара. С оглушительным звоном сталь ударилась о сталь, Тонгор отразил удар, и сила его контрудара заставила Малдрута отшатнуться.

Шангот наблюдал за схваткой, широко улыбаясь. Он стоял, опершись на зазубрившийся, затупившийся топор.

Оружие звенело, будто гонги. Острие меча Тонгора распороло рубаху Малдрута от плеча до плеча. Рубаха свалилась, и обнажилась грудь Алого колдуна. Потом Тонгор кольнул его, почти играя.

Они продолжали сражаться. Малдрут задыхался от непривычной физической нагрузки, на его тяжело вздымающейся груди заблестел пот. Его изысканная одежда пришла в беспорядок, оказалась изорвана мечом Тонгора, испачкана кровью из множества порезов и мелких ран.

Теперь красивое лицо Малдрута стало бледным. Черты его искажала ярость. В глазах появился безотчетный страх. Зубы злобно оскалились. Клинок Тонгора перерезал повязку на голове мага, и черные волосы спутались, упав ему на глаза.

Если бы это зрелище не было таким жалким, над унижением Малдрута можно было бы посмеяться. Тонгор в любой момент мог бы закончить поединок. Но он, как кот, играл с пришедшим в отчаяние, дрожащим, теперь уже почти голым и совершенно подавленным противником.

Даже Шанготу с его первобытным понятием о справедливости показалось, что Тонгор зашел уж слишком далеко.

— Заканчивай, — тихо сказал рмоахал.

В выпученных глазах Малдрута вспыхнул ужас.

— Неее-еет! — пронзительно заорал он.

Тонгор вонзил меч в живот колдуну, поставил сапог на слабо подергивающееся тело и с бесстрастным лицом выдернул окровавленный клинок.

Пока длилась эта дуэль, незаметно для князя Шангота и Тонгора, внимание которых сосредоточилось на Алом колдуне, с самого высокого трона тихо спустился маг в черных одеждах, который неподвижно сидел там все это время.

Словно тень, проскользнул он по залу и растворился во мраке за одной из гигантских колонн.

Рука в черной перчатке нащупала потайной люк и открыла его. Маг в черном задержался на мгновение на пороге, следя за тем, как Тонгор убивает его Алого брата.

Холодные глаза сверкнули ядовитым изумрудным огнем сквозь прорези в маске — и фигура Черного архидруида Заара исчезла в отверстии потайного хода. Дверца люка захлопнулась, и колдун скрылся.

Наверху, над рядами тронов, битва между богами Света и Тьмы тоже заканчивалась. Черная воронка тьмы была обвита молниями, которые метал Отец Горм. Сначала черное пятно впитывало ослепительные стрелы молний, поглощая свет своей тенью... но в конце концов воронка Хаоса, насыщенная потоками света, сжалась, не в силах противостоять Горму.

Все вокруг задрожало от ужасного взрыва, когда черная воронка резко сжалась и превратилась в ничто.

Взрыв встряхнул все помещение. Медленно, очень медленно у колоссального идола трехглавого Хаоса стало крошиться основание. Он начал крениться, готовясь упасть!

Три головы с громким треском отвалились от каменной шеи. Оскаленные, перекошенные гримасой смеха каменные маски упали, раскрошив каменные троны на мелкие кусочки.

Титанические конечности откололись от торса статуи и осыпались лавиной раздробленного камня — засыпав раненых стражников и жрецов.

В воздухе повисла каменная пыль. Словно не выдержавшие бури деревья, начали падать колонны. Стены треснули — по ним разбежалась паутина зигзагообраз-

ных трещин. Здание начало рушиться. Клубилась пыль. Грохотали падающие стены. Огромная туманная фигура Горма начала постепенно растворяться и исчезать.

Шангот стоял среди обломков камней. С ног до головы он был осыпан белой пылью.

— Скорее! Убираемся отсюда, сейчас все рухнет нам на голову!

Слова Тонгора немного отрезвили кочевника. Тонгор и Шангот помчались по вздымающимся лопающимся каменным плитам, бывшим когда-то ровным гладким полом. Далеко впереди среди пыли и обломков стен блестели створки бронзовых ворот.

Вдруг один за другим послышались взрывы.

Купол из алого хрусталя разлетелся на миллионы кусков, и острые осколки посыпались смертоносным дождем. Воздух неожиданно наполнился вспышками зеленоватого огня — сеть сверкающих молний оплела небо... и тут толстые стены храма не выдержали, рухнули, подняв тучу пыли, которая скрыла Тонгора и Шангота...

Глава 20

МОЛНИИ С НЕБА

Ломайтесь, крушитесь, стены! Дайте дорогу воде
В город безумных друидов, погрязших в жестокой вражде;
Дайте дорогу волнам — пусть они хлынут стеной
И похоронят злобу на глубине морской!

Сага о Тонгоре, XVII, 29

Из-за густых облаков, затянувших небо, на Заар обрушилось множество серебристых воздушных кораблей, которые принялись летать над городом колдунов. С острых носов этих необычных судов, где находилось загадочное устройство из блестящего металла, срывались ослепительные молнии... небесные молнии, направляемые человеческим разумом!

Горячие лучи электрического огня коснулись стен Заара, испепелив стражников.

Потом корабли полетели над улицами, поражая загадочными разрушительными лучами сторожевые башни и другие важные объекты. От прикосновения молний стены и здания разлетались в пыль. Перегораживая грудой обломков целые проспекты, рухнули башни. Одного мгновения оказалось достаточно для того, чтобы вспыхнули деревянные крыши и сараи. Из сотен мест повалил, поднимаясь к небу, густой удушающий дым горящих зданий.

Том Первис выполнил свой долг. Когда невидимые воины племени зодак схватили Тонгора, устроив засаду у Скал кристаллов грома, последними словами валькара был краткий приказ командующему Воздушной гвардией доставить груз волшебных кристаллов магу Иотондусу.

Хотя седой даотар предпочел бы потерять свою правую руку, чем оставить сарка сарков в беде, приказ ему был ясен, и со слезами на глазах старый воин подчинился Тонгору. Флот покинул скалы, и даотар отправился на запад через весь Лемурийский континент домой в Патангу на самой большой скорости, какую только можно было выжать из воллеров.

Долгие дни и ночи после прибытия в Город Огня Том Первис ожидал, пока неутомимый Иотондус трудился почти без отдыха и отказавшись от пищи. Перед лицом опасности, грозящей империи, мягкий философ с тихим голосом превратился в сурового строгого командира, подгоняющего армию помощников, заставлявшего их допоздна гранить ситурлы, устанавливать их в оправы, проверять их и монтировать устройства на воздушных судах. Затем вооруженная разрушительной силой, неизвестной до того смертным, распаленная жаждой мести Воздушная гвардия Патанги вернулась в мертвый город Альтаар, где находилась стоянка кочевников джегга. На воллерах находились Зед Комис, командир Черных Драконов, а с ним тысяча закаленных в боях ветеранов из личной охраны Тонгора, а

также царица Сумия и юный князь Тарт. Царица была полна отчаяния и ужаса, ведь о судьбе ее любимого мужа ничего не было известно.

Джомдат, старый вождь племени джегга, рассказывал прибывшим о гибели племени зодак — и с сожалением поведал о том, что Тонгора найти не удалось, хотя его воины обшарили весь город Иб. Судьба Тонгора оставалась неразгаданной тайной. Старый вождь пожалел хрупкую царицу и оставил свои подозрения при себе. Джомдат был убежден, что Тонгора нет больше среди живых.

Но независимо от того, найден валькар или нет, воинам Патанги было понятно, кто их враг. У Сумии, Зеда Комиса и Тома Первиса даже сомнений не возникло в том, что враг — Заар. И хотя, вероятно, уже поздно было идти на помощь Тонгору, можно отомстить его убийцам. Оба даотара сурово поклялись в том, что страшно отомстят и человечество запомнит их месть на тысячу лет.

И вот воздушные легионы Патанги набросились на черные стены Заара. Наступил последний час кровавой и полной злодеяний истории самого древнего города людей.

Флот Патанги окружил город магов и ринулся на стены его и башни. Под прикрытием грозовых туч корабли незаметно подобрались к зловещей столице колдовства. Теперь они сеяли смерть и разрушение на улицах города.

Штурмом Заара из рубки флагманского воллера командовал старый Джомдат. Том Первис и Зед Комис ничего не знали о городе колдунов, но вождю диких синих кочевников Заар был известен даже слишком хорошо. Уже тысячу лет колдуны воевали с рмоахалами. Сейчас, руководя штурмом, Джомдат чувствовал, как радуется его кровожадное сердце варвара.

Первой своей целью он избрал огромный храм повелителей Хаоса. По огням, сияющим под куполом

алого хрусталя, вождь определил, что в храме проходит какая-то богомерзкая, злодейская церемония. Поэтому первый свой удар Джомдат и направил на цитадель черных богов. Он дал команду сигнальщику, стоящему на корме. Через несколько секунд над воллером взвились разноцветные флажки, и командиры других кораблей патангского флота прочли закодированный приказ.

На храм обрушился ливень молний. Стены древнего здания не выдержали удара разрушительных лучей. Храм с громом обрушился, скрылся в облаке дыма и пыли.

Одно здание за другим поражали молнии воллеров; одно за другим строения Заара превращались в груды руин. В течение первых мгновений штурма Черный город стал грандиозным пылающим костром, где метались охваченные паникой жители.

Никогда за время своей мрачной и величественной истории город колдунов не знал такого ужаса. Неприступный, благодаря массивным черным каменным стенам, непобедимый, благодаря искусству колдунов, город наконец испил вина поражения и нашел его горьким.

А как же прославляемые магические средства защиты и оружие, при помощи которого колдуны в черных одеяниях намеревались покорить весь мир? Все это колдунам ничуть не помогло. Вся защита Заара была ориентирована против сухопутной армии — а не против Воздушного флота. Средства наблюдения Заара, одним из которых был Всевидящий глаз Черного архидруида, непрестанно следили лишь за громадными равнинами... а не за небом над ними! Город не предусмотрел того, что новые эпохи принесут с собой новые методы ведения войны. Город отстал от времени. Погруженный в апатию, презирающий все другие царства, убежденный в собственном превосходстве, он дождался часа, когда победоносный флот Патанги пронесся над его охваченными огнем улицами, поражая молниями мечущихся жителей.

А что касается могучего оружия черной магии, которым обладал город, то требовалось определенное время на то, чтобы привести его в действие, — необходимо было подготовиться заранее, но для этого времени как раз и не было.

Зоркие глаза Джомдата, вождя племени джегга, светились радостью. Он видел, как Воздушный флот Тонгора побеждает старинного врага его народа.

Вдруг взгляд его привлекла блестящая, отражающая вспышки света молний, уничтожающих городские строения, мощная морская дамба.

Морская стена...

Вот он, могучий бастион, сдерживающий ледяные волны Таконда Чуна, Неизвестного моря. Титаническая стена из черного мрамора высилась над городом колдунов, словно какое-то колоссальное здание, воздвигнутое руками пленных великанов, или цитадель богов.

И тогда Джомдат отдал приказ уничтожить Заар.

Над надстройкой флагмана взвились цветные флажки, оповещая все воллеры.

Теперь мечущие молнии пушки сосредоточили огонь на стене из черного мрамора. В глянцевую поверхность посыпались удар за ударом. Миллионы эрг солнечной энергии, запасенной загадочными ситурлами, выплеснулись на титаническую постройку.

Вначале казалось, что дамба Заара выдержит дождь магических молний.

Но вдруг Джомдат сильно сжал правое плечо Тома Первиса.

— Вон там. Видишь?

По черному мрамору пробежала извилистая трещина.

Цветные сигнальные флажки спустили, но они тут же взвились снова, однако уже в другом порядке. Теперь все воллеры направили лучи на едва заметную трещину в грандиозной стене.

Трещина стала шире.

Молнии откалывали блестящие куски от мраморной поверхности; камни летали в воздухе, словно черные мошки вокруг белого, огненного цветка, прилепивше-

гося к стене — места, где фокусировались десятки разрушительных лучей.

Лучи вгрызались все глубже и глубже.

Теперь от главной трещины побежали трещины поменьше. Морскую стену покрыла паутина зигзагообразных трещин. На фоне рева пылающих городских зданий, монотонного гула мечущих молнии пушек послышался новый звук. Зловещий шум. Глухие, глубокие, гулкие раскаты грома, словно близилась гроза.

За зловещим громом последовал грохот крошащегося камня!

Морская стена начала осыпаться.

Центральная часть могучей стены выпятилась и разлетелась на миллионы каменных осколков. Сквозь гигантский пролом хлынул поток воды.

Огромная масса воды двинулась на город. В один миг достигла она городских окраин, где издавна господа и князья столицы колдовства любили отдыхать в тишине своих дворцов.

Море смяло дворцы, как бумажные игрушки. И понеслось дальше на город.

В течение многих сотен лет эта стена сдерживала море. Но теперь она рухнула, и море вырвалось на свободу. С ревом пронеслось оно по городу, сметая стоящие на пути человеческие постройки.

Море вырвалось на свободу!

От веса хлынувшей воды задрожала земля. Титаническая пенистая волна пронеслась по полуострову, разбивая все стоящее у нее на пути, затопила Черный город.

Лишь башни Заара возвышались еще над бурлящей водой. Но и они одна за другой рушились, по мере того как их основание размывал бушующий поток.

Волны с грохотом бились в скалы, поднимавшиеся за Зааром, там, где раньше протекала река, проходившая под городом. Теперь город исчез под толщей бурной грязной воды.

Земля дрожала словно под ногами великана, топчущего город. С чудовищным грохотом в том месте, где

полуостров примыкал к материку, разверзлась черная пропасть. Огромная трещина в земле стала распространяться, и титаническим водопадом морская вода хлынула через ее край к раскаленному сердцу земли.

Через несколько мгновений весь мыс, на котором стоял Заар, оказался смыт гигантскими волнами. Мрачная прелюдия того неминуемого катаклизма, который в далеком будущем уничтожит всю Лемурию. Тогда весь огромный континент потонет в водах океана, который однажды с невольной иронией назовут Тихим.

И вдруг с губ Зеда Комиса сорвался крик:

— Вон там... на скале!

Все посмотрели туда, куда даотар показывал рукой, и Сумия воскликнула, не веря своим глазам:

— Тонгор!

Это был он. Когда обрушился громадный храм, Тонгор и Шангот успели выскочить на улицу, подняли железную решетку одного из канализационных люков и нырнули в подземную реку еще до того, как молнии воллеров превратили столицу колдовства в грандиозный костер. Друзья проплыли тем же путем, каким Шангот проник в город, вынырнули уже за сломанной решеткой в городской стене, выкарабкались на берег, залезли на скалу и стали наблюдать величественное зрелище падения Заара. Когда гигантская волна накрыла город, они уже находились в безопасном месте. Но теперь, когда зоркий взгляд Зеда Комиса заметил валькара и его друга, флагманское судно снизилось и зависло над вершиной скалы. Спустили веревочный трап, и через несколько мгновений Тонгор уже перелез через палубное ограждение на корме и обнял свою дорогую супругу, с силой прижав ее к своей груди. Валькар поцеловал ее, а стоящие вокруг них Шангот, его могучий отец, знать и воины Патанги громко прокричали:

— Слава Тонгору! Сарку сарков Запада!

Так Тонгор выиграл последнюю битву... или, по крайней мере, так написано в Лемурийских летописях.

ЭПИЛОГ

...Однако Тонгор победил врагов, ибо с ним против Темных Сил в союзе выступили Бессмертные боги. Вооруженный небесными молниями, Тонгор Великий сокрушил черные бастионы Заара и уничтожил древний город колдунов вместе со всей его злой мудростью и темной наукой. Заар утонул в водах непобедимого моря, и никто из людей больше никогда не слышал об этом городе. Так исчезли с лица земли последователи культа Триединого повелителя Хаоса, и так впредь будут погибать все служители Тьмы, в какое бы время и в какой бы земле ни стремились они прийти к власти... ибо разве не сказано в Красной Эдде, что Свет всегда одержит верх над Тьмой?

Лемурийские летописи

Долгое существованье мрачный Заар прекратил,
И зло ненасытных друидов навек океан поглотил...
Так вот стихия морская исполнила волю богов,
Освободив мир подлунный от страшных его оков.
А Тонгор с верным Джомдатом друг друга нашли наконец,
И радостно льется песня их боевых сердец;
Домой, на далекий Запад, от успокоенных вод
Отправились два героя, закончив великий поход.

Сага о Тонгоре, XVII, 30, 31

КНИГА ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРЕОДЕТЫЙ КОЛДУН

...Величие пришло к Патанге, Городу Огня, после того, как Заар — город колдунов, был превращен в руины и затоплен Неизвестным морем. Шесть городов обрели независимость, встав под черно-золотистые знамена Тонгора Могущественного, и боги были удовлетворены. Однако жестокая и неумолимая Судьба, торжествующая даже над богами и не зависящая от блеска и власти королей, покарала Воина Запада самым страшным образом, и Смерть широко раскрыла свои объятия, чтобы поглотить его непобедимый дух.

Летописи Лемурии, книга пятая, глава I

Глава 1

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ

Мы — божества, мы видим ясно,
что было раньше, будет впредь...
Твоя судьба, Тонгор, ужасна —
тебе придется умереть!

Сага о Тонгоре, XVIII

Могущественный Тонгор судорожно схватился за горло. Он зашатался, с трудом удерживая равновесие. Дрогнув, поплыл перед его слабеющим взором высокий алтарь величественного храма города Патанги. Тонгору не хватало воздуха. Грудь его то подымалась, то опускалась, дыхание стало хриплым и частым. Он рванул на себе украшенную золотом царскую мантию. На обнажившейся груди зеленым огнем сверкнул небольшой амулет из страза. Тонгор боролся с оцепенением, которое, подобно ледяному яду, разливалось по его жилам. Он пытался отогнать кружащийся малиновый туман, застилавший глаза. В мутнеющем свете сквозь скопления теней он неясно различал удивленно-встревоженные лица друзей и капитанов, придворных и других титулованных приближенных, и среди них — бледное лицо его любимой жены Сумии и испуганные глаза сына, джасарка Тарта. Лучи полуденного солнца ярко освещали

храм, заполненный людьми, которые собрались здесь, чтобы увидеть, как повелитель Запада совершит весеннее жертвоприношение. Вряд ли могли они предположить, что станут свидетелями столь трагического события.

Силы оставили Тонгора, и он потерял сознание, оставаясь неподвижным на мраморных ступеньках у подножия алтаря. Раздались крики ужаса, пронзительный женский визг. Паника и страх охватили присутствующих. Старый князь Маэл, один из друзей и советников Тонгора, находился впереди толпы и поэтому первым оказался около упавшего царя. Он приложил ухо к неподвижной груди варвара, затем дрожащими руками коснулся его тела. Не обнаружив признаков жизни, он в отчаянии взглянул на саркайю Сумию. Его обычно добродушное и простоватое лицо выражало боль и растерянность от постигшей всех утраты.

Молодая королева стояла, крепко прижимая к себе испуганного сына. Ужас и обреченность — вот что она испытывала. И без слов князя Маэла она не сомневалась в том, что ее царственный и своенравный супруг мертв.

Однако это не начало повествования. Чтобы рассказать все сначала, нам нужно вернуться к страницам *Книги миллионолетий*, чтобы оказаться за пятнадцать дней до того, как произошли эти события. Место действия — большие Западные ворота Патанги. Ранний час. Именно здесь и начинается рассказ о самых страшных и фантастических приключениях Тонгора.

Было раннее утро весны в год царствования 7017-й. Чарн Товис, молодой отар Черных Драконов, который спас жизнь Тонгору три года тому назад, когда воины Патанги попали в засаду у Скал кристаллов грома, поднялся, как обычно, с рассветом. Получив от Тонгора в награду за храбрость звание капитана, Чарн Товис теперь командовал сотней воинов, имея почетный титул коджана империи. Это давало ему право жить во Дворце Ста Сарков. Дворец представлял собой мощное со-

оружение, кирпичная кладка которого возвышалась надТориан Вэй — величественной улицей, проходившей от Большой площади в центре пышного метрополиса к высоким башням Западных ворот. Именно туда Чарн Товис и направился в этот утренний час, когда золотистое солнце древней Лемурии поднялось над горизонтом и затопило светом всю землю.

Чарн Товис был высоким худощавым воином. Его загорелое мускулистое тело покрывали черные кожаные доспехи, украшенные эмблемой дракона. Такая же эмблема была и на рукоятке его меча. На чисто выбритом лице с волевым подбородком выделялись светло-серые глаза. Прямые черные волосы были коротко подстрижены. Он шел по улицам, и его шаги гулко отдавались по каменной мостовой. Широкий черный плащ был наброшен на плечи, и солнце сверкало на драгоценностях, украшавших его пояс, запястья и рукоятку меча.

Высокие ворота Патанги раскрывались с наступлением рассвета. Приближался Праздник Весны, и уже с утра слышалось громыхание тяжелых телег, груженных зерном, фруктами и другим товаром. Все они направлялись на знаменитый базар Города Огня. Через ворота окруженного стеной города текла пестрая толпа: фермеры и крестьяне, стремившиеся попасть на рынок, бродячие певцы, фокусники. Проезжал на своем поджаром и горячем кротере одетый в плащ воин — кожа кротера, подобно змеиной чешуе, сверкала на солнце. Здесь же на широких плечах рабов рмоахалов, уши которых были украшены драгоценностями, покачивался навешенный паланкин князя или придворного.

В толпе выделялись молодые люди в военном снаряжении с мечами на боку, луками и колчанами за спиной. Эти юноши, серые от дорожной пыли и усталые, направлялись сюда из девяти городов Запада. Они шли из Зингабала, Пелорма и Шембиса, из Тсаргола, Кадорны и Турдиса — Города Дракона. Их вело в великую Патангу знаменитое имя Тонгора и легенды о его славных делах. Чарн Товис улыбнулся, глядя на них. Совсем недавно и он, отпрыск древнего знатного, но обе-

дневшего рода, был таким же молодым чантаром, воином из далекого Возашпа на Востоке. Чарн Товис прошагал полмира, порвав со своей родиной и посвятив себя служению великому царю, герою века — Тонгору из Валькарта, повелителю шести городов.

Эти парни найдут, конечно, свое место в имперских легионах или же, если им подвернется удача, — среди стрелков Патанги или недавно созданной Воздушной гвардии, сверкающие серебристые корабли которой без устали кружили в утреннем небе над великим городом. Может быть, они попадут даже в самые почетные войска — станут Черными Драконами, которые поклялись защищать до конца правителя сарка, его жену саркайю и их юного сына — джасарка. Город Огня продолжал нуждаться в защитниках, и хотя Тонгор многого достиг за девять лет правления (четыре вражеских города пали в ходе войны, а его империя стала такой огромной и сильной, что не имела равных себе во всей Лемурии), враги, завидуя Патанге и его славе, постоянно устраивали заговоры с тем, чтобы сбросить в дорожную пыль черно-золотистые знамена.

Погруженный в эти мысли, Чарн Товис не обратил внимания на человека, который, прихрамывая, проследовал через городские ворота за огромной военной колесницей с воинами. Человек этот шел медленно, согнувшись, словно старик, и тяжело опираясь на длинный посох. На худом теле висела обтрепанная грязная одежда черного цвета, а изорванный капюшон был глубоко натянут на опущенную голову.

Он, в свою очередь, заметил Чарна Товиса, стоящего и наблюдающего за проходившей через ворота толпой. Прихрамывая, человек в плаще подошел к пилону, где находился молодой воин и где были высечены даты славных побед царя Нумидона, правившего Патангой много лет тому назад, когда город был еще совсем молодым. Чарн Товис обернулся, и перед ним предстал одетый в лохмотья незнакомец. По виду изодранной, пропитанной дорожной грязью одежды воин решил, что стоявший перед ним старик нищий.

— Простите, старче, я сегодня вышел без кошелька, — сказал Чарн Товис, дружески улыбаясь. — Но вам подадут у ворот дворца, где кормят городскую бедноту.

Человек в капюшоне, закрывавшем лицо, слегка покачал головой и заговорил тихим хриплым голосом, почти шепотом:

— Старик благодарит вас, благородный господин, но мне нужно не ваше золото, а ваша помощь. Я ищу дом барона Таллана, не могли бы вы указать мне путь туда.

— В самом деле? Нет ничего проще! Эта улица называетсяТориан Вэй. Идите по ней до Базарной площади и дальше по проспекту Сфинксов на юг от площади к кварталу Купцов. Там вы найдете дом, который вам нужен. Там, где он стоит, проспект раздваивается на запад — к Базарным воротам и на юг.

Старый нищий благодарно поклонился и зашаркал прочь. Вскоре он затерялся в толпе. Чарн Товис задумчиво смотрел ему вслед.

— Клянусь Карчондом, богом воинов! — вырвалось у него. — Очень странно.

— Что странно, Чарн Товис? — прогремел чей-то голос, прерывая его размышления. Товис обернулся и увидел могучую фигуру воина из рмоахалов в блестящих, украшенных драгоценностями доспехах, улыбающегося ему с высоты своего огромного роста.

— Беларба, Шангот! — обрадовался Чарн Товис, произнося обычное для Лемурии приветствие. — Ты рано встал сегодня.

— Не раньше тебя, — ухмыльнулся Шангот. Достигавший в высоту восьми футов, лысый, как яйцо, этот гигант с голубым цветом кожи был одним из легендарных воинов далекого Востока, князем из племени джегга, с которым Тонгор подружился восемь лет назад, путешествуя по Великим Равнинам. Шангот и несколько воинов из его свиты сопровождали Тонгора на его обратном пути в Патангу и вошли в его личную охрану. Обладая смелостью, достоинством варвара и будучи глубоко преданным повелителю Запада, Шангот быстро

сошелся с важными сановниками и охранниками Тонгора, несмотря на свою странную внешность и поразительно высокий рост.

— Когда я подошел, ты говорил сам с собой. Что-нибудь случилось? — обратился Шангот к Чарну Товису.

Чарн Товис задумчиво почесал подбородок.

— Да, собственно, ничего. Когда я стоял у ворот, проходил старый нищий. Он спросил, как найти дом Таллана. Это и кажется мне необычным.

— Что же тут необычного? — удивился Шангот.

— Может быть, ты не знаешь барона Таллана. Он редко бывает при дворе, его там не слишком любят. Имя его — Далендус Вул, и он — весьма неприятный человек. Все, что у него есть, — титул, который достался ему лишь по причине его появления на свет. Он из старинного дворянского рода, и ему как-то удалось остаться на плаву, когда повелитель Тонгор освободил Патангу от власти друидов Огня.

Саркон сослал большую часть старых дворян — тех, кто помогал жестокой тирании друидов. Но против Далендуса Вула не было никаких свидетельств, за исключением его не слишком приятной репутации. Вот мне и кажется странным, что нищий ищет дом Таллана. Я никогда не слышал, чтобы барон проявлял щедрость — как раз наоборот.

Шангот пожал плечами и рассмеялся.

— Ну, если это все, на что ты тратишь свое время, то присоединяйся ко мне. Давай вернемся во дворец. День только начался, и мы вполне успеем до завтрака сразиться разок-другой. Я вызываю тебя на поединок!

— Принимаю твой вызов, — ухмыльнулся Чарн Товис, — хотя по опыту знаю, что за пятнадцать минут ты вымотаешь меня так, что я буду чувствовать себя усталым весь остаток дня.

Они отправились во дворец, дружески болтая, и лишь много дней спустя у Чарна Товиса появилась причина вспомнить о встрече с одетым в черное нищим.

Согнутая, прихрамывающая фигура в изодранной и грязной одежде медленно ковыляла по проспекту Сфинксов и вскоре добралась до дворца Далендуса Вула. Это было высокое роскошное здание, фасад которого украшали разноцветные изразцы с фантастическими чудовищами посреди геральдических гербов и геометрических фигур.

Нищий пробирался к задней части дворца, где располагались кухни. В воздухе ощущались нежнейшие ароматы готовящихся блюд. Повара, суетясь, сцеживали охлажденное вино и загружали подносы сочными фруктами. Обнаженные до пояса поварята вынимали из дымящихся печей пироги с мясом и раскладывали на блюдах изысканнейшие пирожные. Было хорошо известно, что Далендус Вул — большой гурман и что он испытывает удовольствие лишь при виде яств во время трапезы, а не на поле брани и не во время военного похода.

Прихрамывающий нищий выглядел так незначительно и так тихо вошел, что некоторое время никто не замечал его присутствия. На нищего обратили внимание лишь тогда, когда в комнату торопливо вбежал управляющий дворца, чтобы поторопить поваров с приготовлением блюд. Выпучив глаза на странного незнакомца в лохмотьях, он побагровел от ярости.

— Откуда взялся этот оборванец? Из какой сточной канавы? — заорал он. — Эй, ты! Побыстрее убирайся или я напущу на тебя стражу! Если мой господин узнает, что уличные бродяги болтаются по дворцу... — Но тут голос его стал затихать, глаза округлились от удивления, а лицо побледнело.

Согнутая фигура нищего вдруг распрямилась. От облаченного в черное незнакомца исходило теперь странное ощущение холодной, как металл, отстраненности и королевской властности. Худощавое лицо его скрывал низко надвинутый капюшон, и только глаза злобно горели изумрудным огнем. В этих пылающих злобой глазах чувствовалось что-то роковое, какая-то неземная сила. Леденящий страх буквально парализовал управляющего, так что кровь застыла в его жилах.

Человек в черном презрительно смотрел на управляющего. Трясущийся слуга с бледным от ужаса лицом вызвал у бродяги насмешливую улыбку. А потом незнакомец заговорил, и голос его напоминал зловещий и неприятно холодный дьявольский рокот прибоя.

— Отправляйся к своему господину, собака, и скажи ему, что пришел его хозяин. Да, тот, о котором все думают, что он мертв и погребен под холодными водами Таконда Чун, Неизвестного моря. Так думали все в течение этих трех длинных лет. Но мне удалось избежать гибели и ускользнуть от ярости варвара Тонгора. Я все еще жив и хочу увидеть собаку валькара мертвым и в могиле. Иди, дурак, и пусть мой раб Далендус Вул предстанет передо мной. Я — Черный повелитель, его хозяин.

С выпученными от ужаса глазами, взмокший от пота и ослабевший, управляющий собрал все свои силы и дрожащим голосом произнес:

— Ваше... имя?

Изумрудные глаза незнакомца вспыхнули холодными колдовскими огнями. Его тонкие губы шевельнулись, произнося устрашающее имя того, кого считали давно умершим:

— Марданакс из Заара!

Глава 2
У АЛТАРЯ ДЕВЯТНАДЦАТИ БОГОВ

Здесь зрело Зло, копилось горе, царила власть бесовских чар...
Но пробил час — стихией моря затоплен дьявольский Заар...
Один лишь маг избегнул гроба...
Ему теперь — ни пить, ни есть,—
Его одно терзает — злоба, его одно сжигает — месть!

Сага о Тонгоре, XVIII

За три года до того, как происходили эти события, воздушная армада Патанги окончательно сокрушила Заар — древний город магов-чародеев, находившийся далеко на Востоке. После этого война между свобод-

ными людьми Запада и древним городом черных сил стала подходить к концу. Вооруженные волшебными кристаллами, ограненными великим Иотондусом Катольским, отряды Тонгора нанесли ужасные разрушения цитадели дьявольских чар. Проломив гигантскую стену из черного мрамора, отделявшую город от моря, они высвободили гигантские волны Таконда Чуна — Неизвестного моря, и те поглотили и разрушили Черный город. Так погибло последнее Черное братство, которое уже давно пыталось добиться господства над молодыми городами Запада с помощью своей таинственной науки и волшебства.

В этом катаклизме погибли колдуны Заара. Эти ужасные мастера магии уже очень близко подошли к тому, чтобы захватить власть над всем миром. Таинственная магическая сила колдунов превращала людей в беспомощных рабов, и ворота Заара проглатывали их, словно пасть чудовища. Однако Тонгору Великому и его другу Шанготу воину из рмоахалов удалось одержать верх над колдовскими чарами и победить повелителей Заара. От руки Шангота, князя-кочевника, погибли Вуал Мозг, Сарганет Нульдский и Ксот. Сам же Тонгор в жестоком поединке убил Алого колдуна, а центральный храм Заара был разрушен боевыми кораблями Патанги, и под тоннами камней погиб Питуматон, чья смерть последовала за смертью Адаманкуса и Талаба Разрушителя.

Все полагали, что Марданакс, Черный архидруид, погиб, как и остальные чародеи. Однако ему удалось уцелеть в этом хаосе. Пока Тонгор сражался с Малдрутом, повелитель Заара покинул свой трон и скрылся через секретную дверь. Потайными путями переодетый колдун выбрался из города. Он остался жив, но лишился при этом очень многого. Покинув Заар, он оказался без орудий колдовства. Его волшебная сила постепенно слабела и рассеивалась. Он оказался совсем один. Все его собратья по черной магии погибли. Мир был враждебен к нему. Перед Марданаксом встала исключительно сложная задача — пересечь

полконтинента, наводненного врагами, и ему удалось ее выполнить. Описание опасностей, окружавших его, и тех трудностей, которые он преодолел, могли бы составить захватывающую книгу приключений. Но об этом никогда не будет рассказано, поскольку этого нет в летописях Лемурии.

Теперь же наконец Марданакс попал в лагерь своих врагов. В тайне и одиночестве шел он к Великому заливу, к тому огромному участку моря, который разрезал Лемурию почти пополам, протянувшись от Такаруса — самого южного города на конце мыса — до Патанги, в самой северной части залива, расположившейся в устье Рек Близнецов. Миновав городские ворота, он направился дальше по улицам, не замеченный никем, кроме Чарна Товиса. Так он добрался до дома единственного своего союзника во всем великом Городе Огня.

Далендус Вул, барон Таллан, был тайным агентом Заара, поклявшимся содействовать уничтожению Патанги. В его доме и находился сейчас черный маг. В течение долгих трех лет путешествуя по континенту, Марданакс не переставал разрабатывать и совершенствовать коварный план мести. Теперь же все детали были продуманы. План выглядел безупречно. Он не мог закончиться неудачей. Казалось, Тонгор обречен. Даже здесь, в своем собственном городе, окруженном сотней тысяч воинов, черная тень последнего друида найдет его и превратит в пыль.

Шли дни, и вот наконец настал Праздник Весны. Повелители Запада в нарядных одеждах собрались в огромном колонном зале храма девятнадцати богов, чтобы быть свидетелями того, как император совершит жертвоприношение у высокого алтаря. Там были насмешливый, фатоватый юный князь Дру и старый грубовато-добродушный воин князь Маэл — барон Тезони со своими молоденькими дочерьми Иннелдой и Лулерой. Безукоризненный, в блестящих серебряных доспехах и небесно-голубом плаще Том Первис из Воздуш-

ной гвардии стоял рядом со своим старым товарищем Зедом Комисом, командиром Черных Драконов. Князь Шангот из племени джегга возвышался над всеми остальными. В толпе перед троном можно было заметить спокойное моложавое лицо великого Иотондуса Катольского вместе с Чарном Товисом и толстым старым бароном Сельверусом и всеми остальными менее знатными придворными и послами из городов, платящих дань, — Шембиса и Тсаргола, Зингабала, Турдиса и прекрасного Пелорма, вставшего под знамена империи лишь год тому назад.

Среди менее знатных дворян стоял массивный, неприятный на вид Далендус Вул. Его тучное тело было облачено в великолепные одежды. Яркие драгоценные камни сверкали в ушах, украшали лоб и грудь, а толстые пальцы представляли собой сплошное ослепляющее созвездие драгоценностей. Однако богатство, так выставлявшееся напоказ бароном Талланом, не могло скрыть его отталкивающую внешность, поскольку природа восстала против него с самого момента его рождения. Далендус Вул был жертвой редкой болезни, которая сделала его кожу болезненно бледной, покрыла волосы серебристой белизной, а его водянистые глаза приобрели неземной розовый оттенок. Теперь мы называем таких несчастных альбиносами и, понимая их состояние, сочувствуем им. Однако в те времена, когда происходили описываемые события, люди были полны предрассудков. Обычных альбиносов они считали колдунами, боялись и ненавидели их. Однако благодаря своей знатности и богатству Далендус Вул был избавлен от оскорблений со стороны простонародья. Ничто не ограничивало свободы его передвижений. Но ничто не могло его излечить. Он ощущал растущую ненависть к обычным людям, окружавшим его, более счастливым, чем он, из-за нормального цвета кожи. Тайная ненависть пожирала его, словно какая-то ядовитая язва. Из-за этого он стал легкой добычей колдунов и магов Заара, пообещавших ему, что если он поможет им победить повелителя Города Огня, то он — Далендус Вул — ста-

нет правителем города, а жители Патанги — его рабами, и он сможет поступать с ними, как ему заблагорассудится.

От внимательного наблюдателя наверняка не укрылось бы, что Далендус Вул, стоявший со своей скромной свитой и наблюдавший за происходящей церемонией, пребывал в необычном волнении. На его бесцветных бровях выступили капельки пота, а в глазах застыл страх. Слабый и чувственный рот его дрожал, а тучное тело выглядело обмякшим от слабости. Был ли это страх или беспокойное ожидание чего-то, что неминуемо должно произойти? Вряд ли кто-либо мог ответить на этот вопрос.

А кто был этот высокий незнакомец, появившийся в окружении Далендуса Вула? Его стройная фигура была закутана в темные одежды, на голову был низко надвинут капюшон, так что никто не мог разобрать его лица и заметить блеск изумрудных глаз, которые колдовскими огнями горели во мраке. Это был Марданакс из Заара.

У алтаря Тонгор проводил обряд приношения девятнадцати богам, высокие фигуры которых, высеченные из отполированного мрамора, окружали его огромным полукругом — Отец Горм и улыбающаяся Тиандра, Эдир — бог солнца и Илана — богиня луны, Карчонд — бог войны и юный Иондол — бог песен, мудрый Пнот и угрюмый Авангра, Шастадион — бог моря, Диомала — богиня плодородия и все остальные. Золотистые лучи полуденного солнца, проходя через стеклянный купол, освещали храм. Мерцающий свет мягко падал на гладкий белый мрамор высоких фигур богов и на алтарь, где стоял Тонгор, повелитель Запада.

Львиная мощь чувствовалась в мускулистой бронзовой фигуре варвара — искателя приключений из далеких северных земель. Участвуя во многих битвах и сражениях, он завоевал половину городов на юге Лемурии. Даже боги стали считаться с ним, победителем. Они вознесли Тонгора выше других правителей. Богатая, укра-

шенная золотом одежда не скрывала могучего телосложения валькара — ширину плеч и объем груди, сильные, как у гладиатора, мускулы. Несмотря на царскую власть и роскошь, Тонгор прежде всего оставался воином, железная сила которого никогда не ослабевала.

Его жесткое бесстрастное лицо напоминало маску из темной бронзы, величественную и суровую, обрамленную гривой темных волос, которые спадали на плечи, а на лбу удерживались платиновым обручем со сверкающими бриллиантами. Под хмурыми черными бровями с дикой силой величественного и неукрощенного льва джунглей горели яркие золотистые глаза. По случаю торжественного жертвоприношения богам Тонгор не взял с собой знаменитый меч валькаров. Вот таким человеком был Тонгор — величайший воин всех времен, герой тысяч легенд, который проделал длинный путь через многие опасности, завоевав трон и разделив его с женщиной, которую любил.

Именно в тот момент, когда Тонгор был в зените своей славы, Марданакс из Заара нанес удар.

В течение семи дней и ночей скрываясь в доме Далендуса Вула, колдун подготавливал себя к этому титаническому действу, чтобы в нужный момент выплеснуть всю мощь своих колдовских чар на самого своего ненавистного врага. Склепы и катакомбы, находившиеся под дворцом Далендуса Вула, стали свидетелями ужасных убийств. Каждое утро воды Рек Близнецов выбрасывали в море изувеченные трупы рабов барона Таллана, с тел которых были срезаны клейма. Жизненная сила, грубо вырванная из трепещущей плоти рабов, была принесена Марданаксом в жертву Триединому повелителю Хаоса.

Теперь колдун обладал огромной волшебной силой. Он мог поразить, убить своего врага.

Когда-то Марданакс занимал почетное место среди девяти колдунов Заара, каждый из которых был столпом власти. Вместе они обладали невероятной колдовской силой. После их гибели возможности Марданакса

быстро ослабли, так как астральные потоки, которые, перемещаясь, соединяли его и других членов Черного братства, исчезли. Однако в данный момент колдун как бы одолжил силы. А потом, пусть удар его и был слабее, чем обычно, он поразил повелителя Запада прямо у величественного алтаря богов.

Ужас и оцепенение охватило толпу, когда все увидели Тонгора безжизненно лежащим у подножия алтаря. Люди смотрели друг на друга с изумлением и страхом. Женщины визжали и падали в обморок. Охранники, пытаясь навести порядок, размахивали стальными клинками, словно этим оружием можно было защитить царскую семью Патанги от невидимых колдовских сил.

Никто не остался безучастным в толпе кричащих, ругающихся или молящихся мужчин и женщин. Даже Далендус Вул, знавший с самого начала о готовящемся покушении, застыл с выражением явного страха на взмокшем от пота лице. И только прикрывающийся капюшоном высокий худой человек оставался отчужденно спокойным и полным тайного триумфа. Со злорадством наблюдал он за тем, как саркайя Сумия безудержно рыдала над безжизненным телом сраженного императора — любимого супруга, и его сощуренные глаза светились дьявольским изумрудным огнем. Один за другим занимали свои места около поверженного вождя его верные товарищи: Зед Комис, князь Дру, Сельверус и князь Маэл, Шангот из племени джегга, молодой Иотондус и другие.

Но Чарна Товиса не было среди них. Молодой воин, ставший совсем недавно одним из Черных Драконов и получивший от Тонгора титул коджана империи, полагал, что не имеет права считать себя близким другом умершего правителя.

Стоя в отдалении, он заметил в свите Далендуса Вула высокую, одетую в черные одежды фигуру. Посреди взволнованной толпы этот таинственный человек поражал своим ледяным спокойствием и невозмутимостью. Где же Чарн Товис видел этого человека раньше? Не-

сколько дней назад на него произвела странное впечатление встреча с нищим у городских ворот. Мог ли этот знатный приближенный барона Таллана оказаться тем оборванным бродягой, который разговаривал с Чарном Товисом при въезде в город?

Молодой воин в кожаных доспехах Черных Драконов с тревогой рассматривал странного незнакомца. Что же касается переодетого колдуна, то он вообще не заметил Чарна Товиса. Марданакс из Заара был слишком увлечен моментом своего триумфа. Он так упивался победой и разыгрывавшимся перед его глазами спектаклем, что ни разу не взглянул на Чарна Товиса. Позднее он пожалеет об этом, так как молодой воин запомнил эту неподвижную среди всеобщей суматохи фигуру. Это обстоятельство сыграет свою роль в последующих событиях.

Глава 3
ТАЙНЫЙ СОВЕТ

Не вечно Зло. Не долго будет
колдун свой заговор плести.
Наступит день — найдутся люди,
чтобы страну свою спасти...

Алая Эдда

Каменная крепость Сардат Кин возвышалась на зеленых холмах поместья Тезони к северу от Патанги. Здесь сливались воедино две реки — Саан и Изар, одна из которых, петляя, текла с запада, из страны буйных джунглей Чаш, а другая проложила свой путь сквозь огромные и величественные горы Моммар, делившие Лемурию на две части.

В окрестностях Сардат Кин уже семьсот лет благоденствовали наследники князя Маэла.

Именно сюда в полуночный час тайными и скрытными тропами прибыли десять мужчин, вызванных на совет князем Маэлом.

Кроме самого Маэла, тут присутствовал тучный старый Сельверус — второй из трех баронов королевства. Но не было князя Дру, находящегося в заточении во дворце. По той же причине отсутствовал Том Первис, даотар Воздушной гвардии, хотя его друг Зед Комис находился здесь вместе с Иотондусом, князем Шанготом и старым Отцом Эодримом — иерархом храма девятнадцати богов. Прибыл и молодой Чарн Товис.

Эти десять человек добирались сюда окольными путями. Одни, как Сельверус, Эодрим и Иотондус, — по земле, верхом на зампфе или кротере, другие, как Шангот и Зед Комис, прибыли по воздуху на личных воздушных кораблях — воллерах, как назывались они в древней Лемурии. Эти люди встретились тайно, потому что темные и ужасные времена наступили в империи Запада, хотя всего семь дней прошло после неожиданной и трагической смерти их товарища и правителя — Тонгора.

Странные события начали происходить почти сразу же после того, как тело Тонгора в кожаных доспехах, облаченное в величественный темно-красный плащ (знаменитый меч валькаров покоился на холодной груди северянина), было положено в гробнице из белого мрамора, установленной в храме перед высоким алтарем.

Несравненная молодая княжна Сумия удалилась во дворец и редко появлялась на публике. Неизвестно почему она распустила совет помощников императора, который преданно служил Тонгору в годы его правления. Она сосредоточила всю власть в своих руках, на что она, в соответствии с законами Патанги, имела право. Тем не менее выглядело это странно, словно княжну подменили.

Кроме того, поскольку наследнику Тонгора — Тару было лишь девять лет, саркайя выбрала регента для управления империей от ее имени и от имени сына. И вновь она поступила самым странным и неожиданным образом, повелев своим баронам выбрать на эту должность Далендуса Вула — малозначительного коджана,

не очень знатного, которого не любили, редко видели при дворе и которому не доверяли. В один миг барон Таллан стал первым человеком империи.

Зловещие и необъяснимые события следовали одно за другим так быстро, что ни князь Маэл, ни другие сановники не могли разобраться в этом многообразии ежедневных изменений. Единственный родственник Сумии, ее кузен князь Дру, заехал к ней во дворец, и больше его никто не видел. Может, его заточили в темницу по какому-либо обвинению? Если так, то выглядит это невероятно. Да, в такое смутное и беспокойное время все могло случиться, и многие преданные трону высокопоставленные лица очутились в тюрьме. К большому сожалению, среди них был один из самых заслуженных воинов Патанги старый Том Первис — даотар Воздушной гвардии, прославленный командир, не раз защищавший империю от врагов. Могло показаться невероятным, но приказ об его аресте был скреплен подписью и печатью саркайи Сумии, и Далендус Вул потребовал, чтобы старый офицер признался в тех преступлениях, которые ему предъявили, хотя было очевидно, что все они выдуманы и необоснованны.

Эти события, подозрительные, неясные, полные загадочности, и собрали вместе в этом удаленном замке на совет людей, особенно преданных трону. Теперь наступило время посовещаться, сделать выводы и составить план действий, так как кто из них мог быть уверен, что завтра и его не отправят в подземные темницы по какому-либо нелепому обвинению?

Поэтому князь Маэл послал своих самых верных воинов из Тезони в дальние уголки империи, чтобы собрать на тайное совещание верных друзей Сумии и Тонгора. Сюда прибыл Элд Тармис, сарк Шембиса — третьего города империи и один из старейших друзей и сподвижников Тонгора. К сожалению, посланец, которому поручили передать приглашение на совет Карму Карвусу — еще одному из доблестных товарищей

Тонгора, так и не вернулся. Из Тсаргола — четвертого города империи, расположенного на берегах Яхеизеб Чуна — Южного моря, где в течение последних восьми лет правил Карм Карвус, не было никаких известий.

Из Турдиса — второго города империи — старый сарк Баранд Тон прислал своего молодого, крепко сложенного сына джасарка Рамчана Тона в качестве своего полномочного представителя. Из Зингабала приехал князь Зул — младший брат сарка этого города. Зингабал присоединился к империи по своей собственной воле четыре года тому назад. Но никаких известий не было получено от сарка Пелорма. И опять, как в случае с прибрежным Тсарголом, посланец либо сбился с пути, либо ему не удалось достичь цели по какой-то другой серьезной причине.

Князь Маэл заявил, что находит действия саркайи Сумии необъяснимыми.

— Похоже на то, что она отвернулась от всех нас, — пророкотал он, расправив свои мускулистые плечи и тряхнув большой головой, как старый рассерженный медведь.

— Мне кажется, что наиболее загадочным ее поступком является назначение регентом барона Таллана, — сказал Элд Тармис. — Отказаться от услуг таких старых советников и друзей, доказавших свою преданность, как князь Маэл, или барон Сельверус, или князь Дру, и предпочесть малоизвестного и нелюбимого раньше коджана, такого как этот Далендус Вул, — это просто непостижимо, — задумчиво и удивленно сказал он.

Молодой философ Иотондус согласно кивнул.

— Похоже, она находится под воздействием какого-то снадобья, — заметил он. — Вначале я считал, что она так странно ведет себя, потрясенная и опечаленная смертью мужа. Но теперь... те шаги, которые она предприняла в эти последние дни, так не похожи на нее, что это позволяет мне предположить, что она исполняет чью-то волю, находится в плену черного колдовства.

Отважный старый воин Зед Комис согласился с философом. Он схватился грубой мозолистой рукой за эфес меча, его глаза полыхнули огнем.

— Если княгиня нуждается в нашей помощи, мы должны сделать все, чтобы освободить Сумию от тех сил, которые опутали ее, какими бы могущественными они ни были, — решительно заявил он.

С этим были согласны все собравшиеся. Но Маэл тут же выразил и общее сомнение.

— А с кем же мы будем сражаться? Ведь на самом деле у нас нет каких-либо реальных врагов, кроме тех, что существуют в нашем воображении. А что, если саркайя не находится под чьим-либо влиянием, а действует по собственному желанию... Разве можем мы тогда протестовать? Как нам это выяснить?

Было сказано еще много слов и обсуждалось много проблем, но, когда на рассвете совещание закончилось и все участники отправились по домам, никакого конкретного решения принято не было.

Правители империи были сбиты с толку, обеспокоены, рассержены и полны подозрений, но они не смогли найти врага, с которым надо сражаться, и не обнаружили каких-либо доказательств государственной измены или нечестной игры.

Они покинули Сардат Кип с первыми лучами солнца, появившегося из-за высоких вершин гор Моммара и осветившего все небо. Участники прошедшего совета договорились быть начеку и советоваться друг с другом, наблюдать за происходящими событиями и действовать осторожно. Больше они ничего не могли сделать. Тайные враги Патанги действовали столь хитроумно, так умело управляли событиями, что сами оставались в тени.

Однако один человек из десяти, принимавших участие в совете, решил предпринять активные действия. Это был Чарн Товис. Во время совещания он не считал возможным высказывать свое мнение наряду с другими,

более знатными сановниками. Однако он обдумывал свой вариант. Он решил нарушить то уединение, в котором находилась княгиня Сумия, хотя бы это и противоречило ее желаниям. Кто-то должен был задать ей ряд вопросов и убедиться в том, что саркайя не находится под влиянием каких-то враждебных сил.

Чарн Товис решил, что именно он сделает это.

Глава 4
ЛЕТАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Внезапно солнце скрыла мгла —
Тонгор упал, сражен...
Судьбою злой из-за угла
удар был нанесен.

Его душе — лететь одной
в небесной вышине...
А что же будет со страной?
Что выпадет жене?

Ее сознанье замутить
успел всесильный маг,
и ей уже не различить,
кто друг ее, кто — враг...

Сага о Тонгоре, XVIII

Ночь нависла над Патангой, как черное бархатное покрывало. В густом тумане не было видно ни золотистой луны древней Лемурии, ни звезд. Город Огня окутала тьма. Густой туман надвигался с залива, проглатывая одну за другой мощеные улицы и площади.

Над городом неустанно кружили серебристые воздушные корабли, и бдительные офицеры Воздушной гвардии несли свою многочасовую ночную вахту. Корабли пролетали над Рыночной площадью в самом центре города, над храмом девятнадцати богов и величественной улицейТориан Вэй, которая протянулась от центральной площади к Западным воротам. В темной зелени садов виднелись Дворец Иерархов и Дворец Ста Сарков.

Никто из стражников, стоявших у дворцовых ворот, башен и дверей, не заметил таинственной фигуры, проплывшей по черному небу в направлении дворца, где жила Сумия.

От внезапного порыва ветра всколыхнулись воды залива, затрепетали поникшие золотисто-черные знамена. На какое-то мгновение густой туман, висевший над городом, разошелся, и появилась луна, залившая золотистым сиянием дремлющие строения Патанги.

Неожиданно на ярком лунном диске появился силуэт летящей фигуры. Его одеяние напоминало огромные крылья. С помощью их он и парил в воздухе. Так же внезапно это видение исчезло: тучи заволокли ночное небо. Черный силуэт вновь стал невидимым.

Тихо, как падает осенний лист, летящий человек опустился на балкон из резного мрамора, который находился на башне дворца, высоко поднимавшейся над окутанным туманом садом. Рука в перчатке коснулась оконного запора. Окно приоткрылось, и темная фигура в плаще проскользнула между занавесками и исчезла во дворце.

В этот поздний час залы дворца были пусты. Лишь на верхних этажах огромного здания кое-где маячили одинокие стражники, облокотившиеся на древки копий. Не много осталось охраны и возле покоев семьи правителя.

Темная фигура бесшумно скользнула в огромный зал. Стены зала украшали превосходные гобелены старинной работы, где изображались сцены из жизни богов и героев. В нишах вдоль коридора стояли гипсовые статуи и бюсты давно умерших монархов. Свет канделябров отражался на вазах из драгоценных металлов. Человек в развевающемся черном плаще крался по пустым залам. Надвинутый на глаза капюшон скрывал черты его лица.

У главной двери, ведущей в покои княжны Сумии, человек остановился, прислушиваясь. Из-за двери не доносилось никаких звуков. Однако никакой охраны не было. Далендус Вул решил сделать невозможным для кого-либо поговорить с саркайей или передать ей

какое-либо сообщение, поэтому он изменил систему охраны дворца, расставил посты по-другому, не так, как раньше. Теперь охрана стояла у подножия каждой лестницы, ведущей на этаж, где размещались княжеские покои. Чтобы попасть к саркайе, посетителю пришлось бы войти во дворец и пройти мимо нескольких постов стражников. Барону Таллану казалось, что теперь-то никто не встретится с саркайей.

Ни сам Далендус Вул, ни его зловещий хозяин не предвидели, что кто-то проберется во дворец, в буквальном смысле свалившись с неба.

У дверей в княжеские покои Чарн Товис скинул капюшон, а потом открыл двери ключом, который ему дала горничная Сумии — Иннелда, дочь князя Маэла, до того как Далендус Вул уволил всех слуг Сумии, в том числе и Иннелду, и заменил их своими людьми.

Чарн Товис осторожно вошел в княжеские покои, понимая, что такой поступок может привести его в темницу или на виселицу. В эти помещения не позволялось входить никому под угрозой самого сурового наказания. Если саркайя поднимет тревогу, отважный воин не сможет привести никакого разумного объяснения своему тайному проникновению во дворец, а также незаконному присутствию в личных покоях саркайи и молодого князя. Но Чарн Товис чувствовал, что его риск оправдан.

Именно поэтому он и уговорил ученого философа Иотондуса помочь ему. Мудрец из Катула в недавнем времени приступил к испытанию своего нового изобретения - урилиума — волшебного сплава, обладающего антигравитационными свойствами. Этот сплав использовался при создании воздушных кораблей Патанги. По просьбе Чарна Товиса Иотондус придумал, как сделать летающие доспехи, покрыв их пластинами этого удивительного блестящего металла. Названные «небесным поясом», они очень точно уравновешивали человека в воздухе, делая его почти невесомым. Надев этот «небесный пояс», человек мог плыть по воздуху при помощи мускульной силы.

Чарн Товис установил, что обычный прыжок может поднять его вверх на пятьдесят шагов и переместить на расстояние в двести ярдов. Привязав «небесный пояс» и одевшись в черную одежду, чтобы его случайно не обнаружил кто-нибудь, он прыгнул с крыши соседнего замка... и перелетел к верхним этажам дворца.

Открыв дверь и войдя в комнату саркайи, он нашел ее темной и пустой. Может, княжна спала? Осмелев, он зажег лампу. Комната оказалась прихожей, примыкающей к главным покоям. Чарн Товис осторожно стал пробираться по богато украшенным комнатам. На пороге спальни он остановился, вновь прислушиваясь. Ни один звук не доносился до него. Воин вошел в спальню, высоко подняв лампу и освещая комнату. И тут он увидел то, ради чего пришел сюда.

Полностью одетая саркайя Сумия сидела, выпрямившись, в большом золоченом кресле, оставаясь неподвижной, как кусок полированного мрамора. Широко открытыми глазами она смотрела прямо перед собой. Когда Чарн Товис вошел в комнату, она не повернулась к нему. По тому, как слабо вздымалась ее грудь, видно было, что ее дыхание очень неглубокое. Но только оно и говорило о том, что Сумия жива.

— Моя госпожа, — выдохнул он и встал перед Сумией на колени, но та даже не взглянула на него, не проявила никаких признаков того, что она заметила преданного друга. Она продолжала смотреть перед собой, словно и вовсе не замечала его присутствия. Чарн Товис коснулся руки саркайи, безжизненно лежавшей на кресле. Она была холодной и словно восковой. — Госпожа! Вы узнаете меня? — прошептал он. Сумия не ответила. Он провел рукой у нее перед глазами, но ее взгляд оставался таким же, устремленным в пустоту.

Чарн Товис был озадачен и испуган. Неприятное предчувствие охватило его. Что-то здесь не так... Что-то совсем не так! Он внимательнее осмотрел саркайю. С ее лица исчезли теплые краски, сделав ее бледной и неподвижной, как восковая маска. Ее чудесные черные

глаза, которые барды часто сравнивали со сверкающими черными жемчужинами, утратили живость. Вся фигура поражала отстраненностью от окружающего.

Вдруг воин почувствовал сильный тошнотворный запах. Запах был сладким и опьяняющим.

Он испугался, узнав этот затемняющий разум аромат. Это был запах сильного наркотика, называвшегося нотлай — Цветок Грез, — порошок, погружающий разум человека в розовые видения и ломающий волю тех людей, кто его употреблял. Сделав это ужасное открытие, Чарн Товис не мог сдержать своих чувств, и крепкое слово сорвалось у него с языка. Он понял, что тайный заговор существует на самом деле.

Какой-то хитрый и скрытый предатель использовал вредные свойства отвратительного наркотика и затуманил рассудок саркайи, сделав ее подвластной чужой воле. Поэтому нет ничего удивительного в том, как она правит после гибели Тонгора. Неудивительно, что она распустила совет, состоявший из преданных правителю людей, и уединилась во дворце. За этим заговором стоял, по-видимому, очень хитрый человек, и Чарн Товис понимал, что странные поступки Сумии трудно скрыть от внимательного взора со стороны. Заговорщики могли манипулировать ею лишь втайне от всех. Только так ей можно было бы приказывать подписывать и заверять печатью губительные для империи приказы, предписания и послания. Если бы саркайя появилась на публике, все сразу увидели бы, что с ней не все в порядке. Поэтому неудивительно, что Далендус Вул уволил прежних слуг Сумии, заменив их своими людьми.

Перед Чарном Товисом раскрылась вся чудовищность этой государственной измены. Кто бы ни скрывался за этим заговором — будь то Далендус Вул или кто-либо другой, — он теперь правил и городом, и империей. Подчинив себе саркайю, он мог совершить любое чудовищное преступление без риска быть разоблаченным.

Чарн Товис понимал, что помочь княжне он сам не сможет. Тут же он подумал о маленьком джасарке. Что с ним? Удалось ли джасарку Тарту избежать рук ко-

варных изменников или мальчик тоже находится во власти дьявольского наркотика?

Комната джасарка находилась рядом с покоями его матери. Чарн Товис прошел туда, освещая себе дорогу масляной лампой. От света мальчик сразу проснулся и теперь сидел на кровати, щурясь и потирая глаза.

— Чарн Товис! — с удивлением воскликнул он. — Что ты здесь делаешь?

Чарн Товис ответил сразу же, не раздумывая:

— Я должен отвести вас к барону Маэлу.

Глаза мальчика, такие же золотистые, как и у отца, загорелись от возбуждения.

— А я смогу опять увидеть Иннелду и Лулеру? — спросил он. — Я так по ним скучаю. А Маэл разрешит мне покататься на кротере? Они по целым дням не выпускают меня из дворца!

Чарн Товис стиснул зубы.

— Да, сынок, ты сможешь покататься на кротере и опять увидишься со своими нянями, — рассеянно ответил он.

Перед Чарном Товисом стоял главный вопрос: что делать? Пока мальчик вставал, снимал с себя ночную пижаму и одевался, собирая сделанное специально для него воинское снаряжение, Чарн Товис не переставая размышлял.

Ему было ясно, что спасти саркайю он сейчас не в состоянии. Возможно, что его летательные средства выдержат вес мальчика, но не вес взрослой женщины. Следовательно, спасти и саркайю, и ее сына одновременно он не сможет. Что же тогда делать? Ему предстояло принять очень важное решение, а у него было слишком мало времени. Молодой воин опасался, что для находящейся под сильным воздействием наркотиков и полностью подчиненной воле врагов княжны мгновенное освобождение может оказаться роковым. С другой стороны, князь Тарт был наследником трона и будущим правителем Патанги. И Чарн Товис сделал выбор, беззвучно молясь о том, чтобы этот выбор оказался правильным.

Мальчик почти собрался. Он повязал ярко-красную набедренную повязку и накинул на плечи плащ, прицепив к поясу подаренный отцом меч. В этом крепком девятилетнем подростке с густой шапкой волос, сходящимися бровями и странными золотистыми глазами Чарн Товис увидел зеркальное отражение своего могущественного властелина. Слезы навернулись ему на глаза, и он незаметно смахнул их.

— Я готов, Чарн Товис! Мне попрощаться с мамой? — радостно спросил джасарк.

— Нет, мой князь. Не надо беспокоить маму — она спит. Пойдем. — Он откинул плащ и поправил блестящий пояс. В нагрудной пластине был установлен камень управления доспехами. Прикосновение к нему задействует урлиуйное покрытие, сделав почти невесомыми Чарна Товиса и мальчика. Глаза джасарка заблестели от возбуждения.

— «Небесный пояс». Я слышал о нем, но отец говорил, что я слишком мал, чтобы летать с ним. Отец говорил, что это очень опасно.

Чарн Товис не мог спокойно слышать, когда ребенок говорил о его умершем господине. Он беззвучно молился о том, чтобы небо и земля защитили драгоценного наследника от враждебных сил. Первым шагом было вырвать его из стана врагов и спрятать в укромном месте у кого-нибудь из десяти верных соратников императора. Потом можно будет поднять знамена революции, сообщив всей стране о вероломном предательстве Далендуса Вула, собрать армию в поддержку наследника трона князя Тарта и изгнать подлого узурпатора, восседавшего сейчас на украденном троне.

— Пойдемте, джасарк, — позвал молодой воин. Он взял мальчика на руки, посадил его на плечи и предупредил, чтобы тот держался как можно крепче. После этого Чарн Товис включил «небесный пояс» и выпрыгнул через окно.

Воин и молодой князь растаяли в темноте. Чарн Товис, подобно птице, летел в ночном небе, спасая от врагов надежду и будущее империи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТОНГОР В ЦАРСТВЕ ТЕНЕЙ

Знай же, смертный, что за пределами всего земного лежит далекое и загадочное царство, в котором обитают тени. Странными и вызывающими трепет, находящимися за пределами вообразимого являются чудеса и тайны Царства Теней. Там одинокий дух ищет вечности среди символов и таинственных аналогий жизни. Боги бродят среди теней, и ты чувствуешь, что ими будет определяться твоя судьба на весь оставшийся период времени...

Алая Эдда

Глава 5
ПРИВРАТНИК

Сиянье дня в сознанье стерто,
забыта жизни суета.
И впереди — лишь Царство Мертвых,
его угрюмые Врата..

Сага о Тонгоре, XVIII

Для Тонгора прошло невообразимо много времени, и вдруг он оказался перед уходящей ввысь аркой гигантских ворот. Вокруг завывал сильный ветер, в ушах звенели отдаленные причитающие голоса, но валькар не мог разобрать ни одного слова. Он взглянул на подымавшиеся вверх столбы ворот и попытался понять, что же с ним случилось. Все, что он помнил, – это острый приступ боли в сердце, резкий порыв ветра и холод, сковавший все его тело. Потом... не было ничего... пока он не пришел в себя и не оказался у этих огромных ворот.

Они были отлиты из какого-то блестящего металла или высечены из сверкающего камня и слепили сверхъестественным сиянием так, что Тонгор не мог долго на них смотреть. Арка казалась выше самой большой башни в Патанге. Ее поверхности украшали разнообразные барельефы. Здесь были рыдающие женщины и сражающиеся юноши, старики, лежащие на смертном ложе, и

игривые девушки и юноши, короли и оборванные нищие, пирующие дородные правители и хитрые, усмехающиеся воры, старухи и младенцы — то есть было представлено все разнообразие рода человеческого.

— О человек, ты не должен смотреть на Врата между Мирами!

Голос был глубоким и звучным, с неземным резонансом, не похожим на голос обычного человека. Тонгор замер, а потом резко обернулся. Привычным движением он хотел ухватиться за рукоятку большого меча, который всегда висел у него на бедре, но оружия не было. Валькар с удивлением обнаружил, что совершенно обнажен, как в день своего появления на свет.

— Кто это говорит? — воскликнул он, и звук его голоса, приглушенный завываниями ветра, показался ему странным, словно это был совсем не его голос.

— Это я. Я нахожусь здесь, в переходе из одной вечности в другую — на пороге царства, в которое ты наконец попал и куда со временем попадают все люди.

Вглядевшись пристальнее, Тонгор увидел в арке гигантских ворот странную фигуру. Даже сидя, она казалась выше любого смертного. С головы до пят она была укутана в какой-то черный материал, но это была не одежда... по крайней мере не та одежда, к которой привык Тонгор. Казалось, сама темнота окутала загадочную фигуру привратника.

Сражаясь с бушующими порывами ветра, Тонгор подошел ближе, пока не оказался вплотную к странному существу. Львиные глаза валькара сверкали, а в груди поднималась волна гнева, к которому примешивался неясный призрак страха.

— Что это за место? — грозно вскричал он. — Как я здесь оказался и кто ты такой, охраняющий эти ворота?

Облаченная в черные одежды фигура величественно покачала головой. Когда незнакомец вновь заговорил, в его глубоком и важном голосе послышалась насмешка.

— Вопросы, бесконечные вопросы, всегда одни и те же вопросы, — продолжал насмешливый голос. — Оглянись, человек, и скажи мне, что ты видишь.

Тонгор обернулся и почувствовал, что все его вопросы бессмысленны. За спиной его зияла огромная бездна, прародительница всех бездн. Тонгор был поражен, увидев далеко, у самого дна ее сверкающие звезды.

Ничего не понимая, он поднял изумленные глаза и посмотрел в другую сторону. Там — одни боги знали, как далеко от него, — он увидел плоскую ровную землю, такую огромную, что его взгляд мог охватить на ней неизвестные ему океаны и континенты. Среди них он смутно различил очертания великой Лемурии, которую он покинул. Он узнал морской залив, врезающийся глубоко в континент, но с такого огромного расстояния великий город Патанга казался едва различимой маленькой точкой, глаза Тонгора увлажнились и взгляд затуманился из-за ревущего штормового ветра.

Над землей медленно проносились тучи. Часть их находилась на дневной половине Земли, другая же была погружена в черноту ночи.

Луна — величественная луна плавала далеко внизу, похожая на маленький золотистый глобус. Звезды висели над огромным миром.

Между тем миром и этим распростерлась туманная бездна, через которую постоянно двигались мерцающие призраки — души людей. Они перемещались с Земли туда, где сейчас стоял Тонгор, — в мир небытия, проносились мимо Тонгора, проходя через огромные Врата Теней. Некоторые из них рыдали, другие что-то выкрикивали, кто-то молился, кто-то смеялся, как сумасшедший. Были и такие, кто молчал, склонив голову и опустив руки.

— Теперь ты знаешь, что ты мертв и прибыл сюда, в Страну Теней, — заявил Привратник.

Тонгор тяжело вздохнул. Его суровое волевое лицо исказилось, гнев вспыхнул в его золотистых глазах. Он покачал головой, встряхнув буйной гривой волос.

— Мертв? Я не мертв! Как же я мог умереть? — воскликнул он. — Я не погиб от меча врага, в меня не попадало ни одной стрелы, в моем кубке не было

яда. Я был молодым и полным сил, а не дряхлым стариком — как же я мог умереть? Отвечай мне, если можешь, Привратник!

Призрак бесстрастно покачал головой.

— Между жизнью и смертью существует столько тайн, о которых смертные и не подозревают. Я не бог, и поэтому не осмеливаюсь объяснить тебе причины твоей смерти, человек.

Тонгор посмотрел на свои руки, на широкую грудь. Они, как ему представлялось, были из плоти и крови. И все же он ощущал что-то странное, словно его обнаженное тело стало нечувствительным, его восприятие — призрачным, а он сам превратился в некое отражение себя самого. Ступни его ног не чувствовали грубых холодных камней, а пальцы рук — холодных порывов ветра. Прежде чем валькар успел сформулировать возникший у него вопрос, Привратник заговорил, отвечая на его мысли:

— Все здесь — только иллюзия. Ты — бестелесный дух, но для тебя самого — это аналогия твоему земному облику. Теперь же, человек, отправляйся в странствие по Стране Теней, пока к тебе не придет ощущение реальности и пока ты не сможешь заглянуть за ее пределы.

Тонгор взглянул на фантастическую фигуру и попытался понять, о чем ему говорят.

— Что я должен искать? — требовательно спросил он. — Говори яснее, старик, и кончай с этими загадками, прошу тебя!

Привратник усмехнулся.

— Я отвечу на твой вопрос настолько ясно, насколько мне это позволено. Ты должен будешь бродить по Стране Теней до тех пор, пока не дойдешь до Трона Тронов. О смертный... и когда наступит то время, ты узнаешь три истины.

После этих слов Привратник медленно растаял.

Что же это за три истины? Как Тонгор сможет в этом призрачном мире отличить правду от иллюзии? Как сможет определить, какие три истины он должен

найти? Выполнял ли когда-нибудь смертный человек задачу, подобную этой, — будь то в Стране Живых или в Царстве Смерти?

Тонгор пошел вперед, озадаченный и ничего не понимающий. Миновав огромную сверкающую арку Ворот Теней, он оказался на пороге странного нового мира с неясным горизонтом и невероятными перспективами, где нельзя было четко разглядеть ни один предмет и ни одно существо. Окружающие валькара тени представляли лишь искаженные и искривленные подобия знакомых ему ранее предметов, и полностью Тонгор не мог их понять и описать.

По мере того как он продвигался дальше и дальше сквозь багровый туман, его пораженный ум был захвачен странными мыслями. Он знал, что он должен быть мертвым... но его отчаянная храбрость, его дух воина, который не признавал поражения, восставали против этих мыслей. Был ли он мертв на самом деле?

Раньше Тонгор не раз слышал о том, что, когда погибал храбрый воин, крылатые богини Войны поднимали его душу высоко над миром, выше звезд и уносили в сверкающую Страну Героев. Особо выдающиеся люди представали там перед Отцом Гормом. Но он попал в Царство Теней совсем другим путем, и здесь не было ни сверкающих чертогов Горма, ни лучезарных лугов. Значит, сказания и мифы лгут?

Потом Тонгор задумался о другом.

Если он действительно мертв, то это значит, что его любимая княжна и девятилетний сын остались одни на далекой теперь Земле. Эта мысль до глубины души поразила Тонгора, и все же ощущение потери не казалось ему вполне реальным. Он должен был чувствовать себя раздавленным страданиями и печалью, тем ужасным открытием, что он никогда больше не увидит прекрасного лица своей возлюбленной, никогда не обнимет ее гибкий стан, не почувствует тепло ее губ в поцелуе... и все же он ощущал лишь тень

печали, а не ту мучительную агонию, которую должен был чувствовать.

Валькар задумался и решил, что его ощущения — лишь слабое эхо тех разрывающих сердце чувств, которые он должен был испытывать. Если его духовная форма лишь тень его смертного тела, то естественно предположить, что чувства — всего лишь чувства-тени, слабые отражения действительности. Тонгор находился в сверхъестественном мире, и все тут казалось странным.

Тонгор осмотрелся. Вокруг простиралась туманная равнина, погруженная в густую пурпурную тень. Равнина выглядела мрачно и казалась бесплодной, лишенной каких-либо признаков жизни. Над ней, завывая, как потерявшиеся души, проносились ветра, но густая черная грива волос Тонгора не развевалась, так как это была тень ветра... или же тенью была его грива волос, и поэтому ветер не мог коснуться ее.

Под ногами Тонгора был тусклый кристаллический песок. Но он не скрипел и не шуршал. Шел ли Тонгор на самом деле или передвигался каким-то колдовским способом, неким бестелесным образом, который его дремлющий мозг воспринимал как ходьбу?

Была ли это пустыня реальностью или призрачной иллюзией?

Тело северянина было обнаженным, однако Тонгор чувствовал себя сверхъестественно легким, не ощущающим ничего. Из этого валькар заключил, что его духовное «я» — точный двойник земной оболочки его тела, а сам он лишь нематериальный аналог своей земной формы. Трудно осознать приход смерти. В один краткий миг оказываются отброшенными в сторону все земные заботы и обязанности — все остается позади, как будто ничего этого не существовало на самом деле. И после этого ты попадаешь в новый, странный мир.

Тонгор огляделся. Со всех сторон до самого призрачного горизонта простиралась плоская равнина темного песка. Здесь не было яркого света, горячее солнце не сияло в небе, на котором не было ни звезд, ни луны.

Тут и там по всей этой огромной равнине поднимались грубо отесанные камни причудливой формы. Были ли это бесполезные, неуклюже вытесанные колонны или статуи какой-то незнакомой культуры, причудливые и необычные? Валькар не стал задерживаться, чтобы осмотреть эти мрачные творения. Они напоминали карикатуры на человека, нескладные и слишком высокие, с длинными конечностями, резко выступавшими из грубого камня. Очертания фигур казались стертыми и размытыми, словно скульптор, обладавший исключительным мастерством, пытался изваять тело, окутанное липким туманом. Головы, возвышавшиеся над этими мрачными статуями, совершенно не походили на человеческие. Они напоминали идеальный конус, лишенный каких-либо человеческих черт.

Глаза, однако, приковывали к себе внимание.

Неясное беспокойство охватило Тонгора, когда он почувствовал, что каменные глаза одной из фигур с явной насмешкой рассматривают его. Валькар понимал, что это — простая игра света и тени, но глаза тем не менее казались живыми, их взгляд осмысленным.

Северянин поспешил прочь, стараясь избегать подобных созданий.

Над необъятной равниной свистели ветры, хотя Тонгор их не ощущал. Слабые звуки доносились до него издалека. Ему казалось, что он слышит призывные голоса, повторяющие в мольбах одно и то же имя. Он часто останавливался, пытаясь разобрать хоть что-нибудь, но не мог выделить ни одного слова.

Крики, полные боли, раздавались вновь и вновь. В этих голосах звучала то невыносимая мука, то страстное желание. Иногда Тонгору казалось, что он слышит странный саркастический хохот. Все эти звуки действовали гипнотически, и валькару большого труда стоило заставить себя оторваться от бестелесных плывущих голосов, осознавая присутствие в этих нескончаемых равнинах странных и необъяснимых вещей.

Над ним проплыла какая-то тень, и Тонгор ощутил смятение. Но когда он взглянул наверх, то ничего не увидел, кроме перемещающихся струй тумана, которые медленно плыли, образуя извивающиеся щупальца и различные змеевидные формы, заканчивающиеся время от времени подобием глаза, ухмыляющегося рта или длинной волнообразной конечности. Он оторвал взгляд от этих странных видений и тяжело побрел дальше.

Казалось, что в этом призрачном месте время не имеет никакого значения. Здесь не существовало ни дня, ни ночи. Тонгор не чувствовал ни голода, ни жажды, ноги его не уставали от долгого пути. Трудно сказать, прошел ли один час, или сотня часов, или даже сотня лет, прежде чем он неожиданно набрел на расположенные кольцом огромные камни.

До этого он просто механически двигался вперед, занятый какими-то неясными мыслями, мало обращая внимания на дорогу. Действительно, он ведь толком не знал, куда идет, в каком направлении и к какой далекой цели...

Вдруг валькар четко осознал, что перед ним появилась вертикальная поверхность. Он остановился, вглядываясь в фиолетовый полумрак. Перед ним огромным кольцом застыли семь огромных каменных блоков, в центре находился какой-то сверкающий блестящий предмет.

Смутное предчувствие появилось в помутненном, дремлющем разуме Тонгора. В этом странном мире мертвых нужно двигаться с большой осторожностью, полагаясь мысленно на совет Отца Горма, который один только знал обо всех ужасах и чудесах этих мест. Тонгор с интересом рассматривал кольцо из камней. Проходы между камнями были достаточно широкими, но Тонгор не пошел туда. Камни появились здесь с какой-то определенной целью — либо для того, чтобы вовлечь кого-то в свой круг, либо для того, чтобы кого-то там удерживать.

Тонгор знал, что должен разгадать эту загадку до того, как войти туда. Собравшись с силами, он осто-

рожно стал двигаться вперед, пока не оказался в кольце, образованном камнями.

Казалось, какой-то странный невидимый барьер продолжает удерживать валькара. Он ничего не видел перед собой, но не мог двигаться вперед. Словно целая стена застывших теней выросла на его пути. Собрав все свои силы и мысленно призывая на помощь Отца Горма, северянин направился дальше и почувствовал, что державший его барьер растаял.

Он полностью оказался в кольце, и тут он увидел...

Глава 6

МЕЧ В ДРАГОЦЕННОМ КРИСТАЛЛЕ

И за Воротами Теней
душе наказано в скитаньях
найти неведомое ей —
познав, в который раз, страданья...

Сага о Тонгоре, XVIII

Гигантский драгоценный камень! Он поднимался выше человеческого роста и имел тысячи блистающих граней. Во всей призрачной нереальной Стране Теней Тонгор не видел более яркого предмета, чем этот огромный сверкающий кристалл.

Драгоценный камень был прозрачен, как хрусталь, и отсвечивал бледно-синим цветом — цветом летнего моря. Грубо обработанный, он возвышался словно огромный айсберг, пригнанный зимними ветрами Жаранга Тетрайбаала — Великого северного океана. От него исходил ослепительный свет.

Вокруг расположилось кольцо из семи камней, подобно великанам, приставленным для охраны драгоценного сияющего кристалла и превратившимся в камни за долгие, медленно текущие годы.

Тонгор стоял, глядя на камень. От кристалла исходило нечто таинственное, какой-то поток странной силы, которую валькар ощущал своей бронзовой ко-

жей. Чувство благоговейного страха и трепета охватило Тонгора, заставив зашевелиться волосы на его голове. Долгие годы, проведенные им среди цивилизованных людей в больших городах Запада, мало изменили валькара — он остался варваром с несколько примитивным мироощущением и верой в приметы и сверхъестественное.

Определить словами его состояние было невозможно. Его чувства обострились, появилось покалывание в кончиках пальцев.

И все же Тонгор понимал, что этот кристалл, находящийся в кольце из камней, является самым реальным предметом, который ему удалось увидеть во всем этом колдовском сверхъестественном мире. Действительно, что же означали таинственные слова, которые были сказаны Привратником у Ворот? «Все здесь — только иллюзия... Отправляйся в странствие по Стране Теней... до тех пор, пока ты не сможешь заглянуть за ее пределы».

Валькар шагнул вперед, чтобы получше разглядеть огромный драгоценный камень. Свет пробивался из него мерцающими лучами. Оказалось, что Тонгору очень трудно двигаться против текущих лучей света — как будто неосязаемые преграды вставали перед ним, не позволяя приблизиться к камню. Все ощущения северянина притупились, он чувствовал себя попавшим в паутину какого-то фантастического паука.

Исполнившись решимости и вновь произнеся беззвучную молитву Горму, Отцу Земли и Неба, он направился через колеблющийся занавес невидимой силы и почувствовал, как она сопротивляется, мешая проникнуть сквозь сеть сверкающих лучей.

С большим трудом сумел подойти он к гигантскому кристаллу.

Он пристально смотрел внутрь, сквозь сверкающие грани. Его взгляд проник через полупрозрачный кристалл в глубины пульсирующего ярко-синего пламени, казавшегося волшебным божественным огнем.

И тут он увидел меч!

Клинок лежал, глубоко погруженный в сверкающий кристалл. Ярко-синее пламя, извиваясь, струилось по всей его длине. Звездочки искрились, сверкали и горели на его мощной рукоятке. Он находился в самом центре мистического камня и напоминал огромных существ, вмерзших в сверкающие стенки ледника, который Тонгор видел в детстве, когда жил на севере в племени валькаров.

Вне всякого сомнения, это был необычный меч. Тонгору приходилось иметь дело с самым разнообразным оружием, когда-либо использовавшимся людьми, но такого меча он не встречал. Из огромной рукоятки, имевшей форму креста, выходил большой клинок длиной в семь футов. Этот клинок не был выкован кузнецом из какого-либо известного металла. Он блистал, как зеркало, напоминал некий сверхчистый и сверкающий сплав, созданный Аслаком — богом-кузнецом — или какой-то сказочной расой существ, которые жили на земле за тысячелетия до появления человека.

Тонгору страшно захотелось взяться за огромную рукоять меча, почувствовать его огромный вес, проверить неземную закалку сияющего лезвия.

Тонгор знал, что должен освободить меч из его кристаллической тюрьмы. Он не мог объяснить, как понял это, но такое убеждение зародилось где-то глубоко внутри него, и теперь валькар знал, что должен сделать. Возможно, меч лежал здесь с момента зарождения Вселенной для того, чтобы Тонгор забрал его именно сейчас. Сами боги предназначили судьбой Тонгору завладеть этим мощным и сверхъестественным оружием. Тонгор знал, что это был его меч и он должен его освободить.

Для такого человека, каким был Тонгор, непреклонного, решительного и не отличавшегося тонкостью мысли, думать — значило действовать. Он понимал, что голыми руками разрушить сверкающий камень невозможно. Можно было веками молотить по искрящемуся камню и нисколько его при этом не повредить. Необходимо найти какой-то инструмент.

Валькар нетерпеливо осмотрелся вокруг, но ничего материального вокруг не было, за исключением огромных камней, образовавших кольцо. На этот раз Тонгор улыбнулся, и его острый глаз измерил расстояние до центра кольца. Хотелось надеяться, что камни не простая иллюзия, а нечто реальное и помогут разбить драгоценный кристалл.

Тонгор уперся спиной в один из этих огромных камней и напрягся, пытаясь его сдвинуть. Это было все равно что попытаться сдвинуть гору из мрамора. Высоченную каменную глыбу было невозможно сдвинуть одному человеку. Большинство людей даже не пыталось бы сделать это. Тогда Тонгор взглянул вверх на вздымающуюся каменную колонну. Она поднималась в небо на высоту в три раза выше его роста, а Тонгор не был низкорослым. И этот недвижимый на вид монолит был надежно водружен в неведомой стране. Да, задача казалась невыполнимой. Для большинства людей. Но Тонгор был не похож на других. Этот варвар был редким и странным существом. Такой человек никогда не отказывался от попыток добиться чего-то и в результате достигал невозможного.

Тонгор оперся могучим плечом о каменную глыбу и попытался найти удобное положение для рук и ног, затем глубоко вздохнул и напрягся.

Какое-то мгновение ничего не происходило. Колонна не шелохнулась. «Перестань, — стучали в мозгу валькара призрачные молоточки. — Этого нельзя сделать, — тарабанили они, — брось, брось сейчас же».

Валькар продолжал давить на камень, его мышцы вздулись от усилий, лицо потемнело, грудь тяжело вздымалась, усиленно работало сердце.

На плечах и могучих руках северянина набухли крупные бицепсы, резко очерченные под бронзовой кожей. Его ноги глубоко зарылись в песок, руки обхватили края огромной глыбы. Суставы пальцев побелели от напряжения.

Вдруг глыба заколебалась и поддалась. Медленно, медленно, дюйм за дюймом, камень стал клониться впе-

ред под неослабевающим напором мощных мускулов Тонгора.

Когда камень начал падать, Тонгор отпустил его и отпрыгнул. Тонгор стоял, пошатываясь, глубоко втягивая легкими воздух. Он наблюдал.

С грохотом колонна рухнула на драгоценный кристалл. Тот треснул. Паутина черных линий протянулась по его сверкающей поверхности сверху донизу. Тонгор с трудом приходил в себя, размышляя о том, что же это за сверхъестественный мир, где дух испытывает боль и усталость точно так же, как человек из плоти и крови, где нематериальные легкие вдыхают нереальный воздух, где нематериальное сердце бьется в бесплотном теле, — сумасшедший, кошмарный мир!

С громоподобным взрывом огромный драгоценный камень разлетелся на тысячи осколков. Вспышка ослепила Тонгора. Сияние превратилось в поток божественного света. Затем яркое пламя взметнулось белым столбом огня. Тонгор почувствовал жар, подобный дыханию открытой печи.

Какие бы ужасные силы ни были заперты внутри колдовского кристалла, они удерживались в непрочном равновесии. Как только была разрушена их стеклянная тюрьма, они вырвались на свободу.

Тонгор открыл глаза. От упавшей колонны ничего не осталось. Кристалл тоже исчез, оставив безобразную кучу дымящейся земли. Один за другим, словно карточный домик, повалились шесть оставшихся камней, составлявших кольцо. Может быть, это произошло из-за взрыва драгоценного камня, а может быть, просто потому, что им нечего было больше охранять. Равнина вздрагивала всякий раз, как падала колонна.

Меча тоже нигде не было видно.

Нет, он был там — среди дымящихся обломков что-то сверкнуло. Тонгор разбросал камни. Земля предательски скользила под ногами, валькар ощущал странный сухой запах гари. Наконец, ухватившись за сверкающую рукоятку, он вытащил сияющий меч, поднял клинок и подождал, пока уляжется пыль. Но вот лучи

света коснулись меча, и он невероятно засверкал. Теперь, с таким мечом в руках, Тонгор чувствовал себя достаточно уверенным.

Вдруг меч исчез — совсем! В руке Тонгора осталась лишь золотисто-красная рукоятка. В недоумении валькар заморгал. Но все было именно так: только что он чувствовал вес меча, поднимая его высоко над головой, — и вдруг вес стал необъяснимо мал.

Нахмурив брови, Тонгор растерянно осмотрел бесполезную рукоятку меча.

Что же это было? Игра света, призрачное сияние, исходящее из рукоятки, подобно клинку? На мгновение Тонгору показалось, что он вновь видит тонкий нематериальный белый луч, бьющий из рукоятки.

Но вот он опять исчез. Но на тот краткий миг, когда Тонгор увидел этот загадочный луч, он почувствовал, как сквозь него прошло ощущение таинственной силы, и он испытал прилив жизненной энергии.

Валькар долго стоял, задумчиво держа в руках кусок тяжелого золотистого металла.

Все в этом темном царстве повелителя Смерти Авангара представляет собой подобие твоего земного существования... даже твое собственное тело.

Тонгор поднял рукоятку, усмехнулся и отошел от обломков колонн, все еще держа кусок металла в руках.

«Может быть, этот лучевой меч был какой-то проверкой? Может быть, этот меч Страны Теней является аналогом моего собственного меча?» — подумал Тонгор.

Ни на один из этих вопросов он не знал ответа. Все в этом призрачном царстве казалось насмешкой, отзвуками эха, неясной и часто повторяющейся массой меняющихся символов. Но в любом случае Тонгор решил взять рукоять меча с собой. Может быть, это глупо — обременять себя такой, казалось бы, бесполезной ношей, а может быть — нет. Потом будет видно.

Тонгор направился по призрачной равнине к туманному горизонту. И вскоре ему пришлось убедиться в надежности меча... скорее, чем он предполагал. Прямо перед валькаром неожиданно возникла огромная чер-

ная субстанция — неуклюжая косматая фигура, похожая на великана-людоеда, со сверкающими глазами и ледяным дыханием, налетевшим на Тонгора, как порыв зимнего ветра.

И здесь в Стране Теней, за Вратами Смерти, Тонгор из валькаров был вынужден сражаться в страшном бою с врагом, которого он едва видел, но чувствовал и который схватил его в объятия, сравнимые лишь с объятиями самой Смерти!

Глава 7
ДОРОГА В МИЛЛИОН ЛЕТ

И меч предстал в сиянье роковом...
Но чье дыханье льдом сдирает кожу?
Как убивать, не ведая кого?
И в Царстве Смерти кто такое сможет?

Сага о Тонгоре, XVIII

Совершенно неожиданно воину из племени валькаров пришлось сражаться за свою собственную жизнь!

Огромная клешня обхватила его вокруг талии и сжала с чудовищной силой. Все вокруг погрузилось во мрак, темнота буквально облепила северянина. Тонгор беспорядочно размахивал кулаками, но его удары не встречали никакого сопротивления... Все это было похоже на схватку с бесформенной тенью!

В крепких тисках темноты Тонгор не мог получить какого-либо представления о своем волшебном противнике. Он едва различал огромную косматую фигуру с покатыми плечами и звериными лапами, одна из которых с огромной силой сжимала его.

На широкой и тупой бычьей голове с черными пучками волос сверкали огромные, словно луны холодного огня, глаза. Потом Тонгор рассмотрел вторую голову чудовища, и волна страха превратила в лед его сердце.

Чудовище неуклюже шаркало толстыми конечностями. Подняв вверх массивную лапу, оно рассматривало

Тонгора двумя косматыми головами-близнецами. Вдруг их усеянные клыками пасти широко раскрылись — и тело Тонгора затрепетало от порыва неимоверного холода — дыхание людоеда было ледяным.

Тонгор почувствовал, как на груди и руках у него появляются кристаллики льда. Сердце его отчаянно забилось, и сознание стало меркнуть.

Какой смысл сражаться? Легче оставить все как есть, погрузиться в мягкую темноту, сдаться, уступить. Зачем бороться с тем, кого ты не можешь победить?

Предательские мысли обволакивали сознание Тонгора. В какой-то миг — долгий и ужасный — он почувствовал сильную притягательность этих мыслей. Но мужество все-таки вернулось к нему, в нем вспыхнула и стала крепнуть ярость. До сих пор Тонгор сражался с людьми и зверями, демонами и богами — и никогда не сдавался!

Он нанес еще один удар казавшейся бесполезной золоченой рукояткой меча, и вдруг произошло чудо! Меч обрел свою силу!

Из рукояти внезапно вырвалось слепящее сияние — неимоверно яркий луч длиной не менее семи футов. Казалось, отчаянная решимость Тонгора, его нежелание признать себя побежденным привели к возрождению волшебного клинка.

Тонгор взмахнул им, и сверкающий луч проник глубоко в грудь чудовища. Огромная глыба, составлявшая тело людоеда, оказалась разрублена надвое. Отсеченная часть твари стала похожа на облако тумана, а потом превратилась в пар.

Людоед беззвучно выл. Опять холодное дыхание коснулось Тонгора. Но теперь через руку валькара тек пульсирующий поток тепла от сверкавшего меча, и Тонгор почувствовал его всем телом.

Очередной взмах меча — и охватившая Тонгора мохнатая конечность чудовища беспомощно отвалилась, превратившись в кипящую массу мутного пара. Тонгор почувствовал воодушевление — теперь он нападал!

Чувствуя прилив сил, валькар перешел в решительное наступление, нанося смертельные удары противнику своим волшебным оружием. Не выдержав столь ошеломляющей атаки, людоед начал, спотыкаясь, отступать.

В несколько секунд Тонгор уничтожил чудовище, и оно превратилось в облако медленно расплывающегося тумана. Замерев, Тонгор наблюдал за поднимающимися испарениями. Великая радость победы охватила его. Но меч снова превратился в бесполезную рукоятку из красноватого золота.

Теперь валькар начал понимать кое-что из странных законов, управляющих этим астральным царством, где все было не тем, чем оно являлось на самом деле, и каждая вещь представляла собой отражение, эхо или тень другого предмета.

Когда Тонгор победил свой страх, он смог одержать победу над чудовищем.

Может быть, чудовище представляло собой символическое олицетворение его страха?

Может быть. Тонгор не был в этом уверен. Но он вспомнил, что сначала и то, как высвободить меч из драгоценного кристалла, показалось сверхтрудным, или даже невыполнимым. И в тот момент, когда валькар решил, что можно так сделать, ему это удалось!

Но Тонгор отбросил эти сбивающие с толку мысли. Он был человеком действия. А все эти тонкости и рассуждения годились, по его понятиям, для философов или дураков, а может, для тех и других вместе взятых.

Крепко сжав рукоятку меча, валькар отправился дальше.

Теперь он шагал по широкой и ровной дороге, вымощенной камнем. Удивительно, как незаметно проступила она среди зыбучих песков пустынной равнины. Тонгор шел по ней, как за поводырем.

Прямая, как полет стрелы, дорога вела к призрачному, далекому и туманному горизонту. Наверное,

поэтому нельзя было определить, что же там, в конце дороги. Сначала Тонгор шел, не думая ни о чем.

Затем валькар задался вопросом, кто же построил эту дорогу и для чего?

Казалось, получить ответ на это невозможно. Он начал размышлять о том, какое путешествие на земле или какая дорога могли оказаться аналогами этого небесного пути.

Его внимание привлекали необычные образы, появлявшиеся вдоль дороги через определенные интервалы. Они не возникали из пустоты, скорее, Тонгор сам время от времени замечал их существование, а потом видел их вполне четко. Они в большей степени, чем что-либо другое, что он встречал в этом колдовском мире, казались действительно символическими.

По сторонам вымощенного камнями пути поднимались троны необычных старинных конструкций. Они были серыми от пыли, покрытые паутиной, потрескавшиеся от времени.

Груды больших и малых корон, королевские скипетры и посохи валялись на них вместе с остатками царских одежд — изодранными лохмотьями бархата и шелка.

Тут и там появлялись разрушенные ворота неизвестных городов и портики огромных дворцов. Статуи и бюсты забытых королей возвышались на растрескавшихся пьедесталах или лежали, брошенные в пыль.

Тут же валялись потрепанные флаги и штандарты некогда гордых королевств. Одни из них были из шелка, украшены золотом и серебром или блестящими драгоценными камнями, другие же из простой ткани, но все они истлели от старости.

Тонгор задумался о значении этих разрушенных, покрытых пылью останков королевской славы. Дорога, по которой он шел, представилась ему величественной и всеохватывающей Рекой Времени, оставляющей позади обреченные на забвение троны и империи прошлой славы. Валькар мрачно размышлял о том, что любое королевство и народ, какими бы великими и победо-

носными они ни были, в конце концов погибают. Никто не может уберечься от того, что время — этот великий повелитель, не превратит их в конце концов в пыль.

Тонгор не знал, сколько часов или дней длилось его путешествие, поскольку в призрачном царстве постоянных сумерек время текло неуправляемо и незаметно, если вообще существовало.

Может быть, его скитания длились лишь мгновения, а может, они продолжались целую вечность, но тело Тонгора совсем не чувствовало усталости. Он шагал и шагал по вымощенной камнем Дороге в миллион лет (как он иногда мысленно называл ее), но казалось, что его астральное существо — призрачное подобие его земной формы, невосприимчиво к усталости. А может быть, это путешествие лишь иллюзия его дремлющего мозга? Тонгор этого не знал...

Время от времени в жутком полусвете возникали иссохшие мумии давно умерших королей. Одни из них покоились в разрушенных временем беломраморных гробницах, другие — в золоченых гробах, испещренных иероглифами. Некоторые восседали на своих тронах с надвинутыми по самые брови коронами.

Тонгор убеждался в том, что и боги смертны. Повсюду в символических руинах по краям длинной дороги, ведущей к неизвестному горизонту, попадались грубо вытесанные идолы. Это были давно забытые боги, имена которых затерялись в дымках легенд, точно так же, как и их почитатели.

«На что же надеяться человеку, — с горькой усмешкой подумал валькар, — если даже боги могут умереть?»

И тут перед ним возникла новая преграда. Остановившись перед ней, Тонгор вновь ощутил всю беспомощность своего положения — положения бестелесного духа умершего человека, затерявшегося в пустынных просторах мистической Страны Теней!

Тонгор взглянул на реку огня и понял, что не сможет перейти ее.

Глава 8

РЕКА ОГНЯ, СТЕНА ЛЬДА

Реки́ горящей пламенные воды
преградой новой встали на пути.
Поток огня, в котором нету брода...
И все же ты, Тонгор, не отступи!

Сага о Тонгоре, XVIII

Широкая бесконечная река багрового пламени пересекала путь Тонгору. Она неожиданно возникла перед ним, и, остановившись у самого края огненного потока, валькар увидел, что любой неосторожный шаг приведет его к ужасной смерти в яростных объятиях пылающей жидкости.

Он попятился перед невообразимой преградой.

Из чего бы ни состояли воды этой реки, они горели безумно и неистово. За время своих многочисленных странствий по земле Тонгор из племени валькаров встречался с потоками светящейся лавы, представлявшими не меньшую опасность, чем возникшая на его пути река. Но лава — это расплавленный камень, плотное и вязкое вещество, нагретое до ярко-красного свечения. А здесь было совсем другое — широкая колдовская река какой-то жидкости, похожей на воду и сверкающей колеблющимися всполохами золотистого, оранжевого и ярко-красного цветов, поднимавшимися на десять метров от ее поверхности. Свет, излучаемый горящей рекой, был настолько сильным, что Тонгору пришлось прикрыть глаза рукой, чтобы не ослепнуть.

Тонгор попытался определить ширину потока. Может быть, он сможет преодолеть его мощным прыжком? Нет. Ширина горящей реки была около тридцати ярдов.

Валькар огляделся, все больше ощущая свою беспомощность. Казалось, невозможно перебраться через эту реку огня, так как она протянулась от горизонта к горизонту. Но может быть, это только иллюзия —

ведь в этом Царстве Теней нельзя доверять тому, что видишь.

Следующей мыслью Тонгора было использовать один из огромных камней, которыми вымощена дорога, в качестве плавучего средства. Тонгор знал, что какое-то время плоский камень будет плавать по поверхности расплавленной лавы. Ему хотелось проверить, как в этом случае поведет себя река.

Он выковырял небольшой камень с края дороги и бросил его в огненный поток. Мгновенно, не оставив и следа, камень исчез.

Казалось, на этом Тонгор исчерпал все имевшиеся возможности. Как же ему все-таки перебраться через сверкающий и грозный барьер? Или же все его странные поиски закончатся здесь и ему ничего не остается, как повернуть назад?

Тонгор стоял и задумчиво смотрел на ту часть дороги, которая резко обрывалась перед огненными водами реки. Древние камни были смещены, и между ними повсюду росли сорняки, даже вблизи от потока пламени.

Валькар застыл от удивления.

Нет, не должно его странное путешествие закончиться здесь, перед огненной колдовской преградой. Вдруг ему это стало ясно, и он облегченно рассмеялся. Неужели он так никогда и не научится не доверять своим ощущениям в этом призрачном царстве? Да, поток огня был страшен. Но это чисто зрительное впечатление. Ведь от этой огромной горящей массы не исходило никакого жара!

Именно поэтому сухие сорняки росли между камнями мостовой совсем рядом с пылающим потоком. По всем законам природы они должны были сморщиться и превратиться в пламя рядом с горящей рекой — если эта река реальна.

Тонгор подошел поближе к реке и сунул руку в пламя.

Зрительно это представляло собой ужасную картину. Рука исчезла в огне, язычки пламени с жадностью охватили ее. Но Тонгор не почувствовал боли.

Река огня была не более чем иллюзия!

Тонгор шагнул в ревущий поток, воды которого поднялись ему до груди. Мечущиеся всполохи накрыли его с головой. Излучаемый свет был таким ярким, что Тонгор прикрыл глаза.

Но при этом он по-прежнему не чувствовал ни жара от огромной температуры, ни сильного течения. Ничего.

С угрюмой усмешкой на лице пересек он эту реку, и как только он это сделал, река исчезла, так же внезапно, как и появилась. Сзади простиралась бесконечная дорога, и ничего больше. Свободно вздохнув, Тонгор отправился дальше.

Но ему суждено было преодолеть еще одно препятствие.

Неожиданно его окружил плотный туман. Поднимающийся от земли серый пар резко ухудшил видимость. Каково же было удивление Тонгора, когда сквозь густые испарения прямо перед ним проступила огромная стена сверкающего льда. Она вздымалась цепью ледяных гор и простиралась в обе стороны от валькара. Кристаллы льда причудливо расположились в виде башенок, придавая этому видению сходство со стеной фантастического замка. Призрачный свет мерцал и отражался от многочисленных граней и углов ледяных кристаллов.

Тонгор пытался разгадать — не иллюзия ли это вновь? Он не ощущал резкого дыхания холода от этой ледяной массы. В памяти валькара проснулись воспоминания детства, которое он провел на севере Лемурии, где затаились огромные ледники и властвовали ледяные туманы. Здесь же не было резкого понижения температуры.

Если бы эта стена была реальной, а не иллюзией, то странствиям и поискам Тонгора пришел бы конец. Преграда выглядела непреодолимой. Отвесная сверкающая поверхность подымалась на пятидесятимет-

ровую высоту. Далекие остроконечные вершины тускло мерцали сумеречным светом, искрясь в отблесках света, исходящего от какого-то неизвестного источника.

Наконец Тонгор решился. Стремительно подошел он к ледяной стене и дотронулся до нее рукой. Пальцы легко прошли сквозь прозрачную голубую поверхность. Он не ощутил никакого противодействия, никакого холода. И на этот раз перед валькаром оказался лишь мираж.

Тонгор шагнул в смертоносные объятия льда, и его обнаженная кожа сжалась в ожидании холодного прикосновения — но он ничего не почувствовал. Вместо этого он обнаружил, что может пройти сквозь отвесную поверхность сверкавшей стены. Теперь он был внутри нее!

Ощущение было незабываемым. Кругом, насколько мог видеть глаз, — лед. Призрачная голубоватая перспектива простиралась во все стороны. Изломанные поверхности и грани ледяных кристаллов завораживающе искривляли и изгибали лучи света. Тонгор очутился один в колдовском мире, замурованный в толще голубого льда.

Он направился дальше, проходя через фантастические пещеры, мимо свисающих сталактитов, похожих на огромные стеклянные пики, сквозь стены льда. Странной и жуткой была красота этого мира ледяных кристаллов, а когда Тонгор закрывал глаза, ему казалось, что он стоит посреди голой равнины.

Чему же он научился за время своих странствий? В сражении с чудовищем он победил свой страх, и после этого двухголовое страшилище превратилось в ничто на его глазах. Когда он не пугался преград, казавшихся непреодолимыми, он одерживал верх. Просто сам факт стремления преодолеть их являлся ключом к победе. Это казалось невероятным.

Тонгор понял, что ему необходимо хорошенько запомнить эти странные препятствия и поразмышлять о символических уроках богов.

Но вот он прошел через толщу ледяной стены, и она исчезла. Оглянувшись, валькар увидел лишь дорогу, которая простиралась назад до самого горизонта.

Он повернулся и посмотрел вперед. Теперь конец пути был очень близок, и все же северянин не понимал, какова цель его невероятного путешествия-сновидения. Огромные горы подымались вдали, и там, у самого края этого фантастического мира, дорога наконец заканчивалась. Тонгор направился к горам.

Казалось невозможным, но Тонгор почти добрался до них. Теперь он вспомнил, как в начале своего путешествия видел их у самого дальнего конца мира. Каким-то образом в этом неподвластном времени Царстве Теней валькару удалось пройти невообразимое расстояние, и вот он уже стоял перед горами, поднимавшимися до самого неба, озаренного призрачным светом.

Горы не были иллюзией, в чем он убедился, коснувшись камня рукой. Вздымаясь вверх черной монолитной массой, они образовывали наверху впадину в виде чаши, напоминающую огромный каменный трон, размеры которого превышали все допустимые мысленно пределы.

Рассматривая этот гигантский трон, Тонгор заметил огромную тень, возникшую из призрачной пустоты.

Она напоминала человека — туманная и неясная в своих очертаниях.

Два огромных столба, вздымавшиеся вверх, — ноги. Клубящиеся тучи обволакивали их наподобие какой-то призрачной одежды. Далеко наверху можно было различить могучую грудь, плечи и суровое лицо.

Оно напоминало лицо смертного... это был человек, старый и мудрый, с царственной осанкой, величественной бородой, ниспадающей на гигантскую грудь. Острые, сверкающие, как звезды, глаза смотрели вниз, на Тонгора, а темные облака собирались вокруг огромной головы наподобие капюшона.

Еще Тонгор заметил гигантскую книгу, запечатанную семью печатями. Одна рука призрака лежала на

этой книге, и каждый палец этой руки был больше в обхвате и длиннее, чем сам Тонгор.

Валькар догадался, что это Книга миллионолетий, в которой (как гласит легенда) занисаны события всех времен — прошедшего, настоящего и будущего.

И по этой книге он узнал его. Перед Тонгором был Пнот — бог Звездной Мудрости.

Тонгора охватил благоговейный страх. Смиренно склонился он перед призрачной фигурой, восседавшей на огромном троне.

Перед валькаром был живой бог.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РАБЫ ПИРАТСКОЙ ИМПЕРИИ

Там, где залив Патанги смешивается с бесконечными водами Яхензеб-Чуня — Южного моря, высится огромный скалистый мыс, на котором построен Таракус, пиратский город — беззаконное и кровавое царство, признающее только одну власть — власть золота. Там через много лет зародится угроза для городов Запада. Будь бдителен, Тонгор, и помни об этой опасности.

Великая Книга Шайрата, колдуна Лемурии

Глава 9

ВЫШЕ ОБЛАКОВ

Скорей, из логова врагов!
Бежать, лететь от них!
Хотя таит ночной покров
немало бед иных...

Сага о Тонгоре, XVIII

Чарн Товис и юный Тарт покинули дворец, и ночь окутала их плотной тьмой. Они летели над башнями города, как птицы, и ветер свистел над ними, развевая их плащи и играя в волосах.

«Небесный пояс» был создан недавно и едва ли проходил какие-либо испытания. Кожаные доспехи покрывались тонким слоем урилиума — волшебного металла, открытого много лет тому назад старым алхимиком Ослимом Фоном. Хотя урилиум и обладал антигравитационной силой, на «небесном поясе» его было недостаточно, чтобы сделать полностью невесомыми воина и мальчика. Иотондус Катоольский, молодой волшебник-мудрец, разработавший новые виды мощного оружия для воинов Патанги, придумал средство, во много раз увеличивающее подъемную силу серебристого сплава урилиума.

Он предложил применять ситурл — волшебный кристалл, найти который можно было лишь на непроходимых равнинах загадочного Востока, где синие ко-

чевники постоянно сражались друг с другом. Ситурл поглощал солнечные лучи и преобразовывал солнечную энергию в электрическую силу. Он сверкал и на «небесном поясе» Чарна Товиса. При прикосновении к нему кристалл выделял волны волшебной силы, которая во много раз увеличивала антигравитационные возможности пояса.

Во время этого полета Чарн Товис пытался извлечь всю возможную антигравитационную силу из «небесного пояса». Энергия волшебных зеленых кристаллов ситурла была довольно ограничена. Значительную часть ее Чарн Товис израсходовал, пробираясь во дворец. Теперь же, когда земное притяжение стало побеждать, молодой воин пришел в отчаяние. Он понимал, что небольшого заряда ситурла окажется недостаточно, чтобы долго удерживать в воздухе двойной вес — его самого и мальчика.

Если же ему не удастся что-либо придумать, сила кристалла иссякнет, и беглецы опустятся вниз — на те улицы, где полным-полно патрулей Далендуса Вула.

Сделав вираж, Чарн Товис решил спуститься на высокий балкон одного из зданий недалеко от дворца. Он собирался переждать здесь и обдумать возможные способы спасения. Ясно было одно — для юного князя необходимо найти безопасное место. Не могло быть и речи о его возвращении во дворец, где в полубессознательном состоянии от наркотиков томилась его мать — саркайя Патанги Сумия.

— В чем дело, Чарн Товис? — спросил Тарт.

— Все нормально. Просто у «небесного пояса» не хватает энергии, чтобы удерживать нас двоих в воздухе так долго, — ответил Чарн Товис и объяснил мальчику, что их путешествие становится небезопасным.

Тарт обвел взглядом ночной город и безлунное небо, клубящиеся облака. Мальчик с интересом воспринимал все то новое, с чем ему пришлось встречаться, не чувствуя при этом ни страха, ни опасности. Происходящее казалось ему лишь увлекательным приключением и ужасно нравилось!

Откинув назад взлохмаченную гриву черных волос, мальчик сделал вдруг довольно разумное предложение:

— Тогда давай полетим на воллере. На крыше этого дома есть посадочная площадка и там — корабль.

Чарн Товис взглянул на мальчика. Конечно, джасарк не мог понимать всю сложность их положения. Как объяснить ему, что вооруженные силы города попали под влияние его врага — Далендуса Вула и что они не могут больше доверять их командирам? С самого начала воин думал, что принц окажется тяжелой обузой, а не умным расчетливым товарищем. Однако оказалось, он мог рассчитывать на большее — ведь мальчик был сыном Тонгора Могущественного.

— Хорошая мысль. По крайней мере можно попробовать, — ответил мальчику Чарн Товис. — Забирайтесь снова ко мне на плечи и держитесь крепче. Я думаю, у пояса хватит силы, чтобы поднять нас на крышу.

Оттолкнувшись от балкона, Чарн Товис вновь почувствовал сильный ветер, который бился об их тела, словно какие-то фантастические крылья. Джасарк Тарт засмеялся, радуясь полету, а Чарн Товис становился все мрачнее, замечая, что им никак не набрать нужную высоту.

Зеленовато-серебристые огоньки ситурла едва светились на поясе — силы волшебного кристалла таяли на глазах. Чарн Товис старался не привлекать к этому внимания мальчика и надеялся, что тот ничего не замечает.

Наконец волшебная подъемная сила и вовсе иссякла, и они стали опускаться... но медленно — покрытие из урилиума уменьшало тяжесть их тел. Видимо, они опустятся на улицу, находящуюся внизу, под ними, если только...

В отчаянии Чарн Товис протянул руки, коснулся каменного фасада здания, на котором были высечены фигуры причудливых чудовищ. Влажные пальцы заскользили по гладкому мрамору клюва-носа, затем схватились за открытую клыкастую пасть. Какое-то время Чарн

Товис и Тарт удерживались в воздухе, обдуваемые ветром, и молодой воин благодарил бога за то, что подъемная сила волшебных доспехов не угасла полностью. Он не подумал, что благодарности заслуживал и древний архитектор, который украсил верхние этажи этого дома скульптурами фантастических существ.

Теперь придется карабкаться вверх по фасаду здания до самой крыши почти в полной темноте. Завывание ветра становилось все сильнее, развевающиеся волосы мальчика залепили Чарну Товису глаза. К счастью, фасад дома имел много разных выступов, за которые можно было ухватиться. И все же у воина руки болели от напряжения, когда он добрался до крыши здания.

Однако времени не оставалось не только на отдых, но и на то, чтобы просто перевести дыхание. Над посадочной площадкой крыши свободно покачивался на канате большой воздушный корабль. Находившийся рядом с ним воин в серебряных блестящих доспехах и голубом плаще Воздушной гвардии подошел к беглецам и спросил, как их зовут и почему они оказались здесь.

Приподняв ситурловую лампу, он направил луч яркого света на беглецов. Узнав мальчика, он с удивлением воскликнул:

— Мой князь?! В чем дело?

Чарн Товис, подобно гибкому черному вандару джунглей, прыгнул на плечи охранника и, свалив его, нанес страшный удар кулаком. Потом он повернулся к мальчику, раскрывшему рот от удивления.

— Теперь быстро, на разговоры у нас нет времени. Мы должны сейчас же отправиться в путь. Наверное, охрана во дворце уже заметила ваше исчезновение. В любой момент могут поднять тревогу.

— Но Чарн Товис, вы ударили его! — запротестовал мальчик.

Молодой воин обхватил Тарта за плечи и пристально посмотрел в глаза сына Тонгора.

— Мой джасарк! Доверьтесь мне! Я понимаю, что все это кажется вам странным и что у вас появляется

много вопросов, но доверьтесь мне! В Скалах кристаллов грома я спас жизнь вашего отца и своего господина. Знайте, молодой князь, сейчас я не менее предан ему, чем тогда.

После этих слов Чарна Товиса в широко открытых глазах Тарта появилась решимость.

— Я верю тебе, Чарн Товис, и пойду за тобой, — отчетливо произнес он.

Для ответных благодарностей времени не оставалось. Товис молча пожал руку мальчика, затем помог ему взобраться по веревочной лестнице на заднюю палубу воллера, закачавшуюся под из весом. Оказавшись в кабине, Чарн Товис включил двигатели и попросил Тарта освободить крепежные канаты. Через мгновение они взлетели, дрейфуя по ветру, и воллер стал подниматься над городом по крутой спирали вверх.

Это был один из новейших кораблей, способный развивать огромную скорость. Иотондус Катоольский усовершенствовал двигатели кораблей, применяя ситурл для вращения лопастей винтов вместо использовавшиеся раньше гигантских пружин. Аппарат легко управлялся. Достаточно было малейших прикосновений к рычагам управления, и корабль взмывал вверх, подобно могучему орлу.

Они поднялись на высоту в двадцать тысяч футов. Теперь Патанга осталась далеко внизу, и с трудом можно было разглядеть огромную Центральную площадь и широкую улицу — Торианн Вэй, простирающуюся через весь город до огромной каменной стены цвета огня. Призрачный свет отражался на поверхности Рек Близнецов, возле длинных каменных набережных покачивались на якоре суда, похожие на игрушечные кораблики.

Чарн Товис понимал, что им не удастся покинуть город незамеченными. Зоркие глаза Воздушной гвардии внимательно следили за ночным небом, и когда воллер с беглецами поднялся в воздух, патрульные корабли сразу же направились к нему.

— Смотри, — вскрикнул джасарк, указывая сквозь передний иллюминатор. — Патрульные заметили нас!

— Без паники, — отозвался Чарн Товис. — Мы убежим от них.

Сначала Чарн Товис собирался направиться на север, во владения князя Маэла. Но теперь нужно было избрать другой маршрут — не следует показывать врагу конечную цель своего путешествия. Поэтому он повернул на запад, над смутно проступающими водами Великого залива, который разрезал континент, словно мощный водяной клин, от Таракуса на побережье до набережных Патанги.

Двигатели пели свою песню. Корабль несся сквозь ночное небо, как серебряная стрела. Ветер свистел вокруг обтекаемого, сверкающего урилимом корпуса воллера, а Чарн Товис, сидя у панели управления, держал курс строго на запад.

— Патрульные корабли все еще преследуют нас, — заметил мальчик, но в голосе его не ощущалось страха. — Их два, у них есть лучевые пушки.

— Спокойно, мой джасарк. Возможно, мы оторвемся от них в облаках, — сказал Чарн Товис, меняя направление полета и поворачивая на юг. Он разглядел на юге плотное скопление облаков и направился туда, выжимая из двигателей все, на что они были способны. Однако это не принесло никаких результатов. Два патрульных корабля продолжали преследование с упорством охотничьих собак.

Преследователи и преследуемые летели приблизительно с одной скоростью. Их корабли были одной модели. Однако Чарну Товису удавалось постепенно увеличивать разрыв. Патрульные корабли были двухместными, и в каждом из них находилось по два полностью вооруженных воина. Его же корабль оказался загружен несколько меньше, так как с ним был лишь мальчик. И к тому же Чарн Товис стартовал на несколько секунд раньше. Это давало беглецам хоть и небольшое, но все-таки преимущество.

На воллерах-преследователях замигали сигнальные огни — свет закодированных приказов замерцал во тьме.

— Сдавайтесь, или будете сбиты, — расшифровал сигналы Тарт. — Зачем они собираются это сделать, Чарн Товис? — спросил он растерянно. — Мы же не сделали ничего плохого.

— Они думают иначе, мой князь. Во дворце наверняка уже поднялась тревога. Они решили, что я похитил вас.

— Но если они знают, что я на борту корабля, они не осмелятся стрелять в нас, — решил мальчик, — они блефуют.

Чарн Товис улыбнулся. Мальчик был смел, и он сохранял хладнокровие, несмотря на смертельную опасность. Как гордился бы Тонгор своим сыном, если бы видел его сейчас!

— Возможно, вы правы, мой джасарк. Во всяком случае будем на это рассчитывать.

Почти полчаса воздушный корабль летел на юг, преследуемый патрулем. Казалось, что джасарк Тарт рассудил правильно, и корабли воздушной охраны не решатся стрелять. По крайней мере лучевые пушки молчали. Но патрульные корабли продолжали преследовать их, не догоняя, но и не отставая. С каждым мгновением Чарн Товис все больше убеждал себя в том, что ему удастся легко уйти от погони в плотной пелене туч, видневшихся впереди. Теперь тучи разошлись, и огромная золотистая луна древней Лемурии залила ночь сияющим светом. Тихие воды залива внизу превратились в гигантский серебряный щит. Ровный лунный свет искрился на урилиумном покрытии корабля, и Чарн Товис боялся, что даже в густых облаках преследователи без труда заметят его.

Но вот беглецов накрыла долгожданная облачная пелена, под ее прикрытием Чарн Товис сменил курс, повернув на юго-восток в направлении города Зингабала на дальнем побережье. Если удастся уйти от преследователей, они смогут найти убежище в этом дру-

жественном городе, входящем в состав империи, поскольку брат сарка — князь — был сторонником императора, участником недавнего тайного совета в Сардат Кипе.

Но сможет ли он уйти от патрульных кораблей?

Чарн Товис оглянулся, но в клубящемся тумане преследователей не было видно.

— Все в порядке, мой князь, — обрадовался он. — Теперь надо перейти на высоту в десять тысяч футов. Возможно, они будут продолжать искать нас там, наверху.

Он снизил обороты и позволил кораблю плавно опуститься вниз сквозь туман. Чарн Товис понимал опасность такого маневра. Возможно, ниже не было ни облаков, ни тумана. Тогда они потеряют свое прикрытие и окажутся на виду у преследователей. В этом был определенный риск, но Чарн Товис решился пойти на него.

Как он и предполагал, никакого тумана внизу не оказалось, и они понеслись в открытом пространстве. Тень их корабля черным пятном скользила по водной глади. А тут еще из-за туч вышла луна.

Направляя корабль к отдаленным шпилям и башням Зингабала, Чарн Товис молился, чтобы луна вновь скрылась за плотным туманом. Он и не подозревал о новой грозной опасности, готовившейся обрушиться на них.

— Чарн Товис, взгляни!

Испуганный голос мальчика заставил его повернуться. Воин увидел, что патрульные корабли вышли из туч и находятся теперь высоко над их кораблем. Когда же он посмотрел вперед, то ощутил волну холодного страха.

Воздушные корабли Патанги не безраздельно господствовали в небе. В этой южной части Лемурии со времен юрского периода сохранились огромные птеродактили — чудовищные летающие рептилии. Жители Патанги называли этих ужасных хищников летающими драконами.

И теперь, отбрасывая на золотистую поверхность луны тени, похожие на чудовищных летучих мышей, два дракона нависли над воллером беглецов, как черные демоны из кошмарного сна.

Не успел Чарн Товис разглядеть их, как они, сложив огромные крылья, начали пикировать. Их пасти широко раскрылись, готовые схватить свою жертву.

Глава 10
СХВАТКА С ДРАКОНАМИ

В размахе крыльев, пасть раскрыв, —
— иль, может, это сон? —
Возник, как новая напасть,
летающий дракон. Их даже два...
Теперь конец! От них спасенья нет.
Внизу залив... Над ним едва
наметился рассвет.

Сага о Тонгоре, XVIII

Командиром патрульных кораблей, преследовавших Чарна Товиса и юного джасарка Тарта, был старший отар Чанган Джал. За несколько секунд до взлета украденного корабля с посадочной площадки Чанган Джалу стало известно о дерзком похищении девятилетнего князя, осуществленном предателем из отряда Черных Драконов. Это сообщение было передано с помощью флажковой сигнализации с башни Воздушной Крепости.

Чанган Джал не был агентом Далендуса Вула. Его взял на службу еще Тонгор, и он успешно проявил себя, исполняя приказы Тонгора Могущественного. Однако ни он, ни другие преданные Тонгору воины и не подозревали о том, что предатели захватили трон и управляли армией. Далендус Вул осуществлял все дела с такой хитростью и осторожностью, что многие и предположить не могли измену. Поэтому, как всякий верный воин Патанги, Чанган Джал должен был сделать все, чтобы поймать предателя Чарна Товиса.

Он упорно следовал по курсу украденного воздушного корабля на протяжении многих миль, а когда тот скрылся в клубящихся тучах, Чанган Джал не прекращал свои поиски, понимая, что необходимо спасти беспомощного джасарка, находящегося в руках предателя.

Внимательно вглядываясь сквозь иллюминатор, он заметил серебристую точку, воллер беглецов, — она находилась значительно ниже. Сердце его наполнилось радостью — злодей и его жертва снова обнаружены! Но это чувство мгновенно сменилось ощущением страха — рядом с воллером беглецов он увидел летающих драконов.

Затаив дыхание, Чанган Джал и второй пилот наблюдали за тем, как далеко внизу маленький корабль делал резкие виражи, пытаясь ускользнуть от хищников. Эти маневры разозлили драконов. Выйдя из пике, шипя, твари расправили крылья, готовясь к долгой погоне.

Эти летающие чудовища были невероятного размера. Размах их крыльев составлял не менее сорока футов. Гигантские острые когти на лапах могли разрушать каменные стены и разрывать листы металла. При встрече с летающими драконами даже мощные воздушные корабли Патанги были беспомощны, если...

— Стреляй же, дурак, — пробормотал сквозь стиснутые зубы Чанган Джал, зря, что ли, у тебя лучевая пушка.

Ему казалось, что пилот воллера беглецов отчаянно и безнадежно кружит, пытаясь уйти от щелкающих челюстей разъяренных птеродактилей.

Но и без этого совета Чарн Товис уже подготовился к атаке и ждал только удобного момента. Выстрел из лучевой пушки прорезал ночь ослепительно яркой вспышкой. Сноп белого огня, направленный на одного из драконов, поразил крылатую тварь. Чудовище буквально разорвало на части. Охваченные пламенем куски плоти гигантской рептилии, кружась, полетели вниз, в воды залива.

Но тут ринулось в атаку второе чудовище. Растопырив когти, оно напало на воллер, подобно гигантскому

ястребу. Воздушный корабль содрогнулся от удара. Мощные челюсти сомкнулись на носовой заостренной части судна. Блестящий металл был смят, словно бумага. Уничтожив носовую часть корабля, дракон нанес удар своим жестким крючковидным клювом по кабине. В результате стекла рассыпались мелкими осколками, а металлические стойки погнулись.

Изуродованный корабль падал в залив, а дракон продолжал наносить по нему сокрушающие удары. Его клюв бил по кораблю со страшной силой. Ни корпус, ни обшивка воллера не вынесли такого испытания.

Патрульные корабли ничем не могли помочь — слишком далеко от них происходила эта смертельная схватка и слишком стремительно напали летающие рептилии.

Чанган Джалу и второму пилоту оставалось только беспомощно наблюдать за тем, как птеродактиль буквально разрывает корабль на части. Сверкающие куски урилиумной обшивки рвались, как тонкая фольга. Сохранявшаяся в них подъемная сила заставляла оторванные куски подниматься высоко в небо, где первые лучи рассвета уже коснулись густых облаков.

Остатки воллера, изуродованные челюстями чудовища, стремительно падали в воды залива. Все было кончено. Издав оглушительный победный клич, распаленный битвой дракон сделал круг и улетел.

От воллера беглецов не осталось ничего. Он был уничтожен, превращен в груду искореженного металла.

Скорее всего, джасарк и его похититель погибли. С тяжелым сердцем Чанган Джал должен был прийти к выводу, что ни наследнику трона Патанги, ни его похитителю не удалось избежать ужасных челюстей летающего чудовища.

Второй пилот повернул к командиру напряженное побелевшее лицо:

— Что будем делать, сэр?

Отар печально покачал головой:

— Боюсь, мы мало что можем сделать. Можно, конечно, спуститься к воде и поискать останки. Но смысла

в этом нет. Если джасарка и того, кто его похитил, не сожрало чудовище и они просто выпали из обломков воллера, разорванного на куски, — все равно невозможно остаться в живых при падении с высоты более мили. Так что вернемся в Патангу и доложим о том, что произошло. — Лицо его помрачнело, и он с горечью добавил: — Я прослужил Дому Чонда и Дому Валькара одиннадцать лет, и никогда у меня не было более тяжелого дня, чем этот, Анзан Варл. Бедная саркайя! Сначала потерять мужа, а теперь — единственного сына. Ну что же, сигналь второму воллеру, будем возвращаться.

Через некоторое время оба воллера, сделав еще один круг, опустились к воде, отдавая молчаливые почести погибшему джасарку. После этого они поднялись на высоту пятнадцать тысяч футов и взяли курс на север к окруженному каменной стеной Городу Огня, находящемуся в устье Рек Близнецов. На них лежала печальная миссия — донести до жителей Патанги скорбную весть о гибели джасарка Тарта, сына Тонгора — последнего наследника несчастливого Дома Валькара.

Утреннее солнце взошло над горизонтом и залило светом всю землю. Ясными и светлыми были его лучи. Какое дело было солнцу до гибели династий и смертей принцев? Все это было безразлично светилу.

Далендус Вул и Марданакс из Заара узнали новость о смерти юного князя во время завтрака на террасе дворца. Молчаливый, одетый в черное Марданакс всегда присутствовал в роскошной свите Далендуса Вула, который управлял теперь империей на правах регента.

Когда смысл сообщения дошел до не отличавшегося храбростью Далендуса Вула, он задрожал от страха и пролил при этом вино на свои одежды. Ворчливым резким голосом он стал задавать бесконечные вопросы отару, пришедшему с докладом о происшедшем.

Марданакс легко овладел ситуацией, заставив одной презрительной фразой испуганного Далендуса Вула замолчать и попросив отара удалиться.

— Клянусь богами, это — проклятие для нас, мой Господин! — Далендус Вул задыхался, вытирая струившийся по лицу пот. — Как же я смогу править как регент, когда принца не стало? Как отстоять свои права? Не потребуют ли князья Маэл и Сельверус, чтобы я освободил трон? Что мы станем делать?

Марданакс с ледяным презрением взглянул на жирного, трясущегося от страха сановника.

— Замолчи, болтливый дурак, ты же испугаешь слуг, — отчетливо произнес он голосом, в котором звучали металлические нотки. Хныкающий Далендус Вул затих. — Во всяком случае в одном ты прав. Больше мы не сможем управлять Патангой через регентство.

— Тогда давайте отступимся, хозяин! Ради всех святых! Отправимся домой, в Таллан, и покончим со всем этим!

— Заткнись, дурак! Я знаю, что в душе ты — жалкий трус. Так старайся хоть внешне походить на человека. Да... твое регентство на этом заканчивается... Хаос поглотил мальчишку и героя-идиота, который спасал его. Напрасно. Мы не причинили бы Тарту большого вреда, просто свели бы с ума и заставили выполнять наши приказания. Князь Тарт отрекся бы от престола в твою пользу, чтобы потом тихо умереть от изнурительной лихорадки... Жаль, что все не случилось именно так. Не люблю неоконченные дела.

Марданакс задумчиво потер рукой подбородок, и голос его зазвучал мягко и вкрадчиво.

— То, что произошло, меняет все наши планы. Надо найти новый альтернативный вариант и перейти к его осуществлению. Конечно, тут есть определенные сложности. Все случилось так неожиданно, что времени просто не остается.

— Что за альтернативный вариант, хозяин? — Далендус Вул недоверчиво взглянул на него.

Марданакс ободряюще улыбнулся.

— Ты должен будешь жениться на саркайе Сумии и унаследовать при этом трон как истинный сарк Па-

танги и повелитель Запада, — в голосе колдуна зазвучали бархатистые нотки.

Побледневший барон изумленно повторил:

— Жениться на саркайе... — и тут же захныкал. — Но как же я смогу... почему она?

Голосом, в котором отчетливо звучали ледяные нотки, Марданакс резко прервал жалкое бормотанье Далендуса Вула.

— У нее не будет выбора. Она исполнит то, что я ей прикажу. Воздействуя и дальше на ее разум, я добьюсь того, что окончательно подчиню ее себе, как, впрочем, и тебя, толстомордого дурака! Но я рассчитывал, что мне будет отпущено какое-то время... Я не готов действовать прямо сейчас!

— А вы уверены, что ваш план сработает? — засомневался Вул.

— Откровенно говоря, не очень уверен. Мы убрали от саркайи самых близких людей, и это не могло не вызвать подозрений. Но поступить так было необходимо — ведь моя власть над ней не безгранична, и я не решаюсь показывать ее людям, особенно тем, кто хорошо ее знал. Увидев ее, они сразу поймут, что с Сунией творится что-то неладное. И все же у нас есть шанс. Прежде всего постараемся немного продлить твое регентство. Мы сообщим о днях королевского траура, и это сообщение будет иметь подпись и печать княжны. Так мы выиграем еще несколько дней. И кроме того, — он разразился мурлыкающим смехом, — в результате такого неожиданного поворота событий мы получаем еще один козырь. Поскольку тот дурак, который похитил мальчика, был из отряда Черных Драконов, мы можем арестовать Зеда Комиса, командира этого отряда. Скажем, что имел место заговор среди высших офицеров под руководством Зеда Комиса, направленный на свержение законных правителей и захват власти. Звучит недурно! В ближайшее время отдадим соответствующее распоряжение.

Он умолк, радостно посмеиваясь, и, взглянув на расстроенного барона, на его отрешенное, искаженное страхом лицо, ободряюще проговорил:

— Ну, мой правитель-регент, заканчивайте завтрак и давайте займемся делами. У нас впереди трудное утро — надо сообщить об официальном сроке траура, арестовать и посадить в тюрьму даотара Черных Драконов. Что же касается вашей предстоящей свадьбы, мы оповестим народ об этом позднее, но на этой неделе.

Глава 11

БАРИМ — РЫЖАЯ БОРОДА

Луна и звезды шлют нам свет,
и ветер нам за брата,
и на морях нам равных нет —
на то мы и пираты!

Морская песня пиратов Таракуса

До помутненного сознания Чарна Товиса, которого волны залива то подымали вверх, то опускали вниз, постепенно стали доноситься чьи-то возгласы, по-видимому обращенные к нему. Он чувствовал, что одной рукой крепко сжимает какой-то предмет, но не мог открыть глаз, чтобы посмотреть, что у него в руке. Задыхаясь, он открыл рот и выплюнул теплую солоноватую воду. Затем что-то шлепнулось в волны рядом с ним, и Чарн Товис, защищаясь от неведомой опасности, взмахнул рукой.

Тут же кто-то сильно схватил его за горло, и он понял, что его предупреждают, чтобы он не дрался.

— Плыви спокойно, пусть Тангмар помогает тебе, — услышал он чей-то голос.

Чарн Товис расслабился, но рука его все продолжала сжимать непонятный предмет, который теперь пришел в движение. Он услышал кашляющие звуки — кто-то выплевывал морскую воду. Открыв наконец глаза, он увидел, что крепко держит джасарка Тарта.

Тангмар — так, по-видимому, звали его спасителя — крикнул, чтобы Чарну Товису бросили веревку. Затем сознание молодого воина вновь помутилось.

Когда он пришел в себя, то лежал на деревянной палубе корабля под огромным темно-красным парусом.

— Гляди-ка, очухался, — услышал он чей-то грубый голос.

— А что с мальцом? — спросил кто-то.

— Все будет нормально — вон сколько воды вышло из него. — В этом голосе чувствовался поющий акцент Кадорны.

Чарн Товис приподнялся, опираясь на локоть, и осмотрелся. Вокруг него собрались грубоватые на вид люди. Большинство из них были босиком, но на некоторых он увидел высокие ботфорты. С длинными волосами, заплетенными в косы, обнаженные по пояс или в рубашках малинового шелка и черных камзолах, они были вооружены кинжалами с золотыми рукоятками, выступавшими из-за широких кушаков. Мускулистые загорелые тела были стянуты кожаными ремнями, на которых висели тяжелые мечи. Были тут и кривые восточные сабли с широкими клинками, и изящные, острые, как игла, шпаги Тсаргола, зазубренные тесаки прибрежных городов, тупые канворы Чаша, и даже заканчивающиеся шишаками тангипалки, которыми пользовались дикие племена джунглей Ковии.

Тут собрались представители разных национальностей Лемурии. Большую часть составляли темнокожие черноволосые тарданцы, но Чарн Товис увидел и стройных уроженцев Кадорны с золотистой кожей и янтарными глазами и даже огромного синекожего кочевника с далеких равнин Востока. Незнакомцы носили золотые кольца, в ушах у них сверкали украшения. Лица были отмечены шрамами и даже клеймами, выдававшими преступное прошлое. Немногие носили бороды, что было вообще редкостью среди тарданцев — соплеменников Чарна Товиса. Тут собралась грубая и разношерстная команда, одетая в пестрые варварские одежды, но они казались довольно дружелюбно настроенными и разглядывали Чарна Товиса и Тарта с любопытством и без враждебности.

Один из них опустился на колени с кружкой дымящейся жидкости и мускулистой рукой обнял за плечи Чарна Товиса.

— Ну-ка, выпей, тебе будет лучше, — сказал он хриплым голосом.

Молодой воин признательно кивнул и глотнул дымящегося напитка — он напоминал горячий мясной бульон с добавлением бренди. Для Чарна Товиса угощение имело невыразимо приятный вкус, особенно если учесть, что в течение последних трех часов он вдоволь нахлебался соленой морской водой. Теперь же он медленно пил, ощущая, как тело наполняется теплом.

Когда летающий дракон атаковал воллер, Чарн Товис схватил Тарта и выпрыгнул из кабины. На нем был «небесный пояс», и хотя энергетический кристалл уже не действовал, урилиумное покрытие обладало достаточной подъемной силой, чтобы уменьшить скорость падения.

Беглецы медленно спускались вниз, но скорость их движения все-таки постепенно нарастала, и удар о воду залива оказался достаточно ощутимым. Они ушли глубоко под воду, и Тарт потерял сознание. Увидев, что мальчик остался под водой, Чарн Товис нырнул (он был неплохой пловец и ныряльщик) и теперь уже показался на поверхности вместе с князем. Он старался держать ребенка так, чтобы лицо ему не захлестывали волны, и князь скоро пришел в себя.

Чарну Товису хорошо были видны патрульные воллеры. Когда напали драконы, преследователи находились слишком высоко и не смогли прийти на помощь. Не могли они и разглядеть беглецов среди обломков корабля, разрушенного летающим чудовищем. Чарн Товис понял, что пилоты воллеров не сомневаются в их гибели, так как, сделав прощальный круг, воздушные корабли взяли курс на Патангу. Последняя надежда на спасение пропала. Вокруг на многие мили простиралось море. Им никогда не удастся добраться до земли. Что за странная ирония судьбы — спастись от драконов, не погибнуть при падении с корабля... и утонуть в заливе! Если не случится чуда, они обречены...

Но чудо произошло. Через несколько часов изнурительного морского купания, когда силы Товиса были на пределе и он почти потерял сознание, их заметили с пиратского судна «Ятаган». Тот самый мускулистый, с бронзовым загаром пират, который дал Чарну Товису выпить бульона, был Тангмаром. Именно он прыгнул в воду, чтобы спасти беглецов.

Тангмар был высоченным гигантом из страны, покрытой девственными лесами и находящейся к западу от Тсаргола. Ее населяли дикие племена, постоянно враждовавшие между собой. Сейчас пират стоял перед Товисом — великан семи футов ростом, с мощными мускулами цвета бронзы. Его ярко-золотистая грива волос была заплетена в толстую косу, спускавшуюся вдоль спины. Пират широко улыбнулся, увидев, что Чарн Товис пытается встать, в его странных голубых глазах зажглись дружелюбные огоньки. Чарн Товис никогда раньше не видел человека с голубыми глазами среди жителей Запада. У всех, кто жил там, были темные глаза и черные волосы, а кожа имела характерный коричневый оттенок. Светловолосые голубоглазые люди были вообще редкостью для девяти городов Лемурии.

Никогда раньше не встречал молодой воин и уроженцев Коданга — диких воинов-варваров. Они избегали городов и жили в таинственной стране Красного леса, расположенной на южном побережье Лемурии между Тсарголом и Таракусом. Эти лесные дикари отчаянно не желали следовать обычаям и образу жизни горожан и предпочитали примитивные поселения, обнесенные частоколом, скрытые лесными деревьями. Однако Тангмар, как позже узнал Чарн Товис, в детстве расстался со своим народом. Еще мальчиком он был захвачен пиратами, а потом стал таким же, как и они, выбрав для себя полную опасностей и авантюр жизнь морского волка.

— Ну вот, теперь ты и мальчишка в порядке, — проговорил белокурый гигант, ухмыляясь. — Ну-ка отвечай, что вы делали в заливе, так далеко от земли?

Чарн Товис ответил не сразу. Он понимал, что пираты не симпатизировали ни одному из правителей империи. Они грабили корабли прибрежных городов. Если они узнают, что перед ними джасарк Тарт, они, несомненно, попробуют получить за него приличный выкуп от Далендуса Вула. В результате наследник снова попадет в руки врагов.

Молодой воин оглядел себя. Плащ и сапоги он скинул сразу, как оказался в воде, чтобы легче было держаться на плаву. Тогда же он избавился и от доспехов с урилиумным покрытием, и от ситурлового кристалла, опасаясь, что в воде произойдет короткое замыкание. Теперь в набедренной повязке с намокшим кожаным поясом он выглядел простым рыбаком, и в его одежде не оставалось и намека на то, что он воин из отряда Черных Драконов Патанги. Он перевел взгляд на Тарта. На нем была лишь набедренная повязка. Промокший и испачканный, он совсем не был похож на джасарка.

Чарн Товис уже собирался изложить перед любопытствующей командой пиратов какую-нибудь правдоподобную историю, не раскрывая при этом сведений ни о себе, ни о мальчике, но его опередили сами пираты, которым не терпелось обнаружить собственную, как им казалось, проницательность.

— Это рыбаки, нечего и думать, — проскрипел худой усатый старик, грубое и обветренное лицо которого было испещрено белыми шрамами. На брови его наползал малиновый платок, а пустую глазницу прикрывала черная заплатка.

— На них напáл дракон, и они потеряли лодку, — продолжал старый пират, сверля беглецов своим единственным глазом.

— Ага, старый Дурган знает, что говорит, — кивнул толстяк из Ковии, огромное брюхо которого охватывал широкий кожаный пояс, весь увешанный кинжалами и кортиками. С добродушным выражением на красном, покрытом потом лице смотрел он на Тарта, который, в свою очередь, не сводил глаз с огромного золотого коль-

ца, сверкавшего в мочке уха пирата. — Похоже, мальчишка родом из Зингабала, — пропыхтел толстяк, поджимая губы, — верно, паренек? Говори Блею правду!

Прежде чем Чарн Товис смог что-либо ответить, раздался громоподобный рев:

— Эй, толстобрюхий! Я проведу допрос у себя на палубе. Дурган, приведи-ка их сюда, если они не разучились ходить. Посмотрим, что за рыбу мы вытащили на этот раз... Поторапливайтесь, долговязые!

— Капитан, это рыбаки из Зингабала, — доложил старый Дурган. — Их смыло волной за борт, — добавил он с важным видом знатока.

— Ну что же, поглядим, — прорычал главарь пиратов.

Блей, Дурган и ухмыляющийся Тангмар помогли Чарну Товису и Тарту подняться по крутым деревянным ступенькам на носовую палубу и почтительно отступили перед капитаном.

— Хм, довольно грязная парочка, поджарьте меня с потрохами, если я не прав, — проворчал тот, оглядывая их сверху донизу.

Капитан был человеком-горой — гигантом с широкой грудью и бычьей шеей, с сильными руками и ногами, похожими на корни могучего дерева. Самым удивительным в нем была его огромная борода, закрывавшая половину лица и спускавшаяся почти до пояса, усеянного драгоценностями. Кудрявая, как руно, и ярко-рыжая, как природное золото, она являла поразительный контраст с его сильно загорелым, бронзовым лицом. Малиново-золотистый платок был надвинут на самые брови. В этот день на капитане были штаны бутылочно-зеленого цвета и огромные ботинки из черной кожи. Большая кривая сабля болталась на боку пирата, повешенная на перевязь. У капитана была волосатая грудь. Стоя на палубе в ярком свете дня, он напоминал огромного медведя со светлой шерстью.

— Кто вытащил их из воды, ты, Тангмар? — прорычал он могучим басом, который, казалось, исходил из глубин его большого живота.

Гигант с готовностью кивнул.

— Ну что ж, если в следующий раз ты бросишься спасать таких же костлявых неудачников, «Ятаган» тебя дожидаться не будет. Посмотри-ка на них — кожа да кости, а мяса так мало, что ими даже рыбу не накормить. Чтобы привести их в нормальное состояние, мы затратим больше, чем выручим, их продав. — Капитан был явно не в восторге от такого «улова». Он уставился на Чарна Товиса своими серыми, холодными, как сталь, глазами. — Если ты думаешь, парень, что я поверну корабль и отвезу тебя обратно в Зингабал, ты ошибаешься. Меня зовут Барим из Белнарта. Некоторые зовут меня Рыжая Борода. Только сегодня утром мы захватили купеческую галеру из Зингабала, разграбили ее до последней доски и утопили. Вряд ли зингабальцы отнеслись бы по-доброму к Бариму Рыжей Бороде, если бы он оказался так глуп, что отвез бы вас туда. Нас бы тут же вздернули. Что ты на это скажешь?

Чарн Товис заставил себя улыбнуться.

— Капитан Рыжая Борода, меня зовут Чарн, а это — Тарн, мой брат, — сказал он, изменяя имя джасарка. — Мы очень благодарны вам за вашу доброту, за то, что вы спасли нас. Могу ли я спросить вас, что вы собираетесь с нами делать?

Услышав такие слова, капитан немного сбавил тон и заговорил более приветливо:

— Сейчас мы должны вернуться в свой порт, нигде не задерживаясь, и вы отправитесь вместе с нами — хотите вы этого или нет. Мы выделим вам койки и накормим — малышу надо нарастить мясо на костях, выпустите мне кишки, если я не прав!

Тарту не понравилось такое покровительство. Движением руки он коснулся пояса, где всегда висел его маленький меч, — но тот безвозвратно исчез в водах залива.

— Я проучу тебя, — взорвался юный князь, но тут же сдержался, так как Чарн Товис крепко сжал его голое плечо. Воин кашлянул.

— Мой брат Тарн немного не в себе, капитан Рыжая Борода. Мы пробыли в воде несколько часов до того, как появился ваш корабль.

— Все нормально, мне нравятся парни с характером, — рассмеялся Барим Рыжая Борода. — Ну, раз вы моряки, вы знаете, что делать на корабле. Будете драить палубы, чинить снасти, такелаж и оснастку — вот и оплатите ваше содержание. Отведи их вниз, Дурган, пусть набьют свои пустые желудки и немного отдохнут. А теперь поднимем паруса и — домой. И больше никаких задержек, или половина флота Зингабала окажется у нас на хвосте!

Помощник капитана — плотный, черноусый, отвратительного вида человечек, рыча, стал отдавать команды. Пираты вскарабкались на реи, паруса с шумом развернулись, наполняясь утренним бризом. «Ятаган», набирая скорость, заскользил по волнам.

Спускаясь вниз, в каюту, Чарн Товис бросил последний отчаянный взгляд на открытое море и утреннее небо. Никогда раньше не сталкивался он с выражением «из огня да в полымя», но сейчас с ними как раз такое и случилось. Проявив смелость и сообразительность, он вырвал джасарка из предательских рук Далендуса Вула, и все это лишь для того, чтобы оказаться у ужасных пиратов Таракуса.

Глава 12
НОЖ В СПИНУ

Луна... Прилива полоса...
И нас зовет обычай —
наполнить ветром паруса
и — в море, за добычей!

Морская песня пиратов Таракуса

Пираты Таракуса были настоящим бедствием Яхензеб-Чуна, Южного моря, и ужасом для всего побережья. Однако они нечасто заходили так далеко в залив

Патанги. Чарну Товису и князю Тарту повезло, что Барим Рыжая Борода появился здесь, — иначе они утонули бы в соленых водах залива. С другой стороны, они оказались пленниками жестоких головорезов, не уважавших ни закон, ни царя, ни самих богов.

В первые дни после их спасения Чарн Товис, или Чарн из Зингабала, как его теперь звали, привыкал к нелегкой морской жизни и учился у пиратов. Однако больших симпатий морские разбойники не вызывали. Команда корабля представляла собой грубое и неопрятное сборище матросов. Грязные ругательства постоянно срывались с их языка. Но железная рука Барима Рыжей Бороды умело сдерживала бандитов, заставляла работать, справедливо судила за проступки, прерывала их частые споры и удерживала от чрезмерного пьянства, любимого времяпрепровождения. Главарь пиратов мог одолеть любого из своей команды, даже таких, как Тангмар - светловолосый гигант из Коданга или девятифутовый синекожий кочевник Рогир. Все боялись и уважали его, и Чарн Товис сразу понял, что капитан «Ятагана» необычный человек.

Молодому воину из княжеского окружения и джасарку нелегко было привыкнуть к своей новой и такой странной жизни. В первое же утро, как только они остались одни, Чарн Товис предупредил Тарта, чтобы тот следил за своими словами. Мальчику нужно было забыть о том, что он князь Патанги. Ни своими речами, ни поведением он не должен выдать себя. Для окружающих — он просто Тарн, юный рыбак из Зингабала.

Пираты относились к спасенным по-дружески. Но Чарн Товис и князь должны были очень много работать, и поскольку не были знакомы с морским делом, их неуклюжесть бросалась в глаза. Один из пиратов с особым удовольствием отпускал свои насмешки. Звали его Готар. Родом из Турдиса, злобный и неуправляемый, этот грубый негодяй часто затевал скандалы. В одном из морских сражений он потерял правую руку, но оставшейся культей он действовал очень ловко. На культю была сделана насадка из кожи. В углубление

насадки пират мог вставлять различные предметы, целый набор которых он носил на своем поясе. Иногда он использовал даже стальной крюк или лезвие пилы. Худой, обветренный всеми ветрами старый Дурган и дружелюбный толстяк Блей предупредили Товиса, чтобы он остерегался дикого нрава Готара. Ведь тот был настоящим убийцей, от руки которого в драках и скандалах погибли девять человек. Все они были сражены наповал острым, как лезвие бритвы, крюком из арсенала разбойника.

— Как только увидишь, что Готар берется за крюк, берегись, — предупредил молодого воина Дурган, — это значит, он собирается кого-то убить.

Чарн Товис пообещал остерегаться зловещего Готара и велсл Тарту держаться от страшного однорукого разбойника подальше. Однако это было легко сказать, но не сделать, так как Готар продолжал обидно насмехаться над беглецами. Молодой воин старался, как мог, выдерживая издевательства и грязную ругань, но, когда он увидел, что Готар позволяет себе так же обращаться и с мальчиком, он не выдержал.

Как-то Тарт занимался починкой снасти, а это дело требует большого терпения и ловкости рук. В какой-то момент мальчик запутал нить и испортил уже начатую работу. Это совершенно разъярило Готара. Изрыгая ругательства, он сбил Тарта с ног и уже взмахнул рукой, чтобы ударить его по лицу.

В два прыжка Чарн Товис пересек палубу, словно тисками схватил он Готара за плечо, развернул его к себе и дважды ударил. Первый удар был в живот, прямо под ребра. Второй, направленный снизу вверх, пришелся в челюсть. Голова пирата резко дернулась назад, его подбросило вверх на полдюйма, а затем он глухо ударился о перила.

На палубе все стихло. Толстый Блей вращал белками глаз, и только с языка Дургана сорвалось ругательство. Чарн Товис стоял наготове со сжатыми кулаками. Готар, красный от ярости, медленно поднялся на ноги, вытирая струйку крови, протянувшуюся из

уголка рта. Глаза его пылали от ненависти. Костлявая рука скользнула к поясу, и в ней оказался огромный нож. У Чарна все похолодело внутри, но он продолжал стоять, готовый защищаться даже голыми руками.

Вдруг на злобно рычащую фигуру Готара упала черная тень, и кнут, просвистев, ударил его по лицу. Кровь ручьем полилась из рассеченной кожи. Готар отшатнулся и встретил ледяной взгляд Барима Рыжей Бороды. Хлыст капитана скользнул по палубе, а его серые глаза были холодны, как арктический лед. Готар понял — пощады не будет.

— Я следил за тобой, Готар, — проревел Рыжая Борода. — Теперь послушай-ка меня, ты, мерзкая собака. Если я еще раз увижу или услышу, что ты коснулся своими грязными лапами этого малыша, я вспорю своим кнутом тебе спину, так что ребра будут торчать наружу. Ты понял меня? А теперь отправляйся в в свою конуру, мерзавец! Пошел вон!

Сказав это, капитан презрительно повернулся спиной к Готару, лицо которого побледнело от услышанных оскорблений. Находившиеся на палубе пираты потупили глаза, и лишь Чарн Товис наблюдал за тем, что же произойдет дальше.

Как большая белая клешня, здоровая рука Готара ощупала пояс и выхватила крюк. Прежде чем Чарн успел опомниться, Готар прицепил крюк к культе руки. Сделав большой шаг вперед, он вскинул ее, чтобы всадить острый крюк в широкую спину Барима Рыжей Бороды.

Не раздумывая ни секунды, Чарн Товис бросился на Готара. Казалось, время замедлило свой бег. Товис, схватив руку пирата, попытался отвести ее в сторону. Страшное острие при этом скользнуло по его груди, оставляя ярко-красный след на бронзовом от загара теле. Чарн Товис задохнулся, почувствовав укус холодной стали. Мышцы на его плечах напряглись. Он схватил руку Готара, резко опустил ее вниз и затем отвел назад. Крюк по самую рукоятку вошел пирату в живот. Готар побледнел, губы его дрожали, словно он

пытался что-то сказать, на них показалась кровавая пена. Пират мешком свалился на палубу. Он так и умер с не произнесенным до конца ругательством на губах.

Чарн Товис почувствовал, что слабеет. Кровь хлестала из раны ручьем. Он покачнулся на онемевших ногах, и палуба закружилась у него перед глазами. Сильная рука Барима Рыжей Бороды обняла его за плечи. Капитан помог ему устроиться на куче парусины, а затем своим громовым голосом потребовал, чтобы принесли горячей воды и чистую одежду. Ловко и заботливо, как женщина, капитан промыл рану молодого воина и перевязал ее.

Рана оказалась неглубокой и должна была зажить быстро и без осложнений. Целый день Чарн Товис отдыхал на своей койке, но вскоре поднялся и начал бродить по кораблю. Он заметил, что отношение пиратов к нему и князю Тарту резко изменилось. Команда корабля не считала их больше чужаками — Чарн Товис и Тарт завоевали их дружбу.

Несмотря на свое кровавое ремесло, пираты оказались добрыми людьми. Не имеющие семьи, ведущие грубую, полную смертельной опасности жизнь, они были безгранично преданы капитану и рады выказать свою признательность Чарну Товису, который спас их главаря от предательского удара ножом в спину.

Пока Чарн Товис отдыхал и залечивал рану, используя свежий воздух, соленый морской ветер и пялящее солнце, старый Дурган, толстяк Блей и другие пираты приняли на себя заботу о Тарте и наперебой обучали мальчика взбираться на реи и держать равновесие.

Тангмар еще раньше стал другом Чарна Товиса и Тарта — с того момента, как бросился с борта «Ятагана» в синие воды залива и спас их. Теперь добродушный светловолосый гигант из Красных лесов Коданга обучал Тарта управлять кораблем, держать руль так, чтобы «Ятаган» стремительно двигался вперед, оставляя позади пенящийся след.

Один за другим и остальные члены команды стали проявлять к князю свое дружеское расположение. Кочевник Рогир, мрачноватый молчаливый рмоахал с синей кожей, обычно избегал компании других людей, возможно, из-за своей национальности — он был единственным кочевником с дальнего Востока среди всех пиратов «Ятагана». Но Тарт еще раньше выучил несколько слов диалекта кочевников, узнав их от Шангота, Чунды и других воинов племени джегга, которые служили в личной гвардии Тонгора. И вскоре улыбчивый мальчик стал другом даже неразговорчивого Рогира — Чарн Товис не раз видел, как девятифутовый гигант таскает Тарта на своих плечах.

Даже мрачный, всегда недовольный помощник капитана, плотный черноусый человек по имени Ангар Зенд, был покорен поступком Чарна Товиса и мальчишеской бесшабашностью Тарта. Он благосклонно смотрел на маленького джасарка и позволял пиратам обучать его тому, как действовать наверху, над палубой. Вскоре смышленый и храбрый мальчуган карабкался по канатным лестницам, как бесстрашная обезьянка.

Тарт был очень юн, а в этом возрасте хорошо ко всему приспосабливаются. Мальчик подружился с пиратами, для которых стал чем-то вроде любимого домашнего животного. Они оспаривали друг у друга право учить его тому, как надо сплетать концы каната или менять паруса, как обращаться с абордажной саблей и как определять путь корабля по ветрам и течениям или рассчитывать курс по звездам. Тарт, который никогда в жизни не бывал на большом корабле, наслаждался плаванием. И даже Чарн Товис начал успокаиваться: вряд ли можно было бы найти другое более безопасное укрытие от Далендуса Вула и его охраны, чем здесь, среди пиратов Южного моря.

Светловолосый гигант Тангмар вскоре поведал молодому воину, что у крутого на вид главаря Барима Рыжей Бороды было на самом деле доброе сердце, а

его неистовый темперамент и пронизывающий взгляд по большей степени наиграны. Чарн Товис узнал, что Барим родом с севера. Его родиной были суровые холодные степи за горами Моммара, откуда много лет тому назад пришел Тонгор. Молодой воин думал о том, что произошло бы, если бы капитану открылась вся правда о смерти Тонгора и их бегстве. Возможно, пирату не стоит доверять столь важную тайну. Жадность и беззаконность кровавого ремесла могут заставить его попытаться продать князя его врагам. Или же родство с Тонгором и Тартом окажется сильнее и сделает Барима верным и надежным другом?

Чарн Товис не знал, что ему делать в такой ситуации. Он уже склонялся к тому, чтобы довериться грубоватому на язык, но дружески настроенному капитану и попросить у него помощи, хотя понимал, какую несет ответственность, взяв джесарка на свое попечение. В этом мальчике заключалось будущее Патанги. Чарн Товис оправдает это доверие. Не колеблясь ни минуты, он отдаст жизнь, чтобы защитить князя от любой опасности. Он уже многим пожертвовал ради Тарта — стал беглецом, чье имя было запятнано и осквернено, предателем в глазах тех, кто не знал правды о Далендусе Вуле. Ему придется подождать, сколько потребуется, но он дождется своего часа.

Однако решение нужно было принять как можно скорее, так как Барим Рыжая Борода сказал, что ожидает беглецов по прибытии в пиратский порт Таракус.

Ближе к концу путешествия, Чарн Товис сам спросил об этом, набравшись храбрости. Капитан дернул себя за свои огненные усы и пророкотал:

— Ну, что касается этого, парень, то Закон Красного Братства морских пиратов не оставляет мне никакого выбора, — избегая взгляда Товиса, он продолжал: — Каштар — наш вождь, требует, чтобы каждый пленник, захваченный или спасенный, был продан на рынке на торгах.

Чарн Товис стоял молча, ошеломленный этим известием. Он и раньше опасался прибытия в порт, и

неприятные предчувствия не раз охватывали его. Но действительность оказалась намного ужаснее того, что он мог себе представить.

«Сын Тонгора станет рабом, — подумал он с мрачным отчаянием, — и все это из-за моей неумелости».

— Мне очень жаль, парень, — грубовато проговорил капитан. — Если бы это зависело от меня, я взял бы и тебя, и парнишку в свою команду. Но что я могу поделать — даже в Таракусе правит Закон. Но я помню, что я твой должник, — продолжал пират, — мы с тобой кровно повязаны, и я не был бы порядочным человеком, если бы не расплатился с тобой достойно. Я сделаю вот что. Когда ты и парнишка будете выставлены на торги, я куплю вас обоих. Тогда вы сможете войти в нашу команду. Конечно, этого мало за то, что ты сделал для меня, ведь ты спас мне жизнь.

Чарн кивнул, не решаясь заговорить. Он не был неблагодарным. Он понимал необычную щедрость такого поступка со стороны Рыжей Бороды. Но как сможет он стоять и наблюдать за тем, как сына Тонгора — наследника Патанги продают, как раба на торгах, даже если Тарта покупает его хороший друг? Что же делать, чтобы избежать этого?

Барим Рыжая Борода не мог правильно расценить его молчание. Он дружески толкнул Товиса в плечо, потом быстро зашагал по палубе, чтобы разобраться с пиратом, который, работая на вантах, допустил ошибку.

Чарн Товис задумчиво бродил по кораблю. На глаза ему попался Тарт. Черную гриву волос покрывала красная вязаная шапочка, яркий пояс ловко охватывал стройную талию юноши. Скрестив ноги, мальчик восседал на бочке, наблюдая за тем, как пираты танцуют грубый матросский танец, и подпевал своим детским голосом хору ревущих голосов, исполнявшему бесстыдную песню.

Чарн облокотился о перила и посмотрел на бегущие волны. Белые чайки, пронзительно крича, кружили над кораблем. Синие воды впитывали яркий солнеч-

ный свет и искрились десятками тысяч танцующих отблесков.

На закате «Ятаган» войдет в гавань Таракуса.

Молодой чантар прилагал все усилия, что отыскать путь к спасению. Но как он ни пытался, ему не удалось найти никакого решения проблемы. С каждым часом беглецы уплывали все дальше от мирных городов северной части залива. С каждым часом они приближались к загонам для рабов пиратской столицы — Таракуса.

Чарн Товис ничего не мог предотвратить. Но не нужно опускать руки. Надо найти способ, чтобы помочь мальчику бежать.

Нос корабля с резным драконом разрезал соленые морские воды. Подхваченный легким бризом, «Ятаган» на всех парусах держал курс на юг — к Таракусу.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ТОНГОР СРЕДИ БОГОВ

Итак, Неизвестный создал девятнадцать богов: Горма — отца звезд и великого Трифондуса, Эдира — бога солнца и Тиендру — богиню удачи, Диомалу — богиню урожая и Иллану — богиню луны, Карчонда — бога войны, Дирма — бога бури, свирепого Авангру и Ирионе и Йондола — бога Песен, Аслака — кузнеца, Пнота — бога Вечности и Алтазона — посланника божественного духа, Нергондила и Аарзота — бога ветра, Шастадиона — бога моря, Зат-Ломара и умного Балкира. В их руки он вложил силу природы и законы мироздания... и... мир был создан.

Летописи Лемурии, книга первая, глава II

Глава 13

БОГ ЗВЕЗДНОЙ МУДРОСТИ

Как далеко вела дорога...
Он все был вынести готов,
чтоб наконец увидеть бога
В туманной шапке облаков.

Сага о Тонгоре, XVIII

С высоты на Тонгора смотрело таинственное гигантское лицо. Всепоглощающий благоговейный страх заполнил сердце валькара, и он замер у подножия горного трона, глядя на необъятную нависающую над ним фигуру.

Лицо бога напоминало человеческое, но носило печать сверхъестественного величия и неземной духовной красоты. В нем ощущалась сила, непобедимая воля и огромная мудрость, выходящая за пределы понимания простых смертных.

Туманный водопад бороды струился по неясно очерченной громадной груди. Острые и яркие, как огромные звезды, глаза сверкали из-под едва различимого капюшона. Могучая рука прижимала к груди огромную книгу, закрытую семью печатями. Это была сказочная Книга миллионолетий. Тонгор понял, что перед ним бог Звездной Мудрости и Вечности — Пнот.

Бог Вечности, глядя вниз на Тонгора, обратился к нему с вопросом, и его глубокий голос был похож на раскаты далекого грома.

— Что ты, воин из племени валькаров, делаешь здесь, в Царстве Теней?

Тонгор откинул назад свои густые черные волосы и поднял лучевой меч в салюте, с каким люди обращаются лишь к самым могущественным царям.

— Я считаюсь умершим, о устрашающий бог Вечности, и моя тень отправлена бродить здесь с какой-то неведомой целью.

— Ты считаешь себя мертвым, — повторил бог Вечности его слова. — Разве ты ничему не научился, попадая в различные ситуации во время странствия по этой стране?

Тонгор почувствовал недоумение. Он не знал, как отвечать.

— Господь, я узнал, что не все бывает таким, как кажется, и что внешняя видимость еще не говорит об истинности явления в этом странном Царстве Теней, — наконец сказал он. Фигура титана медленно кивнула в знак согласия и продолжала смотреть на Тонгора задумчивыми глазами.

— Тогда подумай, как тебе ответить, если действительность не соответствует внешнему проявлению, — продолжало божество. — Как ты можешь знать, что действительно находишься здесь и что все, что ты видишь вокруг себя, не часть какого-то сна? Что же касается смерти, то что ты знаешь о жизни, чтобы говорить так уверенно?

И опять Тонгор не знал, что ответить. Он чувствовал свою ничтожность перед глубокой мудростью бога Вечности, восседавшего на горном троне. Размеренным протяжным голосом бог Пнот продолжал:

— Существует десять тысяч состояний бытия, и различие между ними бывает не более толщины волоска. Ты и твой род по своему незнанию и глупости все оттенки этих разновидностей существования определяете всего двумя терминами. Один из них вы называете

«жизнь». Но вы и сами не понимаете смысла этого определения. Другое состояние вы называете «смерть». И тут тоже непонятно, что вы имеете в виду. Для вас все, что не живет во плоти, означает смерть, а все, что живет во плоти, означает жизнь. Однако состояние бытия — это нечто большее, чем эти два определения, смертный, — значительно большее, чем ты можешь себе представить. Словно ты все светлые оттенки цветов назвал белыми, а все более темные — черными. Поэтому самую большую глупость ты совершаешь, когда судишь о тех вещах, о которых не имеешь представления.

Валькар нахмурился. Человек, привыкший действовать, а не рассуждать, он никогда раньше не интересовался философскими абстракциями. Но сейчас он старался уловить хоть какой-то смысл в странных словах Пнота.

— Может быть, могущественный бог Вечности имеет в виду то, что, если мне кажется, что я нахожусь в Царстве Теней, это еще не значит, что я действительно умер? — спросил он.

На лице бога появилась улыбка. Бог Пнот важно кивнул в знак согласия.

— Если это так, то почему я здесь и как попал я в Царство Теней?

— Не спрашивай меня о том, как ты оказался здесь, а задай эти вопросы богу богов — Горму, Отцу Звезд, поскольку только он это знает.

При упоминании о Горме в сознании Тонгора опять всплыл тот же вопрос, которым он задавался несколько часов или веков тому назад при разговоре с Привратником у Ворот Теней. Именно тогда его на какой-то момент заинтересовало, были ли верными все сказания Алой Эдды. Ему всегда говорили о Девятнадцати богах, наблюдающих за миром, и о том, что крылатые богини Войны после смерти возносят дух доблестных героев на небеса в сияющую Страну Героев, где властвует сам Отец Горм — Творец Земли и Создатель Звезд.

Но с Тонгором этого не случилось. Была ли во всем этом какая-то тайна, скрытый смысл, которой северянин

должен был разгадать? Нужно ли спросить об этом у Пнота или же он должен подумать над этим вопросом и прийти самостоятельно к собственному выводу?

Голос Пнота опять зазвучал над его головой:

— Мне известны твои мысли, валькар, и те вопросы, которые теснятся в твоей груди. Ну что же, давай я подниму тебя к своему трону и покажу тебе путь, по которому ты должен будешь пройти.

Рука из тумана онустилась вниз с горных высот к обнаженной фигуре Тонгора. В следующий миг Тонгор почувствовал, что его подняли вверх. Ветер раздувал и спутывал его грубые нестриженые волосы, откидывая их за спину, как черное развевающееся знамя. Земля оказалась далеко внизу, и у воина закружилась голова. Могучая рука бога так быстро подняла его на самый верх отвесных скал, что сознание валькара на какое-то время помутилось.

Вскоре он пришел в себя. Он стоял на гребне горы, которая вместе с другими образовывала гигантский трон Пнота. Этот пик высоко подымался над плоским и пустынным пространством Царства Теней. С этой высоты та половина мира, по которой он странствовал, казалась очень маленькой. Он мог проследить почти весь свой путь по безжизненной пустыне — от Ворот Царства Теней до Горного трона. Сверху едва можно было разглядеть туманную пелену, окутывавшую удивительное Царство Теней, и странную, казавшуюся бесконечной дорогу, по которой он шел. Тонгор огляделся и с удивлением обнаружил, что Пнот исчез.

«Странно, очень странно, — подумал он с недоумением, — все в этой проклятой стране — загадка».

Темные небеса над ним сверкали звездами. Это не были звезды земного неба, Тонгор отлично это понимал. Еще в детстве отец учил его определять направление по созвездиям. Но те звезды, что он увидел здесь, образовывали совершенно фантастические, неизвестные ему созвездия.

Дальше, над Царством Теней, виднелось то, что должно было бы быть Страной Героев. Подобно

сияющему островку света над Вселенной выделялся сверкающий золотом остров. Он находился выше тех нескольких слабо мерцающих звезд, которые пытались осветить странные небеса, лежащие за пределами того мира, который знал Тонгор.

Туда, как говорили легенды, уходили души воинов-героев, навсегда связанных с войнами и приключениями. Они уходили за пределы Царства Теней, где обретали вечный покой души обыкновенных людей. Там, в небесах, на сияющем золотом острове было и его место — Тонгора. Почему же он находился в Царстве Теней? Могли ли боги ошибиться? Или в поисках Тонгора был какой-то смысл?

Склонив голову, валькар напряженно размышлял. Подобно неясным призракам, перед ним вставало множество вопросов, но ему казалось, что ни один из них не является главным, требующим немедленного ответа.

Взгляд Тонгора упал на золотую рукоятку лучевого меча. И вдруг он осознал ту реальность, которую скрывало это символическое Царство Теней. Неожиданно перед ним встал вопрос, определивший суть этой загадки.

Вопрос был такой: зачем он взял меч?

Действительно, почему боги захотели, чтобы он взял его? Ведь Тонгор уже понял, что в этом загадочном царстве все происходящее имело определенный смысл.

Он вспомнил все события, произошедшие с ним с тех пор, как он переступил Ворота Царства Теней. Тонгор обнаружил меч и взял его. Очевидно, меч был спрятан в кристалл с единственной целью — чтобы Тонгор обратил на него внимание. Но после того как валькар взял его, меч ему ни разу не понадобился.

За исключением того случая, когда чудовище встало на его пути... вспомнил Тонгор. Но нет, оказалось ведь, что на самом деле чудовище не существовало. Это была тень его собственного страха, и когда Тонгор с ним справился, он одолел и чудовище.

Но ведь он убил чудовище этим оружием! В решающий момент меч ожил, превратившись в сноп слепящего

света, который уничтожил и распылил черный призрак его страха. Происходило ли это на самом деле? Может быть... может быть, проявление храбрости уничтожило призрачное чудовище? А сам меч был всего лишь символом его храбрости?

Разгадка заключалась в природе самого меча. В действительности это был вовсе и не меч, а лишь его рукоять. Меч обретал свою законченную форму лишь тогда, когда у Тонгора появлялась смелость и решимость противостоять тем препятствиям, которые, как казалось, окружают его.

Валькар пытался понять, открылась ли ему наконец вся истина или лишь ее часть. Опасности в этом Царстве Теней оказались иллюзорными. Стена льда и река огня были лишь обманом восприятия, и он преодолел эти преграды, как только решился это сделать.

Казалось, что все эти рассуждения логичны. Но какую пользу можно из этого извлечь? Вновь, нахмурив брови, глубоко задумался Тонгор. Он долго молча размышлял, стоя на высокой горной вершине в сиянии призрачных далеких звезд.

Вдруг в золотистых глазах Тонгора мелькнула догадка. Может быть, приобретенный в этом загадочном Царстве Теней опыт подскажет ему о чем-то, что происходит в том мире, который остался позади него, — в Царстве Живых? Может, и в реальном мире нет непреодолимых преград? Логическая цепь прослеживалась довольно четко. Поскольку в Царстве Теней все было лишь подобием реальных земных вещей, возможно, происходящее в этом Царстве соответствовало сути происходящего на земле.

Однако в реальной жизни все обстояло немного сложнее. Чудовищный дракон, обитавший в Лемурии с первобытных времен, и непроходимые удушливые джунгли не были иллюзией. Они — реальны. Воин мог быть невероятно храбрым, и все-таки враг, превосходящий его силами, мог уничтожить его.

Что же тогда должен означать опыт Тонгора, приобретенный в Царстве Теней? Смысл происходящего

по-прежнему ускользал от воина. Пожав плечами, Тонгор выпрямился, и тут к нему пришло решение. Может быть, он поступает глупо, но...

Тонгор подошел к краю бездны и... бросил в нее волшебный меч!

Тот, сверкнув, пронесся сквозь пространство и исчез во мраке. Тонгор лишился своего единственного оружия.

Он стоял, скрестив на груди мускулистые руки, ожидая неизвестно чего. Он понял истину, скрывавшуюся за символами, и отбросил символы, зная, что они ему уже больше не нужны. При встрече с любым врагом достаточно проявить мужество и решимость.

Приняв такое решение, валькар отказался от своего единственного средства защиты. Он сделал выбор пред ликами самих богов! Теперь Тонгор ждал какого-либо знака или предзнаменования, подтверждавшего, что он поступил именно так, как ожидали боги.

Ему не пришлось долго ждать, хотя то, что он увидел, оказалось далеко не тем, что должно было случиться.

Тонгор стоял на горной вершине, и вдруг его накрыла какая-то тень. Он взглянул наверх — фантастическое крылатое существо спускалось вниз, с туманных небес.

Оно явилось за ним.

Глава 14
ДАЛЬШЕ ЗВЕЗД

Меч брошен в бездну... Яркий свет
блеснул во тьме, и — снова мрак...
О Боги! Правильно иль нет
я поступил? Подайте знак!

Сага о Тонгоре, XVIII

Тонгор отскочил в сторону, как загнанный зверь. Из его груди вырвался угрожающий звук, напоминающий глухое рычание. Летящее существо неожиданно

расправило свои яркие крылья и оказалось рядом с гребнем горного трона.

Теперь стало ясно, что это — не животное. Ростом в два или три раза выше человека, существо излучало мерцающий свет, такой яркий, что валькару пришлось прикрыть глаза рукой. Прошло некоторое время, прежде чем он смог снова взглянуть на фантастическую фигуру на обдуваемом ветрами горном пике. Она была окружена фантастическим сиянием.

Постепенно золотистое свечение стало ослабевать, и теперь Тонгор смог разглядеть странное создание. С чувством благоговейного страха смотрел он на этого пришельца, наделенного сверхчеловеческой красотой. Поражало гордое, вечно юное, ястребиное лицо, серьезное и в то же время открытое, с шелковистой гривой волос, развевающейся на ветру. Величественный, пропорционально сложенный мужчина был обнажен, но талию его окутывала полоса яркого света. Из плеч, спины, бедер и бровей росли девять больших крыльев, а глаза, смотревшие на Тонгора, сияли, как два солнца.

Тонгор понял, что перед ним Алтазон — Вестник богов. Он видел мраморное изображение этой прекрасной девятикрылой фигуры в храмах и читал о посланнике богов в Алой Эдде, где собраны священные и пророческие сказания Лемурии.

Алтазон улыбнулся и обратился к Тонгору голосом, похожим на шум сильного ветра:

— Баларба, воин Запада! Отец богов отправил меня в Царство Теней, чтобы привести твой дух на суд перед Троном Тронов.

Тонгор с серьезным выражением лица выслушал приветствие посланника богов. Он понял, что его решение бросить меч было правильным.

— Я готов, — ответил он.

— Тогда отправляемся в путь, герой Патанги, так как Отец Звезд ждет тебя в своих величественных чертогах.

Последовавший вслед за этим полет представлял собой невероятное, фантастическое путешествие по

заполненной звездами расширяющейся Вселенной. Прекрасный посланник богов поднял Тонгора с горной вершины, и они устремились вверх, а Царство Мертвых осталось далеко внизу. Они летели, рассекая пространство. Вокруг них бушевали свирепые вихри. Со всех сторон надвинулась тьма — та беспредельная ночь, которая заполняет зияющую бездну между сверкающими звездами и которую человек никогда не видел и не увидит до тех пор, пока космические корабли будущего не оторвутся от поверхности планеты и не завоюют все окружающее их пространство.

Вскоре Тонгор почувствовал, что вихри стали стихать, но ощущение гигантской скорости мешало ему реально воспринимать все происходящее. Ему стало ясно, что скорость, с которой они летели, находится за пределами человеческого понимания. Валькар понимал, что огромный мир, где он путешествовал до встречи с посланником богов, сократился до размеров горошины и затерялся в пустынной безмерности звездного пространства.

Волшебные крылья бились около него, черная грива волос Тонгора развевалась, как плащ, но валькар чувствовал, что все еще занят подбором аналогий. Его отделившийся от тела дух блуждал в поисках того, что находится за пределами восприятия, и разум Тонгора не мог принять реальность происходящего и, следовательно, воссоздать необходимые сигналы, какие нервы подают в разум человека. Тонгор понимал, что посланник богов, несущий его сквозь межзвездное пространство, не был обыкновенным летающим существом и что его сверкающие крылья на самом деле не борются с вихрями и не вздымаются, отталкиваясь от воздуха. Но как еще можно воспринимать полет, если не с помощью каких-либо знакомых средств передвижения?

Теперь Вселенная раскинулась перед ним, подобно сокровищам тысяч императоров. Звезды напоминали сверкающие драгоценные камни, рассыпанные на черном бархате пустоты. Тут было намного больше звезд,

чем видел Тонгор раньше. Они сверкали в небесах, удивляя северянина многообразием цветов.

Многие из них были голубовато-белые, подобно искрящимся алмазам, другие — желтоватыми топазами, как глаза львов, травянисто-зеленые, как изумруды, или ярко-красные, как пурпурные рубины. Гроздья звезд самых разных оттенков сверкали вокруг, проносясь мимо и исчезая в бесконечном пространстве.

Теперь, когда они поднимались с немыслимой скоростью все выше и выше, Тонгор разглядел, что звезды образуют витые спирали сверкающего великолепия. Тонгор жил за много веков до появления такой науки, как астрофизика, и ничего не знал о галактиках, но теперь он с любопытством смотрел на огромную светлую полосу, которую ныне мы называем Млечный Путь.

Солнца пылали, как огнедышащие жаровни, увеличиваясь по мере приближения к ним и уменьшаясь по мере удаления. Длиннохвостые кометы, призрачно сияя, проносились мимо путешественников. Казалось, что это божественная рука нанесла мазок жидким светом по беспредельному темному полотну.

Быстро проносились планеты. Некоторые были покрыты мертвыми оболочками из замерзших газов. Другие представляли собой колдовские океаны — миры, населенные хищными драконами. Были и планеты, целиком покрытые лесом, где высоченные шеренги деревьев-великанов выстроились сплошной стеной от полюса до полюса. Некоторые же планеты были безжизненными пустынями, где лишь ветер носился над пологими дюнами бесконечного красного песка. Однако Тонгору порой удавалось заметить и возделанные, зеленые миры, очень похожие на его собственный. Там человекоподобные или иные существа вели мирную жизнь в прекрасных городах или сражались в опустошительных войнах, превращавших в руины целые страны.

Позади путешественников галактика сузилась до маленькой полоски света. Но на смену ей приходили новые галактики, с их неисчислимыми горячими звез-

дами и холодными мирами. Тысячи и миллионы галактик проносились мимо путников, как бесчисленные капельки бесконечного потока мироздания. А Тонгор и его спутник все летели и летели сквозь фантастические просторы космической ночи.

Через некоторое время Тонгор почувствовал, что они пересекли некую невидимую границу. Окружавшая их темнота наполнилась слабым сиянием, которое не было светом биллионов звезд, заполнявших бесконечность.

Они вышли за пределы звездного поля, и теперь Тонгор видел то, с чем не соприкасался ни один из живых людей. Никто еще не приходил сюда с тем, чтобы потом вернуться и рассказать об увиденном.

Небо над Тонгором выгнулось дугой, и его заполнила дымка призрачных оттенков. Это были движущиеся цветные клубы света, совершенно не похожие на тот, который известен людям в материальном мире. Тонгор оказался за пределами самой Вселенной в Царстве Абстрактной Мысли. Перед ним возникла Страна Сияния и Славы — Царство Героев, которую показал Тонгору бог Пнот и куда направлялись души храбрецов воинов.

Глазам Тонгора предстали золотистые поля и покрытые бархатистыми травами луга, прозрачные реки и леса со сказочными птицами и чудовищами, неизвестными земной мифологии.

В этой Стране Сияния и Славы герои оставались вечно молодыми. Их силы никогда не иссякали. Они или странствовали в поисках того, что невозможно себе представить, сражались со сказочными чудовищами, неизменно выходя победителями, или же проводили время в застольях и пирах, и пресыщение было им неведомо.

Тонгор знал, что где-то там, среди густых лесов и сияющих золотом полей, находятся его дед Валгот, его могущественный отец Тамитар и храбрые его братья, друзья юности. В Царстве Героев пребывают и другие

смелые воины — Вальк Черный Ястреб, с которого началось племя Тонгора, герои Немедиса и первого царства людей, те доблестные победители Князей, Драконов с крайнего севера — герои тысячелетней войны, Джейдор и Корбан, Диомбар-Певец, Коннар и Игрим и все великие сыновья Фондата Перворожденного, которых Горм создал из земной пыли в те дни, когда мир только возник.

Тонгор знал, что и он займет свое место среди героев, чтобы навсегда остаться в этой стране.

Посредине этого чудесного Рая возвышалось огромное сооружение, окруженное волшебным светом. Алтазон и Тонгор направились к нему. Когда они подлетели ближе, Тонгор понял, что перед ним Дворец богов, и его охватил такой благоговейный трепет, что он не мог произнести ни слова.

Миновав лес шелестящих темно-золотистых деревьев, Алтазон мягко, как падающий лист, опустился на холм, поднимавшийся в тихой долине. Теперь она лежала перед ними, напоминая красивую ткань, усыпанную цветами неземной красоты.

Здесь посланец богов попрощался с Тонгором и удалился, шумя своими блестящими крыльями.

Тонгор, оставшись в одиночестве, уставился на дворец.

Разум смертного не мог воспринять его красоту и найти какую-либо аналогию для сравнения. Так Тонгор и стоял перед высокими до небес башнями, великолепие которых невозможно описать. Эта красота напоминала застывшую музыку, полную совершенства эпическую песню или сотканное из молний полотно.

Наконец по пологому склону холма валькар направился к этому чудесному дворцу. Он шел по благоухающим травам, среди которых росли невиданные цветы. Перед ним встали зубчатые стены, сверкающие золотистым сумеречным светом, за которыми раздавалось мелодичное пение вечно живых птиц.

Глава 15
БОГ ТРЕХ ИСТИН

Неси, крылатый Алтазон,
его из Царства Мертвых прочь...
Туда, где день забыт, как сон,
где не идет на смену ночь.
За тыщи лет, за тыщи верст,
где ни друзей и ни врагов...
где над мирами выше звезд —
чертоги пышные богов!

Сага о Тонгоре, XVIII

Пол под ногами Тонгора был похож на море стекла. Черный, как ночь, он простирался в призрачную бесконечность. Ощущая себя как бы подвешенным в пространстве над Вселенной, посмотрев вниз, валькар увидел, что на сверкающей поверхности кристаллоподобного покрытия точечки света сверкали, как далекие звезды.

Там, где Тонгор ожидал увидеть свет, был таинственный мрак, заполненный тенями, загадочными формами, едва различимыми в темноте. «Может быть, великолепие этого зрелища столь ослепительно, что сокрыто от глаз людей,— подумал Тонгор.— Сияние столь сильное, что кажется темнотой для ошеломленного человека».

Зал, где он находился, был огромен. Горы могли бы укрыться под его дугообразным сводом. Колонны выглядели массивными и уходили в темноту бескрайних высот.

В полумраке в полной тишине застыли какие-то тени. Тонгор направился вперед по сверкающему полу, усеянному ночными звездами, и через какое-то время оказался в самом центре зала.

Были ли это троны? В полумраке он не мог четко различить, но подымавшиеся перед ним тени напоминали именно троны. Они выстроились огромным полукругом и казались... незанятыми.

Один из тронов казался величественнее других. Похоже, что он был высечен из огромного драгоценного

камня, но глаза Тонгора не могли разглядеть ничего определенного в переплетении теней, где формы предметов искажались до неузнаваемости.

И тут он почувствовал, что не один.

На центральном троне, превосходящем размерами остальные, появилась какая-то темная субстанция — темное облако без определенной формы, неясное, едва различимое пятно. Однако внутри облака скрывался разум, огромный и спокойный, не имеющий возраста. Он наблюдал за Тонгором. На гигантском троне восседало столь великолепное создание, что оно казалось Тонгору тусклым.

И тут послышался голос.

Странно, но он не был громоподобным, как голос Пнота. Он не напоминал ревущий свист ветра, как голос Алтазона, а звучал мягко и спокойно, словно один человек разговаривал с другим, стоящим рядом. Это был почти шепот, а Тонгор ожидал услышать гром десяти тысяч труб.

Возможно, что, как и ослепительный свет, который был здесь таким ярким, что воспринимался как мрак, сверхмощный голос звучал очень тихо.

— Что же ты узнал? — спросило существо, восседавшее на троне.

Тонгор выждал, прежде чем отвечать, собираясь с мыслями. Он не сделал никакого приветственного жеста или поклона, поскольку он не мог придумать ничего подходящего для такой ситуации. Валькар просто стоял, как может стоять честный и гордый человек в присутствии того, кто его создал. Тонгор произнес первые слова, и голос его прозвучал твердо и отчетливо.

— Первый урок я вынес из ситуации с мечом, — начал Тонгор. — Я был озадачен, увидев его на своем пути. Я понимал, что этому должно существовать какое-то объяснение, что я должен извлечь какой-то урок. В результате я понял, что меч мне на самом деле не нужен. Способность противостоять страху, побороть его, собрать все свое мужество — вот что необходимо

для победы. Я также научился не презирать страх, потому что, преодолев его, становишься храбрым.

— Это была первая из истин.— Голос звучал спокойно и негромко.

— Но я усомнился в значимости того, что я узнал, — признался Тонгор. — Поскольку все, с чем я встретился в Царстве Теней, было лишь эхом или отражением своих двойников на Земле. Я задумался, как такой опыт можно использовать в том мире, откуда я пришел. Я, как и все люди, знаю, что в моем мире все опасности и враги — реальны, они не исчезают, как бесплотные тени, перед одним только проявлением мужества. Это только в Царстве Теней я мог победить чудовище, поборов собственный страх.

— И к чему же привели тебя подобные размышления?

Тонгор сдвинул брови, пытаясь более четко сформулировать свое умозаключение:

— Я пришел к выводу, что первая истина справедлива даже в отношении реальных и физических опасностей и в моем мире. С точки зрения богов, в действительности неважно, побеждает ли тот, кто храбро встречает опасности. Настоящую победу одерживает не только тот, кто выходит живым из сражения. По мнению богов, такой человек, который смело сражается за правое дело, всегда будет победителем, независимо от того, добивается ли он в конечном счете победы. Другими словами, я понял, что не надо бояться поражения, потому что именно из него иногда и возникает победа.

— Это была вторая истина, и она важнее первой, — опять прозвучал ровный голос.

Услышав это, Тонгор обрадовался. Он прошел две трети пути, оставалось сделать последнюю попытку.

— Научился ли ты чему-нибудь еще? — мягко спросил его Голос.

Тонгор неуверенно покачал головой.

— Те непреложные законы, которые я открыл во время моего пребывания в этом странном мире духов, объединяются, как мне кажется, в логическую после-

довательность. Ничто нельзя воспринимать здесь как само собой разумеющееся. Все, что я видел или с чем сталкивался, являлось лишь отображением и символом реальности. Согласно законам жизни различные состояния лишь следуют друг за другом, но не противопоставляются друг другу. Так храбрость вырастает из страха, а победа может прийти после поражения. Я начинаю думать, что и жизнь проистекает из самой смерти.

Наступило долгое молчание, прежде чем голос вновь зазвучал.

— Это третья истина — самая великая из всех, — приглушенно и мягко сказал бог. — Знай, что ты — единственный из людей, кто искал и нашел объяснение трем истинам. Мы гордимся тобой, Тонгор из валькаров.

Тонгор продолжал хмуриться. Недоставало еще одного звена в цепочке выводов, которые он так медленно и с таким трудом для себя формулировал. Был еще какой-то неизбежный вывод, к которому он почти подошел после открытия трех истин. Ну конечно же...

Тонгор решительно повернулся к трону. Теперь он находился на пороге нового смелого озарения.

— И еще одно, — начал он неуверенно. — Попав в эту таинственную Страну Теней, я постепенно все больше и больше начал понимать его суть. Теперь наконец я знаю правду о нем, и я хочу задать тебе вопрос, бог Жизни.

— Спрашивай что хочешь. — Голос понизился до шепота.

Тонгор перевел дыхание.

— Стоило мне переступить Врата Царства Теней, как у меня появились вопросы. Саги, мифы и сказания всегда учили меня тому, что крылатые богини войны переносят души храбрецов в Страну Героев. Но со мной этого не случилось. Я сам пришел к Вратам как странствующий призрак, сам пытался найти путь к тому месту, где я сейчас нахожусь, — перед твоим троном.

— Ну продолжай же, не бойся, — подбодрил голос.

— Меня не поразил ни меч врага, ни жестокая болезнь. Я еще достаточно молод, — продолжал Тонгор. — Я научился тому, что ничто нельзя воспринимать таким, как оно есть, даже, как мне кажется, простой факт моего присутствия здесь. Это и заставило меня прийти к выводу — я не знаю, как такое может быть, но я — не мертвый.

Темное облако заколебалось. Из него стал вытекать свет. Окружающие предметы после зыбкого дрожания начали становиться прозрачными. Твердый пол под ногами Тонгора превратился в нематериальный. Валькар мог видеть сквозь него, как сквозь тонкую вуаль. Стены, громадные колонны, высокий купол и даже величественные троны, образовавшие гигантский полукруг, превратились в тени.

Тонгор не понимал, что происходит, но он не чувствовал страха. Его собственное тело тоже стало нематериальным, превратившись в некий туман, клочок пара, плывущий над глубинами. Далеко внизу он видел огромную Вселенную с миллиардами звезд. Она стремительно неслась к нему, расширяясь с фантастической скоростью. Звезды мчались, как сверкающие ракеты, — миры и луны проносились мимо, словно пена на поверхности клокочущей реки, — вся бесконечная Вселенная снова открылась Валькару в громоподобном реве и грохоте. И все же сквозь эту резкую какофонию Вселенной Тонгор расслышал тихий, спокойный голос, прошептавший ему еще одну истину. Эта истина была более ошеломляющая, чем все, что он раньше узнал, — несколько слов, которые подтвердили его самые невозможные подозрения и вызвали целый поток вопросов. Он услышал слова, которые зазвенели и отдались эхом в его потрясенном мозгу:

— То, что я скажу, — тоже истина, Тонгор. Ты не мертвый.

Затем он ощутил, что с шумом летит вниз через искрящийся космос, и перед его изумленным взором открылась фантастическая панорама.

Он увидел величественную вселенную, свернутую в виде свитка.

Врата Вечности широко распахнулись, принимая его сверкающий дух.

Он отправился в новое путешествие — путешествие во Времени.

Глава 16
МИЛЛИАРД ДНЕЙ ГРЯДУЩИХ

Неси, Тонгор, и дальше ношу,
через века продолжи путь...
Чтобы узнать, что было в прошлом,
И в то, что будет, заглянуть.

Сага о Тонгоре, XVIII

Тонгор смотрел вниз на мир и видел его таким, каким тот был в самом начале. Огромный диск из газа и холодной пыли вращался на протяжении веков. Окутанный космической пылью, Тонгор наблюдал за тем, как крутящаяся масса медленно собирается в каменные комочки.

Молодое солнце испускало мощные потоки плазмы. Это было не то ласковое золотистое солнце, которое знал Тонгор, а бурлящий первозданный котел вселенского огня. Таким было солнце до того, как появились окружающие его миры.

За шесть миллиардов лет до своего рождения Тонгор наблюдал за тем, как из черной глубины космоса рождается Земля.

Движущиеся по близким орбитам пылинки сталкивались и слипались друг с другом. Возникали рыхлые, пористые образования, не имеющие пока никакой структуры. Эти образования соединялись между собой со все возрастающей скоростью. Так появился зародыш Земли из мертвого инертного камня, бомбардируемый потоками притягиваемой им пыли.

Миллиарды тонн пыли накладывались слоями на центральное сгущение, которое разогревалось и

начинало плавиться от воздействия радиоактивного распада составляющих его элементов. Огненные моря кипели и бурлили в полостях молодой Земли. Спустя тысячелетия они начали вырываться на поверхность через жерла вулканов. Миллионы гейзеров выделяли едкие испарения, создавая первичную атмосферу.

Складки коры молодой планеты вздыбились первыми горными цепями, склоны которых омывались первыми дождевыми потоками. Они бурлили и стекали в низины, образуя быстро разрастающийся единый океан. Проходили тысячелетия, в течение которых яростные волны разрушали, крошили горную породу в мелкую пыль. Кипящие пары, вырывающиеся на поверхность в результате вулканической деятельности, состояли из метана, азота и аммиака. По мере того, как палящие лучи солнца воздействовали на новую атмосферу, обнаженную породу и кипящие моря, в воздухе стал появляться кислород. В кипящем котле газа и расплавленной породы, пронизываемом космическими лучами, нагреваемом солнцем, появились новые элементы и их сочетания. Ядовитые пары атмосферы — метан и аммиак — под воздействием ультрафиолетовых солнечных лучей постепенно превратились в аминокислоты, затем — в белок и наконец в протоплазму.

Так зародилась Жизнь.

Тысячелетия пронеслись над Землей. Зеленые джунгли и душные испаряющиеся болота покрыли ее поверхность. В мутных морях обитали миллионы невиданных существ. Они размножались, сражались друг с другом и умирали в эту раннюю эру.

Жизнь развивалась и побеждала. Огромные доисторические ящероподобные драконы заполонили молодую планету.

Землю сотрясали колоссальные климатические катаклизмы. Пронизывающие ветры несли чудовищный холод, образовывались гигантские ледники. Повергавшаяся таким перепадам температур, жизнь должна была или приспособиться к ним, или погибнуть. Мно-

гие формы жизни исчезли с лица Земли. Но были и такие, которые адаптировались и выжили.

На большом острове у Северного полюса властвовала тропическая жара, пока ось планеты не отклонилась в новое положение. Именно там, где жили хищные доисторические драконы и зародился Разум, и страшные Наргасаркайи — Цари-Драконы стали править миром. Своим холодным жестоким умом рептилий они проникли в самые темные тайны вещества и энергии, пространства и времени и разгадали законы черной магии. Вскоре, вдохновляемые темными силами Хаоса, находящимися за пределами Вселенной, они направили свой утонченный разум на завоевание и властвование, и Черная Империя появилась на полярном континенте.

Но в результате вмешательства богов, постоянно следящих за развитием событий, наступил ледниковый период, и весь север был погребен подо льдами. По вздымавшимся волнам Неизвестного моря Цари-Драконы бежали на юг. Они добрались до зеленых берегов Лемурии, которая поднялась из океана в более ранний период исторического развития. И здесь Черная Империя Царей-Драконов снова вытянула гибкие щупальца власти, желая вечно управлять планетой.

Затем наступило то, что веками позже было описано в первой книге Летописей Лемурии:

«Девятнадцать богов, правивших миром, не могли больше видеть того, во что превратилась Земля под владычеством Царей-Драконов, и они поклялись, что этому наступит конец. Боги начали обсуждать это между собой — там, у себя, над миром, сидя на высоких тронах среди звезд, говоря: „Давайте создадим человека, который сможет одержать верх над детьми Змеи, разрушить цитадели их власти и изгнать их с Земли.“» Все именно так и было сделано.

Так на заре жизни появился Фондат — он был первый рожденный на Земле человек. Он вышел из земли, плоть его была создана из почвы, а кости — из горной породы. Воды моря стали его кровью, а воздух небес дал ему дыхание. И Горм — отец богов и людей зажег

в нем Огонь Жизни. И стал Фондат жить на Земле. Вслед за ним появился его сын Арниак, и он стал отцом Зута, который породил Игрима...»

По мере того, как Тонгор смотрел вниз, он наблюдал за тем, как боги вооружили первых людей и обучили их военному искусству и мирным делам. Огромное эпическое полотно тысячелетней войны развернулось перед ним. Выдающиеся герои первых Царств Человека вели кровавые сражения против немыслимой мощи Царей-Драконов. Они воевали и погибали, иногда покидали поле боя, но потом возвращались и снова сражались.

Проходили столетия, и война неумолимо приближалась к победоносному концу. Мир изменялся, менялся и климат. Полюса Земли замерзли, ось стала проходить через полюса. Закончился век огромных рептилий. Динозавры вымирали, и Царей-Драконов с их волшебной и сверхчеловеческой силой становилось все меньше и меньше. Гигантские грозные драконы были обречены. Часы Вечности продолжали свой бег, и мир вступил в Век Млекопитающих. В мире появлялись самые разные животные, а рептилии погибали. И только здесь, в первобытной Лемурии, выжили последние динозавры, обитающие в душных джунглях и зловонных болотах.

В конечном счете Человек одержал верх, Цари-Драконы были побеждены, и ужасные Наргасаркайи доисторической Лемурии вымерли. О них сохранились упоминания лишь в нескольких отрывках древних мифов, аналогичных легендам и сказаниям Древней Индии, где их смутно вспоминают как Князей-Змей, или Нагусов.

Тонгор наблюдал за тем, как дети Фондата заселяли огромное пространство континента Лемурии — первого дома человечества. Он видел, как были покинуты Семь Городов Востока и как встают и расцветают девять городов Запада.

А вот и он сам появился на Западе. Тонгор увидел свои славные боевые подвиги и победы. И тут он услышал голос своего спутника по путешествию во Времени, который спрашивал его:

— Ты никогда не удивлялся, Тонгор, той невероятной удаче, которая постоянно сопутствовала тебе в годы твоих странствий, приключений и войн? Ты не удивлялся своей непобедимости? Ведь тебе удавалось избежать тысяч преград, из-за которых любой другой человек потерпел бы поражение и погиб. Знай же, что боги всегда следили за тобой и вселяли в тебя мужество и храбрость, мудрость и силу, помогая тебе в самые опасные моменты. Почему же мы все это делали? Чтобы получить ответ на эту загадку, вновь взгляни на тот мир, который ты знаешь. Ты уже увидел историю прошлого, а теперь посмотри на то, что произойдет в еще не наступившем будущем.

Он увидел, как создавалась молодая Империя Запада, как девять вражеских городов один за другим сдавались ему и вставали под его черно-золотистые знамена. Тонгор наблюдал за тем, как началось правление его сына Тарта и какой мудростью оно отличалось. Люди назвали это время Золотым веком.

С большим волнением смотрел Тонгор на свадьбу своего сына Тарта и рождение внука Тандара. Когда продолжительное и полное событий правление Тарта подошло к концу и началось царствование Тандара, он увидел, каким непобедимым стал воздушный флот Запада, покоривший всю Лемурию — пустыни и леса, горы, джунгли и болота. Появлялись новые города, развивались разнообразные науки. Сын Тандара — Шарн, и Валкор, и Тангот, и последующие правители значительно расширили границы Золотой Империи за пределы морей. Тонгор смотрел на еще не родившиеся века далекого будущего и видел, как на берегах неизвестного ему Майяпана, первобытной Шамбаллы и на Крыше Мира — в загадочном Тибете появляются колонии Великой Лемурии.

Он увидел и последние трагические дни, когда Лемурия стала погружаться на дно океана. Она исчезла под грохочущими волнами все побеждающих морей.

Но он увидел и Великое Переселение, когда народы Лемурии отправились по воздуху искать новые земли, чтобы поселиться там, навсегда оставив погружавшийся в море континент. Тонгор стал свидетелем героических сражений своего далекого потомка Вандара, князя Последних Дней, отличавшегося мудростью древних.

Он наблюдал за ростом Атлантиды — острова, находящегося на востоке — на краю мира. Он увидел, как достиг вершины своего могущества император Кайфул, а также эру правления Заилма Нуминоса. Он увидел, как пала Вторая империя перед Телатом — королем-демоном, когда Белый император был изгнан из Города Золотых Врат и отправлен в ссылку. На его глазах пропала Черная Звезда и на Священную Землю опустилась долгая ночь.

Он увидел, как появился Крисарион-Восстановитель и наступили те светлые дни, когда Белый Трон был освобожден от засилия Тьмы, и Звезда была найдена, и империя Адалона достигла своего величия. Он увидел и ее закат — закат Третьей империи. Слава ее исчезла, когда жители Атлантиды отвернулись от богов и стали преклоняться перед темными силами. Он наблюдал за тем, как тянулось правление Форенис — последней императрицы. Он услышал проклятие Земона и увидел, как гибнет в огне Священная Гора. Он наблюдал за тем, как в страшном катаклизме Белый остров был разорван на куски, которые исчезли в водах океана.

Тонгор видел перелет Дакалона и Вары, тех двух, кто остался в живых. Впоследствии греки упоминали об этих двоих, переживших великий потоп, называя их Декалион и Пирра. На глазах Тонгора они прибыли в большую колонию Атлантиды — Саис в дельте Нила на земле Мизраим. При виде их огромного корабля, на котором находились драгоценные книги и приборы, Тонгор обрадовался, что часть священных летописей сохранилась, что не вся древняя мудрость была утеряна.

Наконец Тонгор подошел к тому временному рубежу, когда закончилось длинное повествование о доис-

торическом мире и началась собственно История, связанная с появлением первой письменности.

Он увидел, как строились стены Вавилона. Он наблюдал за подъемом Уры Халдеев, видел, как вел к победам свои легионы Нармер Могучий и как объединились Верхнее и Нижнее царство под Двойной Короной и образовалось египетское царство.

Затем наступившая тьма поглотила картины будущего, и Тонгор понял, что фантастическое путешествие во Времени окончено.

Как только туман Времени скрыл от него грядущее, рядом с ним опять зазвучал тихий голос:

— Ты был избран для великих дел, Тонгор из Валькаров. Века эволюции собрали в тебе все то значительное, что стремились создать боги, — храбрость и дальновидность, мудрость и справедливость. Ты дал начало могучей династии, и сам это видел. Твоя рука привела в движение тяжелое колесо истории. При твоем правлении будет создана Золотая Империя Солнца, и эта империя переживет континент Лемурии. Короли твоего рода будут править городами майи, египтянами на Ниле и жителями великой Атлантиды. Законы, которые ты введешь благодаря своей мудрости, войны, которые ты выиграешь во имя торжества справедливости, науки и искусства, которые будешь развивать, дадут толчок человеческой цивилизации. Твоим традициям станут следовать те правители, что придут тебе на смену. На основе твоих законов будут создаваться империи и цивилизации. Ты стоишь первым у истоков развития человечества. Ты — Первый Герой и первый император.

Память о твоих великих подвигах, пусть и в несколько преображенном виде, будет существовать в веках. Люди назовут тебя Кукулканом и Одином, Гераклом и Зигфридом, Рамой и Прометеем. Полузабытые предания о твоем времени смутно сохранятся в досанскритной Пуранас — мифологических сагах и сказаниях арийских народов, которые появятся в результате миграции

лемурийцев, оставивших свой обреченный континент и нашедших приют на просторах Азии.

Возвращайся же, Тонгор, к прежней жизни! Ты ведь в действительности не мертвый. Ты и не можешь умереть, так как твоя империя создана лишь наполовину, и тебе придется приложить еще немало сил, чтобы завершить свои деяния. Только после этого твой дух великого воина найдет пристанище в Стране Героев, и боги будут приветствовать тебя в стране бессмертных среди Вечной Весны... Возвращайся, Тонгор, и выполни предначертанное тебе! Ведь жив еще Черный Марданакс, и как раз сейчас подлый предатель вынуждает императрицу стать его невестой. В опасности находится и твой сын, в котором заложено будущее человечества. Поднимайся, Тонгор, из могилы — тебя ждет схватка с коварными и сильными врагами.

После этих слов Тонгор почувствовал, что он стремительно падает сквозь хаос густых туманов, вращающихся в ревущем водовороте, иссеченном блеском молний, которые, казалось, могли расщепить и сами звезды. Он опускался все ниже и ниже, пока не достиг каменной гробницы, где покоилось его тело.

Сон (если только это был сон) закончился. Тонгор снова был жив.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

НА ОСТРИЕ МЕЧА

Мягкие скользящие пальцы скрытой, неизвестной, безликой Судьбы, которая властвует даже над всемогущими богами, сплетают вместе нити многочисленных жизней, создавая великий ковер Времени. В этом никогда не заканчивающемся процессе, где все люди — лишь незначительные детали огромного рисунка, никому из нас не дано понять полной картины. Можем мы лишь прочесть конец этой сказки или мы будем стремиться изменить ход событий? Увы, даже Вечные боги не знают финала этой повести.

Алая Эдда

Глава 17

В ГОРОДЕ ПИРАТОВ

Черный флаг — ты стал судьбою.
Судно волны режет носом.
После славного разбоя
мы спешим к родным утесам...

Морская песня пиратов Таракуса

Заходящее солнце окрасило в кроваво-красный цвет штормовые облака. Мрачный голый мыс вытянулся от южного побережья Лемурии в бушующие воды, там, где великий залив Патанги становился частью Яхензеб-Чуна — Южного моря.

Самый дальний край этого голого мыса вздымался крутыми утесами над грохочущими волнами, разбивавшимися белоснежной пеной о длинные гряды мокрых камней. По обе стороны утесов и на их вершинах располагался странный город, красные крыши которого лесенкой спускались к бушующим водам океана.

Таракус — город пиратов, был выстроен как крепость. Высокие квадратные башни поднимались в сиянии заходящего солнца. Мрачные зубчатые стены опоясывали его с трех сторон. Укрывшись в бухтах, образуемых высокими утесами и надежно ими защищаемые, здесь прятались десятки больших кораблей. Каравеллы

и купеческие суда, длинные галеры с драконами на носу и военные корабли с высокой кормой — это был самый опасный флот на всем Западе. Эта армада охраняла империю пиратов от врагов.

«Ятаган» подошел к устью скрытого от глаз залива, туда, где огромные цепи закрывали вход нежелательным визитерам. Сигнальные огни зажглись на носу корабля. В сгущающейся тьме ярко загорелись зеленые, красные и белые огни на вершинах мачт. Бдительные стражи опустили бронзовые цепи, чтобы дать кораблю войти в гавань и встать на якорь у одного из длинных каменных причалов.

Закончился очередной пиратский поход, и «Ятаган» был в безопасности, уютно устроившись в родном порту. Он встал на якорь в гавани города — единственного на всем Западе, где правили находящиеся вне закона изгнанники.

Капитан, команда и пленники отправились на берег в длинной лодке. Чарн Товис и джасарк Тарт вступили в каменный город пиратов.

Солнце зашло. Штормовые тучи сгустились, продолжали свое стремительное движение на запад. На небе появились сияющие ледяным светом звезды.

Пираты и их пленники начали подниматься по большим каменным ступенькам, пока не достигли улиц, вымощенных булыжником.

Укрытый грядой скалистых утесов, город пиратов был освещен раскачивавшимися на ветру уличными фонарями. За грязными окнами таверен слышались грубые голоса, гремели песни. Возвратившиеся после разбойных приключений пираты толпились в винных погребах и постоянно дрались между собой. Этот город, с его буйством и грубостью, являл собой резкий контраст со спокойными и величавыми звездами, светившимися далеко наверху.

Со всех сторон доносились пьяные песни, грубые ругательства, звенело оружие. Люди почти полусотни национальностей скандалили и задирались на узких булыжных мостовых. Кривые сабли сверкали в свете

дымящих факелов, прикрепленных железными скобами к пропитанным солью каменным стенам. Вывески винных лавок раскачивались и скрипели под порывами морского ветра над низкими дубовыми дверьми. Эти вывески были грубо раскрашены пиратскими эмблемами — скрещенными мечами, мрачными черепами, смешными изображениями морских драконов и странных чудовищ.

Прибой гудел у подножия скалистых утесов. Пятна соли проступали на влажных черных скалах и длинных каменных пирсах. Ревущий ледяной морской ветер властвовал на кривых улочках с высокими островерхими домами, с крышами из красной черепицы и высокими узкими окнами.

Более века маленький каменный городок, спрятанный в окруженной утесами бухте, был столицей пиратской империи, которая властвовала в южных морях. Здесь правил не закон, а кровавый договор, называемый Уставом Красного Братства. Других законов в Таракусе не существовало. Здесь, в этой обнесенной стеной крепости, ценилась лишь грубая сила. Здесь ценились крепкий кулак и умение сражаться.

В этот вечер в пиратском порту был праздник. Дубовые двери таверен широко распахнулись, и ревущее пламя факелов играло фантастическими тенями на стенах домов. На огромном очаге готовили жаркое — тушу быка, насаженную на вертел. Капающий с нее сок шипел на каменных очагах. На улицах то и дело вспыхивали ссоры, и клинки сверкали без устали. Дуэлянты сражались насмерть из-за ничтожного оскорбления, а остальные, окружив дерущихся, подбадривали их, находя в этом для себя веселое развлечение. Тут же можно было видеть девиц легкого поведения, увешанных драгоценностями, достойными княгинь. В объятиях мускулистых дружков они тоже принимали участие в уличных скандалах.

О, это была ночь ночей! Почти половина пиратов южных морей собралась сейчас в городе. Их корабли сгрудились у причалов с богатой добычей с сотен

купеческих судов. Освещенный светом далекой холодной луны город превратился в настоящий водоворот бурлящего веселья и необузданных порывов...

Барим Рыжая Борода шел впереди своих пиратов, сметая со своего пути пьяных, останавливаясь, чтобы смачно поцеловать в ярко-красные губы какую-нибудь девицу из кабачка, приветствуя дружков и прикладываясь к очередной кружке пива. Команда «Ятагана» медленно поднималась по крутым ступенькам, соединявшим один ярус города с другим. Чарн Товис был ошеломлен и оглушен всем этим шумом, буйством, песнями, слепящим светом и порывистым ветром, гулявшим по узким, переполненным людьми улицам. Юный Тарт жался к нему, упиваясь фантастическим зрелищем, которое представляли веселящиеся пираты, увешанные оружием и драгоценностями, и их ночные спутницы, наряженные и украшенные, словно королевы варваров. Со всех сторон раздавались грязные ругательства, грубые клятвы и непристойные рассказы — все это сливалось с шумом штормового ветра, продувавшего насквозь узкие улочки.

Над этим городом, кишащим толкающимися, пьяными, спорящими пиратами, над красными крышами и остроконечными фронтонами возвышалась темная приземистая крепость, венчавшая вершину утесов, — почти у самых облаков, выше которых сияли звезды.

Это были, как узнали Чарн Товис и Тарт от старого Дургана, владения Каштара — жестокого, сардонического и коварного Красного Волка морских пиратов, признанного ими царем. Относительно его национальности и происхождения ходили тысячи разных слухов и сплетен, и все же никто не знал правды. Каштар обрел власть над пиратами благодаря своему бесстрашию в бою, глубоким знаниям морского дела и тактики морских сражений, а также благодаря своему хладнокровию, жестокости и дикому коварству. Здесь, в Таракусе, Каштар правил железной рукой, и даже самые необузданные пираты боялись его вкрадчивого голоса и острого языка.

Наконец Барим остановился перед большим постоялым двором, над скрипящими деревянными дверями которого висело изображение светящегося галеона. Внутри в очаге полыхал огонь, и целый вол шипел, поджариваясь, над сверкающими углями. Пираты, выходцы из разных городов, сидели развалясь на длинных низких скамьях у засаленных столов, беспорядочно уставленных бутылками. Увидев Барима, они громогласно приветствовали его, и он, ухмыльнувшись, отвечал им тем же.

Команда «Ятагана» проследовала за своим капитаном, здороваясь со старыми приятелями. Пираты разбрелись, ища свободные места за столами возле очага, а усевшись, тут же требовали вина, жареного мяса и хлеба. Барим очистил место для Чарна Товиса и юного Тарта, сбросив ударом сапога четырех пьяных матросов на грязный каменный пол и смахнув со стола дюжину пустых бутылок одним движением своей мускулистой руки.

— Давайте, парни, садитесь у огонька, прогрейте свои кости — ешьте, пейте, веселитесь — Барим Рыжая Борода платит за все, так что набивайте желудки! — прогудел он с удовольствием. Заметив мрачное выражение лица Чарна Товиса, он усмехнулся: — Догадываюсь, что тебя беспокоит, парень. Но выкинь из головы этот рынок рабов! Об этом станем думать завтра, а сегодня согреемся и повеселимся, набьем полные животы, выпьем добрую кружку пива и хорошо отоспимся — ведь до рассвета еще очень и очень далеко.

Наконец наступило утро. Утренний туман залил улицы города, но небо казалось ярко-синим и нежным на фоне мрачных утесов и каменного замка, прилепившегося к вершине скалы. Белые чайки парили, купаясь в утреннем бризе. Яркие пиратские знамена весело развевались на мачтах судов, на башнях и стенах крепости.

Вместе с другими пленниками, захваченными пиратами, Тарт и Чарн Товис были раздеты до набедренных

повязок и отведены на невольничий базар. Они стояли там под ярким палящим солнцем, ожидая своей очереди на помосте, где толстый чернобородый аукционист демонстрировал каждого пленника по очереди. Он громко старался привлечь внимание зрителей, восседавших на шелковых подушках в тени оранжевых и зеленых тентов, тем, что отмечал достоинства каждого раба.

Тощий одноглазый Дурган, пыхтящий толстяк Блей и вечно ухмыляющийся светловолосый гигант Тангмар пришли подбодрить Товиса и Тарта, когда те очутились в цепочке выставленных на продажу рабов.

Тарт не совсем понимал, что происходит. В Патанге рабство было неизвестно, так как Тонгор, познавший его в свое время, ненавидел отвратительную торговлю людьми и запретил ее, как только пришел к власти. Мальчик с интересом оглядывался вокруг себя и рассматривал величественных капитанов Братства, надеявшихся сделать выгодную покупку на этом аукционе.

Одна беседка была пышнее и богаче остальных. В ней под ярко-красным покрывалом восседал стройный мужчина с огромным, похожим на раскаленный уголь рубином в мочке уха. Он был одет в алый плотно облегающий атласный костюм, а его желтоватая гладкая кожа была глянцевой, как старый пергамент. У него было насмешливое, холодное и хитрое лицо. Своими прищуренными, горящими черным огнем глазами он, казалось, следил за всем, ничего не пропуская. Рядом с ним стоял человек в однотонном сером одеянии с посохом из черного дерева, на котором были вырезаны колдовские иероглифы. Его череп был гладко выбрит, а лицо оставалось холодным и бесстрастным. Но темные внимательные глаза следили за толпой, и Тарт заметил, что люди стараются укрыться от этого взгляда.

Не только Тарт заинтересовался теми, кто находился в богатой беседке.

— Кто эти двое? — спросил Чарн Товис.

— Тот, кто в красной одежде, — наш правитель, Каштар Красный Волк, — сообщил Блей. — А лысый рядом с ним — его любимый колдун Белшатла.

— Белшатла? Странное имя. Откуда он родом? — заинтересовался Чарн Товис. Толстый Блей склонился ниже к нему, и серьги в его ушах сверкнули на солнце.

— Он из какой-то восточной страны, около Дарунгабара или Далакхона. Мне кажется, он — из Нианги. Опасайся этого человека, парень! Он вероломен и холоден, как змея.

Как будто чувствуя, что говорят о нем, колдун Белшатла направил на Чарна Товиса проницательный взгляд своих черных глаз. Безразлично скользнув взглядом по трем пиратам, он на секунду задержался на высокой сильной фигуре Чарна Товиса, затем стал разглядывать мальчика. В глазах колдуна вспыхнуло острое любопытство, и в то же мгновение Тарт вскрикнув, схватился рукой за голову.

— Что с тобой? — удивился Чарн Товис. Мальчик ошеломленно покачал головой.

— Ничего, уже прошло, но только что мне показалось, что кто-то проник в мой мозг и пытается прочесть мои мысли, — сказал Тарт.

Чарн Товис вновь посмотрел на колдуна в сером. Теперь тот склонился перед одетым в ярко-красные одежды королем пиратов и что-то страстно ему нашептывал. Холодные оценивающие глаза Каштара обратились к тому месту, где стоял Тарт. Он что-то спросил у Белшатлы, внимательно выслушал его, а затем, оттолкнув колдуна в сторону, встал, поднял свой жезл, призывая всеобщее внимание. Голоса стихли. Наступила полная тишина. Теперь жезл короля пиратов указывал прямо на князя Тарта.

— Этого мальчишку, — возвестил Каштар четким бесстрастным голосом, — я покупаю за дюжину слитков золота.

Тут же к ошеломленному Тарту направились стражники, стоявшие у беседки Каштара.

Чарн Товис похолодел. В отчаянии искал он глазами Барима и наконец увидел его. Тот стоял злой и раскрасневшийся, покусывая концы своих могучих усов. Однако он явно не хотел встречаться взглядом с Товисом.

Дурган зашептал ему на ухо:

— Капитан ничего не может поделать, парень! Если Красному Волку понравится какой-нибудь раб, никто не должен спорить. Того, кто решится на это, привяжут к столбу в морской пещере. И тогда его или накроет прилив, или заживо сожрут крабы. Таков Закон.

Чарн Товис почувствовал, как земля уходит из-под ног. Просто стоять и беспомощно наблюдать, как недоумевающего Тарта уводят в рабство к Каштару, — это было выше его сил! Каким же образом серый колдун разгадал правду? Может быть, он прочел мысли мальчика? Что же теперь делать?

Ясно было одно — медлить нельзя. И Чарн Товис начал действовать. Стремительным движением руки он вырвал висевший на перевязи у толстяка Блея меч с широким клинком и одним прыжком оказался около Тарта. Взмахнув тесаком, он ударил в спину замешкавшемуся и не ожидавшему нападения стражнику, который тут же упал, обливаясь кровью.

Тишина базара взорвалась резкими криками, бранью, но сверкающий клинок в руках Товиса сдерживал пиратов. Еще один стражник с поднятым мечом оказался перед ним. Молодой воин отразил удар. Два клинка скрестились, высекая синие искры, заскрежетали, и Чарн Товис опять поразил своего врага. Блестящая сталь его меча снова окрасилась алой кровью.

Над шумом толпы зазвучал резкий голос Каштара:

— Хватайте мальчишку! Он сын Тонгора, джасарк Патанги и стоит царского выкупа. Хватайте его, я вам говорю!

Высоко вверх взвились пики — целый отряд стражников пробирался сквозь толпу к юному князю. Чарн Товис сразил еще одного пирата и как раз вовремя обернулся — вражеская шпага была нацелена прямо ему в спину. Он отбил и этот удар. Грубый меч не был предназначен для фехтования, и запястье Чарна Товиса заныло от сильного напряжения. Он видел, как облаченный в серые одеяния колдун Белшатла набросился

на мальчика и стащил его с помоста. Тут же плотным кольцом их окружила стража.

Пот застилал Чарну Товису глаза. Грудь его тяжело вздымалась... все оказалось бесполезно, врагов было слишком много. Тарта увели.

«Еще посмотрим, кто кого», — пронеслось в голове у Товиса. Зажав зубами мокрый от крови тесак, он оттолкнулся от земли и подпрыгнул вверх. Сначала одной, а потом и второй рукой он ухватился за перекладину навеса, установленного в загоне для рабов. Качнувшись, он взобрался на карниз, а оттуда на крышу. Позади раздавались крики погони, но молодой воин уже бежал по раскаленной солнцем крыше, обжигая себе ступни. Подбежав к самому краю ее, он взглянул вниз на узкую улочку и, оттолкнувшись, перепрыгнул на крышу другого дома. Он бежал изо всех сил, и преследователи быстро потеряли его из виду. Но Чарн Товис понимал, что это — лишь временная передышка. Скоро пираты станут наступать ему на пятки, как свора собак, жаждущая крови.

Он оказался один в чужом городе, заполненном людьми, охотящимися за ним. Любой из них мог поднять на него руку.

Но самое ужасное было то, что увели сына Тонгора!

Сжавшись в тени купола какого-то дома и тяжело вдыхая воздух, Чарн Товис пытался найти какой-нибудь выход из положения, в котором оказался.

Глава 18

МРАЧНЫЕ КАТАКОМБЫ

Там, где повсюду опасности,
выбирай кратчайший путь...

Алая Эдда

Весь день Чарн Товис скрывался от преследователей. Спустившись с крыш, он оказался на темной улице. Здесь его внимание привлек открытый люк, и

Чарн Товис решил спуститься под землю. Долго пробирался он по зловонным туннелям канализационной системы, ступая по вязкой слизи сточных вод, и благодарил судьбу за то, что в Таракусе, как в морском городе, существует система подземной канализации. Если бы ее не было, возможно, охота на него давно успешно закончилась бы.

К полудню невыносимый запах подземных лабиринтов заставил молодого воина вновь выбраться на поверхность. Чарну Товису повезло — он натолкнулся на мертвецки пьяного матроса. Сняв с проспиртованного насквозь пирата одежду, он торопливо натянул ее на себя, предварительно попытавшись хоть как-то стереть с тела грязь и засохшую слизь. Теперь в зеленой шелковой рубашке и узких штанах, высоких пиратских сапогах и с ярко-красным платком на голове он мог спокойно гулять по неровным улочкам Таракуса. Группы рыскающих по городу головорезов не обращали на него ни малейшего внимания. Они искали беглого раба, все одеяние которого составляла набедренная повязка, а пьяный матрос в яркой одежде и с грязной физиономией не вызывал у них никаких подозрений. Они просто всякий раз отталкивали Чарна Товиса в сторону, когда он оказывался у них на пути, не прислушиваясь к тем ругательствам, которые при этом он обрушивал на их головы.

Без каких-либо препятствий Чарн Товис пересек весь город и оказался возле той самой гостиницы, где они с джасарком Тартом ужинали накануне вечером и где расположились Барим Рыжая Борода с командой. Во всем городе у Чарна Товиса не было друзей, кроме этих пиратов, и он решил довериться им.

Они просто не поверили своим глазам, увидев того, за кем охотилась половина города. Чарн Товис храбро вошел в помещение и громко приветствовал знакомых матросов.

Они еще более удивились, когда Чарн Товис попросил помощи у Барима Рыжей Бороды. Он напомнил капитану пиратов о долге крови и признался в том, что

завоевавший их симпатии неунывающий паренек действительно был князем Тартом из Патанги. Он напомнил также Бариму о необходимости хранить верность своему народу. Насколько было известно Товису, и Рыжая Борода, и Тонгор Великий — оба были родом с Севера. Тонгор родился в племени Валькаров на севере Эобара. Барим Рыжая Борода много лет назад бежал из Белнарта на побережье Жаранга Тетрайбаала — Великого Северного океана, скрываясь после убийства воина своего же племени, которое он совершил в приступе неистовой ярости.

— Разве ты, северянин, не придешь на помощь сыну своего соплеменника, если он находится в опасности?

Рыжая Борода, не спуская с Товиса взгляда, задумчиво крутил свои огромные усы.

— Выверни меня наизнанку, Чарн, но я не знаю, что тебе ответить, — прогудел он наконец. — Тому, кто с Севера, не надо напоминать о чести, она у него есть, несмотря на такое ремесло, как пиратство. И мальчишка мне нравится — в нем течет добрая кровь валькаров. Но я ведь говорю так только от себя. Я не могу говорить за всю команду.

Но тут и толстяк Блей, и одноглазый старик Дурган поддержали Чарна Товиса. Серьезный на этот раз гигант Тангмар молча поднял вверх свой меч в знак согласия. Голубокожий кочевник Рогир присоединился к ним, и все остальные члены команды тоже сказали «да», поскольку у всех молодой воин и юный князь вызывали дружеское расположение.

— Ну тогда мы с тобой, до последнего, — пророкотал Барим. — Но что мы будем делать, парень? Нас тридцать человек, сильных и хорошо вооруженных. Но Тарн или Тарт, как я должен теперь называть мальчонку, находится в крепости Каштара, на вершине утеса. У тридцати человек, даже если это команда «Ятагана», — мало шансов одолеть стражу, охраняющую крепость. К тому же стены замка прочные и толстые, а ворота обиты тремя слоями железа. Если у тебя есть какой-нибудь план, говори — мы с тобой.

Чарн Товис быстро изложил то, что он обдумывал, бродя в грязи и зловонии канализационных труб.

Конечно, его план был опасен, и все-таки это был единственный путь к спасению принца Патанги.

— Система сточной канализации, которая расположена под вашим городом, выходит к морским пещерам, — начал он. — Я думаю, она проходит и под крепостью Каштара, также как и под остальной частью города.

— Ну конечно. — Барим Рыжая Борода посмотрел на Товиса с удивлением и задумался. — Ты хочешь сказать... — начал он, улавливая мысль Чарна.

Чарн Товис кивнул.

— Я не вижу другого пути, чтобы попасть в крепость, — сказал он. — Мы не сможем пройти через ворота — они слишком хорошо охраняются. Нам не перебраться и через стены. Следовательно, остается единственный путь — канализационные туннели.

— Но как мы будем ориентироваться в этих вонючих катакомбах? — удивленно прорычал Рыжая Борода. — У нас нет карт, а там нет указательных знаков. По крайней мере я о них ничего не слышал и не думаю, что они там имеются. Очень легко можно сбиться с пути, заблудиться...

— Мы должны использовать этот шанс, — спокойно заметил Чарн Товис. Барим Рыжая Борода медленно покачал головой.

— Ну что же. Тогда надо как можно лучше подготовиться.

Под пиратским городом в разных направлениях вытянулась гигантская сеть мрачных гулких катакомб. Грязная маслянистая жидкость струилась в продуваемых ветром коридорах и собиралась в глубоких емкостях, пенящихся вонючими отложениями. Некоторые туннели были такими узкими, что пиратам приходилось ползти на четвереньках в кромешной тьме. Другие же расширялись, превращаясь в пещеры, где три-четыре человека могли встать в полный рост.

С самого начала пираты постарались как можно точнее определить нужное направление. Дорогу они освещали пропитанными маслом факелами, но в узких тунелях факелы сразу же гасли.

Катакомбы кишили крысами, которые разбегались при приближении людей. В течение столетий красноглазые косматые унза царствовали в этом зловонии. Теперь же дикая орда этих чудовищ бежала. Когти скребли мокрый камень, безволосые хвосты скользили по липкой грязи.

Большинство людей уже давно безнадежно заблудилось бы в этих мрачных лабиринтах. Но, должно быть, у моряков развивается особое чувство ориентации, когда необходимо выжить на море в условиях полной темноты — без луны и звезд. Это чувство правильного направления послужило им и сейчас, когда они пробирались по зловонным катакомбам в кромешной тьме.

Помимо этого чувства, у них был еще один ориентир. Крепость Каштара располагалась гораздо выше остальной части города. Поэтому, когда приходилось делать выбор между двумя тоннелями, пираты выбирали ведущий вверх. Таким образом им довольно точно удалось выйти к конечной цели своего «путешествия».

Никто из пиратов не представлял себе, сколько времени у них ушло на эту прогулку. Несомненно, пиратам понадобилось несколько часов, чтобы добраться до подземных тюремных камер под крепостью. Здесь они стали особенно осторожны, стараясь ни единым звуком не вызвать подозрений у бдительной стражи.

Прошло немало времени, пока они не добрались до решетки в камерном полу. Один за другим пираты пролезли через нее и очутились в крепости Каштара. Во влажном мраке подземелья тускло светили факелы, из-за толстой кирпичной кладки доносился звук капающей воды. В мигающем свете факелов видно было, что после столь длительного путешествия под землей пираты оказались с головы до ног вымазаны грязью и слизью. Никто еще так не рисковал для спасения друга!

Следуя за Баримом Рыжей Бородой и Чарном Товисом, пираты проходили мимо тюремных камер, стараясь держаться в тени. У этих подземных камер не было стражи — Каштар, по-видимому, считал, что она здесь не нужна, так как врагу неоткуда тут взяться. Все крепости строятся так, чтобы защищаться от захватчиков, старающихся проникнуть через стены и ворота. Никакой архитектор не предусмотрел того, что враг появится в крепости из-под земли.

В одной из камер пираты нашли Тарта в целости и сохранности. Он крепко спал, свернувшись на грязных лохмотьях, валявшихся на полу. Мальчик был прикован к бронзовому кольцу в стене, но огромные ручищи кочевника Рогира и белокурого великана Тангмара играючи разомкнули звенья цепи, как если бы те были из мягкой замазки. Уже через несколько мгновений Тарт оказался на свободе, и, не теряя ни секунды, все они отправились в обратный путь.

Передавая Тарта через отверстие решетки вниз, в руки Тангмару, Чарн Товис не мог отделаться от мысли, что столь дерзкое мероприятие прошло уж слишком легко. Он все-таки не ожидал, что его план окажется таким успешным.

Ни он, ни кто-либо другой не заметили невзрачный кристаллоподобный предмет, укрепленный в потолке над дверью камеры, которому суждено было в дальнейшем сыграть важную роль.

Тем временем в крепости, в небольшой, удаленной от посторонних глаз каморке, колдун Белшатла склонился над древней рукописной книгой. Он осторожно переворачивал хрупкие страницы пожелтевшего пергамента из кожи дракона, изучая таинственные знаки утерянной магии. Лицо его казалось мертвой безжизненной маской. Живыми на нем были лишь глаза — внимательные и проницательные.

Неожиданно его занятие прервал сигнал тревоги — стоящий на черном металлическом постаменте сферический кристалл начал вспыхивать волшебными огненными искрами.

Отложив древнюю книгу на мраморный столик, Белшатла склонился над кристаллом. Он провел над ним кистью правой руки, повторяя какое-то заклинание. Кристалл стал светлеть, и внутри него появилось миниатюрное изображение. Теперь колдун наблюдал за тем, как молчаливые, похожие на призраков, черные от грязи люди освобождают заключенного в камеру князя. Лиц похитителей, покрытых слоями грязи, было не разобрать в слабом свете кристалла, но это не имело значения. Он сможет вовремя поднять тревогу — волшебный сторож, установленный им для наблюдения за мальчиком, сработал в нужный момент. Уже через несколько мгновений стражники с факелами в руках заполнили всю подземную тюрьму, но они никого не нашли!

Джасарк и его неизвестные друзья — как в воду канули!

Но недаром у колдуна были необычно зоркие глаза. Он рассмотрел оставшиеся у дренажной решетки комки грязи.

— Они скрылись через канализацию, — прошипел Белшатла. — Быстро, капитан! Спускайтесь со своими людьми вниз и следуйте за ними. Я вызову городскую стражу, пусть прочешут все улицы — эти собаки когда-нибудь да выберутся наверх.

Была уже ночь, когда грязные и изможденные пираты «Ятагана» вместе с князем Тартом поднялись на улицу, которая вела к причалам Таракуса. Свежий бодрящий ветерок с моря показался необычайно прекрасным этим усталым людям, которые в течение многих часов пробирались в грязи и зловонии подземных коридоров. Наконец последний из их команды выбрался из катакомб, и теперь все пираты стояли, выпрямившись во весь рост, глубоко вдыхая свежий воздух и чувствуя, как уставшие тела наполняются новыми силами.

Где-то там, на дальнем причале, замер их «Ятаган». Его сверкающий нос с головой дракона покачивался в призрачном свете ночных звезд. Еще несколько

десятков ярдов, и Чарн Товис с джасарком Тартом будут в безопасности на борту корабля, который тут же выйдет в море.

Вдруг мощный рев сирены нарушил покой звездной ночи.

Темные улицы вмиг заполнились вооруженными людьми, которые, гремя по булыжной мостовой, приближались к команде «Ятагана». Свет звезд и факелов отражался на поднятых вверх тесаках, кинжалах и длинных мечах. Сумасшедшим огнем горели глаза взбешенных пиратов.

И вот уже Рыжая Борода и его люди окружены бурлящей толпой мстительных врагов. Началось настоящее сражение. Сталь ударялась о сталь. Десятки ног скользили по грязным булыжникам мостовой. Люди сталкивались, наносили друг другу смертельные удары и падали со вспоротыми животами или окровавленными лицами.

Чарн Товис оказался в самом центре схватки. Без устали работал он своим зазубренным мечом, так что тот звенел от ударов. Вдруг он почувствовал, как кто-то сильно ударил его сзади сапогом по ногам. Молодой воин буквально рухнул на мостовую, и в ту же секунду на нем оказался противник, готовый нанести своим мечом последний удар. Товис сжался, ожидая, как холодная сталь вопьется в его тело, и великое Царство Абисса откроется, чтобы принять его дух.

Но тут произошло что-то странное.

Огромная черная тень закрыла полнеба, скрыв звезды и сверкающую луну. Подобно огромному дракону полуночных небес, тень скользила по небесам, опускаясь вниз на сражающуюся толпу разъяренных пиратов.

Сидевший верхом на поверженном Товисе пират испуганно поднял голову к небу. Краска сошла с его лица — оно стало белым как бумага. Со страхом всматривался он в чудовище, нависшее над ним.

Темноту ночи ослепил фантастический зелено-белый свет. Вспыхнули тысячи молний, и ночь превратилась в сверкающий полдень.

Чарн Товис почувствовал, как обмякло тело противника. Из его парализованной руки выпало оружие — сталь лязгнула о маслянистые булыжники мостовой.

Крылатая смерть нанесла удар с небес.

Глава 19
СОСТЯЗАНИЕ СО ВРЕМЕНЕМ

Напрасно, маг, за злой игрою
победы ждет твоя душа...
Встать на пути твоем герои
из дальних мест уже спешат.

Сага о Тонгоре, XVIII

Всю ночь после исчезновения князя Тарта маленький серебристый воздушный корабль летал в небе, носимый прибрежными ветрами. Уже в течение нескольких дней воздушные силы Патанги неустанно обследовали поверхность и берега залива, чтобы отыскать хоть какие-либо следы пропавшего князя и его спутника. Все казалось безрезультатным — найти ничего не удалось.

Когда оба патрульных корабля вернулись в расположение Воздушных сил Патанги, Чанган Джал доложил доатару Воздушной гвардии о том, что сын Тонгора похищен из дворца предателем — Черным Драконом, коджаном Чарном Товисом, и что оба они бесследно исчезли где-то над заливом. Страшная новость быстро распространилась по Городу Огня, вызвав страх и возмущение, тревогу и сожаление. Но никто не сомневался в злостном похищении, за исключением только тех, кто хорошо знал молодого воина из Возашна. Они упорно отказывались поверить в то, что Чарн Товис способен на предательство. Но тем не менее джасарк исчез и самого Чарна Товиса не было. Что касается Чанган Джала, то он был офицером, заслуживающим доверия, и его слова никогда раньше не подвергались сомнению.

Сподвижники императора собрались на тайный совет и попытались найти объяснение поступку Чарна Товиса. Князь Маэл решительно заявил, что, возможно, молодой воин раскрыл какой-то заговор, организованный против саркайи Сумии и ее сына, и попытался спасти Тарта. Шангот поддержал это мнение, сказав, что Чарн Товис никогда не предал бы Тонгора, если бы тот был жив. Точно так же был он верен и принцу — его наследнику. Иотондус согласился с ними, и пока другие соратники Тонгора спорили и раздумывали над происшедшим, он и Шангот — необычный дуэт из молодого ученого и горячего воина-кочевника — решили самостоятельно заняться поисками истины.

Для этого предполагалось использовать разведывательный воздушный корабль, находившийся на крыше дома Иотондуса. План заключался в том, чтобы исследовать поверхность и берега залива, попытаться найти какие-либо признаки жизни на упавших в воду обломках корабля. Дело это представлялось безнадежным, но Иотондус решил не успокаиваться до тех пор, пока не будут получены убедительные доказательства тому, что сына Тонгора нет в живых. Шангот также был глубоко убежден в том, что храбрый и находчивый молодой воин из Возашпа справился бы с любыми препятствиями на своем пути, защищая от опасности юного Тарта.

Воллер Иотондуса был скоростным и маневренным, хорошо обеспеченным запасами провизии и питьевой водой. Благодаря двигателям, работавшим от энергии ситурла, он мог пробыть в воздухе много дней. Итак, они отправились втайне от всех, полные решимости не возвращаться до тех пор, пока не исчезнет последняя надежда.

В результате своих поисков путешественники обнаружили остатки разрушенного воллера. Стальной каркас и хвостовая часть, конечно, затонули, но покрытие уримия оставалось на плаву благодаря антигравитационной способности волшебного металла. Конечно, не было никаких признаков, указывающих на то, что

юный князь и Чарн Товис живы. Не нашлось ни клочка одежды или обуви. Но друзья не прекращали поисков.

Для всех продолжало оставаться загадкой — как молодой воин попал во Дворец Ста Сарков. И только Иотондус понял, что Чарн Товис, взяв из неохраняемой лаборатории «небесный пояс», использовал его для полета во дворец. Только «небесный пояс» давал ему возможность незаметно покинуть затем дворец вместе с мальчиком.

Именно эти соображения давали Иотондусу надежду на то, что и князь, и Чарн Товис живы, несмотря на уверения Чангана Джала об их гибели в когтях летающего чудовища. Если беглецы не стали жертвой дракона, то вполне возможно, что «небесный пояс» смягчил их падение с такой огромной высоты.

Весь день прошел в безуспешных поисках. С наступлением ночи Иотондус направился к лесистым берегам Птарты. Там он сделал посадку и закрепил воллер у высокого дерева. Устав за день, он и его спутник сразу же заснули. Но с рассветом они опять готовы были продолжить поиски. Они обследовали побережье в восточной части залива, низко пролетев над лесистыми холмами и включая сигнальные огни в надежде, что Чарн Товис и Тарт — если они где-нибудь поблизости — увидят воллер и узнают своих друзей.

Удача пришла неожиданно — днем позже. Именно тогда с шедшего из Шембиса судна они получили сигнал. Моряки просили помочь обнаружить пиратский корабль из Таракуса, который грабил суда на пути между Зингабалом и Делфином. Из разговора с капитаном корабля стало ясно, что пираты задержались по дороге в Таракус, чтобы подобрать на борт молодого воина и мальчика, находившихся в водах залива. Это видели матросы с борта корабля из Зингабала, отправившегося в погоню за пиратским судном.

Капитан еще долго не мог понять, почему эти два человека с воздушного корабля Патанги чуть не сошли с ума от радости, когда услышали эту новость. Даже

не попрощавшись, они стремительно взлетели на своем скоростном воллере.

Достигнув ужасного города пиратов, Иотондус начал медленно кружить в ночном небе над улицами, пытаясь что-нибудь разглядеть. Пираты Таракуса враждебно относились к любым флагам. Поэтому Иотондус не мог опуститься вниз, как он это делал в Зингабале и Пелорме, и обратиться с расспросами к жителям города. Шангот и Иотондус и сами не знали, какие именно следы они ищут, но продолжали тщательно разглядывать освещаемые факелами улицы окруженного утесами города. Спустя длительное время, когда первые призрачные лучи рассвета стали пробиваться на востоке, друзья увидели то, что сразу привлекло их внимание.

Недалеко от причалов шло настоящее сражение! Рычащая банда аляповато одетых пиратов мчалась по темным улицам, чтобы напасть на небольшую группу людей, среди которых был... мальчик. Беглецы же направлялись, как казалось, к кораблям, стоящим на якорях у ближайших причалов. Иотондус резко повернул рычаги управления, и воллер послушно устремился вниз на сцепившийся клубок людей.

Многие из сражавшихся были покрыты слоем черной грязи, так что разглядеть среди них Чарна Товиса или Тарта не представлялось возможным. Но все же Иотондус расчехлил смертоносные лучевые пушки, которыми был снаряжен воллер на тот случай, если придется защищаться. Положение внизу становилось все более критическим, и Иотондус решил вмешаться. Слепящие огненные молнии обрушились на головорезов, атаковавших Чарна Товиса, Тарта и команду «Ятагана», кося их ряды. Пираты Таракуса никогда раньше не видели смертоносного оружия Патанги в действии. Объятые ужасом, они обратились в паническое бегство. В один миг битва закончилась, после чего воллер смог приземлиться. Пораженный Чарн Товис сквозь иллюминаторы кабины увидел знакомое голубоватого оттенка лицо великана Шангота. Там же находился и молодой ученый Иотондус.

Со слезами радости на глазах поцеловали они руку князя Тарта и в молчаливом приветствии обняли за плечи Чарна Товиса. Молодой воин поспешил познакомить удивленных, замызганных грязью пиратов «Ятагана» с двумя известными придворными Патанги.

— Мы догадывались о том, что у вас были серьезные причины на то, чтобы увезти джасарка, — прогудел Шангот, когда Чарн Товис рассказал о том, в каком ужасном состоянии он обнаружил саркайю Сумию. — Я разорву эту жирную свинью Далендуса Вула вот этими самыми руками, как только увижу его безобразную рожу, — возмущался великан.

— Нотлай, наркотический порошок, — проговорил побледневший Иотондус. — Теперь я понимаю, почему Далендусу Вулу удалось убедить саркайю стать его невестой.

Чарн Товис был ошеломлен этим известием.

— Что?! Сумия выходит замуж за это чудовище? Ну конечно, именно этого они и добивались — трона Патанги, — Далендус Вул и тот, кто постоянно находится теперь рядом с ним, — высокий, угрюмый человек в черном, со странно холодными изумрудными глазами.

Необъяснимое предчувствие, подобно ледяной стреле, пронзило кочевника Шангота. Но голос его оставался убийственно спокойным, когда он переспросил:

— Человек в темной одежде с капюшоном, скрывающим лицо... человек, чей взгляд подобен ледяному зеленому пламени... человек, глаза которого могут парализовать мозг того, кто на него смотрит?

Чарн Товис кивнул, удивившись странному волнению, с которым этот голубокожий гигант задавал вопросы. Но тут же он сам вспомнил:

— Я ведь тоже уже видел эти глаза — как-то утром у городских ворот, перед тем как мы встретились с тобой, Шангот. Этот человек выглядел тогда как нищий, но мне, помнится, стало не по себе от взгляда его странных холодных глаз.

Шангот прервал его громким восклицанием, которое, казалось, исходило из самой глубины его души:

— Он жив! О боги небесные! Если бы я только знал это.

— О ком ты говоришь? — Чарна Товиса поразило то горе и страдание, которые слышались в голосе Шангота.

Ответ великана словно окатил его ледяной волной:

— О Марданаксе из Заара — повелителе Черных Колдунов.

— Ты уверен?

— О Боже, я не знаю, как Князю Тьмы удалось уйти невредимым из своего проклятого города. Но три года назад, когда я скитался по черному Царству Зла, пытаясь разыскать своего повелителя Тонгора, взятого в плен Черным Колдуном, я хорошо рассмотрел Марданакса. Ведь я стоял к нему так же близко, как к тебе, и в моей памяти до сих пор живы эти изумрудные глаза, полные застывшей злобы, горящие из-под черного капюшона. Боги небесные! Теперь мне ясен весь их заговор. Моего господина Тонгора поразила вспышка колдовской молнии, а не естественная смерть. То, что с ним случилось, — это месть Заара!

Иотондус побледнел так, что даже губы его стали белыми. Он не мог простить себе свою недогадливость.

— Где же была моя голова? Я должен быть понять, что используется нотлай — наркотический порошок, отнимающий волю и разум. Черная магия — власть одного ума над другими. Именно поэтому Сумия отвернулась от верных друзей и закрылась в покоях дворца. А теперь она выйдет замуж за этого подлого предателя, который, я не сомневаюсь, сам находится под властью Марданакса. Это и есть месть колдуна. Он сам станет править империей Тонгора!

Чарн Товис резко повернулся к нему.

— Вы говорите «выйдет замуж». Значит, она еще не давала клятвы верности Далендусу Вулу перед алтарем?

— Конечно же, нет. В сообщении герольда говорилось, что это должно произойти утром двенадцатого дня месяца Замара.

Чарн Товис обернулся к чумазым пиратам, которые стояли рядом и с интересом прислушивались к разговору.

— Я потерял счет времени во всех наших приключениях. Какой сегодня день?

Барим Рыжая Борода задумчиво почесал подбородок.

— Сегодня как раз двенадцатое число Замара.

— А на какой час назначена церемония? Иотондус, вспомни же!

Мудрец не сразу ответил:

— На... девять часов.

— А сейчас, должно быть, шесть или семь утра, — нетерпеливо проговорил Чарн Товис. Мозг его лихорадочно работал. — Нам надо отправляться как можно скорее. Может быть, с Божьей помощью мы успеем предотвратить беду.

Тарт схватил его за руку.

— Но Чарн! А что же будет с Дурганом, Блеем, Тангмаром и капитаном Баримом? Мы не можем просто бросить их здесь. Ведь правителю пиратов станет известно, что именно они помогли мне сбежать.

Рыжая Борода громко рассмеялся и дружески хлопнул мальчика по плечу, так что тот покачнулся.

— Ха, клянусь зелеными усами Шастадиона — бога моря, никогда не бойся за Барима Рыжую Бороду и его людей, парень. Ни Каштар, ни его любимый колдун никогда не узнают, кто помог тебе сбежать из черных темниц. Не догадаются об этом и те, кто пытался схватить нас здесь, у причалов. Вы, парни, отправляйтесь, да побыстрее. Надо помочь княгине избавиться от грязного негодяя. Ишь, наложил свои вонючие лапы на нас — северян! А за нас не бойтесь — ночь была темной, и наши рожи под толстым слоем поганой черной жижи никто не мог разобрать. Торопитесь же, Чарн, и ты, парнишка. Будьте здоровы! Не

забывай своих товарищей с «Ятагана». Когда-нибудь мы заявимся в Патангу с визитом. Только не забудьте предупредить стражу и местных матросов, что люди с «Ятагана» друзья, хотя и пираты.

Прощание было скорым, хотя и сердечным. Прежде чем утреннее солнце полностью вышло из пелены туманов и осветило лесистые холмы востока, воллер поднялся от причалов Таракуса с князем Тартом, Шанготом и Чарном Товисом на борту. Управляемый Иотондусом, он сделал круг над городом и быстро начал подниматься вверх к солнцу. Потом был взят курс на Патангу.

На высоте пятнадцати тысяч футов воллер помчался с максимальной скоростью, которую молодой ученый только мог выжать из его двигателей. Началось состязание с временем, отчаянная попытка спасти трон Патанги от мести Марданакса из Заара. Никогда ранее не проводились такие рискованные гонки за столь драгоценный приз. Хотя великий Воин Запада и был мертв, и душа бродила по небесному царству, наследник его был жив. Чарн Товис и Шангот из племени джегга готовы были сражаться до последней капли крови, чтобы не позволить предателю Далендусу Вулу отобрать трон Города Огня у законного наследника — князя Тарта.

Легкий быстрокрылый корабль несся по небесам древней Лемурии, подобно сверкающей молнии. В многих, многих милях к северу вставали каменные стены и высокие до небес башни Патанги — великого города, раскинувшегося в устье залива, где Реки Близнецы Саан и Изар соединяют свои воды с водами океана.

Сможет ли самый быстроходный воздушный корабль всего Воздушного флота Патанги вовремя достичь Города Огня?

Смогут ли друзья поднять народ Патанги на восстание до того, как саркайя произнесет роковую клятву перед алтарем в храме девятнадцати богов, ведь тогда отравленная снадобьями беспомощная подруга Тонгора станет женой Далендуса Вула.

Воздушный корабль рвался вперед сквозь облака, но Чарн Товис понимал, что им вряд ли удастся прибыть в город вовремя.

Однако они сделали все возможное, чтобы успеть...

Глава 20

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Ликует маг! Он победил
без видимой борьбы...
Ах, как легко играет он
поводьями судьбы.
Патанга — город королей —
у ног его лежит.
А тот, кто был других смелей,
в своей гробнице спит.

Сага о Тонгоре, XVIII

Наступил день. Патанга была залита золотистым солнечным светом. Люди заполнили улицы и выстроились по обеим сторонам огромного проспектаТориан Вэй. На всех башнях, куполах и шпилях развевались знамена. Яркие ковры украшали стены и балконы. На улицах было много цветов. Целые гирлянды обвивали колонны зданий и придавали праздничный вид фасадам. Однако люди оставались молчаливыми, мрачными и обеспокоенными. Они шепотом переговаривались друг с другом.

К девятому часу свадебная процессия появилась из обнесенного стенами парка, окружавшего Дворец Ста Сарков. Показались сверкающие золотом и драгоценными камнями колесницы, запряженные рогатыми зампфами. Впереди всех в роскошном одеянии ехал Далендус Вул. Но ни красивая одежда, ни обилие драгоценностей не могли изменить его глупого жирного лица и неприятных красных глаз.

Сумия находилась рядом с ним. Она была великолепна в прекрасном платье из золотой ткани с нитями блестящего жемчуга. Черные шелковистые волосы

спускались длинной косой. Молчаливые зрители стояли довольно далеко. Они не могли разобрать, что за тщательно нанесенными румянами лицо ее бледно и безжизненно, а глаза пусты.

Играя на тоненьких трубах, плавно двигались на кротерах герольды. На легком ветерке развевались знамена, отливая золотистым, зеленым, ярко-красным и ярко-синим цветом. За молодыми следовали и другие колесницы, и среди всего этого великолепия можно было различить державшуюся в стороне фигуру Черного Марданакса. Никто из тысяч присутствовавших здесь людей, наблюдавших за движением процессии, не предполагал, что перед ними — самый главный враг Патанги.

Колесницы, медленно двигавшиеся поТориан Вэй, достигли наконец Главной площади, украшенной тысячами знамен. Из Дворца Иерархов вышла процессия облаченных в праздничные мантии и митры священнослужителей. Возглавлял шествие сам Иерарх — мудрый Эодрим.

Две процессии слились в одну у входа в величественный храм девятнадцати богов, островерхие купола которого взлетали в чистое утреннее небо. Люди заполняли огромный зал, занимая места перед великим алтарем, где вырезанные из белоснежного мрамора и гипса стояли огромные фигуры богов. На этом самом месте (так недавно это произошло!) упал сраженный смертью Тонгор — повелитель Запада. Теперь он покоился в огромном саркофаге из мрамора, стоящем под алтарем. Лицо Сумии напоминало маску. На нем не отражалось никаких чувств. Далендус Вул провел ее к ступеням алтаря мимо гробницы ее любимого супруга.

У высокого алтаря их уже ждал сам Иерарх. Церемония бракосочетания началась.

Гирлянда из цветов обвила запястье безвольной, не сопротивляющейся руки Сумии, затем она была надета на дрожавшую руку Далендуса Вула.

Старый Иерарх предложил им воду и вино, хлеб и мясо, виноград и другие фрукты.

По всему огромному залу была расставлена стража. Сквозь огромный свод из многоцветного стекла солнце посылало свои золотистые лучи. Яркие отблески играли на шлемах, доспехах и пиках стражников.

Запел церковный хор. Отец Эодрим стал задавать ритуальные вопросы Далендусу Вулу и молодой саркайе. Сумия произносила традиционные для данной церемонии ответы. Ее голос был твердым и четким. Она нисколько не колебалась.

В ложе, закрытой шторами, собрались видные дворяне империи. Наблюдая за церемонией, хмурился князь Маэл — он сидел там со своими двумя дочерьми. Старый краснолицый барон Сельверус кусал кончики жестких усов и время от времени фыркал, глядя на толстого неуклюжего жениха. Принц Элд Тармис, правитель Шембиса, сидел рядом с принцем Кармом Карвусом — правителем Тсаргола и Барандом Тоном — правителем Турдиса, который прибыл на торжество вместе с сыном — джасарком Рамианом Тоном. Лица бывших друзей и соратников Тонгора были заметно обеспокоены и расстроены.

В тени колонны, в задней части ложи, где располагалась свита Далендуса Вула, скрывалась высокая худая фигура переодетого колдуна. Прячась, он затаенно и злорадно улыбался. Вся мощь его воли была сконцентрирована на хрупкой светлой фигуре саркайи Сумии. Каждая частица его волшебной силы была направлена на слабую женщину, и беспомощная княжна была полностью подчинена его власти.

Для Марданакса приближался миг полного триумфа.

Монотонным голосом старый Иерарх продолжал произносить ритуальные формулировки, вопросы и указания.

Длинная церемония бракосочетания приближалась к концу.

Иерарх поднял руку, чтобы благословить княжескую чету, стоявшую перед ним на коленях на усыпанных драгоценными камнями подушках. Он уже готов был произнести те слова, которые навеки скрепили бы их союз.

Вдруг купол из цветного стекла, вздымавшийся высоко над ним, взорвался дождем сверкающих осколков — в него носом врезался воллер. В толпе раздались крики ужаса, женщины от неожиданности и страха стали терять сознание. Сквозь зияющую дыру купола невыносимо ярко били солнечные лучи. Раненные падающими осколками стражники побросали щиты и пики. Оружие со скрежетом заскользило по отполированному полу храма.

Отец Эодрим застыл как вкопанный. Широко открыв рот, с поднятой вверх рукой, он с изумлением смотрел вверх.

Воздушный корабль плавно опустился до уровня алтаря. С помощью швартового троса и якорного крюка он закрепился за выступающую часть одной из статуй.

Из кабины самолета выпрыгнул юный князь Тарт. В руке у него был меч. Увидев мать, он громко позвал ее.

Вслед за князем появился Чарн Товис, голубокожий Шангот и молодой ученый Иотондус.

Чарн Товис поднял меч, и его взволнованный голос прозвучал четко и резко, так, чтобы слышали все присутствующие.

— Хватайте предателя Далендуса Вула! Хватайте человека, прячущегося под капюшоном! Это Марданакс — верховный колдун Заара, повелитель Черных магов, он заколдовал саркайю!

На какое-то мгновение всех охватило чувство леденящего страха и ужаса.

Но вот стража уже кинулась к зашторенной ложе, где находился Марданакс. Личная охрана Далендуса Вула обнажила клинки. Раздались призывные боевые кличи. Сталь ударила о сталь. Началась схватка. Люди стали падать замертво.

Юный Тарт спрыгнул с алтаря, чтобы прийти на помощь матери. Но тут в приступе невыразимой ярости, изрыгая ругательства, на его пути встал Далендус Вул. Схватившись жирной рукой за пояс, он выхватил из ножен тонкий кинжал. С перекошенным от бешенства лицом барон взмахнул им, чтобы нанести удар по скло-

ненной голове Сумии в ярко сияющей в солнечном свете короне Патанги.

Однако юный Тарт помешал ему это сделать. Маленький меч сверкнул, как молния, в загорелой руке мальчика — и пронзил толстый живот предателя. Изрыгавший проклятия Далендус Вул закачался, как пьяный. Голос его стих, лицо обмякло. Кинжал выпал из руки и зазвенел, как серебряный колокольчик, покатившись по мраморным ступеням. Далендус Вул попытался нащупать рукоятку меча, висевшего у него на поясе. Ему удалось обнажить меч, но он не смог его удержать. Ярко-красная кровь хлынула из раны, нанесенной Тартом.

И Далендус Вул замертво упал у подножия гробницы Тонгора.

Тарт опустился на колени перед матерью и помог ей встать. Она была бледна, глаза ее были широко раскрыты. С изумлением смотрела она на сражающихся людей, на разрушенный купол храма и на закрепленный у каменного божества воздушный корабль.

— Мама, мама, — рыдал Тарт, обнимая Сумию своими сильными загорелыми руками. — Что они с тобой сделали?

Сумия коснулась рукой лба, как бы приходя в себя. Нить, которая так долго связывала ее волю с волей Черного Колдуна, неожиданно оборвалась. Она опять стала сама собой.

— Все в порядке, дорогой, — пробормотала она, ласково проводя рукой по залитому слезами лицу мальчика. — Наверное, я спала и видела длинный и кошмарный сон... Но теперь он кончился — я вновь проснулась.

Чарн Товис и Шангот, спрыгнув с носа воллера, помогали страже. Вот уже и последние охранники Далендуса Вула пали под их стальными клинками. Но куда же девалась худощавая фигура с капюшоном, прикрывающим лицо? Колдун исчез. Его не было на том месте, где он стоял в течение всей длительной церемонии венчания.

Вдруг вскрикнул Тарт, а за ним и Сумия. Чарн Товис и остальные повернулись на крик и увидели высокую фигуру колдуна на самом краю алтаря. Как он пробрался туда незамеченным — никто не мог сказать. Он появился из прозрачного воздуха, словно призрак. Теперь он противостоял всем этим людям, возвышаясь над ними и поднимая вверх одетой в темную перчатку рукой жезл, вырезанный из черного дерева, — Жезл Власти. Глаза его, горящие изумрудным огнем, смотрели на стоящих внизу людей с неимоверной злобой и ненавистью.

— Пропало! Все пропало! — прокаркал Марданакс хриплым голосом, полным дикого отчаяния. Его напоминающие клешни руки тряслись от ярости. Глаза уставились на глиптические символы, вырезанные на колдовском жезле. — Все мои планы рухнули... превратились в ничто, — бушевал колдун. Голос его прерывался и дрожал. — Но и вам не удастся убежать... никому не удастся избежать мести Марданакса из Заара!

Князь Маэл не выдержал и шагнул вперед, приказав императорской страже взять колдуна. Но одним взмахом жезла Марданакс остановил его.

— Назад, вы, дураки! У меня еще есть сила — достаточно силы, чтобы обрушить этот проклятый храм на ваши головы, достаточно сил, чтобы взорвать стены всех домов Патанги, разрушить самые высокие башни, превратить эту землю в черную, голую пустыню, лишенную жизни на тысячелетия. Не делайте ни шагу, или черные молнии, дремлющие в моем жезле, превратят вас в окровавленные куски мяса.

Неукротимая воля колдуна заставила людей остановиться, наполнив непонятным пронизывающим страхом. В холодном шипящем голосе волшебника чувствовалась такая сверхчеловеческая сила, что никто из воинов Патанги не решился двинуться с места, и только князь Элд Тармис в отчаянии простонал:

— Воздушный корабль! Он захватит его и исчезнет!

— Да, да, — тяжело дышал Марданакс, перебираясь с алтаря на покачивающийся нос корабля. — Не

все еще потеряно... Если я выживу, я покараю вас всех... в другой раз.

В ужасе наблюдали люди за тем, как костлявый колдун в черном капюшоне неуклюже взобрался на корабль, продолжая угрожать поднятым Жезлом Власти.

Стражники подались вперед, сжимая мечи, — пот выступил на их лицах. Шангот обратился с молитвой к своим богам, князь Маэл неистово ругался. Его лицо почернело от негодования. Но неземная власть Черного Колдуна удерживала всех людей на месте.

Вдруг послышался резкий удар камня о камень.

Люди замерли в напряженном молчании. Расширив глаза от удивления, все пытались понять, что происходит.

— Смотрите!

Этот крик сорвался с губ Карма Карвуса. Он показывал куда-то дрожащей рукой, и тысячи глаз проследили за этим полным драматизма жестом.

Плита, прикрывавшая саркофаг Тонгора, пришла в движение, приподнялась и с оглушительным грохотом рухнула на пол, расколовшись на множество кусочков мрамора.

Из своей гробницы восстал... Тонгор!

Его безжизненное лицо было белым, как мрамор.

Одной могучей рукой он ухватился за край саркофага. Видно было, как напряглись его мускулы, когда он поднимался на ноги. Глаза сарка были закрыты, лицо холодно и мертво. Казалось, он спал.

В саркофаг он был уложен в черных доспехах воина, со скрещенными на могучей груди руками и с вложенным в них легендарным мечом Саркозаном.

Теперь он держал этот огромный меч в могучей руке и медленно поднимался из своей гробницы. Таким предстал он перед изумленными взорами людей у алтаря, где в луже запекшейся крови лежало тело Далендуса Вула.

Лицо Тонгора постепенно ожило. Мертвенная бледность исчезла. Глаза широко раскрылись, сверкая, как глаза льва. Валькар уставился на неуклюжую

фигуру Марданакса, замершего у поручней воздушного корабля.

Увидев Тонгора, вставшего из могилы, колдун оцепенел, будто пораженный молнией. Глаза его под черным капюшоном широко раскрылись, превратившись в две зеленые бездны, полные удивления и невообразимого ужаса.

Тонгор снова жив! Грудь валькара глубоко вздымалась и опускалась — с такой силой легкие вдыхали воздух. Под бронзовой кожей сердце наполнялось жизнью и силой. Но лицо Тонгора исказилось от ярости. Под нахмуренными бровями золотистые глаза сверкали, как два солнца, — они гипнотизировали колдуна.

Тонгор носил на груди небольшой талисман в виде зеленого страза, висевший на шее на кожаном ремешке. Этот драгоценный чудодейственный амулет, известный как Великий Нейтрализатор, находился у Тонгора уже в течение трех лет. Три года назад Тонгор вот так же стоял перед другим, более мрачным алтарем в Зааре — городе Черных Колдунов — перед трехглавым богом Хаоса. Тогда в той далекой стране и в те далекие дни его верный товарищ Шангот из племени джегга вступил в схватку с черными силами, чтобы вызволить Тонгора. Когда колдовские чары держали Тонгора мертвой хваткой, когда над валкаром нависло нечто неведомое, что пожирало его жизненные силы, Шангот поразил своим мечом Вуала Мудрейшего и сорвал с него талисман — Великий Нейтрализатор. Шангот передал этот талисман Тонгору, и уже одно прикосновение к нему защитило Воина Запада от колдовства.

Там, у черного алтаря Заара, Великий Нейтрализатор спас Тонгору жизнь. Сила этого амулета заключалась в том, что никакое колдовство не могло коснуться того, кто его носил. С тех пор Тонгор из племени валькаров постоянно держал талисман из зеленого страза у своего сердца.

Когда в храме девятнадцати богов Марданакс тайно направлял на Тонгора лучи смертоносной колдовской

силы, амулет спас ему жизнь. Но волна Зла была столь мощной, что заставило астральное тело Тонгора выйти из тела физического, которое мгновенно впало в транс, почти умерло. Подобно тому, как физическое тело придерживается Мира Живых, так и астральная форма, покидая плоть, ищет астральный мир, именуемый Царством Теней. Колдуны, чародеи, мистики и философы всех стран и времен исследуют науку астрального мира — таинственную науку, согласно которой астральный двойник тела добровольно на время может покидать телесную оболочку и путешествовать по Царству Теней.

Именно так попал в Царство Теней Тонгор — ни мертвый, ни живой, — на что намекали Привратник у Ворот Царства Теней и бог Пнот, обращаясь к Тонгору. И случилось так, что с помощью Отца Горма астральное тело Тонгора Могущественного вернулось из невообразимого путешествия сквозь пространство и время и границы Бытия и вновь нашло свою плотскую оболочку, возвратив Тонгора к жизни.

Тонгор по-львиному замахнулся и с силой метнул свой огромный меч в застывшую от страха фигуру колдуна. Оружие попало в цель, со страшным хлюпающим звуком пронзив тело Марданакса.

Колдун пошатнулся. Разрушительный жезл выпал из крючковатых пальцев, разбившись в куски на каменных ступеньках. Его обломки вспыхнули, и невыносимо яркий свет заполнил зал, присутствующих. И вот уже обломки Жезла Власти превратились в простую кучу золы, тлеющую на ступеньках алтаря.

Острая сталь меча прошла сквозь плоть и кости колдуна. Рукоятка меча торчала из костистой, тяжело вздымавшейся груди, напоминая неуклюжую пятую конечность.

Марданакс зашатался сильнее и, перевалившись через поручни корабля, упал вниз на ступени. Его тело покатилось по ступеням до самого низа лестницы. Когда тело замерло, огромный меч по-прежнему устрашающе торчал из него. Но жизненная сила

колдуна была сверхъестественно велика, и он все еще не был мертв.

Вот он приподнялся на колени и пополз, жадно глотая воздух. Капюшон откинулся назад, обнажив жилистую шею и бритый череп с желтоватого цвета кожей. Она напоминала пергамент, натянутый на обнаженную кость. Но черты лица чародея были все так же неразличимы.

Невообразимым усилием воли он схватился за меч Тонгора и вытащил его из своего тела. Длинный клинок вышел с хлюпающим звуком и тут же выпал из рук колдуна, зазвенев на каменном полу.

Теперь Марданакс скрючился на четвереньках, как умирающий зверь. Кровь его лилась ручьем, пачкая чистый мрамор. Это была отвратительная жидкость — черная и вонючая, как смертоносный яд. Разливаясь по каменному полу, она шипела, дымилась и пузырилась, прожигая полированный камень, словно кислота.

Марданакс завалился на бок. Его худой бритый череп ударился об пол. Но жизнь еще теплилась в его скорчившемся теле, хотя зеленые глаза уже стали остекленевшими и незрячими. Рука в перчатке тщетно скребла каменный пол, напоминая ползущего паука.

Вдруг по толпе прокатилась волна удивления. Старый князь Маэл в волнении воскликнул:

— О Горм! Вы только посмотрите на это...

На глазах всех скорчившееся в последней агонии полумертвое тело главного колдуна стало меняться... стареть.

Шафрановая кожа сморщилась после того, как по ней прошла волна отвратительной дрожи. Ее покрыла сеть из тысяч морщин. Плоть отвалилась от черепа, оставив лишь голые кости.

Под раскрывшимися одеяниями тщетно сражающееся за жизнь тело начало усыхать.

Колдун стал согнутым и маленьким, похожим на карлика.

В следующий момент над толпой пронесся вздох удивления — тело колдуна превратилось в скелет.

Голый череп, все еще прикрытый шелком капюшона, отделился от шеи и откатился на несколько футов.

Дряхлели и чернели белые кости. На глазах у всех они рассыпались в пыль.

Уничтожающее дыхание Времени коснулось тела Марданакса, и чародей превратился в пыль. Многие столетия его колдовские силы сдерживали Время... теперь же Время победило его!

Сбоку от саркофага лежало залитое кровью мертвое тело Далендуса Вула. А кучка одежды и мертвой пыли — все, что осталось от Марданакса из Заара. Дни предательства и опасностей прошли, остались позади. Интригам врагов и опасным приключениям был положен конец.

На ступенях алтаря Тонгор обнял и поцеловал свою жену. Черноволосая головка Сумии прильнула к его груди. Затем он заключил в отцовские объятия радостно улыбающегося Тарта, потрепал его черные волосы и крепко поцеловал.

С высоты алтаря Иерарх Эодрим прерывающимся голосом возблагодарил богов:

— Боги Земли и Неба, Отец богов и Людей, мы благодарим тебя от всей души за то, что ты спас нас от опасностей и помог избежать ошибки... Мы благодарим тебя за то, что ты покарал предателя и злодея в час их триумфа... Мы благодарим тебя за то, что ты вернул нам нашего царя Тонгора Великого — правителя Запада.

Обняв любимую жену и сына, Тонгор обратился с приветствием к своему народу. И взволнованные жители и воины Патанги отвечали ему словами любви и уважения.

Эпилог

...Месть Города Зла продолжала жить в Черном Колдуне, который ускользнул невредимым, когда дьявольский Заар был разрушен и затоплен грохочущими

волнами Таконда Чуна — Неизвестного моря. Стрелой своих колдовских сил он поразил Тонгора и попытался захватить его трон, но зловещие заклятия не помогли ему избежать смерти, и боги вернули Тонгора на землю живых. Мрачная тень Черного друида исчезла во тьме ада. Все люди радовались и приветствовали Тонгора Великого как повелителя Запада, и был он самым великим среди людей.

Так написано во второй главе Пятой Книги Летописи Лемурии.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ШТОРМ СОБИРАЕТСЯ

У самого выхода из залива Патанги, там, где его воды смешиваются с нескончаемой гладью Яхензеб-Чуна — Южного моря, возвышается огромная гора, на которой построен Таракус — пиратский город, царство беззакония и кровавой жестокости, объединенное лишь одной страстью — золотом. Долгие-долгие годы этот страшный город угрожал городам Запада. Будь бдителен, Могучий Тонгор! Бдителен и осторожен!

Великая книга колдуна Шайраты

Глава 1

КОРАБЛЬ БЕЗУМЦЕВ

В Тсаргол в этот день странный темный корабль
Команду безумцев принес,
И даже у тех, кто спокоен, как сталь,
По коже бежал мороз...

Летописи Тсаргола

На закате солнца в бухту Тсаргола медленно вошел корабль. Стоял зорах — третий месяц осени двенадцатого года царствования Тонгора Могучего.

Приближалась ночь. Багровое солнце медленно погружалось в кипящий золотой океан на западе. Черные крылья ночи уже нависли над миром. На восточной стороне небосклона замерцали огоньки первых вечерних звезд. Скоро Илана, госпожа Луна, зальет землю своим холодным серебряным светом, но пока что Эдир, бог-Солнце, еще царственно рассылал последние лучи со своего смертного одра в западном океане.

Тсаргол, город, выстроенный из красного камня, стоял на побережье Южного моря. Высокие башни и мощные стены защищали его от нападения врагов. Богатые дома и величественные храмы говорили о богатстве города, раскинувшегося на берегу залива. В тот вечер его жители наслаждались хорошей погодой и прекрасным закатом, сидя на террасах своих домов или прогуливаясь по широким улицам.

Корабль зашел в залив, никем не замеченный, ибо на его мачтах и носу не горело ни единого фонаря. Величественная трирема прошла за мол, рукотворную каменную гряду, построенную, чтобы смирить врывающиеся в залив могучие волны. И только за молом зоркий стражник на одной из башен заметил приближающийся в сумерках корабль и поднял тревогу.

Зазвенел гонг. Вспыхнули факелы. Стража, схватив горящие фонари, взбежала на стену, чтобы выяснить, какой же дерзкий мореплаватель осмелился войти в порт Тсаргола, не зажигая огней и не подняв флага на мачте.

Огромная трирема медленно пересекала бухту. За ее движениями напряженно следило множество глаз; множество рук крепко сжало древки копий, рукояти мечей и приклады арбалетов. Отары — командиры сотен — отдавали короткие, сухие приказы стоящим наготове посыльным. Герольд, пришпорив кротера — быстроногую и послушную рептилию, — отправился с донесением во дворец Карма Карвуса, правителя города.

Не было ничего удивительного в том, что неожиданное появление всего лишь одного корабля вызвало столь большое волнение. Здесь, на южном побережье, ни один порт, ни одно судно не могло чувствовать себя в полной безопасности из-за пиратов Таракуса. И казалось вполне возможным, что одинокая трирема всего лишь разведчик, за которым в порт ворвется сотня других кораблей с безжалостными, жестокими пиратами, жаждущими поживиться сокровищами богатого Тсаргола.

Вскоре стало ясно, что трирема в гордом одиночестве приплыла в Тсаргол. Более того, по мере ее приближения выяснилось, что и на борту этого судна не все в порядке. На скамьях гребцов было слишком много свободных мест, да и оставшиеся моряки орудовали веслами вразнобой. Поэтому судно двигалось не только медленно, но как-то боком, словно краб. Подчас трирему и вовсе разворачивало, и она замирала, подставив борт набегающим волнам.

Стражники разглядели, что на корабле подняты паруса, но лишь частично, да и те закреплены и установлены совершенно неправильно. Когда судно подплыло ближе, все увидели, что одна из мачт надломлена, позолоченная обшивка бортов разворочена, а носовая ростра выломана у основания.

Вскоре с борта триремы до ушей стражников, ждавших на причале, донесся страшный звук — какое-то дикое улюлюканье. Совершенно невыносимое для слуха, оно то затихало, то вновь усиливалось. Солдаты и офицеры, поеживаясь, переглянулись. Команда темного, кренившегося судна завывала, словно стая собак или шакалов.

Один из офицеров обратил внимание на то, что, несмотря на изрядно сократившееся раестояние, отделявшее корабль от причала, весла не поднялись из воды, а все теми же неритмичными гребками продолжали двигать корабль вперед.

— Эй, на борту! — раздались громкие окрики. — Суши весла! Греби назад! На причал налетишь! Куда вы смотрите?

Голоса потонули в грохоте, с которым нос триремы врезался в причал. От такого удара гранитные глыбы вздрогнули под ногами стражников. Судно содрогнулось и застыло. Оборвался и слетел за борт один из парусов; в следующий миг с треском, словно подрубленный дуб, рухнула мачта. Затем все стихло.

Не успели воины перевести дух, как тишину вновь разорвали стоны и вой, адским хором доносившиеся с борта триремы. Казалось, сонмы демонов терзают и пытают команду судна.

Многие стражники пробормотали заклинания, оберегающие от злых духов, защищающие от демонов. Другие старались побороть страх проклятиями. Кто же был на борту страшного корабля? Безумцы? Или же трирема приплыла из далеких морей, откуда обычно никто не возвращался? И не были ли матросы судна привидениями, призраками умерших и утонувших мореплавателей?

Зазвучал цокот подков по камням пирса. На причал приехал Карим Птоул, комендант порта. Сверкнув в свете факелов позолотой шлема, он приказал:

— Отар! Отправь людей, пусть пришвартуют трирему. Заведите ее бортом к причалу и привяжите покрепче. И быстро... Пусть стражники поднимутся на борт. Живее!

Седой даотар — командир десяти сотен воинов — подошел к коменданту и по-военному поприветствовал его, приложив к груди сжатую в кулак руку:

— Что скажешь? — хрипло спросил Карим Птоул. — Крушение или пираты?

Даотар внимательно смотрел, как в свете факелов стражники длинными баграми подтягивают трирему к причалу и привязывают ее канатами. Потом с мечами наготове они полезли на палубу. Подумав, офицер лишь неопределенно хмыкнул и сплюнул.

— Морские волки Таракуса редко выпускают добычу из своих когтей, — наконец мрачно заметил он. — Мало кому удавалось вырваться из их лап. Честно говоря, я ума не приложу, что случилось с этим кораблем. Может быть, какое-нибудь морское чудовище напало на него и заразило бешенством всех тех, кого не смогло сожрать...

— Как знать, — задумчиво протянул комендант. — Но... мне кажется знакомым этот корабль. Эти расписные борта, этот изгиб носа... Готов поклясться, эта трирема уже попадалась мне на глаза.

— Очень может быть, господин комендант, — мрачно согласился даотар. — Мне тоже кажутся знакомыми эти дельфины, вырезанные чуть выше ватерлинии. Редкое украшение. Сдается мне, что мы думаем об одном и том же. Это судно — не боевой корабль и не торговый — с таким-то килем и без глубокого трюма. Прогулочная посудина, достойная адмирала, а то и члена королевской семьи. Быстрое и комфортабельное судно... Что скажете, комендант?

Не слезая с оседланного кротера, Карим Птоул покачал головой.

— Скажем честно, эта трирема нам обоим кажется чертовски похожей на «Корону Тсаргола», — выдохнул он. — Но ведь сам принц Карм Карвус вышел на ней в море три дня назад, чтобы нанести дружественный визит в Возашп. Невозможно, чтобы...

Он запнулся и одними губами прошептал молитву. Даотар тоже вздрогнул и побледнел, когда в свете факелов на подтянутой к причалу корме мелькнула резная позолоченная надпись «Корона Тсаргола»!

Молодой отар Джорн Джарвас первым поднялся на борт таинственного корабля. Подтянувшись на прикрепленной к абордажному крюку веревке, он перевалился через борт и оказался на верхней гребной палубе. То, что он там увидел, заставило его остановиться, сжать зубы и задрожать от ужаса.

Тут и там на скамьях лежали трупы, многие из которых все еще сжимали в руках обломки весел. Судя по всему, смерть этих людей не была легкой и спокойной.

Преодолев ужас, офицер внимательно огляделся и, нагнувшись, перевернул одно из лежащих на палубе тел.

Осунувшийся бородатый матрос уставился на офицера остекленевшими глазами. Синие губы мертвеца застыли не то в ухмылке, не то в гримасе боли. Горло покойника перерезал от уха до уха глубокий разрез, оставленный одним сильным ударом кинжала. И что самое страшное — мертвый матрос сжимал в руке клинок, которым, скорее всего, он и нанес себе эту смертельную рану.

С трудом заставляя себя двигаться дальше, Джорн Джарвас продолжил осмотр палубы. Казалось, большая часть гребцов и матросов покончила жизнь самоубийством. Другие погибли в схватке со своими же товарищами. Офицер вздрогнул, увидев дух сцепившихся мертвых матросов, накрепко впившихся зубами в глотки друг другу.

Оказалось, что не все моряки погибли. Но живые выглядели еще хуже, чем мертвые.

Гребцы сидели, сжав в руках весла, и ничего не выражающими глазами смотрели на Джорна Джарваса, пытавшегося заговорить с ними. Некоторые что-то бормотали, другие смеялись. Отар переходил от одного к другому, заглядывал в вытаращенные и прищуренные глаза, всматривался в измазанные кровью лица... Тщетно ждал он ответа на свои вопросы. Все моряки на этом корабле были безумны. Это они издавали странный то затухающий, то снова нарастающий вой.

Несмотря на юный возраст, Джорн Джарвас был не зеленым новобранцем, а опытным воином. Ему доводилось видеть мертвых, убивать самому во время осады города, он знал, каким неприглядным и отвратительным может быть лик смерти. Немало мертвецов прошло перед его глазами — разорванных военными машинами и растерзанных палачами. Но ничто в жизни так не напугало его, как кошмарное зрелище, открывшееся ему на этом корабле, вынырнувшем из ада.

Офицер побледнел, его ноги дрожали; в какой-то миг храбрый даотар чуть не упал в обморок. Только собрав в кулак всю свою волю, Джорн Джарвас заставил себя продолжать осмотр триремы.

Палубы были завалены окровавленными трупами. Тут и там попадались еще живые безумцы. В какой-то миг моряки, видимо, набросились друг на друга, поубивав и ранив многих и сильно повредив роскошный корабль. Джорн Джарвас обнаружил сорванные с петель резные двери, разбитые инкрустированные панели, изодранные и изгаженные шелковые занавеси и прекрасные ковры. В углах кают и на трапах вповалку лежали трупы и оставшиеся в живых.

Но один из моряков, похоже, до конца сопротивлялся безумию.

Судя по его алому одеянию и тяжелому золотому медальону, это был капитан судна. Взгляд старого морского волка был устремлен куда-то вдаль... Джорн Джарвас нашел капитана на мостике у штурвала. Ви-

димо, капитан сам накрепко привязал себя к деревянному колесу. Побелевшие пальцы все еще цепко держали штурвал, а сам капитан навалился на него грудью и застыл.

Новый приступ ужаса сжал сердце молодого отара. Он знал этого моряка!

Это был сам Норгован Тул, Адмирал Тсаргола!

Но ведь Норгован Тул несколько дней назад вместе с Кармом Карвусом, повелителем города, уплыл на «Короне Тсаргола», флагмане городского флота, личной трireме князя... которая была очень похожа на это леденящее кровь судно. Нет, не может быть, чтобы этот адский корабль, полный покойников и живых мертвецов, залитый кровью и изуродованный неведомым сражением... Он просто не может быть прекрасной триремой, «Короной Тсаргола», три дня назад отплывшей к берегам Возашпа... Или все-таки это то же самое судно?

Со сжавшимся сердцем, бледный как полотно офицер еще раз обвел взглядом палубу. Сомнений не было — такие резные позолоченные дельфины, повторявшие с внутренней стороны борта наружное украшение, могли быть только на одном корабле. В следующий миг взгляд отара наткнулся на приоткрытую дверь большой каюты. На высокой створке были изображены скрещенные меч и якорь — эмблема королевской династии Тсаргола, ее штандарт и герб.

Страшная правда громом прогремела в голове Джорна Джарваса.

На негнущихся, дрожащих ногах он пересек заваленную трупами палубу и подошел к главной каюте. Неуверенными, слабыми пальцами отар взялся за ручку. Тяжелая дверь оказалась не заперта и легко распахнулась от слабого толчка. Джорн Джарвас, бормоча про себя молитвы и заклинания, заглянул внутрь, ожидая увидеть в каюте то же, что и на палубах, ибо если весь экипаж сошел с ума, то как бы смог князь избежать безумия или удара клинка какого-либо из своих матросов?

Но каюта была пуста.

Отар обыскал ее, но не нашел тела Карма Карвуса.

Медленно и неуверенно офицер вышел на палубу и вновь направился к штурвалу и привязанному к деревянному колесу капитану.

Адмирал был жив, хотя сначала показался отару мертвым. Норгован Тул поднял голову и повернул перепачканное потом и кровью лицо к Джорну Джарвасу. Словно сквозь пелену тумана, он смотрел на молодого офицера, чуть заметно шевеля губами.

— Адмирал... вы живы? — наклонившись к Норгована Тулу, спросил Джорн Джарвас. — Что здесь произошло?

— Серая Смерть... Серая Смерть... – хрипло пробормотал старый моряк.

Джорн Джарвас перерубил мечом веревки, удерживавшие адмирала у штурвала, и аккуратно опустил тело измученного моряка на палубу. Затем он напоил Норгована Тула водой из своей фляги.

— Где князь? Где наш правитель Карм Карвус? Что с ним? Говорите же! Говорите!

Норгован Тул из последних сил боролся с безумием. Лишь подчиняясь его железной воле, оставшиеся в живых безумцы взялись за весла и привели судно в порт. Верный своему долгу, адмирал Тсаргола не покинул свой пост, пока трирема не вернулась в родной порт. Но силы морского волка были на исходе. Он больше не мог сопротивляться пелене безумия, черной тенью коснувшейся его разума. Адмирал дико улыбнулся, оскалился. Его глаза закатились. Джорн Джарвас продолжал трясти моряка и задавать вопросы. Ему нужно было знать, что случилось с Кармом Карвусом и где он сейчас. Но из уст адмирала доносилось лишь одно слово, чередующееся с безумными воплями, стонами и хохотом:

— Исчез... исчез... исчез...

Когда другие офицеры тсаргольской стражи, преодолевая ужас, поднялись на мостик, они увидели Джорна Джарваса, сидящего на палубе. Голова адмирала лежала у него на коленях. Старый моряк бормотал

что-то бессвязное, время от времени принимаясь выть, как и другие обезумевшие моряки «Короны Тсаргола».

Седовласый даотар положил руку на плечо Джорну Джарвасу. Молодой офицер поднял залитое слезами лицо.

— Он что-нибудь рассказал? — спросил даотар. — Князь на борту?

Джорн Джарвас только горестно покачал головой.

— Исчез... исчез, — безнадежно произнес он.

В отсутствие Карма Карвуса старейший и занимающий самую высокую должность канцлер Драт Хорван, барон Амагарский, взял на себя управление городом в качестве регента.

Спустя лишь несколько минут после появления таинственного корабля с безумной командой в королевском дворце Тсаргола собрался Государственный совет. Бледные, мрачные придворные и высшие офицеры обсуждали происшедшую трагедию и гадали о ее причинах. «Корону Тсаргола» обыскали от носа до кормы, но ни единая мелочь не пролила света на тайну случившегося с кораблем. На его борту осталась лишь часть экипажа, да и то только мертвые и сумасшедшие. Остальные, видимо, оказались за бортом. От мертвых мало что можно было узнать. Разве лишь то, что они, скорее всего, погибли, покончив с собой, или пали от рук своих же товарищей. От живых было немногим больше пользы: ни с одним из них не удалось поговорить. Единственные осмысленные слова, которые постоянно повторяли многие из оставшихся в живых матросов, были:

— Серая Смерть... Серая Смерть...

Но что означали эти слова? Все дворцовые лекари и мудрецы-толкователи оказались бессильны вытащить из безумцев еще хоть крупицу разумной информации.

Случившееся оставалось загадкой. Что разом свело с ума стольких не слишком впечатлительных людей? Где Карм Карвус, что с ним? Жив он или мертв? И

если жив, то не вторит ли он сейчас где-то леденящему душу хору воющих безумцев-матросов?

На борту триремы принца не оказалось, как, впрочем, большей части экипажа и свиты. Куда же они могли подеваться? Самым логичным, хотя и страшным, было предположение, что, скорее всего, в припадке безумия эти люди бросились в море или их сбросили за борт другие безумцы.

— «Корона» за эти дни не успела бы доплыть до Возашпа, — мрачно произнес Драт Хорван. — При попутном ветре туда плыть неделю. А между нашими городами на побережье нет ни единого городка или селения. Значит, что бы ни свело с ума экипаж триремы, оно застигло корабль в открытом море. И если князя на борту нет — мы вынуждены смириться с трагическим выводом: Карм Карвус бросился или был выброшен с борта триремы в воды Яхензеб-Чуна.

Собравшиеся, потупив взгляды, молчали. Лишь канцлер Драт Хорван предложил, кусая губы:

— Сейчас перед нами стоит вопрос, от ответа на который зависят все наши дальнейшие действия. Было ли сумасшествие экипажа «Короны Тсаргола» следствием природного явления, одной из многих таинственных загадок океана, — или же это плод продуманного и запланированного нападения неведомого безжалостного, жестокого и опасного противника? Опасного, ибо он явно силен в чародействе и колдовстве.

Совет прервался, так и не придя ни к какому решению. Но Тсаргол уже был поднят по тревоге. Усиленная стража заняла свои места на стенах. Самые зоркие наблюдатели внимательно вглядывались вдаль с высоких башен в поисках хотя бы малейшего намека на появление врага. Если неприятель решится напасть и штурмовать город, то Тсаргол приготовился встретить его во всеоружии.

С первыми лучами солнца с одной из площадок на крыше дворца поднялся в воздух воллер — одно из судов Воздушной гвардии Патанги, — унося в небольшой кабине пилота из Патанги и посланца из Тсаргола.

Маленькое воздушное судно, сделав круг над городом, словно серебристая стрела, взяло курс на северо-восток, унося печальную весть об исчезновении Карма Карвуса повелителю Запада Тонгору Могучему.

Глава 2
КОЛЬЦО ЧЕРНОГО СОКОЛА

На Карвуса Карма ныне обрушился странный рок —
Темный, таинственный, страшный... Неужто и вправду срок
Выпал ему погибнуть, остаться на дне морском,
Где, кроме убийц-драконов, никто не узнает о нем?

Сага о Тонгоре, XIX

На следующий день после первого удара Серой Смерти и прибытия триремы в порт Тсаргол другой корабль вошел в бухту другого порта далеко на северо-востоке от города из красного камня.

Здесь, на берегу залива, у самого устья двух рек, названных Близнецами, возвышался огромный город Патанга, резиденция Тонгора Могучего, самый большой и сильный город-государство из Союза Девяти Городов Запада.

Этот второй корабль был не величественной и роскошной королевской триремой. Это было небольшое, быстрое и маневренное судно. Багровые паруса его жадно ловили любое дуновение ветерка, острый нос беззвучно вспарывал водную гладь. На борту этого корабля были живые матросы, а не трупы и не воющие безумцы. Они столпились вдоль бортов и наблюдали за зрелищем приближающихся, сверкающих в свете луны стен и башен Патанги.

Капитан Воздушной гвардии заметил черную галеру, как только она вошла в бухту. Ни единого огня не горело на мачтах судна, что придавало ему пиратский вид. Воллер, зависнув в воздухе, условными сиг-

налами передал сообщение о странном судне стражникам, несущим вахту на крыше Воздушной Крепости. Взревели горны, посыльные вскочили в седла, и их подкованные чешуйчатые скакуны понеслись по улицам города к Морским Воротам, поднимая тревогу.

К тому моменту, когда одинокая черная галера подошла к причалу, ее уже поджидала рота стрелков со взведенными арбалетами.

— Эй, на галере! — закричал отар, командир стрелков. — Название судна? Порт приписки? Хозяин?

В открытых бойницах и над бортами показались лица моряков разношерстного экипажа, собранного как минимум из половины городов Западного побережья. Был тут и ковиец с круглым, как луна, лицом, над бровями которого протянулся глубокий давний шрам; несколько смуглых черноволосых тарданцев и уроженцев Кадорны — с янтарного цвета кожей и раскосыми глазами; был в экипаже даже один могучий синий кочевник, родом с бескрайних равнин дальнего Востока. Половина этой пестрой команды была «украшена» шрамами. На лбах у некоторых моряков виднелись клейма рабов и преступников. При этом на их руках сверкали дорогие перстни, а в ушах поблескивали золотые серьги. Не менее ярко и куда более зловеще сверкали их обнаженные клинки.

Вдруг матросы расступились, пропустив вперед высоченного человека с рыжей бородой, одетого в красную куртку, шаровары цвета бутылочного стекла и обутого в высокие кожаные сапоги. На груди у него висел тяжелый золотой медальон. Из-под густых нахмуренных бровей следили за стражниками внимательные серые глаза. Больше всего этот человек напоминал настороженного быка: широкая грудная клетка, мощные плечи, руки, бугрящиеся узлами мускулов, словно толстые ветви старого дуба.

— Это судно — «Ятаган» из Таракуса, — рявкнул он, — а я — Барим Рыжая Борода, его хозяин.

Молодой офицер на причале процедил сквозь зубы:

— Пираты из Таракуса — не самые желанные гости в Городе Огня. Почему вы вошли в бухту без опознавательных огней, словно подкрадывающиеся воры?

Лицо Барима Рыжей Бороды расплылось в насмешливой улыбке.

— Чем меньше лишних глаз увидит меня здесь, тем лучше, приятель. Но я уверен, что меня примут в Городе Огня. Вот — держи!

Вынув какой-то небольшой предмет из кошелька на поясе, капитан галеры бросил его офицеру. Предмет блеснул золотом в свете факелов. Отар поймал его и внимательно осмотрел, поднеся к свету.

Это было тяжелое золотое кольцо. На нем было глубоко вытравлено два знака из пиктографического письма Южных островов. Ко-тон и Гой-Йа назывались эти символы.

Отар не верил своим глазам. Словно проглотив язык, он, моргая, разглядывал надпись на кольце, время от времени переводя взгляд на капитана галеры.

— Тонгор! — наконец выдохнул офицер.

— Ну да, — ухмыльнулся пират. — Имя Тонгора, вырезанное на сверкающем золоте Патанги. Сын Великого Царя дал мне эту штуковину, чтобы, когда мне будет нужно, я был бы допущен к Тонгору.

Отар все еще не мог прийти в себя. Таких колец во всем мире было не более десятка. Ими владели короли и принцы, присягнувшие знамени Черного Ястреба. Действительно, обладатель такого кольца имел право в любую минуту лично встретиться с Тонгором.

Молодой офицер вздрогнул, стряхнул оцепенение и отсалютовал капитану пиратов, словно коронованной особе.

— Вы владеете Печатью Тонгора, капитан Барим. Я в вашем распоряжении. Пойдемте, я провожу вас к повелителю.

Бариму уже приходилось бывать во дворцах, поэтому он не обращал внимания на роскошь мраморных лестниц и колонн, на блеск позолоты и богатство убранства.

Но он замедлил шаг и, присмотревшись, расплылся в улыбке, увидев стоящего в одном из дверных проемов мальчишку, бросившегося навстречу рыжебородому пирату с распростертыми объятиями.

— Это ты, приятель? Как вырос-то! Я-то с трудом узнал старого товарища. Ну и взрослый же ты стал!

Джасарк Тарт рассмеялся:

— Еще бы мне не вырасти, капитан Барим. Ведь прошло уже три года с тех пор, как Чарн Товис вытащил меня из лап Далендуса Вула, а ты помог нам смыться оттуда. Как здорово, что ты снова приехал. Но что привело тебя в город моего отца под покровом ночи, втайне от всех?

Рыжебородый пират нахмурился:

— Дела, приятель. Темные и таинственные... Ну, я надеюсь, ты еще не забыл своих приятелей по тому путешествию?

Спутники Барима столпились вокруг мальчика, дружелюбно улыбаясь.

— Я думаю, ты не забыл старого толстого Блея, — воскликнул круглолицый ковиец, тряся перетянутым ремнями животом.

— И Дургана, надеюсь! — сказал пожилой пират с кожаной повязкой на одном глазу.

— Ну конечно, я всех вас помню! И Тангмара тоже, — крикнул мальчик, обнимая улыбающегося великана, уроженца красных лесов Коданга, чьи золотые кудри рассыпались по широченным плечам.

— Как я рад вас всех снова видеть! Вы совсем-совсем не изменились!

— Зато ты изменился. Дай-ка я на тебя посмотрю. — Барим одной рукой повернул мальчишку кругом. Да, за три года Тарт из девятилетнего ребенка превратился в двенадцатилетнего подростка. Он был загорелым и хорошо физически развитым, сильным

для своих лет. Лицо с квадратным подбородком, странные золотистые глаза и черные как смоль волосы делали Тарта невероятно похожим на своего могучего отца.

Капитан остался доволен осмотром.

— Ну, из сопляка ты уже стал наполовину мужчиной! Интересно, за эти три года в тебе открылся еще и талант предсказателя? Откуда ты узнал, что мы прибыли во дворец?

— Посланник принес эту весть, — улыбнулся джасарк Тарт, но лицо его неожиданно стало печальным, когда он добавил: — Ладно, пойдемте. Я совсем забыл, что вас ждут во дворце. Ты, случайно, ничего не знаешь о друге моего отца Карме Карвусе?

Барим удивленно посмотрел на мальчишку и покачал головой:

— О правителе Тсаргола? Нет, я ничего не знаю, а что с ним? У меня к Тонгору совсем другое дело.

— Ладно. Отец сказал, что примет тебя, как только ты появишься. Пойдем, я провожу вас к нему.

Зал Ста Сарков был пуст и темен. Высокие колонны поддерживали купол. Пол был выложен чередующимися квадратными плитами матового мрамора — черного и золотого. Неподвижные стражники в черных кожаных одеяниях и золотых шлемах стояли на равном расстоянии друг от друга вдоль стен. Это были воины гвардии Тонгора, знаменитые Черные Драконы. Свечи в массивных подсвечниках, стоящих на полу, отбрасывали блики на позолоченные щиты в руках стражников и на наконечники их копий. Стены зала украшали мраморные барельефы — портреты царственных, достойных людей. Черты одних лиц свидетельствовали о мудрости и доброте, других — о мужественности и решительности.

Каменные портреты Ста Сарков Патанги внимательно глядели на своего преемника — Тонгора Могучего.

Трон Огня Патанги был выкован из червленого золота. Языком огня взметнулся он над девятью ступенями из черного мрамора.

Словно лев в человеческом облике, Тонгор неподвижно сидел на троне, расправив широкие плечи, с бесстрастным, ничего не выражающим лицом. Его золотые львиные глаза сверкали из-под нахмуренных черных бровей.

Тонгор был одет в черный королевский бархат. Золотой щит Патанги прикрывал его грудь; в центре щита был выгравирован Черный Ястреб, символ валькаров, родного племени Тонгора.

На коленях повелителя лежал обнаженный меч, выкованный валькарами. С этим клинком в руках Тонгор взошел на трон Патанги. Саркозан, Творец Сарков — так называли этот меч в древние времена.

Удерживая черную гриву волос, голову воина-правителя венчала Корона Огня. Острые языки ее золотистых огоньков венчали огненные кристаллы чандрала — редчайшего лемурийского самоцвета огненно-золотого цвета.

В эту ночь Тонгор держал совет с мудрейшими и знатнейшими гражданами. Здесь были и князь Дру, и старый князь Маэл, барон Сельверус и Иерарх Эодрим. Присутствовали на совете и старые боевые друзья Тонгора: Зед Комис — командир Черных Драконов и Том Первис — начальник Воздушной гвардии. Рядом с ними стоял могучий великан рмоахал. Он словно башня возвышался рядом с худощавым невысоким черноволосым тарданцем. Все трое носили форму Черных Драконов. Рмоахал был родом из племени джегга, а тарданца звали Чарн Товис.

Тут собрались все великие люди Патанги. Не хватало лишь Сумии, императрицы. Любимая Тонгором временно отстранилась от государственных дел. Меньше года назад она родила девочку, названную по решению матери Зандарлой. Теперь ребенок требовал полного внимания, не оставляя ей времени и сил ни на что другое.

Молодой Чарн Товис первым увидел входящего в зал Барима Рыжую Бороду. Воин расплылся в улыбке и радостно приветствовал капитана пиратов и его спутников. Именно Чарн Товис три года назад помог юному джасарку вырваться из лап Далендуса Вула. Тогда Чарн Товис с джасарком нашли спасение на борту «Ятагана». С тех пор капитан пиратов и молодой воин стали верными друзьями.

Подперев голову рукой и нахмурив лоб, Тонгор слушал речь одного из своих старейших советников об исчезновении Карма Карвуса. Но, увидев шагнувшего к трону Барима, валькар улыбнулся.

— Рыжая Борода! Горм и все боги! — пророкотал Тонгор, вскакивая с трона, чтобы обнять старого друга и похлопать его по плечу. — Я смотрю, морские драконы еще не пропороли брюхо старому «Ятагану». Как я рад тебя снова видеть!

Пиратского капитана представили тем, с кем он не был знаком; затем Бариму и его спутникам преподнесли по кубку вина.

— Сегодня мы засиделись допоздна, обсуждая судьбу моего доброго друга, правителя Тсаргола, — объяснил Тонгор Бариму. — Когда мне сообщили, что ты в темноте вошел в наш порт, я решил, что у тебя есть новости о Карме Карвусе или разгадка тайны его исчезновения и случившегося с экипажем «Короны Тсаргола».

Барим тряхнул непокорной шевелюрой:

— Увы, повелитель, я сам впервые услышал об этом несчастье от мальчонки... ой... простите... от вашего наследника, я хотел сказать. У меня другие новости, не менее печальные и тревожные, но, клянусь всеми богами, я разберусь и выясню, что случилось с тсаргольским принцем.

Коротко, без лишних эмоций Тонгор поведал Бариму историю исчезновения Карма Карвуса и о трагедии, постигшей экипаж триремы. Одна фраза этого повествования привела рыжебородого капитана в крайнее возбуждение.

— Серая Смерть? — переспросил он. — Так-так. Похоже, я просто чертовски вовремя прибыл в Патангу... Понятно...

Заметив удивленные взгляды, капитан Барим поспешил разъяснить:

— Значит, это уже началось. И мои новости окажутся как нельзя кстати. Эх, быть бы мне капитаном купеческого судна! Да разузнай я все чуть пораньше — может быть, твой друг Карвус был бы сейчас цел и невредим.

— Объясни же! — потребовал Тонгор.

— Эх, повелитель. Это дело долгое... — И Барим начал свой рассказ, густо перемежая речь морскими приговорками, чертыханиями и ругательствами, чем не единожды привел в замешательство наиболее утонченную часть аудитории.

Вот уже полстолетия пираты из Таракуса, укрывшись за стенами цитадели и пользуясь выгодным расположением своего города у выхода из залива в океан, не давали покоя остальным прибрежным городам, грабя их корабли и совершая набеги на мелкие поселения.

Быстроходный флот делал пиратов Таракуса хозяевами залива. Их галеры могли не только догнать любое торговое судно, но и, нанеся удар по городу, уйти прежде, чем большие военные корабли выйдут в море и отправятся в погоню.

Все это Тонгор знал не понаслышке. Ведь прежде, чем по прихоти богов или судьбы он вознесся на трон Патанги отважный валькар, прозванный Черным Ястребом, был полноправным членом Красного Братства корсаров. На собственном корабле он бороздил океан в поисках золота, драгоценностей и доброго вина.

Восемнадцать лет прошло с тех пор. Пиратский город стал еще могущественнее. В нем появился новый правитель — капитан, прозванный Красным Волком. Он стал внушать корсарам, что просто золото и день-

ги — это не все, что нужно человеку в жизни. Власть! Вот что дает настоящее удовлетворение. Капитан видел, как его корсары захватывают для него города, королевства. Он готов был возглавить пиратскую империю!

Вспоминая все это, Тонгор слушал рассказ Барима.

— ...Так вот, тогда и пришел к Каштару этот колдун Белшатла. Он пообещал Красному Волку помочь в завоевании чужих стран. Этот чародей до того долго жил где-то в дебрях Нианги, там, где лежат в развалинах древние города, которые боги некогда покарали за какие-то прегрешения. Так этот Белшатла выкопал в тех руинах какое-то страшное оружие. Уж не за создание ли подобных штучек боги уничтожили города Нианги! В общем, что бы это ни было, но теперь Каштар собирается покорить все приморские города и даже... саму Патангу! — прибавил Барим, перейдя на шепот.

Крики возмущения и удивления заполнили Зал Ста Сарков. Зед Комис прохрипел:

— Это безумие! Да, у пиратов сильный флот, но осаждать самый могущественный город на Западе? Чушь! Это я вам говорю. У них нет никаких шансов.

Командир Воздушной гвардии согласился:

— Мы неуязвимы, мой повелитель! Какой флот, пусть даже самый сильный, сможет противостоять нашим летающим эскадрам, вооруженным магическими кристаллами, ограненными нашим молодым мудрецом Иотондусом!

Князь Маэл согласился со старым воином:

— И это доказано, повелитель. Лет двадцать назад в битве за Тсаргол мы разгромили Йелима Пелорвиса и завоевали трон для Карма Карвуса. Воллеры сделали нас непобедимыми. Обычные мерки военной мощи — сильный флот, многочисленное войско — теряют смысл в сравнении с могуществом в воздухе.

Тонгор невозмутимо и негромко сказал:

— Прежде чем заявлять о нашей непобедимости, я бы хотел больше узнать о новом оружии, которое Белшатла раскопал для Каштара.

Глава 3

СЕРЫЕ КОЛДУНЫ

В эти дни один среди людей —
Тонгор — величайший из царей,
Тонгор-воин, Тонгор-победитель,
Молодой, прославленный правитель.
И героя не найдется под луной,
Что решился б вызвать Тонгора на бой.

Летописи Лемурии, книга 5, глава III

Эдир, бог-Солнце, вновь осветил своими лучами Патангу. Ранним утром Тонгор и его советники встретились во второй раз. С первой зарей Иерарх послал гонцов к остальным членам Совета, призывая их к храму, возвышавшемуся на южной стороне центральной площади города. Сам же Эодрим провел ночь, не смыкая глаз, копаясь в древних свитках и листая инкунабулы, чтобы попытаться найти ключ к утерянной мудрости городов Нианги, узнать секрет оружия, созданного на Заре Времени.

Совет собрался в библиотеке — огромном зале с высоким потолком, вдоль стен которого выстроились стеллажи с тысячами тяжелых томов. Некоторые были написаны на пергаменте, другие — на свитках кожи из крыльев птеродактиля, скрепленных металлическими пряжками. Часть томов была переплетена в обложки из пластин слоновой кости. Но большинство рукописей хранилось в виде тетрадей и свитков в тубусах, опечатанных свинцовыми печатями. В этой тихой комнате хранилась мудрость, накопленная тысячелетиями.

Уставший после бессонной ночи, Верховный Иерарх встретил Тонгора и членов Совета, сидя в резном кресле черного дерева. Перед ним на подставке лежал тяжеленный том. Его страницы были сделаны из тонких листов какого-то светлого металла. На них кислотой были вытравлены какие-то письмена. Такая книга могла выдержать любое испытание временем и даже пожаром.

— Господа, — начал старик тонким, слабым голосом. — Я попросил вашего присутствия в столь ранний час, потому что мне удалось выяснить кое-что, проливающее свет как на таинственное исчезновение князя Тсаргола, так и на небезосновательные угрозы нианганского колдуна.

Иерарх положил руку на книгу, лежащую на пюпитре перед ним:

— Эта вечная книга — Летописи Лемурии. Кое-что о ней вы наверняка слышали, ибо это самая большая и всеобъемлющая книга за всю историю человечества. Я владею лишь фрагментом единственной копии, сохранившейся во всех западных городах. И вот что я тут вычитал...

Слабым, негромким голосом Иерарх поведал своим слушателям о том, что прочел на металлических страницах.

Он рассказал о древнем клане мудрецов — Братстве Фотик, появившемся в одном монастыре в какой-то далекой стране. С эпохи первых королевств людей, Семи Городов Востока, эти мудрецы изучали бескрайние просторы времени, создав особую науку, называемую Акашик. Они проникали в прошлое, настоящее и будущее, и плодом их таинственных трудов стала обширная история Вселенной, изложенная в этой книге.

Древние мудрецы представили всю историю как вечный конфликт, названный ими Войной Хаоса и Мироздания. В темном, непознанном Хаосе, лежащем вокруг Мироздания, действуют зловещие силы Хаоса, стремящиеся поглотить всю Вселенную, подчинить ее себе. Повелители Мироздания ведут нескончаемую войну против Хаоса во все века и эпохи, во всех мирах и землях.

Мудрецы говорят, что планеты на небесах — это миры, очень похожие на наш. На некоторых из них тоже есть жизнь. Некогда существовал мир, называвшийся Зарканду. Там Хаос победил империю, выстроенную

благородными сыновьями повелителей Мироздания. В конце концов этот мир оказался разрушен и уничтожен, и теперь лишь ледяная груда безжизненных обломков напоминает о его существовании. Эта битва в Вечной Войне была проиграна... В другом мире, который мы называем Иридар, Хаос сумел обратить Огненное Существо на службу злым силам. И опять герои вступили в сражение с силами Вечной Ночи. В том бою была одержана победа над силами Хаоса. Но сейчас, по прошествии многих-многих веков, прекрасный цветущий мир Иридар — мертвая пустыня, где раскаленный ветер заносит красным песком разрушенные города и павшие империи...

В нашем мире эта Война продолжается, не прекращаясь ни на минуту. Вы знаете историю, поведанную нам Летописями Лемурии, сохранившимися с древних времен Гипербореи, Века рептилий и появления человека. Хаос подчинил себе Царей-Драконов. А люди стали поддерживать силы Мироздания. Поэтому из века в век человек сражается с драконом. Так продолжалось до тех пор, пока не наступил Век человека... Возникло Царство Семи Городов, но Хаос, оставив Братство Змей, совратил Правителей Заара, и весь город стал служить силам Хаоса. Семь Городов погибли. Но поднялись новые города, уже на Западе, и вновь Хаос попытался одержать верх, на этот раз в Нианге, лежащей между Востоком и Западом...

Летописи рассказывают об эпохе Серых Колдунов. В те времена три города Нианги подчинили себе силы зла. Они хотели завладеть всем миром. Это было за тридцать веков до времени Тонгора. Сейчас мы мало что знаем о тех мрачных днях. Три города — Кут, Шандатар и великий Занджан — овладели многими секретами сил Хаоса, познали тайну вечного светила — Солнца и вечной тверди — Земли. И кроме того, они овладели Серой Магией — зловещим искусством подчинения человеческого разума и воли, превращающим человека в тупое послушное животное или буйного безумца...

Но девятнадцать богов, разгневавшись, стерли с лица земли эти города, превратив в пыль их стены и

башни. Их жители в страхе бежали из проклятых богами домов и храмов... Но кто знает, какие страшные колдовские орудия остались погребенными под руинами разрушенных городов... Не их ли вытащил на свет жестокий и безумный Белшатла, подвергая наш век опасностям, пришедшим из далеких эпох.

Негромкий дрожащий голос Иерарха смолк, и в наступившей тишине было отчетливо слышно, как старик слабой рукой вновь запечатал металлическую книгу девятнадцатью священными печатями, закрывающими ее страницы от взглядов непосвященного.

Все присутствующие некоторое время сидели в молчании.

Золотые глаза Тонгора сверкали, как у охотящегося вандара — громадного свирепого черного льва древней Лемурии.

— Опять и опять Хаос, — проворчал валькар. — Неужели мы никогда не справимся с темными силами? Не прошло и шести лет, как мы одолели черный город Заар и океанские воды навеки скрыли его от людских глаз, — и вновь Хаос обрушил на нас свои силы.

— Сын мой, — мрачно обратился к королю Иерарх. — Война между Хаосом и силами Мироздания велась испокон веков, и конца ей не видно. Хаос и Мироздание сражались на погибшей планете Зарканду сто миллионов лет назад. Эта война не закончилась, даже когда Божественный Аватар, победил Сына Черного бога. Не окончилась эта битва и на планете Иридар десять миллионов лет назад, когда Чандар уничтожил Черный Факел или когда его могучий сын Арн добыл меч Псаматис, а три Великих Талисмана были вырваны из цепких лап Хаоса. Не закончилась вечная война и когда ты, Тонгор, обрушил черные стены Заара. Ибо конца этой войне не будет ни на нашем веку, ни в бесчисленных грядущих тысячелетиях.

Бог-Солнце Эдир давно уже миновал зенит и сейчас медленно катил свой пылающий глаз к западу. Длинные тени легли на улицы Патанги, протянувшись от одной стены до другой. А во дворце Ста Сарков Тонгор Могучий, словно лев в клетке, ходил из угла в угол по одному из залов, крепко прижимая к себе младенца — свою дочь.

Его подруга Сумия следила за ним печальным взглядом своих огромных черных глаз. Сухие, невыплаканные слезы наполняли эти глаза, но, как истинная императрица, Сумия не могла позволить себе разрыдаться.

— Итак, у меня нет другого выбора, — произнес Тонгор. — Только с благословения Тиандры, богини Удачи, дерзкий Барим отважился пробраться ко мне и предупредить о грозящей опасности. Рыжая Борода сказал, что Таракус вот-вот начнет войну, но у меня еще есть несколько дней, чтобы воспрепятствовать вторжению Каштара Красного Волка. Эта отсрочка нам на руку — ибо за это время отчаянный и дерзкий воин может многое успеть.

— Но почему ты хочешь отправиться в Таракус один? — спросила Сумия. Ее спокойный голос не выдал того, что творилось в ее душе. — Несомненно, это опасно, дерзко, почти безумно — отправиться в одиночку в логово своего злейшего врага! Почему бы не приказать Тому Первису и не обрушить на Таракус всю мощь нашего воздушного флота? Неожиданный удар с воздуха, подкрепленный к тому же осадой наземных сил и штурмом с моря, уничтожит пиратский город прежде, чем его защитники догадаются о том, что империя знает об их коварных планах.

Тонгор задумчиво посмотрел на Сумию:

— Твои слова мудры, но позволь мне не воспользоваться твоими советами. Представь, что Таракус обрушит Серую Смерть на наши летающие лодки и уничтожит Черных Драконов... Последняя надежда Патанги рухнет еще до того, как пиратский флот выйдет в море. Нет! У нас, валькаров, есть древняя пословица: не складывай все стрелы в один колчан. Если с ним

что-то случится, ты останешься безоружным в тяжелый час. Решено! Я отправлюсь в Таракус на борту «Ятагана». Ну подумай, кому придет в голову, что повелитель шести городов сам отправится в логово пиратов, вместо того чтобы руководить войсками, спрятавшись за стенами Патанги, под защитой своих воинов? А в Таракусе никто меня не узнает. И кроме того, сейчас у меня есть отличный шанс. Каштар не знает, что Барим Рыжая Борода — мой друг. Значит, «Ятаган» сможет войти в порт Таракуса беспрепятственно. А неожиданность плюс помощь Барима и его верной команды... Быть может, это и спасет Патангу, если будет на то воля и милость богов.

Княгиня не стала больше протестовать и спорить. Тонгор был прав. Это она признавала, несмотря на то что в ее голове теснились сотни доводов, требующих не отпускать любимого в опасный путь. Но она хорошо знала своего необузданного возлюбленного; знала его отчаянную натуру и понимала, как он изголодался по битвам и приключениям. Сколько раз за последние шесть лет, прошедших в мире, Тонгор жаловался, что становится похож на старый меч, брошенный в сырой подвал и постепенно покрывающийся ржавчиной. Женская интуиция и мудрость помогали Сумии понять Тонгора. Долгие, полные опасностей и приключений годы провел валькар, странствуя, добывая себе пищу, кров и само право на жизнь мечом и кинжалом. Он был пиратом, вором, разбойником-одиночкой и главарем банды. И лишь затем судьба привела его к трону самого могущественного государства Запада.

Итак, Сумия не стала больше спорить и отговаривать Тонгора.

— Так когда же ты отправишься в путь? — спросила она.

— На рассвете, — последовал короткий ответ.

Княгиня улыбнулась, томно и призывно потянулась всем телом; ее руки скользнули к прическе — и тотчас же черные волосы водопадом сбежали по ее плечам и спине.

— До рассвета еще много времени, — прошептала она и улыбнулась, увидев, как сверкнули глаза Тонгора. Аккуратно уложив дочку в колыбель, могучий северянин легко поднял любимую на руки и крепко сжал ее в объятиях.

Глава 4
МОРСКИЕ ДРАКОНЫ

От коварных рифов и ветров безумных,
От течений быстрых и огромных волн
Огради нас снова в плаваниях трудных,
От морских драконов огради нас, Горм!

Молитва моряков Лемурии

Как только первые лучи позолотили край небосвода на востоке, из бухты Патанги вышла черная галера. Ей предстоял долгий путь. Пурпурные паруса надулись, ловя утренний ветер; черный корабль в полной тишине стремительно вспарывал носом воду. Лишь потрескивали шпангоуты, поскрипывали доски бортов и палубы да свистел в снастях ветер.

Утренняя дымка, густая, как молоко, клубилась над водой. Звезды все еще сверкали на небе, но с каждой минутой на востоке все сильнее полыхало багрово-золотое зарево, заставляя звезды померкнуть. Наступал день.

Резкий порыв ветра сорвал с гребня волны пену и швырнул ее на палубу галеры. Тонгор, меряющий палубу «Ятагана» широкими шагами, облизнул соль с губ. Прошли годы с тех пор, как могучий валькар сошел с палубы военного судна, и сейчас северянин радовался, что за время, проведенное во дворце за решением государственных дел, он не потерял навыки моряка. Тонгор улыбнулся, тряхнул черной шевелюрой на соленом ветру. Словно пьянящий напиток, вдыхал он морской воздух. «Привет тебе, Горм!» — раздался

из его груди крик благодарности богам. Опять жить полной жизнью, ощущать свою силу, нестись навстречу новым приключениям в открытое море, на стремительном корабле, бок о бок со старыми, надежными друзьями!

У штурвала стоял старина Дурган. Взойдя на мостик, Тонгор приветствовал его. Сам Барим, капитан пиратов, был на носу. Он полной грудью вдыхал соленый воздух, подставив свое тело брызгам морской воды. Барим оделся более чем легко. Помимо широких кожаных штанов и высоких сапог, он нацепил лишь широкую кожаную перевязь через плечо. Тонгор же сменил черный королевский бархат на потертые кожаные брюки и куртку странствующего лемурийского воина.

Черные сапоги до колен, широкий алый пояс, несколько раз обмотанный вокруг талии... Под кожаной курткой у Тонгора не было ничего, кроме ремней. За спиной, словно крылья, развевалась черная накидка, прикрепленная к ремням на плечах застежками, украшенными кусками дымчатого кварца. Саркозан — большой меч валькаров — покоился в кожаных ножнах на боку могучего варвара. Остро отточенный кинжал и поясной кошелек дополняли костюм и снаряжение Тонгора.

Барим внимательно осмотрел, как повелитель Патанги подходит к нему, поднимая в приветствии руку.

— Отличный денек, приятель, а?.. Керхем! — чертыхнулся рыжебородый капитан. — Я хотел сказать: Ваше Величество...

Тонгор ухмыльнулся, сверкнув белоснежными зубами:

— Без титулов, Рыжая Борода! Здесь ты — капитан, а я всего лишь член экипажа. И если мы хотим без излишнего шума войти в Таракус, то лучше будет на время забыть то имя, под которым меня знают как повелителя Шести Городов.

— Черт побери, здравая мысль, парень, — согласился Барим. — Ну и какое имя мы тебе придумаем?

Что-то сверкнуло в золотых глазах Тонгора.

— Дай подумать. Слушай, когда я много лет назад был таракусским пиратом, меня называли Конгрим — Черный Ястреб. Так пусть и сейчас на борту «Ятагана» меня зовут так же: Черный Ястреб. Идет?

— Договорились, Черный Ястреб, — кивнул Барим.

За спинами моряков заскрипели доски. Обернувшись, собеседники увидели, что на нос галеры поднялся молодой коджан, офицер полка Черных Драконов — Чарн Товис. Свой роскошный золоченый шлем и доспехи он оставил в Патанге. Теперь Чарн Товис был одет в просторный костюм из черной кожи. Ступив на носовую палубу, он вежливо приветствовал своего повелителя и капитана судна.

Из всех благородных, умелых и храбрых воинов Тонгор взял с собой в это опасное путешествие только Чарна Товиса. Быть может, выбор пал на него, потому что именно он, еще совсем юношей, три года назад спас джасарка Тарта, вырвав его из лап Далендуса Вула. Своей храбростью и боевым искусством этот юноша сумел покорить и капитана, и команду пиратской галеры. Его мудрые речи, наравне с мужеством малолетнего принца, сыграли решающую роль в том, что пираты «Ятагана» перешли на сторону Патанги.

Однако на это была и другая причина. Дело в том, что Барим Рыжая Борода был родом не из Дакшины, южной страны, а попал туда с севера, из той же стороны, где родился и сам Тонгор. Рыжебородый воин вырос на холодных, заснеженных равнинах Белнарта, на берегу залива Жаранга Тетрайбаала — части Великого Северного океана. Белнарт лежал недалеко от родной страны Тонгора, где обитало племя валькаров, за хребтом Эобар. Тонгор принадлежал племени Черных Ястребов, давно и тесно связанных дружбой и родством с племенем Белых Волков, к одному из кланов которого принадлежал и Барим. Северяне редко пересекали горы Моммур. Поэтому они старались держаться вместе, когда вокруг начинали свистеть стрелы и звенеть мечи.

Чарн Товис был счастлив вновь оказаться на палубе «Ятагана», вместе со старыми друзьями. А кроме того, он был горд тем, что Великий Тонгор из десяти тысяч воинов выбрал именно его своим спутником в этом опасном путешествии. Не успел офицер обменяться приветствиями с Баримом и Тонгором, как за его спиной, над верхней ступенькой трапа, показалась круглая, как луна, физиономия Блая, расплывшаяся в улыбке.

— Эй, капитан! Кок говорит, что завтрак готов и что еда остынет, если вы немедленно не сядете за стол, — объявил он.

Они собрались в большой каюте, которую занимал Барим. Это было просторное помещение с низким потолком, который пересекали тяжелые толстые балки. Со вбитых в них крюков свисали на цепях масляные светильники. Небольшие окна, выходившие на палубу и на море, отбрасывали светлые пятна на пол каюты. Барим предложил было своему высокому гостю капитанскую каюту, но Конгрим, как Тонгор приказал называть себя во время путешествия, предпочел делить каюту со светловолосым Тангмаром из Коданга. Что касается Чарна Товиса, то он был рад оказаться в компании рмоахала и Рогира. С ними обоими он крепко сдружился еще во время предыдущего плавания.

В большой каюте был накрыт шикарный стол. Тонгор, Чарн Товис, Рыжая Борода и его первый помощник — невысокий смуглолицый офицер по имени Ангар Зенд — приступили к трапезе. Печеная рыба в лимонном соусе, свежие фрукты, горячий, только что испеченный хлеб, копченая дичь и пряное мясо кабана, огромные ломти жирного сыра и терпкий коричневый эль в золотых червленых кубках, несомненно похищенных некогда из трюма какой-нибудь богатой торговой галеры, — все это и еще многое другое было выставлено на стол, и друзья без церемоний взялись за приятное дело.

Весь день и последовавшую за ним ночь, а затем и следующий день быстрая галера, нос которой украшала

медная драконья голова, неслась под пурпурными парусами по волнам залива.

Великий залив Патанги глубоко врезался в Лемурийский континент, почти разрезая его надвое. Прежде чем на горизонте появятся грозные башни крепости Тараку-са, «Ятагану» предстояло проплыть еще много лиг.

Над мачтами кружили и кричали чайки. Белая пена разбегалась в стороны за кормой. Острый нос галеры, словно отточенный огромный нож, врезался в бескрайнюю водную гладь.

Стены Патанги давно скрылись из виду. Вскоре галера миновала показавшийся на горизонте Турдис, еще один город на побережье залива, где на троне восседал князь Баранд Тон. Вскоре и эта крепость осталась позади. Стоя у борта, Тонгор и Чарн Товис наблюдали, как мимо проплывают Шембис и Зингабал. Наконец они миновали Пелорм — последний дружественный город на их пути.

Великий залив стал намного шире. Его воды смешались с более солеными и холодными волнами Яхензеб-Чуна — Южного моря. Еще несколько лиг — и на горизонте покажутся башни пиратской цитадели — Таракуса. Еще ночь под парусом и несколько часов пути при свете дня — и «Ятаган» бросит якорь в огромной, удобной бухте столицы пиратского королевства.

Но тут Судьба взяла дело в свои руки.

Зоркий матрос-тарданец, лицо которого было обезображено клеймом раба с галер Шембиса, первым увидел чудовище. Он сидел в большой плетеной корзине на самом верху мачты, чтобы помогать рулевому ориентироваться в сгущающихся сумерках. Сигнал тревоги, поданный впередсмотрящим, поднял всю команду на ноги. Экипаж стремительно занял боевую позицию.

В нескольких сотнях ярдов впереди по курсу из-под воды показалась огромная чешуйчатая голова с горящими холодным янтарным огнем глазами.

Толстяк Блай звучно икнул. Старый одноглазый Дурган потер здоровый глаз и забормотал молитву морскому богу Шастадиону. Тангмар задумчиво проверил остроту клинка своего меча, а великан Рогир потянул с плеча лук. Все пираты спокойно, без паники готовились вступить в схватку не на жизнь, а на смерть с чудовищем из морских глубин.

Перед галерой вынырнул один из драконов, живших в лемурийскую эпоху. Огромный лярт, сверкая холодными глазами, извиваясь, плыл навстречу судну, широко раскрыв пасть, в которой сверкали драконьи клыки.

Не так уж часто чудовища Южного моря заплывали так далеко. Их домом и владениями были океанские глубины. Но несколько раз в год рыба, которой обычно питались эти драконы, уходила в залив, чтобы отнереститься в устьях впадающих в него рек. И тогда бешеные от голода чудовища заплывали в залив вслед за рыбой... а морякам Лемурии оставалось лишь молить зеленобородого бога Морей о пощаде. Ведь взрослый лярт вдвое длиннее корабля; его могучий хвост, огромные когти и ужасные челюсти могли разбить галеру в щепки или утащить под воду.

Тонгор стоял на носу, сжимая в руке большой меч валькаров. Однажды, двенадцать лет назад, его воллер совершил вынужденную посадку в водах залива и был атакован морским драконом. Тогда девятнадцать богов оказались милостивы к Тонгору и его спутникам. Всему экипажу удалось избежать смертоносных челюстей Ужаса Глубин. Но если это чудовище нападет на «Ятаган», будут ли боги столь же милостивы во второй раз и помогут ли им избежать клыков и когтей огромного лярта?

— Горчак, Туран, Минга — быстро к катапультам! Рогир, бери своих стрелков — и живо на снасти, повыше! Приготовьте стрелы. Всем — к бою!

Барим Рыжая Борода, натягивая доспехи, отдавал приказы своей команде. В палубе открылись широкие люки, из которых на крепких платформах подняли

морские катапульты. Тяжелые каменные глыбы и слитки чугуна, в мирное время служившие «Ятагану» балластом, легли на рычаги могучих орудий. Заскрипели лебедки, натягивая канаты и устанавливая катапульты под нужным углом.

В те далекие времена, за многие тысячелетия до изобретения пороха и изготовления первой пушки, катапульты были единственным оружием лемурийских мореплавателей, которое они могли противопоставить огромным драконам. Удачно пущенный камень мог оглушить или испугать чудовище. А если очень повезет, можно было и добить тяжело раненного или оглушенного лярта, подойдя к нему вплотную.

Но все знали и то, что если катапульты подведут, кораблю и его экипажу конец. Стрелы, мечи и копья едва ли могли повредить этой чешуйчатой машине смерти. Могучие кости и клыки твари могли разбить палубу, пробить борт, сломать мачты.

Некоторое время лярт неподвижно глядел на приближающийся корабль, словно что-то оценивая и прикидывая. Неподвижные глаза дракона по-прежнему горели холодным желтым огнем.

Затем, издав дикий рев, чудовище направилось к «Ятагану». Почти в тот же миг удар меча перерезал натянутые канаты, и рычаг одной из катапульт взметнулся в небо. Тяжелый снаряд описал в воздухе дугу и, не попав в цель, рухнул в море, подняв фонтан брызг.

Еще две катапульты со скрежетом распрямили свои сжатые мускулы, отправляя смертоносный груз в сторону дракона. Одно из каменных ядер вскользь ударило по чешуйчатой спине взвывшего от боли чудовища, другое упало в воду рядом с ним, не причинив вреда.

В следующий миг лярт набросился на корабль.

Одна огромная, покрытая чешуей лапа впилась когтями в борт галеры. Толстые доски заскрипели и застонали, когда громадные, как сабли, клыки вонзились в них. Словно в кошмарном сне, над бортом поднялась огромная голова и, нагнувшись над палубой, оглядела судно, выбирая добычу.

Щелкнули страшные челюсти. Откушенная голова одного из матросов покатилась по доскам, а тело, рухнув на палубу, забилось в конвульсиях. Перекусив человека пополам, дракон начал жевать добычу, глотая огромные куски мяса, с трудом проходящие в горло.

Через какое-то мгновение все было кончено, а страшная голова чудовища метнулась к следующей жертве. Снова фонтан крови брызнул из оскаленной пасти, заливая палубу. Еще один матрос умер страшной смертью.

Засвистели стрелы, пущенные с рей и снастей. Но они не смогли пробить толстую чешуйчатую шкуру дракона. Рогир без устали посылал стрелу за стрелой в противника, но большинство из них лишь отскакивало от брони чудовища.

Затем голова лярта метнулась к тому месту, где стоял Тонгор, сжимавший в руке свой тяжелый меч.

Все произошло за какое-то мгновение. В сумерках, во всеобщем смятении никто так и не разобрался, что же случилось. Да и у Тонгора не было времени на размышления и обдумывание плана. Словно вспышка молнии, инстинкт самосохранения заставил его действовать.

Могучий и ловкий валькар отскочил от огромной головы. Одним стремительным броском он добрался до борта судна, а затем, не снижая скорости, понесся вверх по вантам. В тот момент, когда покрытая чешуей голова чудовища оказалась под ним, Тонгор, сам не осознавая, что делает, спрыгнул сверху на чудовище.

Прежде чем кто-либо понял, что произошло, валькар уже восседал на шее лярта, обхватив горло твари ногами, упираясь ступнями в основание нижней челюсти.

В последних лучах заходящего солнца мелькнула сталь клинка. Острый меч Тонгора обрушился на шею дракона! От дикой боли все тело лярта изогнулось.

Повинуясь инстинкту прирожденного охотника, Тонгор продолжал наносить удар за ударом в одно из самых уязвимых мест тела гигантской рептилии — в основание черепа, где шея была наиболее узкой,

шкура — тонкой. Тонгор понимал, что если ему удастся сильно ранить дракона, то он оставит судно в покое.

Вновь и вновь взлетал в воздух клинок, все глубже вгрызаясь в шею чудовища, подбираясь к позвонкам.

Издав дикий, леденящий кровь крик, переходящий в стон, лярт разжал когти и выпустил из лап борт галеры. Затем чудовище погрузилось в воду, подняв фонтан кровавой пены.

Прежде чем Чарн Товис и Барим поняли, что произошло, лярт оказался в сотне ярдов от судна. Вдалеке было видно, что Тонгор все еще сидит верхом на шее чудовища, а его меч, взлетая в воздух, вонзается в шею дракона. Еще один яростный крик изнемогающего от боли чудовища — и оно скрылось из виду, оставив после себя лишь быстро исчезающий след из кровавой пены.

Последний раз ударил по воде огромный хвост, и дракон исчез. Вместе с ним пропал из виду и Тонгор.

На борту галеры воцарилось молчание. Пираты в ужасе смотрели друг на друга. Постепенно люди ожили, бледные как полотно лица порозовели, моряки зашептали молитвы разным богам.

Долго бороздила галера гладь залива в поисках пропавшего Тонгора. Солнце совсем скрылось за горизонтом, а шлюпки с «Ятагана» все еще прочесывали пространство в том направлении, куда уплыло чудовище. Острые глаза моряков искали валькара — живого или мертвого. Его искали и когда опустилась ночь, при свете факелов и масляных ламп.

Но когда луна прошла уже половину своего пути по ночному небу, Барим скрепя сердце отдал приказ прекратить поиски. Сердце и опыт старого морского волка твердили ему, что ночные поиски не могут увенчаться успехом и лишь увеличивают риск для оставшихся в живых членов экипажа.

Волны залива поглотили могучего воина городов Запада. Теперь только богам было ведомо, куда отправилась его беспокойная душа — к холодным берегам Страны Теней или к черным пещерам неведомых глубин.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ШТОРМ НАЧИНАЕТСЯ

...Были поставлены границы, за которые боги не хотели впускать человеческое любопытство, по своей мудрости, но человеческий разум в жажде познания дерзнул шагнуть за черту, обозначенную богами... А здесь, где идет война между твердью Мироздания и океаном Хаоса, действуют такие страшные Силы, о которых и боги мало что знают и которые ни Божество, ни Демон не осмелятся призвать себе на помощь...

Аллея Эдда

Глава 5
КРАСНЫЙ ВОЛК ТАРАКУСА

Так жив или мертв потерявшийся князь?
Никто об этом не знал, —
И тела с душой не потеряна ль связь
У чьих-то неведомых скал?

Летописи Тсаргола

Бессчетные дни и ночи провел Карм Карвус в мрачной темнице под одной из башен Замка Таракуса — пиратского города. Князь жаждал свободы, свободы и отмщения!

Когда эскадра пиратских судов неожиданно вынырнула из темноты, его огромная трирема едва успела подготовиться к бою. Словно черные морские волки, пиратские корабли, жаждущие крови, налетели со всех сторон. Воины на борту триремы обнажили клинки, готовясь до последнего дыхания защищать своего господина и погибнуть в этой последней схватке. Но пираты Таракуса лишили их и этого последнего права.

Прикрыв глаза, Правитель Тсаргола до мельчайших деталей вспомнил эту ужасную сцену уже в тысячный раз. На носу ближайшего пиратского корабля стояло какое-то странное приспособление — фантастический прибор, состоящий из хрустальных шаров и латунных прутьев. Неожиданно из него ударил луч серого света.

Это неестественное сияние непостижимым образом сводило с ума любого, кто смотрел на эти лучи.

Чудовищным усилием воли князь заставил себя отвернуться от ужасной лампы. Но его команда и свита — матросы и офицеры, слуги и придворные, охрана и повара — все, не сводя глаз, словно завороженные следили за неведомым серым свечением.

Красные Волки Таракуса взошли на борт его триремы, не встретив сопротивления. Лишь Карм Карвус отчаянно сражался с окружившими его со всех сторон пиратами, пока численный перевес не сделал свое дело: гордый князь был повержен на палубу и связан. А его верные и храбрые воины словно приросли к палубе и неподвижно глядели на мерцающую серую лампу. Затем, когда пираты, вытащив связанного по рукам и ногам Карма Карвуса, покинули борт «Короны Тсаргола», их командир, в котором принц узнал самого Каштара Красного Волка, отдал лишь один короткий приказ:

— Убить!

Палубы триремы превратились в поле жестокого сражения. Сердце Карма Карвуса разрывалось при виде того, как его люди, повинуясь приказу пирата, превратились в диких зверей. Словно бешеные псы, моряки Тсаргола набросились друг на друга, нанося удары клинками и кулаками, вонзая зубы в горло ближнего. А пираты со смехом наблюдали за кровавой бойней, заключая пари и издеваясь над безумцами.

Это случилось много дней назад. С явным усилием Карм Карвус попытался отогнать кошмарную картину, достойную самых страшных описаний ада.

— Отец богов и людей, почему я должен это помнить?!

Камера в темнице, в которую был брошен пленный князь Тсаргола, была темной, сырой, пропитанной запахом гнили и нечистот. Между неплотно уложенными камнями поблескивала зловонная жижа. Откуда-то сверху капала вода. Медленное «кап-кап» не меняло своего ритма ни днем ни ночью, и только

один этот монотонный звук уже мог свести узника с ума.

Губы князя скривились в презрительной усмешке: чтобы сделать пленника безумным, Красным Волкам даже не нужно было обращаться за помощью к колдовской серой лампе. Достаточно было засунуть его в эту темницу.

Долгие дневные часы князь Тсаргола провел в медитациях. Время от времени, чтобы нарушить тишину, разрываемую лишь монотонным звоном капель, он читал вслух фрагменты древних саг и песен о храбрых воинах, которые еще в детстве заучил наизусть. Немало размышлял он и над гнетущей его проблемой: зачем пираты пленили его? В конце концов Карм Карвус пришел к выводу, что виной всему — возросшие аппетиты правителя пиратского города, решившегося на дерзкое похищение ради выкупа, который можно будет потребовать с его родного города. Пираты продумали все абсолютно верно. Народ Тсаргола любил своего князя и дорого заплатит за то, чтобы спасти его от раскаленных щипцов и крючьев палачей Таракуса. В глубине души Карм Карвус давно поклялся, что если ему суждено когда-нибудь вырваться на свободу, то он посвятит остаток своих дней тому, чтобы раздавить это змеиное гнездо, сровнять с землей пиратский город, и не успокоится, пока не увидит предводителя корсаров на виселице или обезглавленным на плахе.

Вскоре другая мысль пришла ему в голову. А что, если Каштару нужен не выкуп — ведь пиратское государство и так не бедствовало, — а нечто другое, например трон Тсаргола? Что, если Каштар Красный Волк решил присоединить Тсаргол к пиратскому царству? Такое предположение не выглядело совсем уж невероятно. Карм Карвус надеялся, что у его придворных хватит мужества выбрать меньшее из зол и сохранить свободу городу, даже обрекая таким образом своего князя на медленную и мучительную смерть от рук палачей.

В этих раздумьях Карм Карвус проводил дни заточения и ждал возможности вырваться на свободу, надеясь, что такой случай подвернется. Он даже не догадывался о размахе заговора Каштара против Шести Городов...

Наконец монотонное существование узника было нарушено чем-то необычным.

Карм Карвус уже пробудился от тяжелого, беспокойного сна, выполнил серию физических упражнений, поддерживающих его в форме, и теперь заканчивал обычную утреннюю трапезу, состоящую из кислого вина, черного хлеба и заплесневелого сыра. Поев, он растянулся на жестком ложе и стал решать в уме теоремы древнего лемурийского философа Тантона Альтхаарского. Вдруг его размышления были прерваны звуком шагов. Лязгнули клинки, послышалось шуршание одежды...

В тот же миг князь весь обратился в слух и ожидание. Тюремщики, естественно, обезоружили его, но, не заковав в цепи, предоставили свободу в пределах камеры. Было вполне вероятно, что за дверью окажется не так много людей, чтобы с ними нельзя было справиться узнику, жаждущему вырваться на свободу. Ведь наверняка они ожидают найти в темнице сломленного, ослабевшего, поникшего и безвольного узника. Если так, то тюремщиков Таракуса ждал сюрприз, ибо их встретил полный сил, готовый к бою и жаждущий отмщения воин.

Ключ с лязгом повернулся в замке. Заскрипели ржавые петли, и тяжелая дверь камеры открылась. Свет факелов залил помещение — свет, слишком яркий, просто ослепительный, для того, кто провел множество дней и ночей в кромешной темноте. Прищурившись, Карм Карвус разглядел семерых стражников с палашами наготове. Князь с трудом подавил стон отчаяния: у него не было никаких шансов. Броситься одному, без оружия на семерых вооруженных и готовых к сопротивлению противников — чистое безумие.

Командовал стражниками человек с волевым лицом, которое могло бы быть красивым, если бы не безобразный шрам от удара саблей, пересекавший щеку от уха до подбородка и изогнувший губы в страшном подобии улыбки. Он приказал принцу выйти из камеры в коридор, где того сразу же окружили со всех сторон стражники с обнаженными клинками.

Карма Карвуса провели вдоль ряда камер, таких же, как и та, где он провел столько дней и ночей. Некоторые были заняты, некоторые пусты. Во многих были лишь прикованные скелеты или обезумевшие от долгих лет одиночества и темноты полулюди-полузвери.

По винтовой лестнице процессия поднялась на другой этаж огромного замка. Молчаливый командир стражников не изъявил желания объяснить Карму Карвусу причину этого перемещения. Со своей стороны, гордый князь не снизошел до того, чтобы обратиться к тюремщику с вопросом. Он шел широким шагом, высоко подняв голову и расправив плечи, словно не узник под конвоем, а король со свитой.

Дворец вождя пиратов был невероятно роскошен. Корзины и ларцы с драгоценностями стояли тут и там, словно бесполезные безделушки. Тончайшей работы ковры были раскиданы по полу. По углам стояли, а то и валялись никому не нужные статуэтки из золота и слоновой кости, чеканные кубки. Мебель тут была из самых дорогих пород дерева...

Пираты мало походили один на другого. Они были выходцами из десятков городов и стран. Но все они выглядели давно не мытыми и не бритыми. У всех в ушах висели золотые серьги, а пальцы украшали перстни с самоцветами. Они носили дорогие наряды из парчи, бархата и шелка, украшенные золотыми пряжками и застежками. Но вся эта роскошь была залита маслом, заляпана грязью, а поверх всего — покрыта пятнами от пролитого вина. Пиратский дворец, казалось, ломился от сказочных богатств, но, похоже, здесь им не придавали особого значения.

Наконец процессия оказалась в одном из центральных залов, освещенном стоящими на полу свечами толщиной с человеческое тело. В ярком золотистом свете Карм Карвус увидел стройного, элегантного человека в красных шелковых штанах и рубахе, обтягивающих тело, как хорошая перчатка облегает руку. Этот человек восседал на помосте в красивом кресле, вырезанном из цельного бивня невиданных размеров слона-великана. Этого человека с сальными волосами, перевязанными шелковым шнурком, и с пальцами, каждый из которых украшало по перстню, Карм Карвус сразу узнал. Это был Каштар Красный Волк, повелитель города пиратов.

Они долго глядели друг на друга, не произнося ни слова. Пиратский король был одновременно ленив и напряжен — словно отдыхающий, но прислушивающийся к окружающим звукам кот. Кожа на его лице цветом походила на старый пергамент, а глаза горели холодным черным пламенем. На лице его застыло выражение жестокого пренебрежения. В ухе висела серьга с огромным рубином.

На нижней ступени помоста стоял другой человек, чье странное одеяние привлекло внимание Карма Карвуса. Незнакомец был высок, его череп — гладко выбрит, а глаза, словно стеклянные, ничего не выражали и смотрели в одну точку. Странный человек был одет в серую хламиду, похожую на одеяние жреца какого-то неизвестного бога. Таинственные иероглифы на незнакомом князю Тсаргола языке алой шелковой нитью были вышиты на груди стоящего у подножия трона человека.

Карм Карвус догадался, кто это. Трудно было ошибиться. Это был Белшатла — придворный колдун империи Каштара, пиратского короля.

Наконец Каштар улыбнулся и насмешливо склонился в поклоне. Его голос был тих и полон издевки:

— Ну, мой дорогой князь, я надеюсь, что вы нашли свои палаты весьма сносными, а наше гостеприимство вполне достойным?

— Я нашел твое гостеприимство именно таким, каким оно и должно быть, — спокойно ответил Карм Карвус.

— Великолепно, великолепно! — кивнул предводитель пиратов. — Я совсем зачах от скуки. Боюсь, мои приятели и придворные — слишком грубая и неотесанная компания для цивилизованного человека и едва ли подходят для общения с князем. Я надеюсь, что вы позабавите меня, мой гость.

— Должен признать, что я бы предпочел компанию самых грязных отбросов человеческого общества, каковыми являются твои подчиненные, чем общество такой кровавой свиньи, как ты. Боюсь, ты не вписываешься в мои представления о цивилизованном человеке.

Черный огонь вспыхнул в глазах одетого в красное предводителя пиратов, а рука его крепко сжала золотую, украшенную драгоценными камнями рукоятку длинного тонкого меча. Побледнев, Каштар с видимым усилием обуздал свой гнев и продолжил все тем же сладким голосом:

— Великолепно! Потрясающе! Я же тебе говорил, Белшатла, что почтенный гость позабавит нас. Ну что ж, князь, вы уже начинаете отрабатывать оказанное вам гостеприимство.

Бритоголовый колдун ничего не ответил Каштару. Карм Карвус тоже не стал продолжать разговор, а просто стоял, глядя куда-то мимо Красного Волка.

Глаза Каштара внимательно изучали Карма Карвуса.

— Я полагаю, досточтимый князь, вы провели много времени, раздумывая над тем, что привело вас в наш гостеприимный дом и почему вам был оказан такой любезный прием. Вас ведь немало удивило такое положение вещей, не так ли?

— Ничуть, — столь же спокойно ответил Карм Карвус. — Разве беспомощное животное размышляет, оказавшись в загоне мясника? Оно несомненно знает, что попадет на бойню. В моем случае я оказался в

хлеву, называемом тобой дворцом, только по одной причине: тебе нужен выкуп. Я уверен в этом, ибо ты не кто иной, как самый обыкновенный преступник.

И вновь спокойные слова пленника разозлили Каштара. Вновь вспыхнули черные глаза пирата, вновь дернулась рука, чтобы сжать рукоять меча.

– Дерзкие, отчаянно дерзкие слова для того, кто целиком в моей власти.– В голосе Красного Волка послышалась угроза.

– Ты ничего не можешь; разве что убить меня, – пожав плечами, сказал Карм Карвус, а затем, вспомнив слова своего старого друга Тонгора, добавил: – А человек может умереть всего лишь один раз.

К удивлению князя, Каштар рассмеялся:

– Выкуп! Боюсь, ты и вправду принимаешь меня за какого-то бандита. И «убить» – ты опять ошибаешься во мне, Тсарголец!

– Принимая тебя за обыкновенного мясника? – поинтересовался пленник.

Пират прищурился:

– Нет, дорогой мой князь, тебе я уготовил иную участь. Другая, другая судьба заставит тебя остаться здесь, моим... э-э... скажем, гостем.

Карм Карвус вздрогнул:

– Ну давай, назови же цену моей свободы. Хватит играть в кошки-мышки. Мой народ отдаст за меня все, что у него есть.

– Но все это не стоит свободы такого человека, как ты, – ухмыльнулся Красный Волк, – по крайней мере твое маленькое государство не сможет дать нужную цену. А вот могучий Тонгор – тот, пожалуй, мог бы рассчитаться сполна...

Страшная догадка мелькнула в голове Карма Карвуса, заставив его вздрогнуть.

– Тонгор? А он-то тут при чем?

– Пока что ни при чем. Но скоро, очень скоро... Он заплатит мне назначенную мной цену, клянусь Одиннадцатью Кровавыми Преисподними.

– Я... не понимаю...

— Ну, тогда я снизойду до объяснения. — Каштар наклонился вперед и оперся локтем на резной подлокотник своего трона из слоновой кости, пристально глядя в глаза Правителю Тсаргола.

— Ты — старый друг повелителя Патанги, — почти шепотом произнес Каштар. — И я не сомневаюсь, что к тебе он испытывает такие теплые чувства, что готов заплатить любую цену. Но, быть может, не совсем. Но, когда я добавлю к своей небольшой, но весьма достойной коллекции друзей так называемого повелителя Запада...

— Добавишь? — хрипло выдохнул Карм Карвус.

— Ну да! Смотри: у нас уже есть князь Элд Тармис из города Шембиса, старый Баранд Тон, Правитель Тардиса, и юный князь Зул, не далее чем год назад унаследовавший трон Зангабала, ну и еще кое-кто...

— Что же это за дьявольщина! — простонал Карм Карвус.

Лицо Каштара расплылось в улыбке победителя.

— Узнав, что у меня в руках пять или шесть правителей городов его империи, гордый, но человеколюбивый варвар не сможет отказать мне в моей просьбе и не отдать мне трон Патанги. Таким образом, пираты Таракуса одним махом захватят самую большую добычу, самый богатый трофей в мире — саму империю! Если этот тупой северянин вдруг решится сразиться с нами, вы — его приятели — будете постепенно, медленно, но верно разрезаны на куски. А на стены Патанги мы направим луч безумия, чье действие ты уже мог оценить, когда мы захватили твой корабль. Вот так-то, дорогой мой князь. На этот раз золото и камушки не насытят моего голода. Нам нужны короны и царства. И мы овладеем ими, даже если зальем полмира лучами Серой Смерти!

Остолбенев от ужаса, Карм Карвус ничего не ответил. Неужели его судьба послужит тем инструментом, при помощи которого Тонгор и его народ будут обращены в рабство под властью жестокого, бесчестного пирата из Таракуса? Увы, похоже, что так оно и есть.

Глава 6

ЧЕРНАЯ МУДРОСТЬ ДРЕВНИХ ЭПОХ

Забрали его в черный грот под водой,
В загадочную цитадель,
И только дракон над могучей волной
Ревел, словно раненый зверь...

Летописи Тсаргола

Карм Карвус просыпался медленно и тяжело, словно после обморока. Некоторое время он даже не мог понять, где он и что с ним случилось.

Допрос перед костяным троном Каштара давно закончился. Узнавшего об уготованной ему роли наживки для Тонгора Карма Карвуса отвели обратно в камеру. Это произошло где-то ближе к полудню. Остаток дня князь Тсаргола провел в безутешном отчаянии. Затем в камеру принесли ужин. Обычно это была отвратительная еда, но на этот раз к вполне достойной пище подали вкусное вино. Карм Карвус выпил все до капли и провалился сначала в плотную пелену ярких сновидений, а затем в тяжелый, похожий на забытье сон. И вот теперь он проснулся, но где?

Он обнаружил, что лежит на мягкой кровати, застеленной шелковым покрывалом. Под головой принца оказалась одна из нескольких обтянутых атласом подушек, разбросанных по кровати. Осмотревшись, Карм Карвус увидел, что находится в комнате со стенами, выложенными полированными каменными плитами, и освещенной несколькими медными лампами, свисающими с потолка. В одном углу, на невысокой подставке из черного дерева, инкрустированной перламутром, дымилась большая серебряная жаровня. Голубой дым, исходивший от нее, наполнял комнату приятным ароматом мирра и сандала.

На стенах в качестве украшений висели тонко выполненные гобелены с чересчур откровенными эротическими сюжетами. На длинном низком столике стояла золотая статуэтка, изображающая юную девушку, со-

вокупляющуюся с тремя сатирами. Карм Карвус тряхнул головой и прикрыл глаза. Мозг его работал с трудом, а тело наполнилось странной слабостью. Запах... Аромат благовоний был слишком сладок...

— Наркотик... Что-то в вине...

— Именно так, князь Тсаргола, — раздался хриплый каркающий голос.

Глаза принца широко открылись, и он огляделся. Оказалось, что в дальнем углу комнаты стоял большой резной стул из черного дерева. Вырезанные на нем узоры представляли собой головы демонов, фигуры чудовищ и все те же силуэты людей, совокупляющихся друг с другом и с животными. На стуле восседал обритый наголо человек в сером хитоне жреца неизвестного культа.

— Белшатла? Что же это...

Карм Карвус попытался встать, но непреодолимая слабость заставила его вновь опуститься на подушки. Серый Колдун кивнул и растянул губы в безжизненной улыбке.

— Ну да, Белшатла... Слабость скоро пройдет, и ты снова станешь самим собой, — сообщил колдун.

— Но почему..?

— Снотворное в вине? Да это же ерунда. Щепотка Розы грез, не больше. Еще немного этого же порошка — и ты уснул бы так крепко, что даже Смерть не смогла бы пробудить тебя. Но ты мне был нужен живым.

Что-то зловещее, безжалостное было в голосе старого колдуна. Карм Карвус с трудом приходил в себя, теряясь в догадках, как он сюда попал, и недоумевая, к чему все эти странные украшения и аромат в воздухе. Положив ладонь на лоб, Князь Тсаргола попытался сосредоточиться.

— Я знаю, разные вопросы сейчас мучают тебя, и буду рад дать ответ на них, — продолжил Белшатла своим хриплым голосом. — Я усыпил тебя, а затем мои слуги перенесли тебя сюда. Мне хотелось насладиться твоей беспомощностью... Несомненно, мой господин,

вы не вспомните одну встречу, случившуюся каких-то семь лет назад. Тогда я пришел во дворец Тсаргола как жалкий нищий... Неужели? Неужели ты не помнишь этого?

Карм Карвус только тяжело покачал головой.

— Это было где-то за год до того, как Тонгор собрался в поход против Черного Заара... Ну? Нет, разумеется, я был столь ничтожен и незначителен для такого высокородного господина, как ты. Где уж тебе меня упомнить...

Белшатла закашлялся. В его голосе звучали нотки старой обиды. Видимо, неудача при дворе Тсаргола очень уязвила его болезненное самолюбие. Карм Карвус попытался припомнить тот случай, но безуспешно.

Белшатла продолжил:

— Я, трудясь неустанно долгие годы, сумел раскрыть на древних картах расположение забытых и потерянных городов Нианги... И вот, придя в Алый город, я прямиком направился к тебе во дворец, предлагая неслыханную власть и могущество, если ты согласишься приоткрыть сундуки и дать денег на экспедицию в далекие пустыни Нианги. Но ты, мой любезный господин, ответил, что я безумец, и выставил меня из дворца... А! Ну вот, я вижу, что ты что-то припоминаешь!

Карм Карвус внимательно смотрел на человека в сером.

— Да, — медленно произнес князь, — я действительно вспомнил тебя, хотя тогда ты называл себя другим именем и носил белые одеяния жреца Нефелоса, а не серый хитон нианских колдунов. Да, я помню, что назвал тебя безумным, потому что ты хотел вновь вытащить на свет дьявольскую магию Нианги... Именно за это колдовство мудрые боги и покарали то проклятое царство, стерев в пыль его города, чтобы хранящееся в них зло не вырвалось наружу и не погребло под собой всю Лемурию. Я вспоминаю, что еще я сказал, что для человечества будет лучше, если дьявольские механизмы и заклинания колдунов Нианги останутся навеки по-

хороненными в руинах разрушенных городов; что лучше будет никогда не трогать их... Да, теперь я точно помню нашу встречу.

Тонкие губы Серого Колдуна скривились в гримасе-ухмылке победителя.

— Я думал, мне дольше придется оживлять твою память, мой почтенный князь. Позволь только поведать тебе, что я вышел за ворота Тсаргола с проклятиями на устах. В своем праведном гневе я поклялся отомстить. Я решил в одиночестве раскрыть тайну древних мудрецов Нианги, чтобы, овладев ею, обратить карающий меч мести в первую очередь на Алый Тсаргол, который первым будет сметен с лица земли... Да, долгие годы я один трудился не покладая рук в этих дальних, забытых людьми землях. Своими руками я раскопал пыль веков и вновь обнаружил забытые и брошенные колдовские машины. Затем пришли годы беспрерывной тяжелой работы — познания утраченной мудрости древних времен, эпохи Рассвета Земли. И вот, шаг за шагом, я овладел потерянным искусством мудрых колдунов древней Нианги!

Торжество победителя звучало в каркающем голосе Серого Колдуна. Безумный огонь сверкал в глазах, пена выступила в уголках губ. Неожиданно Карма Карвуса осенило, что Белшатла и вправду безумен. Неизвестно, был ли он уже таким много лет назад, когда пришел в Алый город со своим дерзким предложением; быть может, долгие годы скитаний по пустыням, жизни в одиночестве и многих часов, проведенных в постижении древнего чародейства, оказались сильнее разума человека. Как бы то ни было, но сейчас человек, сидящий перед Кармом Карвусом, явно был сумасшедшим. Вздрогнув в первый момент от ужаса, Карм Карвус тотчас же стал прикидывать, как использовать этот факт себе на пользу, чтобы попытаться бежать.

— Да, я был глуп, недооценив твой талант и упорство, Белшатла, — спокойно сказал князь, причем с большой долей искренности.

Серый Колдун расплылся в торжествующей улыбке:

— Что ж, тебе осталось только сожалеть о своей недалекости. Все, уже поздно. Когда-то я готов был бросить к твоим ногам все королевства земли. Но теперь я отдаю их красному псу из Таракуса! И он, а не ты, будет сидеть на Троне всех королевств!

— Что ж, горе мне, не распознавшему гения, когда он обратился ко мне, — произнес Карм Карвус. — Скажи, а ты действительно овладел тайнами колдунов древней Нианги или только притворяешься, чтобы отомстить мне?

— Притворяюсь? — Яростная гримаса исказила лицо безумного колдуна. — Я притворяюсь? Я, последний хранитель мудрости древних колдунов, — притворяюсь? Я, тот, у чьих ног скоро лягут страны и народы, тот, кого будут прославлять как победителя и завоевателя... Так послушай же меня: Серая Смерть, как вы по невежеству называете Лампу, Разрушающую Разум, — это лишь слабейшее из тех страшных видов оружия, которые хранились в городах забытой и занесенной песками Нианги! Помимо нее, существует оружие, которое может помериться силами с самим солнцем. Оно вызывает огонь такой силы, что сама земная твердь плавится и течет, словно растаявший весной лед... Яйцо Грома — так называли это оружие древние колдуны Нианги... Основа его — два редких и дорогих металла, которые, соединенные друг с другом, высвобождают скрытый богами в них огонь и жар. Даже двух небольших кусочков достаточно, чтобы поднять факел выше купола любого храма и разрушить целый город!

Можете себе представить, с каким непередаваемым ужасом слушал Карм Карвус слова безумного и страшного в своем безумии Белшатлы. Ведь князь Тсаргола не знал ничего о водородной бомбе, а именно ее описывал ему Серый Колдун, в тех словах и терминах, которые были доступны древнему лемурийцу.

Князь дал старому колдуну выговориться и, подождав, пока Белшатла чуть устанет от эмоциональных речей, поинтересовался, как работает Лампа Безумия, и нельзя ли поближе рассмотреть ее в действии. Колдун

на удивление легко и радостно согласился с этим предложением; ибо злопамятному безумцу не было ничего приятнее, чем восхищенное внимание того человека, который некогда отверг его предложение и выгнал прочь из дворца и из города.

Колдун встал и направился к узкому проходу в стене за спиной пленника, знáком приказав Карму Карвусу следовать за ним. Узкий коридор освещали лишь несколько свечей, вставленных в подсвечник, сжатый сухой рукой Белшатлы. Карм Карвус шел за Белшатлой по пятам; его мозг напряженно работал. Несомненно, сейчас ничего не стоило убить безумного старика... Но будет ли в этом смысл? Ведь князь Тсаргола понятия не имел о том, в какой части дворца они находились и каким путем можно выбраться на свободу. В итоге он решил: пусть Белшатла действует по своему усмотрению.

Карм Карвус, вздохнув, последовал дальше по темному туннелю, не зная, куда ведет его безумный колдун, полагаясь лишь на милость богов.

Они спускались по винтовой каменной лестнице на дно глубокой шахты. Все ниже и ниже — Карму Карвусу уже начало казаться, что на него давит тяжесть каменной громады, нависшей над ними. Таракус был построен на склонах гор, окружавших бухту. Крыша одного дома нередко была террасой соседнего, и почти из всех окон открывался вид на залив Патанги в том месте, где его воды смешивались с водами Южного моря. Крепость Каштара и его замок возвышались на вершине одной из гор, а этот тайный подземный ход уходил вниз, спускаясь, быть может, до уровня моря.

Карм Карвус шел, ступая след в след за шаркающим колдуном, непроизвольно поеживаясь от страха. В дрожащем свете свечей метались тени, вокруг почти ничего не было видно — лишь грубо обработанные ступени и стены, вырубленные в скальном монолите. А лестница вела все ниже и ниже — в бездонную темную пропасть.

Лестница превратилась в туннель, а тот привел в огромную пещеру. Сотни сталактитов свисали с ее куполоподобного потолка, отчего она напоминала какой-то древний храм.

Посмотрев чуть дальше, Карм Карвус разглядел волны моря, разбивавшиеся о каменное дно пещеры. Видимо, в противоположной стене пещеры было отверстие, через которое вода и поступала в эту подземную бухту. Массивная решетка из толстых железных балок перекрывала вход в пещеру. Карм Карвус предпочел отложить расспросы о предназначении этой преграды на другой раз.

Колдун и князь подошли к самой кромке воды. Рядом с ними над волнами далеко выдавался вперед каменный выступ, на острие которого было установлено странное сооружение. Стеклянные дымчатые шары, поблескивающие латунные проводки и пластинки — точная копия дьявольской машины, которая принесла на борт «Короны Тсаргола» безумие, кровь и смерть.

Белшатла проследил направление взгляда принца и разразился хриплым смехом.

— Да, да. Именно она — Лампа, Разрушающая Разум... Лучи Безумия... Во всем мире лишь две такие машины. Одна — перед тобой, а вторая — установлена на палубе флагмана флота Каштара — на «Красном Волке», — сообщил колдун, а затем, обведя вокруг себя рукой, добавил: — Это моя лаборатория. Здесь я могу проводить свои эксперименты, вдали от непрошеных свидетелей и завистников.

— Здесь? — поежился Карм Карвус. — Ты здесь экспериментируешь? Но на чем... или на ком?

— В основном на рабах и пленных, — пожал плечами Белшатла. — Видишь вон те клетки?

Карм Карвус не заметил их раньше из-за тусклого освещения, но теперь, приглядевшись, он вздрогнул, увидев то, на что показывал ему Белшатла.

На железных цепях под куполом пещеры была подвешена дюжина железных клеток, наподобие звериных. В них, на голых железных прутьях, лежали мертвые

люди — мужчины, женщины, дети. Но страшнее оказались не трупы, а те пленники, кто еще оставался жив. Безумцы, понял Карм Карвус, всмотревшись в их лица и дикие глаза.

— Большинство экспериментов уже завершено, — доверительно сообщил Белшатла. — А подопытные — когда они мне больше не нужны, я очень просто избавляюсь от них. Вот так.

Подскочив к торчащему из какого-то механизма рычагу, колдун резко дернул его костлявой, похожей на лапу хищной птицы рукой. Тотчас же в полу подвешенных клеток открылись широкие люки, и несчастные пленники — живые и мертвые — полетели в воду. Карм Карвус хотел что-то крикнуть жестокому колдуну, но тут другое зрелище, не менее ужасное, приковало его внимание.

Из воды с шумом вынырнула огромная, покрытая чешуей голова дракона. Раскрылась ужасная пасть, обнажив огромные клыки; в глазах рептилии читалось лишь одно-единственное чувство — голод. Видимо, Белшатле как-то удалось заманить в эту западню одного из лярtов — морских драконов. Теперь Карму Карвусу стало понятно, зачем понадобилось накрепко перегораживать устье пещеры.

Неожиданно в голове князя мелькнула смутная догадка... Придав лицу выражение задумчивого сомнения, он почесал в затылке и произнес:

— Эти несчастные в клетках — мертвы или по крайней мере уже безумны. Как же я смогу оценить мощь твоего оружия, если ты показываешь его действие только на беспомощных, запертых в клетках рабах. Кто знает, когда и отчего сошли они с ума? А вот если бы ты попробовал... если, конечно, твоя Лампа это сумеет, что мне кажется невероятным... в общем, вот если бы ты сумел победить его...

И Карм Карвус ткнул пальцем в сторону морского дракона. На какой-то миг тень сомнения омрачила торжествующее лицо колдуна, но все же безумное честолюбие и вера в собственное всесилие взяли верх.

— Что? Ты думаешь, мне это не по силам? Ну, я тебе сейчас покажу!

Глаза Белшатлы загорелись еще сильнее. Старый колдун подбежал к своей машине и начал возиться с проволокой и рычажками. Из прибора донеслось какое-то глухое биение, словно уханье далекого молота. По стеклянным сферам пробежали и вновь исчезли странные искры и маленькие молнии. Запах неизвестных князю веществ ударил в нос. Карм Карвус попытался не вдыхать этот запах, задержав дыхание. Но запах не исчезал, а, наоборот, усиливался. Карм Карвус перестал обращать на него внимание, думая о другом. Он и сам не знал, ради чего попросил колдуна запустить лампу. Никакого конкретного плана у князя Тсаргола не было, но что-то подсказывало ему, что у него есть реальная возможность если не вырваться на свободу, то уж наверняка убить Белшатлу и уничтожить Лампу Безумия, вдвое уменьшив дьявольский арсенал Каштара. Игра стоила свеч.

Белшатла уже закончил настраивать свое орудие. В неверном свете искр и пламени, вырывающемся из лампы, его лицо казалось застывшей маской жестокости и безумного самодовольства.

— Только не смотри против луча, — предупредил колдун. — Сейчас попробуем. Сначала включим на малой мощности.

Стук далекого молота участился, перейдя в глухой гул. Из центрального шара сквозь латунную трубку ударил луч серого, почти бесцветного света. Холодный серый луч пробежал по дальней стене пещеры, спустился к воде, скользнул по гребням волн — и остановился на огромной голове вынырнувшего дракона.

Через мгновение глаза лярта медленно затянулись пленкой век; дракон расслабленно лег на воду, наполовину погрузив в нее голову. Лампа Безумия захватила, поработила его крохотный мозг и слабый разум.

— Именно так, — сказал Белшатла, — была настроена лампа, когда мы захватили твой корабль. Надеюсь, ты помнишь, что твои люди замерли, словно загипно-

тизированные, уставясь на лампу. В этом состоянии разум полностью подчинен тому, кто управляет лампой. Все его приказания будут немедленно исполняться. Помнишь, как твои люди, повинуясь одному слову Каштара, превратились из неподвижных статуй в бешеных псов. Разумеется, дракону нельзя просто так приказать. Животное не понимает человеческих слов. Но если я чуть добавлю мощности и увеличу амплитуду вибрации луча, он так озвереет — только держись!

Колдун подкрутил какие-то проволочки и рычажки на своем аппарате, и тотчас же глаза дракона открылись, уже горя безумным огнем. Утробный рев чудовища пронесся по пещере, разрывая барабанные перепонки. Мощный удар гигантского хвоста поднял целый столб брызг и пены.

Карм Карвус затеял это представление без конкретного плана, не зная четко, к чему все это приведет. Теперь он увидел результат — и отскочил назад в ужасе. Страшный дракон разогнался и всем весом обрушился на каменный уступ, на котором стояли лампа и Белшатла. Скала вздрогнула. Еще один удар — и в воздух полетели осколки гранита. Скала треснула и пошевелилась.

Тут и Белшатла не на шутку испугался. До этого момента его больной разум готов был следовать за дразнящими предложениями Тсаргольца, но теперь старик понял, что речь идет о его собственной жизни и сохранности драгоценного инструмента, но было уже поздно. С ужасающим грохотом и скрежетом утес обломился. Лампа Безумия рухнула в воду, оказавшись похороненной под грудой камней. По крайней мере, подумал Карм Карвус, у пиратов Таракуса осталась лишь одна страшная машина, что намного увеличит шансы империи в войне против Красного Волка.

В следующий момент радость князя улетучилась как дым. Карм Карвус почувствовал, что и сам летит куда-то вниз. Черная вода и белая пена неслись ему навстречу, а значит, он падал в воду, где яростно метался обезумевший дракон.

Белшатла успел отскочить с обрушившегося уступа к стене обрыва за его спиной. Не дожидаясь развязки, старый колдун, изрыгая проклятия, поспешил скрыться в туннеле. Злость на самого себя душила его. Ведь именно из-за его болезненного самолюбия и глупой самоуверенности одна из двух Ламп Безумия погибла. К тому же пропал и столь ценный трофей Каштара — князь Тсаргола.

Хотя не пропал, а наверняка погиб — ибо никто не смог бы остаться в живых в кипящем котле крохотного залива, где яростно носился взбесившийся морской дракон.

Глава 7
ЛИЦО В ОКНЕ

Ветер гуляет на вольном просторе.
Яркие звезды играют с луной.
Мы на волнах серебристого моря
Золото ищем ночною порой.

Морская песнь пиратов Таракуса

На западе догорал багровый закат, а с востока надвигались тяжелые тучи, предвещавшие сильную бурю. Там, где залив Патанги выходил в Южное море, уже поднимались высокие волны.

Город пиратов Таракус был построен на том месте, где две огромные скалы образовывали удобную и тихую бухту, защищавшую стоящие на рейде и у причалов суда и прикрывающую от бурь и штормов сам порт. Но ничто не защищало город, расположившийся на склонах прибрежных кор, от порывов холодного штормового ветра.

Город больше напоминал не жилое поселение, а боевую крепость. Каменные дома с маленькими окнами карабкались по склонам горы, на вершине которой горели в багровых лучах башни замка Каштара.

Не одна сотня кораблей стояла на якоре в бухте Таракуса. Галеры с драконьими головами на носах, крупные боевые корабли с высоко поднятой кормовой надстройкой, изящные галеры и могучие триремы — самый сильный флот всего Запада принадлежал городу корсаров. Но не так часто столько кораблей одновременно собиралось в этой бухте. Поводом для сбора стала подготовка флота к невиданной битве — сражению против империи. И вот теперь, даже в столь поздний час, гавань представляла собой копошащийся муравейник — матросы приводили в порядок такелаж, докеры ремонтировали обшивку, тут и там сновали баркасы и шлюпки, подвозившие к кораблям пресную воду, продовольствие и снаряжение. Пираты готовились к войне с Патангой, Гордом Огня...

Каштар Красный Волк был вне себя от ярости. Исчезновение Карма Карвуса и потеря второй Лампы Безумия заставили его изменить все планы и ускорить подготовку к походу. Сначала Каштар хотел захватить по одному как можно больше правителей городов империи или их ближайших родственников, чтобы использовать их как заложников, ведя переговоры с Тонгором. Но на это потребовалось бы слишком много времени, скорее всего — несколько месяцев. Но можно ли теперь ждать? Если Карм Карвус мертв, то да. А если он каким-то чудом сумел выбраться из подземелья? Здравый смысл и логика говорили, что шансы выбраться живым из ледяной воды, где бьется в конвульсиях обезумевший дракон, невероятно малы. Но тот же здравый смысл и логика подсказывали, что если Карму Карвусу по воле богов все же удалось бежать, а затем добраться до любого из городов на побережье залива, то Таракус потеряет преимущество неожиданного нападения, и вышедший в поход флот встретит не безмятежную добычу, а готового к бою, сильного и опасного противника.

Вот почему флот в спешке готовился к отплытию. А кроме того, люди Каштара дом за домом, квартал за кварталом прочесывали город в поисках Карма Карвуса.

Поднятые по тревоге охранники обыскали весь порт, прибрежные скалы, мол и маяки, заглядывая с факелами и фонарями в самые темные закоулки. Верхом на быстроногих кротерах отряды корсаров выехали за городскую стену, чтобы осмотреть близлежащую местность в поисках следов исчезнувшего пленника.

В самом городе было на редкость многолюдно. Ведь столько судов одновременно не стояло у причалов и на рейде уже долгие годы. Все кабаки, винные лавки и другие питейные заведения были битком набиты кричащими, хохочущими и поющими корсарами, требующими выпивки, закуски и женщин.

Кабацкие вывески поскрипывали на петлях, покачиваясь под порывами холодного соленого ветра. Крики пьяных пиратов соперничали с шумом поднявшейся бури. Наконец природа победила: с неба с ревом обрушился ливень, превративший улицы Таракуса в русла бесчисленных ручьев, водопадами перепрыгивавших по камням мостовых и сбегавших к морю. С завистью и раздражением поглядывая на хмельных посетителей кабаков и поминая недобрым словом исчезнувшего пленника, отряды стражи, кутаясь в плащи, продолжали обыскивать город. Каштар приказал обшарить каждый дом, каждую улицу, каждый подвал. Если Карм Карвус в городе — он будет найден.

Час за часом под все усиливающимся ливнем и ураганным ветром стража продолжала поиски. Сверкали молнии, вспарывая плотную пелену туч на небе, ледяной дождь сменил больно секущий кожу град, но розыски не прекращались...

Пока стража Таракуса обыскивала улицы, дворы и дома в поисках следов Карма Карвуса, сам беглец нашел убежище в самом безопасном в такую погоду месте, где ни одна, даже самая хитрая ищейка не стала бы его искать.

Он забрался на крышу.

Тсарголец так до конца и не понял, как ему удалось выжить в бушующей черной воде. После отчаянно долгой борьбы под водой, когда легкие, казалось, уже готовы были разорваться от недостатка кислорода, он каким-то чудом сумел вырваться на поверхность. Вонючий воздух, хлынувший ему в нос, дал понять, что Карм Карвус оказался в приемнике городской канализации.

Пираты, конечно, не отличались повышенной чистоплотностью, но если город строится на крутых склонах горы, в толще которой скрыты подземные озера и реки, то было бы глупо не построить и канализационную систему. Князю Тсаргола повезло, что он вслепую заплыл в один из сточных туннелей.

Проплыв в зловонной жиже еще немного, Карм Карвус выбрался из-под низкого свода коллектора на одну из улиц Таракуса. И вновь счастье улыбнулось ему: узкий темный переулок оказался в этот час безлюдным. Карм Карвус вылез наружу — промокший, полузадохнувшийся, измазанный и пропахший нечистотами, но — живой. И, по крайней мере в этот миг, он был в безопасности.

Надолго ли?

Пробираясь вдоль стен домов и держась в тени, князь попытался найти дорогу к городской стене, чтобы перебраться за нее. Там, за стеной, перебравшись через окружающий Таракус горный хребет, он сможет попытать счастья, попробовать пересечь джунгли Птарты. Можно было разыскать рыбаков в какой-нибудь маленькой прибрежной деревушке. Не очень жалующие пиратов, они с удовольствием доставили бы Карма Карвуса на своих лодках до ближайшего союзного города на побережье. Но обо всем этом можно будет подумать потом. Сейчас самым важным и самым трудным стало найти способ незаметно скрыться из города пиратов.

Единственной безопасной дорогой в городе, который вдоль и поперек прочесывала стража, — путь по крышам. Там, выше кабацких фонарей и освещенных окон,

скрытый темнотой и стеной дождя от глаз прохожих, слившись с темными силуэтами крыш, труб и куполов, беглец надеялся скрыться от посторонних взглядов.

План Карма Карвуса сработал. Улицы Таракуса были узки, и дома стояли близко друг к другу, иногда — почти вплотную. Нетрудно было перебраться или перепрыгнуть с одной крыши на другую, и, в общем, пересечь город таким образом оказалось нетрудной задачей. В ясную ночь, при полной луне, силуэт беглеца четко вырисовывался бы на фоне звездного неба. Но в такую непогоду только сумасшедший стал бы глядеть на небо. Кроме того, в тихую ночь шаги по крышам привлекли бы внимание людей, живших в этих домах. Но в завываниях ветра и грохоте дождя никто не услышал или не обратил внимания на эти звуки. А если кто и заметил что-то странное, то не удосужился выйти на улицу и выяснить, что к чему.

С другой стороны, буря добавляла риска на пути беглеца. В дневном свете бродить по крышам безопасно, и ты знаешь, что ни рука, ни нога не поскользнется на мокрой черепице. А карабкаться в темноте, цепляясь за скользкие от воды керамические плитки и упираясь ногами в мокрые каменные карнизы, — это совсем другое дело. Несколько раз чуть не сорвавшись, Карм Карвус понял, что силы его явно на исходе. Кроме того, не следовало больше испытывать везение, прыгая в темноте наугад на мокрую черепицу соседней крыши. Рано или поздно князь сорвется и рухнет на мостовую, переломав себе кости, а то и размозжив череп о булыжник. Нужно было найти убежище — и поскорее.

Некоторые дома имели два, а то и три этажа. Но бóльшая часть представляла собой одноэтажные здания с низкой плоской крышей. Карму Карвусу показалось, что шансы найти безопасное место и избежать посторонних глаз будут выше, если ему удастся влезть в окно верхнего этажа или чердака какого-нибудь высокого здания. Вскоре он приметил вдалеке подходящее окно.

Большинство окон даже на верхних этажах зданий были закрыты ставнями или забраны железными решетками. Но это окно, видимо, было открыто — звук громыхающих на ветру ставен и привлек к нему внимание беглеца.

В городе пиратов решетки и крепкие ставни на окнах не лишнее украшение. Многие его жители не побрезговали бы и простым воровством. Но это окно находилось довольно высоко над крышей ближайшего дома. Видимо, хозяева дома вполне полагались на его труднодоступность и не стали утруждать себя подняться и запереть его. И действительно, какому вору пришло бы в голову рисковать свернуть шею, пытаясь влезть так высоко по мокрой стене.

Карм Карвус не был ни вором, ни безумцем, но он был отчаянным человеком. А отчаяние подчас лишь на волосок отстоит от безрассудства. Осторожно полез он на крышу этого дома.

Медленно подбирался он к цели, подыскивая подходящие черепицы, в которые можно было бы надежно упереться ногами и за которые можно крепко ухватиться пальцами. Трижды он срывался, и лишь отчаянное усилие всех мышц измученного тела спасло князя от падения. Снова и снова Карм Карвус искал надежную опору. Дюйм за дюймом, медленно подбирался он к краю крыши над открытым и неосвещенным окном. Карм Карвус почти ничего не видел за стеной дождя, бьющего прямо в лицо. Его руки и ноги налились свинцом от усталости. Яростный ледяной ветер словно вознамерился оторвать смельчака от спасительной черепицы и бросить его с размаху на каменные плиты у основания стены дома.

Но у Карма Карвуса была железная выдержка и невероятное терпение. Отвернувшись от бьющих в лицо водяных струй, он продолжал пробираться к своей цели. Шаг за шагом, черепичка за черепичкой. Наконец он дополз до гребня крыши.

Здесь двигаться стало проще. Ловкий человек мог идти по коньку во весь рост, балансируя руками. Так

Карм Карвус и поступил, быстро добравшись до карниза.

И в этот момент окно осветилось изнутри!

Князь застыл, наблюдая, как где-то за занавесками, в глубине комнаты передвигается масляная лампа. Затем к ней добавилась вторая.

Приглядевшись, он увидел закутанную в плащ фигуру со светильником в руке, подошедшую к окну. Лицо — бледный светлый овал — на мгновение выглянуло наружу. Можчина или женщина? Друг или враг? У князя Тсаргола не было времени на размышления, отступать было поздно. В темноте, скрытый стеной дождя, он почти не прятался. Но здесь, на коньке, его силуэт был выхвачен из темноты пятном света, исходящего от лампы в руке незнакомца. Любой прохожий или человек в доме напротив, бросив случайный взгляд, сразу увидит его и поднимет тревогу.

Глубоко вздохнув и стараясь не думать о том, что у него нет никакого оружия, Карм Карвус перегнулся через карниз и, качнувшись, влетел в окно, выбив сапогами стекла и проломив раму.

Прежде чем человек в плаще успел что-то сказать или двинуться с места, Карм Карвус схватил его. Одна рука крепко сжала горло незнакомца. Князь понимал, что он рискует задушить человека, и уж во всяком случае причиняет ему сильную боль, но другого выхода у него не было. Нельзя позволить незнакомцу вольным или невольным криком поднять тревогу.

Глава 8

РЕКА УЖАСА

Джунгли песню свою напевают
В темной густо-зеленой мгле,
Где болтают, смеясь, попуган
И лианы ползут по земле;
Там в бамбуковых зарослях вновь
Притаился свирепый вандар,
А лианы — красны, как кровь, —
Караулят заблудших зампфов;
Там, где тайны природы скрываются,
Песня дикая джунглей рождается...

Песня кочевников Коданги

Тонгор долго лежал ничком на сером прибрежном песке, чуть дыша, не в силах подняться.

Дольше, чем Тонгор сам предполагал, продержался он на шее чудовищного скакуна. Лишь когда дракон слишком глубоко погрузился в море, сильное течение оторвало человека от ящера. Стали ли удары меча валькара смертельными для огромного дракона, или чудовищу удалось выжить, — этого Тонгор не знал. Больше его заботило другое: когда он наконец вынырнул на поверхность, «Ятагана» нигде не было видно.

Тонгор оказался один посреди бескрайней синей глади. Некоторое время он пытался разглядеть пиратскую галеру, высоко высовываясь из воды. Видимо, подводная битва отнесла его от корабля дальше, чем он предполагал. Оказавшись в одиночестве, варвар-северянин не впал в отчаяние. Ближайший берег лежал на востоке. Сильно взмахивая руками, Тонгор поплыл в противоположную от заката сторону.

И вот он лежит на песке, почти бездыханный. Каким-то чудом ему все-таки удалось совершить невероятное и доплыть до берега. Не в силах пошевелиться, валькар лежал на твердой земле и отдыхал. На какое-то время он уснул, впал в забытье без сновидений.

Проснулся Тонгор на закате. Руки и плечи ныли от усталости, рот горел от соленой воды, но пустой желудок

привычно требовал, чтобы его наполнили пищей. Встав на ноги, Тонгор направился в джунгли, и вскоре густая зелень прибрежных зарослей поглотила его.

Пройдя несколько шагов, Тонгор остановился, чтобы прислушаться и почувствовать ритм жизни джунглей, слиться с этой жизнью. Вокруг него лежал мир теней, шорохов и тайн. Опавшие листья и мертвая трава толстым ковром застелили землю; в воздухе стоял запах гниющей растительности, живых, влажных листьев и пряный аромат цветов. Высокие ровные стволы деревьев подпирали изумрудный купол леса, словно в каком-то нерукотворном храме богини Природы. Лишь кое-где сквозь толстый слой листвы к земле тянулись солнечные лучи, наполняя воздух золотым сиянием. Вьюны и лианы оплетали стволы и свисали, словно занавеси, с ветвей могучих деревьев.

Едва ступив под полог джунглей, Тонгор привычным движением вынул из ножен меч. Этот фантастически красивый мир населяли тени, несущие смерть и ужас. С ветвей над головой мог свисать огромный опх — рогатая змея лемурийских джунглей, чье тело могло сдавить грудную клетку человека с такой силой, что ребра ломались, как спички, а острые челюсти твари без труда перекусили бы руку или ногу, даже не заметив кость.

Обитали здесь же и фотхи — кровавые вампиры, один из кошмаров этих джунглей. Но больше всего в лесах Птарты следовало опасаться огромных хищников, гигантских лесных драконов, чье ненасытное чувство голода превратило их жизнь в бесконечные поиски пищи; не менее страшен был и вандар — лесной лев, во много раз крупнее и сильнее своих нынешних потомков. Опасен также был и дикий зульфар — лемурийский вепрь, способный неожиданно выскочить из засады. Еще в джунглях скрывались деодаты — страшные кошкодраконы, чья жестокость и коварство вошли в легенды Лемурийской эпохи...

Лук и колчан исчезли с плеч Тонгора во время безумной скачки по волнам. Но что касается меча, то

Черный Ястреб ни на миг не выпустил его из рук и, вынырнув на поверхность, автоматически убрал клинок в ножны.

Итак, Тонгор был вооружен. Ему нужно было срочно найти какую-нибудь еду, пока наступающая темнота не сделала охоту невозможной. К счастью, долго искать не пришлось: к небольшому озерцу пришла на водопой антилопа. Подойти к ней на расстояние удара мечом было невозможно, да и не нужно. Вынув из ножен на поясе кинжал, Тонгор метнул его и одним удачным броском обеспечил себя мясом на ужин: несчастное животное, хрипя и брыкаясь, повалилось на траву.

Варвар разжег небольшой костер. Чтобы добыть огонь, он несколько раз ударил кинжалом по камню, подложив сухой мох под высеченные искры. Затем он быстро обжарил одну ногу антилопы, поворачивая ее над огнем. Тонгор вволю напился из озерца кристально чистой холодной воды, смыл кровь с рук и лица.

Для северянина джунгли не были домом родным, но за долгие годы странствий Тонгор хорошо освоился в таких лесах. Однажды, еще совсем мальчишкой, он был вынужден пересечь тысячи лиг джунглей Чаша пешком и в одиночестве. Тогда-то он и научился выживать здесь. Это случилось, когда Тонгор впервые пересек горы Моммар, оставив за спиной родную страну, променяв известную наперед судьбу на неизвестность в будущей жизни в городах Юга. Выучив урок однажды, Тонгор никогда не забывал его.

Далекий приглушенный рык долетел до настороженного слуха Тонгора. Джунгли Патанги немногим отличаются от джунглей Чаша, и рычание выходящего на охоту вандара остается рычанием вандара, которое ни с чем спутать невозможно. Костер уже превратился в кучу тлеющих углей. Тонгор предпочел не разжигать его заново, а провести ночь на деревьях, так как вандар не любит лазать по деревьям, как его дальний сородич — саблезубый тигр.

Эту ночь Тонгор крепко проспал в развилке ветвей могучего исполина джунглей и проснулся на рассвете —

свежий, отдохнувший, восстановивший силы. Спустившись на землю, он обнаружил, что остатки вчерашней добычи исчезли. Губы Тонгора тронула легкая улыбка — вандар тоже отправился ночевать не с пустым желудком.

Утолить утренний голод фруктами и ягодами было не проблемой. Сложнее оказалось решить, что делать дальше. Ведь Тонгор не знал, в каком месте он выбрался на берег и где находится ближайший город. Зингабал, несомненно, лежал слишком далеко, Пелорм должен быть намного ближе, но неизвестно, к югу или к северу от того места, где очутился Тонгор. Все, что было известно, — это то, что волны сильно отнесли Тонгора к югу. Скорее всего, он оказался всего в нескольких лигах от горного хребта, на вершинах которого стоял пиратский Таракус. Но здесь, в джунглях, не было никакой надежды обнаружить хоть какой-нибудь знак, след человеческой деятельности, подтверждающий правоту догадок Тонгора.

Еще много лет назад, задолго до того, как взойти на трон Патанги, Тонгор Черный Ястреб исходил эти джунгли вдоль и поперек, побывав во всех городах как главарь шайки разбойников, наемный солдат, бродячий вор и капитан пиратской галеры. Где-то в этих местах он попал в плен и, закованный в кандалы, был отправлен на галеры Шембиса, откуда бежал к пиратам. Тонгор не сомневался, что сумеет сориентироваться и найти дорогу.

Но сначала нужно пополнить свой арсенал. Никто не ходит по джунглям, рискуя натолкнуться на хищного ящера, лишь с мечом и кинжалом в руках. Для этого лучшим оружием было бы охотничье копье и длинный лук. Что касается последнего — то, за отсутствием выдержанного, вымоченного дерева и подходящего для тетивы материала, сделать лук не представлялось возможным, не говоря уже о сложном изготовлении хорошо сбалансированных и оперенных стрел. Но вот соорудить копье или хотя бы дротик было Тонгору вполне по силам.

Через несколько часов за спиной северянина в сделанном на скорую руку колчане уже покоилось пять коротких дротиков. Вместо плоских металлических наконечников, обычных на метательных копьях, Тонгор заточил концы своих дротиков кинжалом, а затем сделал их твердыми, как камень, погрузив в горячие угли. Этому он научился у кочевников-рмоахалов на далеких равнинах Востока.

Вскоре после полудня Черный Ястреб добрался до широкой полноводной реки. Это, без сомнения, был Амадон — Река Джунглей. В этой части лесов Патанги не было другой реки такого размера. А если так, то Тонгор мог считать, что ему крупно повезло: этот поток мог привести его почти к самым стенам Таракуса, так как Амадон впадал в залив неподалеку от пиратского города.

Тонгор занялся постройкой плота. Лежащие тут и там стволы деревьев были либо слишком велики и тяжелы, либо наполовину сгнили и не годились для этой цели. Поэтому в качестве материала для плота Тонгор использовал срубленные мечом молодые стволы. Тяжелый, острый, как бритва, Саркозан легко впивался в зеленоватую древесину. Вместо веревок Тонгор нарезал длинных лиан. Плот получился небольшим и не очень устойчивым, но валькар посчитал, что он выдержит недолгое плавание.

Отправившись в путь, Тонгор старался держаться подальше от берегов и огибал островки и отмели, пользуясь специально заготовленным для этого длинным шестом. Вода, бурля, обтекала плот, и Тонгор довольно улыбался. Еще бы, река во много раз сокращала время его пути по сравнению с путешествием пешком.

Неожиданно Тонгор почувствовал сильный удар в плечо и ощутил, как острые иглы клыков впились в тело. Если бы он стоял в менее устойчивой позе, отталкиваясь шестом от дна, этот удар опрокинул бы его прямо в воду. Тонгор же от неожиданности упал на

колени. Обернувшись, он схватил напавшее на него существо, оторвав того от своего плеча.

В руках Тонгора оказался алый дьявол — вампир. Тело этого животного было размером с кошку, но из плеч росли перепончатые крылья, наподобие тех, что у летучей мыши. Оно продолжало яростно шипеть и извиваться в руках человека, стараясь дотянуться зубами до пальцев северянина. Тонгору не пришлось долго рассматривать мерзкое создание, чтобы понять, что перед ним фотх, один из самых опасных и кровожадных вампиров, населяющих южные джунгли.

Выругавшись, северянин пальцами раздавил грудную клетку твари и выбросил ее в воду.

Но в следующий миг его уже окружила целая туча жаждущих крови вампиров. Фотхи охотятся стаями, и поэтому они так опасны. Давно, еще в бытность главарем шайки разбойников, Тонгору довелось увидеть, как здоровенный кротер был облеплен тучей этих мерзких кровопийц, в считанные минуты оставивших от несчастного животного лишь кости и сухожилия.

Вскочив на ноги, Тонгор взмахнул шестом. Нужно было продержаться всего несколько минут — и тогда течение отнесет его от стаи фотхов. Несколько минут... Но удастся ли?

Напрягая мускулы, Тонгор яростно орудовал шестом, сбивая одного вампира за другим, ломая им позвоночники или перебивая хрупкие кости крыльев. Но стая не собиралась отступать, подбираясь все ближе к намеченной жертве.

Один фотх сел Тонгору на бок и вонзил клыки в кожу. Не успел валькар отшвырнуть его, как почувствовал зубы другого на своей шее, а третьего — на плече. Стряхнув их, Тонгор схватился с еще одним, усевшимся ему на спину. Отмахиваясь от наседающих фотхов, северянин сначала выронил шест, а затем потерял равновесие.

Холодная вода сомкнулась над его головой. Камнем уйдя в воду в первый момент, Тонгор сильным взмахом рук вытолкнул себя на поверхность. Высунув из-под

воды голову, он тряхнул ею, отбрасывая с глаз волосы, и огляделся.

Плот был в нескольких ярдах ниже по течению. Еще немного — и он окажется вне пределов досягаемости, легко, без дополнительного веса, двигаясь по течению. Другая новость больше порадовала Тонгора: вампиры не стали нырять за ним в воду. Значит, запомнил северянин, фотхи не любят и боятся воды.

Глубоко вздохнув, Тонгор изо всех сил поплыл вслед за удаляющимся плотом. Однако, настигнув его, Тонгор благоразумно не стал вылезать из воды, а подождал, пока фотхи, устав от бесплодной погони, не отстанут от ускользнувшей добычи. Тогда валькар подтянулся и залез на плот, а потом осмотрел свои раны. Острые иглы клыков фотхов оставили свои следы на его теле в десятке мест. Лишь благодаря обезболивающей слюне ужасных тварей раны не очень щипало. Хотя, в общем, эти порезы не были ни глубокими, ни опасными. Холодная вода реки хорошенько их промыла, а слюна фотхов не была ядовитой.

Тонгор воспринял нападение вампиров как предупреждение. Джунгли красивы, но и смертельно опасны. Нужно все время быть начеку, каждую минуту ожидать нападения и быть готовым принять бой. Ведь джунгли — родной дом для многих существ пострашнее фотхов.

Когда стало темнеть, Тонгор направил плот к берегу, вытащил его в безопасное место, а сам отправился на охоту. На этот раз ему посчастливилось добыть зульфара — недурной трофей для человека, вооруженного всего-то пятью дротиками, да еще и с обугленными остриями вместо стальных наконечников. Зульфар — дикий лемурийский вепрь — опасный противник, и много раз его длинные клыки заставляли охотников спасаться бегством. Варвар-северянин нашел тропу, по которой животные из поколения в поколение ходили к реке на водопой, влез на дерево и затаился. Умение

неподвижно ждать — наследие, полученное от предков — первобытных охотников.

Наконец ожидание оказалось вознаграждено. Зашевелилась листва, и из-за ближайшего куста показалась настороженная морда взрослого самца зульфара. Поросячьи глазки проворно оглядывали все вокруг, пятачок подозрительно принюхивался, губы приподнялись, обнажив огромные клыки, которые без труда могли вспороть человеку живот, переламывая кости и раздирая кожу и мясо.

Ночь уже опустилась на джунгли, и Тонгору было плохо видно, что происходит под ним. Но первый же дротик вонзился в уязвимое место зверя — за ухом. Только огромная сила рук Тонгора могла послать легкое оружие с такой силой, что оно проткнуло толстую шкуру зверя и глубоко вошло в тело. Первый дротик не убил вепря, но, перерубив важные нервы, частично парализовал взбесившееся от боли животное.

Вепрь, исходя пеной и надсадно воя, закружился на месте, подволакивая ноги, готовый вступить в бой с любым противником. Тонгор молча прицелился еще раз — и второй дротик, посланный с еще большей силой, воткнулся в левый бок зульфара, замертво рухнувшего на землю. Острие оружия попало в сердце зверя.

Через час, наевшись до отвала жареного мяса, Тонгор уже устраивался поудобнее на развилке ветвей высокого дерева, чтобы провести вторую ночь в джунглях Патанги. Сон варвара был глубок, крепок и лишен сновидений.

Еще до полудня следующего дня Тонгор вновь вступил в бой, защищая свою жизнь.

На этот раз нападение застало его в тот момент, когда он опустил в воду несколько связанных кусков мяса, чтобы сохранить их свежими до вечера и избавить себя от необходимости охотиться. Быть может, именно запах свежего мяса и привлек внимание страшного реч-

ного хищника, напавшего на Тонгора. Неожиданно, без всякого предупреждения, плот резко качнулся, и рядом с ним показалась огромная остроносая голова с оскаленной пастью, издавшая злобное шипение.

Горожанин, дитя цивилизации, несомненно, застыл бы, парализованный ужасом, при виде такого зрелища — оказавшегося рядом поа — речной змеи-дракона. Но годы, проведенные за городскими стенами, не притупили боевых инстинктов Тонгора. Он среагировал, словно отпущенный лук, выталкивающий стрелу.

В руках Тонгор сжимал шест, при помощи которого управлял движением плота. Первый шест он потерял накануне, отражая атаку летающих вампиров. Уронив шест, Тонгор и сам был вынужден нырнуть в воды Амадона, а затем догонять чуть не уплывший от него плот.

Переждав атаку вампиров и пристав к берегу, валькар срезал себе второй шест. На этот раз его выбор пал на молодой побег красного дерева, весом и твердостью напоминавший хорошую дубинку. Тринадцать футов в длину, два дюйма твердой древесины в диаметре — этот шест весил фунтов тридцать. В могучих руках силача Тонгора он мог стать грозным оружием.

Со свистом шест вылетел из воды, отшвырнув поа в сторону. Дерево ударило по чешуйчатой голове речного дракона со звуком, напоминающим удар молотка по сырому мясу. Но такой удар не оглушил страшную рептилию.

Плот качнулся, подталкиваемый снизу мощным телом змееподобного ящера. Напрягая мускулы, Тонгор вложил все силы во второй удар. Но на этот раз поа сумел увернуться и, более того, впившись клыками в дерево, вырвал шест из рук человека. Тонгор с трудом удержал равновесие, чтобы не упасть в воду вслед за шестом-дубиной.

Выхватив меч, валькар рубанул изо всех сил по толстому телу чудовища. Взвыв от боли, оно тем не менее стремительно обвилось кольцами вокруг тела человека.

Извернувшись, Тонгор поднял руки, чтобы нанести следующий удар...

В этот миг он увидел оскаленную морду чудовищной змеи, стрелой несущуюся к его лицу.

Ничего не поделаешь — меч нужно держать двумя руками, и у Тонгора не было другого выхода, кроме как выпустить его, а обеими руками ухватиться за шею змеи, не давая ей впиться зубами себе в глотку.

Стальной клинок Саркозан сверкнул в воздухе и со всплеском ушел под воду.

Плот с треском разломился под ударами мощного хвоста чудовища. Все новые кольца змееподобного тела обматывались вокруг Тонгора. Сжатый стальными объятиями, валькар рухнул в воду и погрузился в глубину, все еще отчаянно сопротивляясь.

Еще одно кольцо затянулось вокруг его груди; тонкий хвост оплел ногу. Прежде чем вода и пена сомкнулись над его головой, Тонгор успел глубоко вдохнуть. Теперь, в водной стихии, родной для поа, шансы на победу Тонгора почти исчезли.

Стальные кольца все сильнее сдавливали его тело, лишали подвижности ноги. Но Тонгор продолжал сжимать руки, удерживая оскаленную голову чудовища на расстоянии.

Черная кровь облаком клубилась вокруг раны, нанесенной дракону мечом. Вскоре вода вокруг стала похожа на разведенные чернила. Сцепившись в отчаянной схватке, человек и ящер медленно погружались на дно реки.

Тонгор понимал, что жить ему осталось какие-то секунды.

Разжав одну руку, он дотянулся до висевшего на поясе кинжала и, вытащив его, по самую рукоятку вогнал в рану, нанесенную чудовищу мечом. Затем он резко повернул кинжал в ране.

Новое облако черной жижи окрасило воду. Несмотря на свою огромную силу, поа начинал слабеть от потери крови. Он уже не жаждал сокрушить, раздавить человека, осмелившегося бросить ему вызов в его род-

ной стихии. Дракон ослабил стальные кольца, готовясь перейти от нападения к бегству.

Но Тонгор продолжал железной хваткой держать чудовище за шею, второй рукой давя и поворачивая в ране кинжал.

Страшная конвульсия пробежала по змеиному телу. Шея поа вырвалась из руки валькара, а извивающиеся кольца туловища выбили из его рук кинжал, скрывшийся в придонном иле. Поа резко дернулся, наверное, после того, как кинжал задел какой-то важный нерв. Дикая боль вновь заставила чудовище забыть об отступлении. Поа в ярости вновь бросился на противника.

Сильный толчок отбросил Тонгора на несколько ярдов. Ударившись спиной о торчащий из ила камень, валькар от боли открыл рот и нахлебался воды. Диким усилием воли оставаясь в сознании, он увидел, как поа вновь приближается к нему, вытягивая оскаленную пасть по направлению к его горлу.

Опустив руки, чтобы, оттолкнувшись от дна, встретить противника, Тонгор почувствовал ладонью знакомый металл.

Это была рукоять Саркозана, наполовину утонувшего в иле!

Из последних сил Тонгор вырвал меч из засосавшей его жижи и направил клинок навстречу несущемуся на него чудовищу. Острие прошло между челюстями, пронзило насквозь мозг и, раздробив череп, вышло наружу на затылке змееподобного дракона.

Поа, в безумном броске, сам налетел на клинок Тонгора.

Предоставив рептилии биться в конвульсиях в мутной придонной воде, Тонгор, теряя сознание, ничего не видя перед собой, кроме плавающих красных кругов, с легкими, раздираемыми от недостатка воздуха, оттолкнулся ногами ото дна и пробкой вылетел на поверхность.

Вдохнув и выдохнув несколько раз, он из последних сил подплыл к берегу и, цепляясь за траву, с трудом

вылез из воды. Правая рука по-прежнему крепко сжимала рукоять меча.

Дальше Тонгору пришлось идти пешком. Оказалось, что в этой части джунглей растут лишь деревья-великаны, чьи толстые корни уничтожали любых конкурентов из растительного царства. Поискав, Тонгор не обнаружил ни молодых деревьев, ни упавших стволов подходящих размеров и в нужном состоянии. Ничего не поделаешь — остаток пути до города пиратов придется пройти пешком.

Валькар быстро пришел в себя и восстановил силы после подводной схватки. Сила Тонгора казалась невероятной, но еще более поразительной была его выносливость. Любой другой на его месте долгие часы, а то и дни пролежал бы без движения после такого страшного боя, но Тонгор уже вскоре был на ногах и готов отправиться в путь.

Жизнь в его родной северной стране была непрерывной борьбой за существование. И в этой борьбе выживал лишь сильнейший. И Тонгор принадлежал роду сильных охотников и воинов — людей, равных которым сегодня уже не найти. С раннего детства непрерывно сражаясь с враждебными соседями, дикими животными, страшным холодом, он наполнил невероятной силой каждую мышцу, каждую клетку своего могучего тела. Долгие годы городской жизни во дворце не смогли ослабить его дикой, варварской мощи. Меньше часа отдыхал Тонгор на берегу — и уже вновь готов был вступить в сражение с любым противником. Кривая ухмылка появилась на губах валькара, когда, осмотрев клинок, он убрал меч в потертые кожаные ножны. Да, боги были на его стороне в этом бою на дне Амадона. Не наткнись он рукой на меч, не найди его — не выйти бы ему живым из этой схватки. А если бы чудо и произошло, то безоружным он не смог бы выжить в джунглях, не смог бы защитить себя от опасностей, ждущих его впереди.

Всю оставшуюся часть дня и всю ночь напролет Тонгор брел вдоль реки вниз по течению. Он без устали прорубал себе путь сквозь прибрежные заросли, ни разу не остановившись, чтобы отдохнуть или поесть. Время шло, а Таракус все еще лежал где-то впереди, хотя находился явно ближе, чем в начале пути.

Оказалось, что он даже ближе, чем Тонгор мог предположить.

К рассвету джунгли стали редеть, а острый слух Тонгора уловил гул далекого прибоя. Тонгор сумел перебраться на другой берег реки, не пускаясь вплавь, по сомкнутым ветвям двух лесных исполинов. Оказавшись на другой стороне, он, не задерживаясь, углубился в заросли.

Неожиданно для самого себя валькар вышел на опушку леса и увидел перед собой каменистый склон горы, на вершине которой в первых лучах рассвета алели стены и башни Таракуса.

Вынув меч из ножен, Тонгор сделал шаг вперед, разглядывая город своих врагов.

И почти в тот же миг, темная на фоне алого рассветного неба, перед ним появилась фигура человека с клинком в руке. Незнакомец, держа саблю на изготовку, приготовился вступить в бой...

Глава 9
МЕЧ НАД ПАТАНГОЙ ЗАНЕСЕН

Ночь светла, стремителен прилив.
Поднимайте паруса скорее!
Мы выходим в море, грусть забыв,
Чтобы золотой увидеть берег...

Морская песнь пиратов Таракуса

Трактир «Череп и кости» находился в конце улицы Ростовщиков, в одном из наименее населенных кварталов Таракуса, неподалеку от порта. Вокруг поднима-

лись глухие стены складов и заборы мастерских по ремонту корабельной оснастки. Оживленные площади и широкие освещенные кабацкими фонарями улицы, где кипела веселая жизнь пиратского города, расположились выше по склонам гор. Именно из-за некоторой уединенности и выбрал капитан Барим Рыжая Борода этот трактир в качестве места отдыха своего экипажа. Город пиратов был полон внимательных глаз и навостренных ушей шпионов и осведомителей. Да и большинство жителей не отказали бы себе в удовольствии продать приятеля за золотую монету. Поэтому-то команда «Ятагана» и забралась в самый глухой квартал Таракуса, чтобы избежать внимания соглядатаев.

В тот вечер на закате Барим сидел у пылающего очага, вытянув к огню ноги и время от времени прикладываясь к изрядно полегчавшему бурдюку с элем. Рядом с ним, словно сильный зверь, посаженный в стальную клетку, ходил из угла в угол, огибая столы и раздвигая скамьи и табуреты, молодой воин Патанги — Чарн Товас.

Холодный ветер завывал на улицах вокруг грязного трактира. Ледяные капли дождя барабанили по окнам и тяжелой двери из дубовых досок, словно какой-то оживший скелет настойчиво требовал впустить его. Барим поежился и поплотнее запахнул плащ. Целый день он провел, шатаясь по городу и собирая слухи и сплетни. Капитан изрядно облегчил свой кошелек, заказывая тут и там выпивку старым приятелям и случайным новым знакомым, чтобы выудить из них нужную информацию. Результаты поисков оказались не очень-то обнадеживающими.

Выяснить удалось немногое. Во-первых, Карм Карвус действительно попал в плен к Каштару Карсному Волку, а затем пропал. Почти все в городе были уверены, что он погиб в темных водах подземного залива, — ибо кто может уцелеть, оказавшись в небольшой бухте, где беснуется гигантский ящер, сведенный с ума и распаленный каким-то древним колдовским прибором?

Но утонул ли князь Тсаргола, или его сожрал дракон, — этого никто сказать не мог, а значит, и сам факт

его гибели оставался недоказанным. Стражи Каштара обыскали весь город из конца в конец, но ничего не нашли. Даже Белшатла, со всем своим колдовским мастерством, не смог определить судьбу и местонахождение Карма Карвуса. Пропавший пленник словно испарился с поверхности Лемурии.

Рассказав все это молодому чандару, Барим угрюмо замолчал, наблюдая за ним. Истинный аристократ, Чарн Товис не выражал вслух все свои чувства, но по выражению его лица Барим понимал, что́ тот чувствует.

В какой-то момент Рыжая Борода и сам ощутил угрызения совести. Но, поразмыслив, он решил, что не должен винить себя в исчезновении Тонгора. В конце концов, никто ведь не мог предположить, что на «Ятаган» нападет морское чудовище. Никто и подумать не мог, что правитель Патанги решится вступить в единоборство с огромным ящером и оседлает его. И уж точно, ни один другой капитан не стал бы так долго и упорно искать пропавшего с борта судна человека, как это сделал Барим.

Ведь его матросы все глаза проглядели, обыскивая водные просторы. Откладывая возвращение в порт, команда «Ятагана» провела галеру вдоль берега, осматривая все бухты и прибрежные заросли, и лишь затем капитан отдал приказ взять курс на Таракус.

Разумеется, Чарн Товис ни в чем не винил капитана Барима. Его повелитель — Тонгор Могучий — принял смерть так же, как прожил жизнь, — с достоинством и отвагой встретив опасность и вступив в бой с противником. И как ни тяжела была потеря для молодого чандара, он понимал, что винить в случившемся некого. А теперь более тяжелые мысли и чувства, чем скорбь по ушедшему другу, наполняли его голову и сердце. Ибо страшная судьба была уготована его стране, всей империи Патанги... Чарн Товис нервно мерил комнату шагами и сжимал кулаки не в знак траура, а сгорая от чувства беспомощности; он ничего не мог сделать, чтобы отвести длань рока от городов Патанги.

К величайшему сожалению Чарна Товиса и капитана Барима, они не знали, каков был план исчезнувшего Тонгора, что собирался предпринять отчаянный валькар, чтобы найти плененного друга, и как поступил бы, поняв, что князь Тсаргола исчез, а над Патангой нависла страшная угроза вторжения пиратов. И что теперь должны были сделать они, оставшись без мудрого и могучего командира? Ведь Тонгор, несомненно, что-нибудь придумал бы, чтобы свергнуть Каштара... А может быть, он попытался бы уничтожить дьявольское оружие древней Ниапги и сделать флот пиратов бессильным против могущественного Воздушного флота Города Огня.

Чарн Товис и Барим, не сговариваясь, бились над одним и тем же вопросом: что можно сделать, чтобы сорвать поход на Патангу?

Погруженные в тяжелые раздумья, ни Чарн Товис, ни Рыжая Борода не услышали ни приближающихся по мокрой мостовой шагов, ни осторожного стука в окно.

Неожиданно тяжелая дубовая дверь распахнулась. Порыв ветра подхватил ее и с силой ударил о стену. Обернувшись на грохот, Барим вскочил на ноги. В воздухе сверкнула сталь его клинка.

Узнав стоявшего на пороге, Рыжая Борода расслабился.

— Ну ты даешь, приятель, — пробурчал Барим, убирая меч в ножны. — Еще немного — и ты получил бы целый локоть стали в живот.

— Извини, капитан, — пробормотал старина Блай, вваливаясь в комнату и выжимая промокший насквозь плащ. — Все этот ветер, это он вырвал дверь из моих рук. Да, а кроме того, я стучал. Боги, неужели и в этих стенах не найдется нескольких глотков вина для страдающего от холода и жажды несчастного, исходившего за целый день весь Таракус вдоль и поперек?

Причитая и шмыгая носом, круглолицый ковианец прошел в комнату; при каждом шаге его промокшие

сапоги громко чавкали и оставляли за собой грязные следы. С тяжелым вздохом он повалился в уютное кресло у очага, стащил сапоги и протянул ноги к огню. Чарн Товис принес ему кубок вина.

— Премного благодарен, приятель, — сказал ему Блай.

Рыжая Борода с нетерпением ждал, пока вновь прибывший допьет кубок до дна и, рыгнув, оботрет губы ладонью, мечтательно глядя на опустошенную посуду.

— Ну? — не выдержав, капитан нарушил молчание. — Что скажешь? Какие новости? Не без толку же ты прошлялся по городу целый день, черт побери твою жирную задницу!

— Спокойно, капитан, да чтобы я... А впрочем, не найдется ли у вас тут еще пары капель вина для продрогшего друга?

Негромко бурча что-то под нос, Барим наблюдал, как ненасытный круглолицый Блай выпил еще один кубок вина и со стуком поставил его на дубовый стол. Потом капитан повторил свой вопрос еще более мрачным тоном.

Блай преспокойно улыбнулся замершим в ожидании собеседникам.

— Ну, значит, так, капитан, — начал он, устроившись поудобнее. — Как только я с утра пораньше вышел из нашего трактира, я сразу же направился в таверну «Черная галера», ну ту, в дальнем конце улицы Парусных Мастерских. Ты же знаешь, что я в молодости дружил с одним парнем, его зовут Куаро, он из Кадорны. Так вот, с этим малым мы плавали матросами на галере капитана Ярала Крюка, которого прозвали Крюком за то, что он, потеряв руку в одном абордажном бою, приладил к культе стальной крюк. И, я вам скажу, орудовал он этим крюком так, что иной здоровый позавидует...

— Хватит нести всякую чушь! — рявкнул Барим. — Давай к делу! А не то я тебя сейчас потрясу хорошенько, чтобы прочистить память!

Блай бросил испуганный взгляд на Рыжую Бороду:

— Это... да-да... конечно, капитан. Ну так вот, это... О чем же это я... Ах да! Этот парень, Куаро, он сейчас

плавает на «Королеве Зингабала», а мне сказали, что эта галера теперь в порту, вот я и подумал, что он тоже может быть... Ну, в общем, я его нашел, да только он даже не узнал меня, нажрался как свинья. Да, теперь помню, слаб был Куаро насчет выпивки, слаб — отключался раньше всех... Ладно-ладно, капитан, спокойно... Я уже к делу подхожу. Вот, уже почти дошел до главного. — Тут Блай запнулся и испуганно зашевелил губами. — Ой, на чем же это я остановился?

— Твой Куаро был в стельку пьян, — спокойно, но мрачно и твердо напомнил Чарн Товис.

— Ах да, ну конечно же! Спасибо, приятель. Ну так вот. Пока я пытался привести его в чувство, кто, как вы думаете, вломился в «Черную галеру»? Ну конечно же, не кто иной, как Тарган Одноглазый, мой старый приятель. Мы с ним, бывало, плечом к плечу в строю стояли. Вместе в кабаках дрались и в бою держались поближе друг к другу... Чего стоила только высадка на острове Йофис. Мы с Тарганом тогда первыми ворвались в их городской храм... Ну вот, значит, давненько мы с ним не виделись, а воды с тех пор много утекло. Я еще в наш прошлый заход в Таракус слышал в «Якоре и кортике», что Тарган теперь дружит с самим Дурангой Тулом, ну ты его знаешь — один из приближенных Красного Волка. Вот, значит, к чему я это все... Конечно, стоило мне все это немало — знаете, сколько жратвы и выпивки я ему выставил? Ну да ладно, этот мой одноглазый приятель стоил того. Он теперь, сами понимаете, кой-куда вхож и новости раньше других узнает. Но что утаишь от старины Блая? Не родился еще такой человек...

Прервавшись, Блай выразительно облизнул губы и уставился на стоящую за спиной Чарна Товиса большую бутыль с вином.

— Ну? Будешь ты говорить или нет? — раздраженно процедил Барим.

Блай преувеличенно громко прокашлялся.

— Это... извини, капитан... Холод такой на улице... Боюсь, как бы... Целый день ведь на ногах, под до-

ждем... сапоги промокли... В общем... Ну, приятель, не плеснешь еще глоток-другой старине Блаю из той посудины, что стоит за твоей спиной... Только в медицинских целях, разумеется, вы же понимаете... Вот и замечательно... Ну если только самую малость еще — чтобы уж добить бутылочку...

Делая вид, что не замечает сжавшихся в кулаки рук Барима и его сведенных гневной гримасой скул, Блай опрокинул бутыль себе в рот и осушил ее до дна.

— Вот, теперь полегче будет... Так, значит, о чем это я... Ну да, конечно... Мой план сработал. А план был такой: напоить Одноглазого...

— Более идиотского плана нельзя и придумать. Ты сам, напившись, кому угодно все выболтаешь. Ладно, что у тебя еще?

— Ничего особенного. Просто я узнал, что́ они замышляют.

Воцарилось молчание. Барим и Чарн Товис обменялись недоверчивыми взглядами.

— Ты..?

Блай икнул и заговорщицки хихикнул, подмигивая своим собеседникам:

— Ну да, капитан. Все прошло как по маслу. Старина Одноглазый, конечно, силен в питье, но даже он на спор может увлечься и пообещать, что выпьет половину винных запасов Таракуса, не выходя из-за стола. А я знай себе подзадориваю его, вспоминаю старые времена да намекаю на будущее... В общем, раскололся он, что твой орех. Ну он и нажрался. Схватило его здорово, прямо за столом наизнанку вывернуло, а он все требовал еще вина...

— Блай, а ты уверен, что твой Тарган не прикидывался более пьяным, чем был на самом деле? Он не догадался, что ты вытягиваешь из него нужные сведения? — нетерпеливо спросил Чарн Товис.

Блай посмотрел на молодого офицера и уверенно покачал пальцами перед его лицом:

— Ну уж нет, приятель. Старина Блай уж как-нибудь проследил за этим... мы постепенно перешли от

обсуждения идеи штурма Патанги к тому, как будет делиться добыча и какова будет доля каждой галеры... А потом я подвел его к тому, чтобы он предложил мне угадать, когда наш флот выходит в море... В общем, этот парень знал то, что нам нужно, и главное было — не мешать ему все рассказать.

— Ну так когда? Когда же пираты выступают?! — закричал Барим.

— Завтра, на рассвете, — последовал ответ.

— Завтра?! Но это невозможно!

— А вот так, очень даже возможно. Одноглазый даже объяснил почему. Красный Волк боится, что Карм Карвус сумел выбраться из той пещеры. А значит, есть шанс, что он доберется живым до Патанги и предупредит Черного Ястреба об опасности. Вот почему Каштар решил отправиться в поход раньше времени, не дожидаться, пока в Таракусе соберутся все наши корабли. Сейчас для Красного Волка самое главное — скорость и неожиданность. Итак, завтра на рассвете мы выходим в море... Приказ будет передан всем капитанам сегодня в полночь посыльными Каштара.

Вскочив на ноги, Барим выбежал из комнаты и помчался вверх по лестнице. Вскоре со второго этажа послышались команды, поднявшие с постелей уже уснувших членов экипажа.

— Дурган, Рогир, — живее, живее! Эй, Зенд, Тангмар, ну-ка, пошевеливайтесь! Дело жизни и смерти!

— Что за спешка, капитан? Тревога? — послышался заспанный голос Дургана.

— Тревога! Через полчаса мы снимаемся с якоря, понял ты, болван одноглазый? На рассвете флот Таракуса выходит в поход на Патангу. Мы должны предупредить Город Огня. И да помогут нам в этом Горм и Шастадион! Только бы успеть вовремя!

Чертыхаясь и проклиная всех богов на свете, матросы «Ятагана» выскакивали из постелей и, полуодетые, спотыкаясь, сбегали на первый этаж в столовую,

Барим подгонял их. Не было времени будить хозяина трактира и расплачиваться с ним. Все, что сейчас требовал капитан от своих подчиненных, — это, не задавая лишних вопросов, бежать со всех ног вниз по улице Ростовщиков к причалам.

Позади осталась незапертая, хлопающая на ветру дверь «Черепа и костей». Под удивленным взглядом серебряного глаза луны матросы, спотыкаясь и поскальзываясь, неслись по мостовым улиц Таракуса.

Первым, впереди всех, на пирс вбежал Барим Рыжая Борода; его тяжелые сапоги громко застучали по камням портового причала. Здесь чуть покачивался на волнах его пришвартованный «Ятаган» с убранными веслами и свернутыми парусами. Положенные на стоянке в порту зеленые и красные огни горели на носу, корме и мачтах галеры.

— Эй, на борту! — раздался сильный, привыкший командовать голос Барима. — Живо на палубу, лентяи! Кидай сходни, снимайся с якоря!

Удивленный вахтенный матрос-зингабалец заспанными глазами уставился на причал:

— Это вы, капитан?

— Конечно я, кому ж еще тут быть! Слушай, лентяй, живо опускай сходни и принимай на борт это песье отродье! Мы отплываем в Патангу. Пошевеливайся, если не хочешь отправиться рыбам на обед.

Перегнувшись через борт, вахтенный вытянул руку, показывая куда-то за спину капитана:

— Башни! Посмотрите на сигнальные огни маяков! Еще на закате Морские Ворота закрылись, капитан. Мы не сможем выйти из бухты.

Выругавшись, Барим обернулся и уставился, беззвучно шевеля губами, на далекие, с трудом различимые в темноте огромные башни маяков, возвышающиеся одна — на острие мыса, а другая — на самом конце рукотворного волнолома, закрывающих штормам вход в гавань Таракуса. Сомнений быть не могло. По два огня — синий и желтый — горели на обеих башнях. Синий и желтый. А это значило, что непреодолимые

Морские Ворота закрыты на всю ночь, преграждая любому кораблю путь в бухту или из нее.

— Одиннадцать алых небосводов! — выдохнул капитан.

Чарн Товис, все еще не понимая, что произошло, спросил:

— Барим, что такое? Что обозначают эти огни? Почему мы не можем выйти в море?

Капитан тяжело вздохнул и чуть не простонал:

— Гавань Таракуса — почти замкнутый круг городской набережной, оптовых причалов и доков, скал, обрывающихся прямо в воду, и длинного волнореза. Остающийся для входа и выхода кораблей участок очень узок, и вот этот пес Каштар построил между маяками Морские Ворота, вон там...

— Да что же это за Ворота? — нетерпеливо спросил Чарн Товис.

— Огромные цепи. Цепи, выкованные из бронзы. Каждое звено весит полтонны. Четыре огромные цепи закреплены на громадных кольцах в башнях под маяками. Когда они подняты, как сейчас, ни один корабль не сможет пересечь границу залива. И кроме того, этот пес Каштар оставил в каждой башне постоянный гарнизон — больше чем по сотне воинов. Учитывая, что высадиться у маяков почти невозможно из-за рифов, взять маяки и опустить Ворота становится делом более чем сложным и, уж конечно, долгим даже для большой армии. А уж нам — команде одной галеры — и думать об этом нечего. Да и никто из нас не знает, как действует механизм цепей. А если ты все же надеешься на чудо — добавь ко всему еще и катапульты на волнорезе. Они разнесут неподвижный «Ятаган» в щепки, пока мы будем штурмовать один из маяков. Нет, приятель, похоже, что на этот раз Каштар одолел нас. Старая лиса, он наверняка догадывается, что среди капитанов пиратских кораблей найдутся один-два шпиона или просто отчаянная голова, которая, рассчитывая на большую награду, рискнет прорваться вперед и предупредить гарнизон Патанги о вторжении. Вот он

и приказал перекрыть на ночь Морские Ворота, пусть даже преградив путь возвращающимся в порт кораблям. Он сделает что угодно, лишь бы сохранить в тайне свой план... В общем, ребята, возвращаемся в «Череп и кости». Ничего не попишешь.

Чарн Товис выдавил проклятье, но понял, что ничего тут не поделать. Здравый смысл говорил, что Барим Рыжая Борода прав.

Старина Блай печально посмотрел на море и вдруг негромко произнес:

— Жаль этих бедняг в Патанге. Спокойно спят себе в своих кроватях, полагаясь на то, что бравые ребята с «Ятагана» известят их о начале вторжения. А теперь первым известием о войне станет появление в гавани их города черного флота пиратов... эх...

Тяжело вздохнув, круглолицый ковианец покачал головой. Один за другим пираты вернулись в трактир и легли спать. У дверей «Черепа и костей» их встретил посыльный офицер Каштара, передавший Бариму приказ правителя города корсаров: с первыми лучами солнца «Ятагану» было предписано занять место в последнем ряду строя пиратских кораблей и плыть вместе со всеми, следуя за флагманом, в сторону Патанги.

Какие шансы оставались у Города Огня, ничего не подозревавшего о готовящемся нападении? Какие шансы на жизнь и свободу были у его жителей, на которых нацелились предательские пиратские мечи и кинжалы?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПРОТИВ ШТОРМА

...Ибо это был грех Серых Колдунов, в своей гордыне и стремлении к власти дерзнувших бросить вызов самим девятнадцати богам... Они вышли за границы, поставленные человеческому познанию самими богами; они создали страшное оружие, словно вышедшее из преисподней... и потому были сметены Божественным Гневом, а все их творения стерты в пыль...

Великая Книга Колдуна Шайраты

Глава 10
ЯАН ИЗ КАДОРНЫ

Пока же искали его враги,
Он в их цитадель забрел,
Где с помощью Горма по воле Судьбы
Защиту от шторма нашел.

Летописи Тсаргола

Стройная фигура в шелковом одеянии дернулась от боли, сжатая железной хваткой Карма Карвуса. С изумлением князь Тсаргола ощутил под своими руками не крепкие мышцы мужчины, а мягкость женского тела. Разжав руки, он отступил на шаг назад.

— Вы всегда так вламываетесь в спальню к дамам, князь Тсаргола? — холодно спросила девушка. Приведя в порядок свое платье, она повернула прекрасное лицо к пораженному принцу. К своему удивлению, Карм Карвус понял, что перед ним не кабацкая девка, не разбитная подружка пиратского капитана, а молодая женщина благородного происхождения, хорошо воспитанная и полная достоинства.

— Прошу меня извинить, госпожа, но я не знал... Но как же вы узнали, кто я?

Легкая улыбка чуть тронула губы все еще холодно и неприветливо смотревшей на него девушки.

— Когда полгорода стоит на ушах, чтобы разыскать пропавшего пленника по имени Карм Карвус, не стоит

большого ума догадаться, что ты — тот самый беглец. Кому еще, кроме как узнику, бежавшему из темницы Каштара, придет в голову лазать по крышам и вламываться в окна, да еще в такую погоду. Но здесь тебе нечего бояться. Ведь я — тоже пленница Красного Волка, Яан из Кадорны. Ты замерз, промок, не стоишь на ногах от усталости. Можешь выпить вина, поесть, погреться у очага. Я думаю, что смогу найти для тебя какую-нибудь сухую одежду.

Пробормотав какие-то невнятные слова благодарности, Карм Карвус растянулся в кресле и, сняв сапоги, вытянул ноги к огню, чувствуя, как тепло, проникая в тело, выдавливает из мускулов и костей усталость и холод. При этом он не переставал заинтересованно следить за девушкой.

Ей было лет двадцать, не больше. Характерная золотистая кожа, черные миндалевидные глаза, сверкавшие, словно два темных самоцвета, выдавали в ней уроженку Кадорны. Копна черных как смоль волос рассыпалась по ее плечам. Ее полные чувственные губы, казалось, были созданы для поцелуев, а под свободными складками шелкового одеяния угадывалась прекрасная фигура.

Город Кадорна был самым западным в империи девяти городов. Он лежал за Ковией, по другую сторону от устья залива Патанги, непосредственно на побережье Южного моря. Города залива вели мало торговли с Кадорной, но лишь из-за ее удаленности и труднодоступности, а не по политическим причинам, повелитель Кадорны, князь Касан был союзником Тонгора. Теперь Карм Карвус припомнил, что слышал о юной дочери Касана... Но что она делает здесь, в цитадели пиратского короля?

Вопрос, должно быть, был написан на его лице, а может быть, просто повинуясь интуиции, девушка, выслушав благодарность за вино и еду, поведала гостю о том, как она оказалась в Таракусе.

— Я тоже была взята в плен корсарами, и теперь они держат меня как заложницу. — В нескольких словах

Яан описала, как во время морской прогулки ее судно окружили пираты. Все придворные, охрана и матросы принцессы погибли в неравной схватке, а саму ее привезли в Таракус. Карм Карвус угрюмо слушал ее рассказ. Похоже, что в планы Каштара входило захватить по заложнику из всех девяти городов империи Запада, чтобы обеспечить себе ключ к их воротам. Он спросил девушку, не знает ли она чего-нибудь о других заложниках, но она с улыбкой покачала головой, рассыпав копну волос, закрывших прядями ее прекрасное лицо.

— Кроме тебя и меня, у Каштара нет других пленников, — грустно сказала она, а затем снова улыбнулась. — А у короля пиратов со мной было немало проблем. Сначала я тоже насладилась его гостеприимством в подземной тюрьме; но видя, что страдания только укрепляют мой дух, Каштар решил запереть меня здесь, в более сносных условиях, чтобы я смягчилась и покорно выполнила уготованную мне в его планах роль. Здесь меня неплохо кормят, даже приставили нескольких служанок. Быть может, если я и теперь не соглашусь пособничать ему, Красный Волк снова отправит меня в темницу. Но пока что он меня не трогает.

— Но ведь тебя не оставляют одну, без стражи?

Яан покачала головой:

— Конечно нет. Я предоставлена самой себе в этих покоях, на верхнем этаже. А прислуга и стража заняли первые два. Выбраться отсюда мне не удается. По крайней мере, стража достаточно разумно предполагает, что саркайя не станет спускаться вниз, карабкаясь по стене, как ты. Но я вовсе не выбросила из головы мысль о бегстве и даже кое-что приготовила. Я как раз выглянула в окно, еще раз обдумывая план побега, и вдруг увидела тебя, карабкающегося по стене. Я зажгла лампу, чтобы привлечь твое внимание. Несомненно, я собиралась пригласить тебя к себе, но кто же мог предположить, что ты ввалишься, выломав окно, без всякого приглашения.

Тсарголец покраснел:

— Госпожа, я...

Девушка рассмеялась:

— Не нужно извинений. Отчаявшийся человек ищет любую гавань во время бури. Здесь, по крайней мере на время, ты в безопасности. Солдаты уже обыскали мои покои и больше не станут возвращаться. А теперь скажи, какие у тебя планы?

Карм Карвус нахмурился. Все его мысли были направлены лишь на то, как избежать повторного пленения, и, честно говоря, он совсем не думал, как и в каком направлении выбираться из города. Похоже, что в этом вопросе девушка была подготовлена куда лучше и во время заточения не теряла времени даром. Порывшись в одной из корзин с бельем, она извлекла на свет листы пергамента и расстелила их перед князем.

— Из этого окна открывается отличный вид на город; я тут набросала какое-то подобие карты — план улиц, площадей, перекрестков. — Она ткнула пальцем в чертеж. — Я, как и ты, рассчитывала убежать по крышам — этот путь кажется наименее рискованным. Я только ждала подходящей темной, безлунной ночи. Смотри, вот здесь мы, вот наша улица, вот городская стена, а здесь — ворота. Они не только надежно охраняются, но и хорошо освещены. Но в то же время я выяснила, что стена охраняется лишь верховыми патрулями, разъезжающими с внутренней стороны, а на ее гребне в обычные дни часовых нет. Если повезет, и мы сможем добраться вот до этого участка стены затемно...

— Мы? Госпожа, несомненно, я не могу себе позволить рисковать вашей жизнью, как своей, — запротестовал Карм Карвус.

Яан пристально посмотрела на него и твердо сказала:

— Если ты отказываешься идти со мной, я пойду одна, ясно? А теперь слушай внимательно и смотри на план. Пробираясь вот этим путем, мы выйдем на крышу этого здания. Оно повыше других, и, если повезет, мы сможем перепрыгнуть с карниза на верхнюю площадку стены. Я, кстати, уже приготовила

некое подобие веревочной лестницы. — Принцесса показала спрятанные среди одежды и покрывал скрученные из полос разрезанной ткани веревки с толстыми узлами для опоры вместо перекладин. — Так вот, привязав веревку к одному из зубцов на стене, мы сможем спуститься вниз, не рискуя свернуть себе шею.

Карм Карвус вяло поспорил, описывая опасности такого предприятия, вероятность быть обнаруженными, ненадежность черепицы. Он долго расписывал, как трудно спускаться по веревке и прыгать в темноте, — в общем, описывал все опасности, подстерегавшие их в городе и, более того, за его стенами — в джунглях, через которые предстояло пробираться до ближайшего дружественного поселения. Но на Яан из Кадорны его слова не произвели никакого впечатления.

— Послушай меня, князь Тсаргола. Я вовсе не изнеженная и беспомощная дамочка, могу тебя заверить. Я не хуже мужчины езжу верхом и умею охотиться. Я знаю, как обращаться с мечом, кинжалом и луком, и могу постоять за себя в бою. Мой отец мечтал о сыне, поэтому, занимаясь со мной, он тренировал меня, как мальчишку. Вот почему я не собираюсь выслушивать твои соображения по поводу моей безопасности. Я убегу отсюда. С тобой или без тебя — но убегу.

— Но, госпожа...

— Каштар Красный Волк хочет использовать меня как ключ, чтобы распахнуть ворота моего родного города. Но я отказываюсь служить инструментом для исполнения его подлых планов. И даже если Кадорне суждено пасть под ударами врагов, то не с моей помощью; я скорее соглашусь навеки спуститься в подземное Царство Теней, чем стать орудием уничтожения моего народа! Так я поклялась богам родной Кадорны и не собираюсь нарушать клятву.

Карм Карвус, скорее по инерции, попытался что-то возразить, но безуспешно. Князь Тсаргола был не первым мужчиной, проигравшим спор с женщиной. И не он первый понял, что порой самые разумные аргументы

разбиваются о непоколебимость женщины, принявшей какое-то решение. Итак, в конце концов он решил взять ее с собой.

Буря стихла, и беглецы стали готовиться в дорогу. Яан вышла ненадолго и вернулась уже переодетая. Понимая, что шелковое платье мало подходит для путешествия по крышам, она надела плотные, облегающие шерстяные брюки, подчеркивающие красоту ее длинных стройных ножек. Шнурованные сапоги доходили ей почти до колен, тело прикрывала темная блуза с длинными рукавами, плотный шерстяной плащ-накидка был приколот к плечам неяркими заколками. Вокруг головы она повязала тонкий кожаный шнурок, чтобы ее черные волосы не закрывали глаза и не мешали. В этом наряде худенькая, стройная принцесса походила на мальчика-подростка, одетого для охоты или верховой прогулки.

Для князя она отыскала подходящие ботинки вместо вконец потрескавшихся и мокрых сапог. Сухая одежда и теплый плащ дополнили его костюм. Эту одежду Яан разыскала в одной из предоставленных ей комнат, в каком-то сундуке.

Дождь прекратился, но луна все еще скрывалась за плотной пеленой грозовых туч, а значит, был шанс, если повезет, покинуть дом незамеченными.

Не задерживаясь, беглецы пустились в опасный путь, полагаясь на память Яан и верность ее чертежей. Проклиная себя за мягкотелость, Карм Карвус помог принцессе перелезть через подоконник. Ну почему? Почему он позволил повесить себе на шею такую обузу, думал он. Ведь девчонке ни за что не удастся лазать по крышам так же ловко, как это делал он. В конце концов, он — опытный воин в самом расцвете сил...

Тсарголец не успел сформулировать про себя эту мысль, как, потеряв равновесие на сломанной черепице, сорвался и проехал футов десять-двенадцать вниз по крыше, сумев остановиться, лишь уцепившись за трубу. Разумеется, его самолюбию пришлось не по нраву то,

как принцесса ловко, словно горная газель, спустилась к нему и протянула руку, чтобы помочь вылезти на гребень крыши. Кстати, ее тонкая кисть оказалась на редкость сильной. Карм Карвус почувствовал это, когда оперся на нее чуть не всем весом, карабкаясь наверх. С этого момента он перестал сожалеть о решении проделать путь вдвоем с Яан.

Они пробирались с одной крыши на другую где ползком, где перепрыгивая через темные переулки. Без дополнительных происшествий беглецы добрались до крайних домов у самой стены, защищавшей Таракус от нападения с суши.

Яан из Кадорны составила отличный план. Они действительно оказались на крыше, чуть возвышавшейся над стеной, примерно на равном расстоянии от двух ворот. Похоже, перепрыгнуть на вершину стены будет не очень трудно, подумал Карм Карвус. Солидная стена наверху была достаточно широкой, чтобы на ней могли разойтись два воина. Кроме того, наружную сторону стены украшали высокие зубцы, которые не дали бы, в случае чего, перелететь через стену.

Но — в этот момент Карм Карвус опять поскользнулся.

Непривычно сидящий на ноге ботинок попал в лужу, оставшуюся на месте выбитой черепицы, в тот самый момент, когда князь собирался оттолкнуться и перепрыгнуть на стену. В результате он, перекувырнувшись и потеряв всякую ориентировку, не удержался и рухнул с крыши вниз, на каменную мостовую.

Не миновать бы князю сломанной ноги, а то и шеи, если бы в тот момент вдоль стены не проезжал, на свою беду, патрульный верхом на кротере. Именно на голову этому бедняге и скатился Карм Карвус.

От неожиданности не успев понять, откуда на него свалилась такая тяжесть, воин выпустил поводья из рук. Испуганный кротер взбрыкнул, и оба человека полетели на землю.

Карм Карвус вскочил на ноги на мгновение раньше стражника. Этого мгновения ему хватило, чтобы, не

дав солдату выхватить оружие или поднять тревогу, отправить его в нокаут сильным ударом ноги в горло. Не успев подняться, стражник вновь рухнул в темную лужу у основания стены.

Карм Карвус быстро огляделся. Похоже, что стражник был один и шум их короткой схватки не привлек внимания. Мысленно попеняв себе за неловкость, князь успокоил себя тем, что, по крайней мере, так он раздобыл себе оружие. Он быстро расстегнул перевязь солдата и привычными движениями нацепил кожаные ремни на свои плечи. Теперь он был вооружен и, к своему удовольствию, обнаружил, что трофейный клинок, тонкий легкий меч, равный по весу сабле, но прямой и обоюдоострый. Он очень напоминал тсаргольскую шпагу — излюбленное оружие князя. Кроме того, на перевязи висел в ножнах длинный прямой кинжал, наподобие стилета или кортика. Разоружив бесчувственного солдата, князь разорвал на полосы плащ бедняги и, соорудив кляп, заткнул тому рот и, кроме того, крепко связал его. Затем он перетащил бесчувственное тело в глубокую тень — вряд ли его найдут до утра. Взяв кротера за поводья, Карм Карвус завел животное в узкий проход между двумя глухими стенами домов и крепко привязал его там, чтобы скакун, вернувшись в гарнизонные стойла без седока, не поднял тревогу раньше времени.

Яан внимательно наблюдала за всем происходящим с крыши. Теперь, когда они оказались разделены, оставался лишь один выход, чтобы снова оказаться вместе.

Тщательно примерившись, Яан отступила на два шага от края крыши, еще раз прикинула расстояние, а затем напряглась как пружина и, распрямившись, прыгнула.

Глядя снизу, Карм Карвус весь сжался, видя, как девушка летит в пустоте. Как легко можно ошибиться, не рассчитать силу толчка, неправильно прицелиться, подвернуть ногу или потерять равновесие... Одно неверное движение — и саркайя Кадорны рухнет на камни, разбившись насмерть!

Но Яан, похоже, не обманывала, когда рассказывала, что тренировалась не меньше любого мужчины. Она точно приземлилась на вершине стены. В следующий миг, не успев отдышаться, она уже развязала обмотанную вокруг талии веревку с узлами и, накинув один конец петлей на зубец стены, другой спустила Карму Карвусу.

Князь Тсаргола не заставил себя долго ждать. Через несколько мгновений он уже стоял на стене рядом с девушкой. Во мгновение ока веревка была развязана и перекинута на другую сторону. Не тратя времени на разговоры, цепляясь за узлы руками и упираясь в них ногами, князь и саркайя проворно спустились вниз. Вокруг громоздились скалы, таившие в себе немало опасностей, но главное было сделано: беглецы выбрались из города!

Как можно быстрее полезли они по каменистому склону горы. Здесь, среди скал и теней, их вряд ли заметили бы стражники со стен и башен, даже если бы смотрели в эту сторону. Но взойди луна, и шансы быть обнаруженными тотчас же станут куда более реальными.

Пробираясь по камням, стараясь не подвернуть ноги и при этом двигаясь как можно быстрее, Карм Карвус и Яан из Кадорны уходили все дальше от стен Таракуса и приближались к джунглям, которые в их положении казались куда более безопасным местом, чем город пиратов.

Промокшие, усталые, с ноющими ногами и руками, ободранными локтями и коленями, они наконец спустились к подножию горы. Похоже, до сих пор никто не обнаружил отсутствия Яан. Веревку и подавно никто не заметит до утра, — а значит, можно не опасаться погони, по крайней мере пока не рассветет.

Но до рассвета оставалось совсем мало времени. Вот уже посветлело небо на востоке, расступились тучи. Звезды, появившиеся в просветах, мерцали не по-ночному блекло. Еще немного — и первые багряно-золотые лучи рассеют темноту, и день сменит ночь.

Перед беглецами, словно темно-изумрудная стена, встали джунгли. Их торжественное и грозное молчание не столько нарушали, сколько подчеркивали таинственные шорохи занимающихся своими утренними делами обитателей этих густых зарослей.

Итак, враги в человеческом обличье остались позади. Но впереди лежали владения не менее страшных и жестоких врагов — хищных обитателей джунглей. От людей можно было вырваться и бежать, прибегнув к хитрости и обману, но здесь, в джунглях Птарты, ничто не поможет избежать грозных челюстей хищников, кроме силы, храбрости и остро отточенной стали.

Жестом приказав девушке держаться за его спиной, Карм Карвус обнажил меч и направился к темно-зеленой стене. Не успел он сделать и нескольких шагов в глубь изумрудного моря, как из темноты навстречу ему метнулась какая-то тень внушительных размеров.

Ни мгновения не раздумывая и не колеблясь, Карм Карвус бросился в бой. Его рука сжала стальной клинок, острой иглой направив в сердце неведомому врагу...

Глава 11
ПИРАТСКАЯ АРМАДА

Сильней, чем заклятий канва,
Сильней талисмана мага,
Любого сильней колдовства
Воин с мечом и отвагой!

Алая Эдда

Рассвет рассеял ночную тьму, наполнив мир светом нового дня.

Прежде чем первые лучи солнца позолотили небо, Таракус, город пиратов, уже проснулся. Сотни ухмыляющихся корсаров, вооруженных до зубов, заполнили узкие улицы, двигаясь к порту, поднимаясь на борт

галер, стоящих у причалов, и в шлюпках и баркасах добираясь до кораблей, бросивших якоря на рейде.

Среди пиратов были стрелки из луков и копьеносцы, воины с мечами и саблями, расчеты катапульт и тяжелых арбалетов, стреляющих огненными стрелами. Были здесь уроженцы всех городов и стран Юга — черноглазые и черноволосые тарданцы, воины из Шембиса и Тсаргола, Тардиса и Зингабала, солдаты из пустынь Возашпы с выкрашенными пурпуром бородами и пришельцы из Дарунгабара и Далакхона с лицами, словно грубо вырубленными из гранитных глыб. Над толпой возвышались великаны из Красных лесов Коданга. Их светлые волосы были затянуты в тугие косы на затылке. Даже несколько синих кочевников, чьи племена господствовали на далеких Великих равнинах Востока, занесла судьба в ряды пиратов Таракуса. Но больше всего в толпе было уроженцев окрестных земель — желтокожих кадорнианцев и раскосых обитателей Пелорма, а также самих таракусцев — с шелковистыми черными усами и порочными ледяными глазами.

И в душе каждого из сотен корсаров кипели мысли о скорой добыче — золоте, драгоценных камнях, вине и женщинах. Вот-вот неисчислимые богатства Патанги лягут к их ногам. Как только откроются двери сокровищниц городов империи, каждый пират станет богатым, как дворянин, и сможет прожить остаток жизни в роскоши и безделии. Корсары довольно улыбались и крепко сжимали украшенные самоцветами рукояти ножей, кинжалов, кортиков и палашей... Скоро, совсем скоро они, морские волки, заполнят улицы Патанги, и все золото, камни и все богатства могущественнейшей на земле империи лягут к их ногам.

Задолго до первых признаков рассвета Белшатла был на ногах и приступил к своей работе. Серый Колдун еще и еще раз проверял, как был закреплен его хрупкий инструмент из стеклянных сфер и латунных проволок на палубе флагманского корабля Каштара. Казалось, все в порядке, Лампа Безумия была в целости и сохранности, что теперь имело особо важное значе-

ние, когда она осталась в единственном экземпляре после того, как хитростью Карма Карвуса или тщеславием и глупой гордостью самого Белшатлы второй аппарат оказался уничтоженным.

Нездоровым огнем сверкали глаза колдуна, представлявшего себе, как он своими руками — да, вот этими руками — обрушит на стены Патанги лучи, разрушающие разум, сея безумие, ярость и смерть!

Наконец появился и сам Каштар в окружении офицеров, отдающий на ходу последние распоряжения. С вершины холма князь пиратов, радуясь, наблюдал, как выстраивается на рейде его флот, пиратская армада. За всю долгую и кровавую историю морских войн еще не было собрано в одном место столько боевых кораблей. Это он, Каштар Красный Волк, сумел собрать их, и к его ногам падет столь желанная добыча — трон Патанги. Словно в сладком сне, Каштар увидел Тонгора, закованного в цепи, стоящего на коленях у Огненного трона, у ног Каштара, правителя империи! Как сладок и восхитителен будет этот миг, миг полной победы, триумфа...

— Все готово, Волк, — раздался голос Дурунды Тула, первого помощника Каштара. Король пиратов кивнул. Еще мгновение он не сводил взгляд с величественного зрелища выстроившейся в боевой порядок армады, а затем, вдохнув пьянящий утренний воздух, скомандовал:

— Открыть Морские Ворота!

Приказ был передан по цепочке, дошел до сигнальщика, взмахнувшего флажками, который передал приказ всегда бодрствующим наблюдателям на маяках, охраняющих вход в запертую бухту.

Лязгнули огромные замки, отодвинулись засовы — и вот уже повернулись гигантские барабаны, напряглись канаты, и огромные бронзовые цепи поползли вниз, ложась на дно залива и открывая проход в гавань. Путь на Патангу открыт!

Каштар взошел на мостик флагманского судна и дал сигнал. Загрохотали сотни барабанов, тысячи глоток

затянули ритмичную песню — ударили весла, заскрипели в уключинах, — и вот первый ряд кораблей, подняв якоря, ровным строем направился к выходу из бухты.

Весла равномерно опускались в воду и так же равномерно взлетали в воздух. Вверх — вниз, в воду — на воздух; словно огромные водяные насекомые на длинных тонких ногах, первые корабли миновали маяки и вышли за волнорез в открытые воды залива.

Ряд за рядом начинали двигаться корабли, все больше и больше весел, повинуясь ритму барабана, врезались в водную гладь. И все сильнее и сильнее звучала над бухтой древняя пиратская песня, которую орали сейчас тысячи луженных морскими ветрами глоток:

Ветер гуляет на вольном просторе.
Яркие звезды играют с Луной.
Мы на волнах серебристого моря
Золото ищем ночною порой.

Древний гимн корсаров звучал все громче, разносясь по городу. Казалось, чем дальше отходили от причалов суда, тем громче звучала песня. Это гавань Таракуса и окружающие город пиратов горы прощальным эхом провожали в поход своих моряков. Долго еще звучали над городом древние слова:

Ночь светла, стремителен прилив.
Поднимайте паруса скорее!
Мы выходим в море, грусть забыв,
Чтобы золотой увидеть берег...

Но на одном из кораблей армады не было слышно радостного пения. Это черная галера «Ятаган», в молчании отправившаяся в поход на Патангу.

Меряя шагами мостик, нахмурив брови и сжав кулаки, капитан Барим решал стоящую перед ним дилемму.

За его спиной, бледный как полотно, Чарн Товис с замиранием сердца смотрел, как новые и новые ряды

галер и трирем поднимают паруса и поворачивают острые носы в сторону далекого Города Огня.

Экипажу «Ятагана», несмотря на верность и преданность Тонгору, ничего не оставалось, как плыть вместе со всеми, рискуя в противном случае быть заподозренными в предательстве. Если бы у князя пиратов возникли подозрения, его подручные немедленно потопили бы «Ятаган».

Толстый Блай и одноглазый Дурган стояли у борта и смотрели, как тает за кормой силуэт башен и маяков Таракуса. Круглолицый, никогда не унывающий ковианец на этот раз был серьезен и мрачен. Неожиданно он воскликнул, обращаясь к своему угрюмому товарищу:

— Но как же так?! Неужели мы, вместе с этими псами, ворвемся в город наших друзей, сея смерть и разрушение? Что скажет мальчишка-джасарк, когда его старые приятели вломятся в ворота города с обнаженными мечами? Будь проклят тот день, когда старина Блай решил стать пиратом и отправился искать счастья в морских походах!

Дурган плюнул за борт и выругался. Затем, глянув единственным здоровым глазом на мостик, заговорщицки подмигнул приунывшему Блаю:

— Не плачь раньше времени. Что до меня, то я верю нашему капитану. Он — мужик с головой... Если кто-нибудь из нас и может придумать выход из этой западни, то только он, и никто другой. Ты уж положись на него. Бьюсь об заклад, он уже кое-что придумал, а теперь только прикидывает детали. Нет, капитан у нас — голова! Соображает!..

— Клянусь зеленой бородой Шастадиона, я хочу, чтобы ты был прав... Я очень надеюсь, что ты прав, — простонал Блай.

Знакомый порт быстро таял за кормой. Вскоре Таракус превратился в узкую полоску на горизонте, над бухтой заклубился легкий утренний туман. Зато небо над кораблями с каждой минутой становилось

все светлее; засверкало солнце, последний раз отразившись, как от зеркала, от черепичных крыш и мощеных улиц Таракуса.

Корабли Каштара под всеми парусами мчались по глади залива Патанги. Небо из черного стало темно-синим, а затем голубым. Наступал день.

На мостике «Ятагана», словно факел, сверкала на солнце рыжая борода капитана. Барим все пытался найти способ предупредить Патангу о нападении волков Каштара.

К нему подошел его первый помощник — невысокий худощавый офицер с изуродованным шрамами лицом — Ангар Зенд.

— Ну что? — спросил помощник капитана. — У вас есть какой-нибудь план? Во имя неба, капитан, вы что, решили так и тащиться в хвосте армады до самой Патанги, а затем ограничиться минимальным участием в резне? Я уверен, что у вас есть какой-то план. Разрази меня гром, если это не так. Ну, скажите же хоть что-нибудь экипажу! Умоляю вас, капитан!

— Прекрати выть и скулить, словно бродячий пес! — вдруг рявкнул Барим. — Можете выть там, на палубе или в кубрике, но на мостике я заупокойных песен не потерплю! Ясно?

Чарн Товис подошел к Ангару Зенду и встал рядом с ним:

— Да, капитан. Экипаж и я, мы все хотим выслушать ваш план.

Барим Рыжая Борода прищурил синие глаза, словно смотрел на своего помощника и офицера Патанги против яркого солнца.

— Ну что ж, вот вам мой план. Первое: мы не сможем обогнать флот Каштара и предупредить защитников Патанги. В армаде есть более быстроходные корабли, чем наш «Ятаган». Предупредить Город Огня мы не сможем и плывя вместе с проклятыми Красными Псами. Флот идет на всех парусах. А значит, у нас нет никаких шансов опередить их и первыми добраться до Патанги. Чуете, куда я клоню, болваны?

— Мы внимательно слушаем, что вы предложите, капитан, — хмуро произнес Ангар Зенд.

— Ну что ж, слушаете, так слушайте! Я считаю, что у Патанги и сейчас немало шансов на удачный исход сражения. Не забывайте про их летающие лодки, которые задолго до подхода армады обнаружат ее, а затем, известив стражу города, обрушат свою мощь на корабли Каштара. Чего стоят одни колдовские кристаллы, ограненные мудрым Иотондусом и установленные на летающих лодках несколько лет назад. Это оружие даст Патанге неплохое преимущество в бою даже с таким мощным противником, как флот Каштара. Понятно?

Чарн Товис и первый помощник молча кивнули.

— Так вот, — продолжил Барим, — единственное, что делает Каштара неуязвимым и что может склонить чашу весов в его пользу, — та проклятая штуковина, которая установлена на борту «Красного Волка», дьявольское изобретение — Лампа Безумия. Белшатла рассчитывает, что от этих лучей рухнут с неба летающие лодки, очистив путь к стенам города кораблям армады Каштара. Безумие поразит каждого, кто осмелится с оружием в руках встать на пути пиратов, и тогда Патанга падет, даже не дав достойного отпора... Но если мы сумеем уничтожить эту проклятую богами лампу, несущую безумие, то у Патанги появится шанс расправиться с Волками Каштара. Да я просто уверен в победе Города Огня при таком положении дел!

Ангар Зенд немного подумал и сказал:

— Отличная мысль, капитан. Но разрази меня гром, если я понимаю, как вы собираетесь воплотить ее в жизнь. Как мы можем добраться до проклятой лампы, стоящей на мостике флагмана, если плетемся в последнем ряду строя?

Рыжая Борода подмигнул помощнику и многозначительно покачал у него перед носом пальцем:

— Конечно, здравый вопрос, старина Зенд. Но учти, что флот, держа строй, будет плыть под всеми парусами весь день, а затем, быть может, и часть ночи.

Но ведь, как ты знаешь, в это время года над заливом стоят густые ночные туманы. Я уверен, что флагман, а вслед за ним и весь флот немного снизят скорость в темноте и тумане. И вот тут-то мы и должны будем незаметно отстать, благо идем мы в последнем ряду, и, обогнув строй, вынырнуть из темноты и завесы тумана прямо у борта «Красного Волка». А уж тогда...

— Что? Что тогда? — спросил Ангар Зенд.

Глаза Барима полыхнули огнем; в голосе грубого пирата послышались благородные, полные достоинства интонации.

— И тогда, друзья мои, мы возьмем флагман на абордаж, а если надо — протараним его. Затем — всей командой бросимся на его палубу, чтобы уничтожить Лампу Безумия... Мы должны попытаться сделать это, даже если это будет стоить жизни всем нам... А я думаю, что так оно и будет...

Неожиданно Барим, растолкав своих собеседников, подбежал к борту и стал всматриваться в далекий берег. Бронзовое от загара лицо капитана вдруг побледнело. Рыжая Борода, словно завороженный, разглядывал какую-то точку в зарослях джунглей Птарты, мимо которых проплывал пиратский флот.

— Можете скормить меня акулам, — прорычал Барим. — Всемогущий Горм! Нет, этого не может быть!

— Что случилось, капитан? — спросил Чарн Товис.

Молодой офицер точно так же всмотрелся в береговую линию, но не заметил ничего необычного.

— Для тебя — пока ничего. Ты ведь всего-навсего сухопутный солдат. А чтобы разобрать хоть что-нибудь на таком расстоянии, да еще против солнца, нужен глаз старого морского волка, такой, как у меня, старика Барима. Эй, Зенд, быстро сюда наблюдательное стекло! Живо! Или я с тебя шкуру спущу!

Сделав свирепое лицо, Барим резким движением вырвал из рук первого помощника висевшее на груди

у того выпуклое стекло в медной оправе и приставил его к правому глазу.

— Вон та бухточка, с пещерой на берегу... — пробормотал он. — Боги Моря и Земли, неужели это не сон?

Капитан Рыжая Борода еще некоторое время глядел сквозь стекло на какую-то точку в извилистой береговой линии. Затем, убрав стекло, он прошептал:

— Это правда, клянусь одиннадцатью Алыми Небесами! — Обернувшись, Барим привычным командирским голосом воскликнул: — Эй, сигнальщик! Поднять флаги, сообщить Каштару на «Красном Волке», что у «Ятагана»... у «Ятагана» течь ниже ватерлинии и что нам нужно заделать ее, вытащив корабль на берег. Передай этому псу, что мы догоним флот через часполтора. И поживей, приятель! Поторапливайся!

— Капитан рехнулся, — пробормотал Ангар Зенд стоящему рядом с ним Чарну Товису. — Готов поклясться, что у нас нет никакой течи.

— Да ну? — усмехнулся Барим Рыжая Борода. — Так-таки и нет? Говоришь, я сошел с ума? Это я-то? Да у меня ума на всех вас хватит. Ладно, держи стекло, протри глаза и посмотри вон на ту бухточку. А потом решим, сошел я с ума или нахожусь в полном здравии!

Первый помощник долго прилаживал наблюдательное стекло, а затем всматривался в точку, указанную Баримом. Наконец его челюсть отвисла в изумлении.

— Боги... Клянусь... Нет, невозможно... — все, что мог выдавить из себя Ангар Зенд под ехидным взглядом Барима и заинтригованным — Чарна Товиса.

С трудом оторвавшись от наблюдательного стекла, первый помощник выслушал доклад сигнальщика. Разрешение на краткую высадку на берег для ремонта флагман дал. Обернувшись к великану Тангмару, стоявшему у штурвала, Ангар Зенд крикнул:

— Эй, дылда из Коданги! Сворачивай. Курс — на вон ту бухту, ясно? Живей, живей поворачивай, варвар!

«Ятаган», почти не сбавляя скорости, сделал широкий поворот, направляясь к указанной капитаном точке на берегу.

Молодой чандар Чарн Товис все еще не был посвящен в цель этих таинственных маневров. Но когда галера Барима приблизилась к берегу на меньшее расстояние, он наконец понял, в чем дело.

В сердце юного офицера разлилась неописуемая радость. Его глаза неожиданно наполнились слезами, а губы зашептали благодарственные молитвы девятнадцати богам, управляющим Миром...

Глава 12
КОГДА ВСТРЕЧАЮТСЯ ДРУЗЬЯ

Сквозь джунгли, где нет тропинок, сквозь дебри чужих лесов,
Сквозь заросли странных растений, грозящих сотней шипов,—
Долгий свой путь проделал Тонгор сквозь сотни преград,
Чтоб старых друзей увидеть, с которыми встретиться рад.

Сага о Тонгоре, XIX

Тонгор едва ступил на опушку темных зарослей, чтобы рассмотреть проступающие в первых лучах восходящего солнца башни Таракуса, как навстречу ему метнулся силуэт человека, явно готового вступить в бой. Зоркие глаза варвара успели заметить мелькнувший в воздухе клинок узкого меча, нацеленный ему в сердце.

С быстротою жалящей кобры рука Тонгора метнулась к висящему на поясе мечу. Коротко просвистев в воздухе, клинок валькара в последний миг успел отбить смертоносный удар незнакомца.

Сталь с лязгом скрестилась со сталью — и клинок противника отлетел в заросли.

Незнакомец отскочил и выхватил кинжал. Но, сделав шаг назад, он вышел из тени и оказался освещен солнечными лучами. Тонгор вздрогнул, а затем, опустив меч, облегченно вздохнул и рассмеялся:

— Разрази меня гром! Карм Карвус, ты что, всерьез вознамерился перерезать глотку старому приятелю?

Князь Тсаргола — а это был именно он, собственной персоной, — содрогнулся при мысли о том, что могло произойти. Он застыл, вытаращив глаза, все еще с недоверием разглядывая знакомую фигуру, словно по воле какого-то неведомого колдуна оказавшуюся на его пути.

— Тонгор! Это ты, дружище! Боги! — воскликнул Карм Карвус. — Я не ожидал встретить тебя ближе, чем за сотню-другую лиг отсюда!

Двое мужчин подали друг другу руки и обнялись, радуясь столь неожиданной и невероятной встрече.

— А уж тебя, Карм Карвус, я и вовсе не рассчитывал найти живым и невредимым, — мрачно отшутился Тонгор. — Мало кому удавалось вырваться из лап кровавого пса Каштара. Но скажи мне, кто эта девушка, твоя спутница?

— Это Яан, саркайя Кадорны, дочь князя Касана и мой товарищ по заточению. Мы только что сбежали из пиратского города и собирались идти через джунгли, не рассчитывая встретить кого-либо из друзей еще очень и очень долго. Госпожа, позвольте представить вам Тонгора, правителя Патанги и повелителя шести городов.

Карм Карвус отошел, чтобы поднять с земли свой меч, а Тонгор склонился над машинально протянутой рукой девушки, смотревшей на него в немом изумлении. Сколько она слышала с детства о героических, невероятных подвигах воина Запада и о величии его империи. Так неужели этот полуголый дикарь с варварским тяжелым мечом на перевязи, весь покрытый свежими и давно зарубцевавшимися ранами и ссадинами, — неужели он и есть тот самый, прославленный еще при жизни в песнях и сагах Воин Запада, слава о котором докатилась и до ее далекого города.

— Я не собираюсь тратить время, расспрашивая, зачем и как ты забрался в эту глушь, — смеясь, сказал подошедший Карм Карвус, — так как время — это сейчас самая большая драгоценность для всех нас. Я полагаю, ты спрятал свою летающую лодку где-нибудь

неподалеку, а сам отправился на разведку. Нужно срочно лететь обратно в Патангу, потому что сегодня на рассвете Каштар и весь его флот отправляются в поход против твоего города. Не одна сотня кораблей заняла место в строю его армады. А на флагмане, нацелившемся на Город Огня, та самая Серая Смерть — ужасное оружие, несущее безумие, с помощью которого и была захвачена моя трирема.

Выражение радости слетело с лица Тонгора. Его улыбка вмиг угасла.

— Действительно — неприятная весть, Карм Карвус. Я один, пешком добрался сюда, пробираясь через джунгли. Никакой летающей лодки поблизости у меня нет.

— Как нет? А как же ты сюда добрался?

— Сначала — на борту «Ятагана», пиратской галеры, чей капитан, Барим Рыжая Борода, — мой земляк и надежный друг. Увы, на второй день пути на галеру напал морской дракон. Завязался бой, и кончилось все тем, что я оказался за бортом, далеко от судна, и еле доплыл до берега Птарты. Оттуда я добрался сюда пешком и на плоту, двигаясь по течению Амадона — Реки Джунглей. Где сейчас мои друзья-пираты и их судно — я не знаю. Ты говоришь, что пиратский флот поднимает паруса прямо сейчас?

— Да, — кивнул Карм Карвус. — Только чудо могло бы остановить Каштара.

— Тут до берега — рукой подать, — махнул рукой Тонгор.

И, не говоря больше ни слова, могучий варвар развернулся и нырнул в густую зелень зарослей. Карм Карвус и девушка последовали за ним.

Выбравшись на берег, они оказались в маленькой бухточке, чью почти неподвижную гладь отделяла от волн залива торчащая из воды скала.

Прикрывая глаза рукой от ослепительного солнца, Тонгор увидел все то, о чем говорил ему Карм Карвус. Сотни парусов, сверкающих металлом острых таранов,

тысячи весел огромного флота — все это неслось по глади залива на север, к тому месту, где две Реки Близнецы, Изар и Саан, впадают в залив и на узкой полосе земли между их руслами поднялся Город Огня.

Карм Карвус и Яан стояли рядом с Тонгором, боясь обратиться к застывшему, сжавшему кулаки и прищурившему глаза повелителю Патанги, смотревшему, как к его городу несется по волнам пиратская армада и Серая Смерть.

— Видит Горм, лучше было бы отправляться в путь на летающей лодке, — пробормотал Тонгор. — А я побоялся, что ее могут заметить пираты Таракуса. Вот почему я предпочел отплыть втайне, на борту галеры Барима, рассчитывая, что без проблем окажусь в самом Таракусе, не вызвав подозрений.

— Что же делать? — безо всякой надежды в голосе спросил Карм Карвус.

Тонгор пожал плечами:

— Посмотрим. В конце концов, мы еще живы, а значит, не должны отчаиваться. Как ни крути, я не вижу способа добраться до Патанги быстрее, чем это сделают корабли Каштара. А значит — нет смысла оплакивать неудачу. Посмотрим. Твой город, Тсаргол, лежит по крайней мере в двух днях пути отсюда — это нам не подходит. Пелорм ближе, и там, в городе, входящем в империю, мы найдем друзей, часть объединенного флота и даже отряд летающих лодок.

— От Пелорма нас отделяет полоса диких джунглей, — заметил Карм Карвус.

— Я только что добрался сюда через джунгли. А значит — они проходимы. А теперь нас трое. У меня — мой верный меч. Ты, как я вижу, вооружен клинком, похожим на тсаргольскую шпагу, а саркайя пусть вооружится твоим кинжалом. Я думаю, что втроем мы сможем двигаться не медленнее, чем я двигался один. А три клинка — более надежное оружие против опасных обитателей джунглей, чем один. Я не говорю уже про три пары зорких глаз и

чутких ушей... Впрочем, хватит болтать, мы отправляемся немедленно.

В этот миг Яан, смотревшая на море, удивленно вскрикнула и схватила Тонгора за руку.

— Что такое? — спросил он.

— Корабль! Смотри, Тонгор, одна из пиратских галер отделилась от строя и направляется, похоже, прямо сюда, в эту бухту!

Присмотревшись, Тонгор увидел, что девушка права. Одна из галер, с драконьей головой на носу, на всех парусах неслась к ним.

Удивление на лице Тонгора сменилось холодной готовностью к бою. Неужели пираты заметили их фигуры на берегу? Зная, какое острое у моряков зрение, и учитывая помощь наблюдательных стекол, можно было предположить и такое.

— Не лучше ли нам будет скрыться в джунглях? — предложил Карм Карвус. — Прежде чем они высадятся, мы сумеем уйти довольно далеко от берега. Я не думаю, что сейчас они станут тратить время на долгую погоню по джунглям неизвестно за кем.

— Ты прав, — согласился Тонгор, — но все же...

— Что? Что — все же? — спросил Тсарголец.

— Что-то в этом корабле кажется мне знакомым, — неуверенно произнес Тонгор.

Его глаза вновь и вновь обегали силуэт приближающегося судна. Нет, несомненно, где-то он уже видел эту драконью голову, черные борта и багровые паруса. Неужели?.. Нет, это невозможно!..

Тряхнув черной гривой волос, Тонгор неожиданно для своих спутников рассмеялся. Карм Карвус уставился на валькара, прикидывая, не сошел ли повелитель Патанги с ума. Яан спряталась за князем Тсаргола в поисках защиты.

Тонгор повернулся и, улыбаясь, сказал:

— Не волнуйтесь, друзья. Я в своем уме. Но похоже, боги выбрали этот день для встреч многих и многих старых друзей. Ибо эта черная галера, несущаяся к нам на всех парусах, — тот самый «Ятаган»,

и я клянусь, что уже различаю на палубе рыжую бороду капитана Барима, а рядом — фигуру моего офицера Чарна Товиса.

Не прошло и часа, как «Ятаган» вновь занял свое место в строю пиратской армады, известив сигнальными флагами, что течь устранена. Весь день галера Барима спокойно плыла в последнем ряду строя флота Каштара, двигаясь вместе с остальными кораблями в сторону Патанги.

На борту «Ятагана» началось веселье, когда Минга и Тангмар доставили на его палубу в шлюпке Тонгора, Карма Карвуса из Тсаргола и саркайю Яан из Кадорны. Не успел Тонгор перебраться через борт и поднять руку в приветствии, как радостный рев луженых глоток всего экипажа огласил воздух.

Первым лично поприветствовал почетного гостя Барим, от души огрев валькара по плечу могучей рукой. Ведь капитан уже не чаял встретить старого друга по эту сторону Скорбных Ворот, отделяющих Страну Живых от мрачного Царства Теней. В душе он все еще продолжал винить себя в безвременной гибели Тонгора. Но случилось невероятное: каким-то чудом, живой и невредимый, повелитель Патанги снова стоял на палубе «Ятагана».

— Черный Ястреб, собственной персоной, клянусь Одиннадцатью Небесами и бородой Шастадиона! — прорычал Барим. От дружеского удара, нанесенного рыжебородым, человек послабее Тонгора просто рухнул бы как подкошенный. — Горм и все боги! Нет, я всегда говорил, что убить северянина — слишком тяжелое дело, даже для морского дракона!

Тонгор радостно приветствовал капитана и всех своих друзей из экипажа галеры. Он так же крепко обнял Чарна Товиса, чьи глаза наполнились слезами радости, а губы беззвучно шевелились, шепча положенные церемониальные приветствия повелителю.

Тонгор быстро представил Карма Карвуса и Яан капитану и экипажу. Затем, повернувшись к Рыжей Бороде, он сказал:

— Чуть позже мы подробно расскажем друг другу обо всем, что произошло с нами с того времени, как мы, не попрощавшись, так неожиданно расстались. А теперь я очень надеюсь, что твоя галера готова отправиться в поход. А то, путешествуя по джунглям, я изряднейшим образом проголодался и рассчитываю, что на этом корабле найдется хороший бифштекс и бутылка-другая вина!

Карм Карвус рассмеялся:

— Я еще не помню случая, чтобы ты не позаботился о том, как повкуснее и пообильнее набить желудок!

Тонгор улыбнулся и почесал в затылке:

— А что? Если сам о себе не подумаешь, то кто тогда позаботится о тебе? А кроме того — приключения всегда нагоняют зверский аппетит.

Хорошо поев и передохнув, переодевшись в чистую одежду, Тонгор, Карм Карвус и Яан собрались в каюте Барима, чтобы обсудить план дальнейших действий.

Сначала каждый рассказал о том, что с ним случилось и что ему известно. Тонгор с внешне невозмутимым видом выслушал описание машины Серой Смерти и рассказ Карма Карвуса о планах Каштара.

— Похоже, мы не знаем всего, что затеял Красный Волк, — заметил Тонгор. — Не думаю, чтобы он, даже имея Лампу Безумия, решил просто так, строем вести флот на Патангу...

— повелитель, — вставил Чарн Товис, — а может быть, Каштар собирается войти в бухту под покровом темноты? Ведь сделай он это днем, Воздушная гвардия Тома Первиса издалека заметит корабли и успеет передать сигнал тревоги городской страже.

— Да, уж этот пес Каштар точно что-то задумал, — процедил сквозь зубы Барим. — Что касается меня, Черный Ястреб, то я ничего лучше не придумал, чем

то, о чем я тебе уже рассказал... Подобраться вкруговую и взять флагманский корабль на абордаж, чтобы уничтожить это колдовское отродье — Белшатлу и его дьявольскую Лампу... Я все понимаю: затея не просто рискованная, а почти безумная; вполне может статься, что старина «Ятаган» пойдет ко дну в этом бою, но разрази меня гром, если я вижу другой выход!

Тонгор нахмурился и мрачно сказал:

— Я согласен с тобой, Рыжая Борода. У Патанги появятся очень неплохие шансы на победу, если мы уничтожим Серую Смерть. А я тоже не вижу другого способа сделать это. Только тот, что ты предложил. Подготовимся к бою и нападем после полуночи, когда вахтенные уже не так внимательны.

Импровизированный военный совет согласился с этим решением. Прежде чем отправиться в кубрик и лечь поспать, чтобы отдохнуть и набраться сил перед боем, Чарн Товис и Карм Карвус вышли на палубу.

— Князь, скажи, ты думаешь, это сработает? Ну, я имею в виду план Барима, — спросил воин.

Князь Тсаргола ответил:

— Не знаю, Чарн Товис. По мне — это отчаянная затея, почти безумие. Но, сам знаешь, порой отчаявшийся человек способен на такое, что не смог бы совершить в другой ситуации. Мне, например, очень не хотелось бы подвергать опасности жизнь саркайи Яан. К тому же я не верю, что мы сможем незаметно подобраться к флагману. И совсем не верю, что нам удастся уничтожить проклятую лампу и Серого Колдуна, обойдясь малой кровью и не ввязавшись в бой с экипажем «Красного Волка». Остается надеяться на милость Горма. Да и другого выхода я предложить не могу. А ты?

Чарн Товис покачал головой. Затем, глядя в безоблачное голубое небо, он сказал:

— Молюсь Девятнадцати богам, чтобы они послали нам пасмурную, безлунную ночь.

— Я присоединяюсь к твоим молитвам. А теперь пошли в кубрик. Нужно поспать. Ночь будет ох какая бурная...

Молодой воин и почти его ровесник — князь спустились в один из матросских кубриков. «Ятаган» все так же скользил по волнам в строю пиратского флота. Скоро должна была наступить ночь, и никто на борту галеры не решился бы предсказать, чем она закончится и останется ли хоть кто-нибудь из них в живых.

Глава 13
КОЛДОВСКОЙ ТУМАН

Порою нужна война,
Чтоб цели достигнуть правой...
Только на ком вина
За этот закон лукавый?

Алая Эдда

Весь день армада Таракуса неслась на всех парусах, вспарывая и вспенивая воды залива. Каштар приказал держаться на равном расстоянии от обоих берегов, чтобы избежать даже малейшего шанса быть замеченными зоркими стражами на маяках и башнях портовых городов.

Единственный риск быть обнаруженными заключался в возможной случайной встрече с каким-нибудь торговым судном. Если бы такое произошло, за несчастным кораблем были бы посланы в погоню самые быстроходные суда Каштара, чтобы безжалостно пустить на дно корабль со всем его экипажем. Но за весь день никто не попался на пути пиратского флота. В это время года в заливе часто бушевали штормы, случались ледяные дожди, дули северные ветры, вились над водной гладью черные смерчи. Мало кто из купцов отваживался рисковать кораблем и грузом. Они предпочитали переждать опасное время в порту.

Час шел за часом. Эдир, бог-Солнце, медленно, но верно спускался по западной половине неба. Там небосвод превратился в огненную стену багровых и золотых оттенков.

К удивлению Тонгора, пиратский флот мчался по заливу намного быстрее, чем «Ятаган» несколько дней назад. Воин Запада лишь покрепче сжал кулаки. Когда в войну вступают колдуны, привычные законы Пространства и Времени порой отступают. Несомненно, набрать кораблям такую скорость помогло черное искусство Белшатлы! Последний колдун древней Нианги наверняка немало потрудился, чтобы сократить расстояние или, наоборот, растянуть время пути.

Как только ночь распростерла над миром свои темно-фиолетовые крылья, экипаж «Ятагана» стал готовиться к сражению. На палубе толпились мрачные, решительные матросы. У каждого в руке был стальной клинок. Некоторые моряки были вооружены тсаргольскими шпагами или таракусскими мечами, другие — кривыми саблями из Кадорны или прямыми, длинными мечами из Патанги. За пояса были заткнуты ножи, кинжалы, стилеты. Стрелки достали луки и приготовились занять свои места на мачтах, чтобы по приказу капитана обрушить смертоносный дождь на палубу «Красного Волка».

Барим Рыжая Борода облачился в начищенные до зеркального блеска доспехи и тяжелый, украшенный стальными рогами шлем. Чтобы блеск стали не привлек раньше времени внимания вахтенных с других кораблей, Барим набросил поверх доспехов грубую шерстяную накидку, а шлем обмотал какой-то шелковой тряпкой наподобие тюрбана. Огромный боевой топор свисал с перевязи, накинутой поверх всех этих одеяний так, чтобы оружие было под рукой в любой момент.

На Тонгоре был лишь обычный кожаный костюм простого воина. Ни единый медальон или драгоценная брошь не выдавали его титула; ни один драгоценный камень не украшал рукояти меча или ножен. Великий повелитель империи шести городов шел в бой как простой воин из дикой северной страны.

Чарн Товис тоже оделся как простой солдат. Ни один из положенных ему по званию знаков отличия

не украшал его костюм. Сильная, обычно эффектная фигура молодого офицера явно терялась рядом с могучим Тонгором, который, словно башня над стенами, возвышался над ним и всеми стоявшими рядом моряками. Тонгор, широкоплечий, высокий, с мощными руками, напоминал сына бога войны, могучего гладиатора-победителя. Простой кожаный ремешок, а не корона, поддерживал развевавшиеся по ветру черные, как крыло ворона, волосы. Его рука покоилась на массивной рукояти Саркозана. Широкая грудь повелителя Патанги медленно поднималась и опускалась. Его спокойное лицо напоминало бронзовую маску, и лишь золотые глаза сверкали огнем, словно у вышедшего на охоту льва.

Тонгор приготовился к бою за спасение своего города.

Экипаж «Ятагана» расположился на палубе в ожидании темноты. Пираты расселись у мачт, легли вдоль бортов, чтобы большое количество вооруженных людей на палубе не привлекло ненужного внимания. Люки в бортах на уровне гребной палубы прикрыли, оставив лишь узкие щели для весел, чтобы защитить гребцов от стрел во время штурма. Впрочем, все эти предосторожности пока были почти излишни — мало кто стал бы беспокоиться по поводу того, что происходит в вечерних сумерках на борту идущей в последнем ряду галеры.

В тишине внешне спокойно команда «Ятагана» дожидалась наступления темноты и готовилась к отчаянной схватке.

Барим Рыжая Борода в очередной раз взглянул на небо и выругался. Видимо, в эту ночь везение было не на его стороне, а боги оказались глухи к мольбам Чарна Товиса и Карма Карвуса.

Полная, ясная луна вставала над Лемурией во всей своей красе, освещая бледным светом водные просторы залива и его побережья.

Барим понимал, что при ясной луне их шансы незаметно отстать и обогнуть пиратскую армаду значительно уменьшаются. В эту ночь Госпожа Илана особенно постаралась: корабли плыли словно по зеркалу, горевшему серебряным холодным пламенем. При таком освещении все перемещения «Ятагана» будут видны как на ладони.

Бурча полузабытые проклятия на языке своей родной страны, Барим ходил взад-вперед по мостику. Он надеялся, что через час-другой погода изменится. Это было не столь уж невероятно — в месяц зорах невидимые крылья западных холодных ветров могли в считанные минуту затянуть небо темной пеленой туч.

Но долго ждать капитан не мог. Хочешь не хочешь, а через несколько часов «Ятагану» придется выйти из стройного ряда других галер и, обойдя весь флот, подкраться к флагману. Удастся ли сделать это незаметно? Не заподозрит ли неладное какой-нибудь вахтенный или впередсмотрящий с одного из плывущих рядом судов, увидев странные маневры «Ятагана»? Увы, это было более чем вероятно. Но приходилось идти на риск. Другого выбора у капитана Барима не было — еще до рассвета флот пиратов должен был войти в бухту Патанги и напасть на город.

Моля богов и тут же изрыгая проклятия, Барим мерял шагами капитанский мостик, всей душой, как никогда в жизни, желая, чтобы погода испортилась и плотные тучи скрыли серебряный фонарь луны.

В те же минуты на палубе другого корабля — флагмана ппратской армады — сам Каштар тоже сыпал проклятиями по поводу ярко сияющей луны. Слишком хорошо знал Красный Волк, что Воздушная гвардия Патанги неустанно охраняет Город Огня и что с высоты пилоты видят гладь залива на очень большое расстояние. Поэтому Каштару тоже было нужно, чтобы луна скрылась за тучами, дав возможность его флоту подойти поближе к стенам Патанги,

прежде чем стражники поднимут тревогу. Но, в отличие от Барима, у Каштара на борту его корабля был колдун; причем не какой-нибудь заваляющий шаман, годящийся только на то, чтобы навести порчу или сглазить противника, а один из могущественнейших мастеров Серой Магии, наследник проклятых богами и благословленных демонами колдунов древней Ниангги, великий Белшатла, вооруженный дьявольскими знаниями и инструментами древней науки.

Белшатла тоже отлично понимал, как важно скрытно подойти к бухте Города Огня. Много дней он листал пожелтевшие от времени, испещренные иероглифами страницы древних манускриптов, раскопанных им в песках Серых пустынь.

Он нашел одно сильнейшее заклинание, используя которое, вместе с некоторыми приспособлениями, можно было сделать корабли невидимыми для человеческого взгляда. Но этот способ требовал сильных магических полей, искривляющих лучи света, и им нельзя было воспользоваться в открытом море.

Древние страницы предлагали способ сделать так, чтобы наблюдатели не обратили внимания, словно не заметили приближения множества судов. Но это могущественное заклинание работало не само по себе. Чтобы поглотить внимание всех стражников, которые будут наблюдать за приближением флота со стен и башен, да еще и внимания пилотов сторожевых воздушных лодок, потребовались бы объединенные усилия как минимум девяти Посвященных, знатоков искусства Серой Магии. Но Белшатла был один, по крайней мере в обозримой части обитаемого мира. А значит — и этот способ не подходил.

Оставался третий вариант — тот, который можно было воплотить в жизнь при сложившихся обстоятельствах.

Для этого нужно было воспользоваться силами Яатлабназура — Демона Мглы, которого можно было заставить работать на себя при помощи мощных талисманов. Демон Мглы мог укутать весь наступающий

флот плотной завесой густого тумана, скрыв его от посторонних глаз, ибо простой смертный не может проникнуть взглядом сквозь Мглу Яатлабназура. Конечно, Белшатла не знал, что на самом деле он проводит простой физический опыт, основанный не на сверхъестественных чудесах, а на законах природы, и Темные Силы Хаоса здесь ни при чем. Но если нужный результат будет получен, то Белшатле все равно, работал ли он с потусторонними силами или использовал еще не открытые человечеством законы природы.

На носу пиратского флагмана Серый Колдун водрузил небольшое сооружение. Словно дополнительная мачта, в небо вонзился высокий тонкий штырь из чистой меди, у основания которого жужжал и потрескивал таинственный механизм, который сегодня мы назвали бы подобием трансформатора. Наклонившись над аппаратом и шепча заклинания, привораживающие Демона Мглы, Белшатла включил механизм. Несмотря на все познания Серого Колдуна, для него, человека древней эпохи, напряжение между положительным и отрицательным электродами было Духом Силы, запертым в клетке тяжелого трансформатора. А синие искры, слетавшие с острия медной мачты, — не разрядами накопившегося электрического потенциала, а Низшими Духами Ситхии — Мира Огненных Демонов.

Мало-помалу вокруг сыплющего искрами конца медного штыря стало формироваться облако из мельчайших капелек сконденсировавшегося пара. Прибор не прекращал работать, и клубы тумана потянулись в разные стороны от штыря, обволакивая палубу и мачты «Красного Волка». С волшебной скоростью пелена поглотила, ряд за рядом, весь строй огромного пиратского флота. Если внутри строя моряки еще могли разглядеть темные силуэты-призраки соседних кораблей, то даже с небольшого расстояния никто не смог бы ничего разобрать в плотном туманном облаке.

Увидев это, Барим невольно помянул многих богов. Правда, его чуть успокоило переданное при помощи сигнальных огней объяснение неожиданно

сгустившегося тумана. Каштар приказал своим сигнальщикам оповестить всех капитанов, чтобы те не паниковали попусту.

Разобравшись с сигнальной азбукой, Барим зловеще ухмыльнулся. Какая ирония судьбы — колдовство Белшатлы должно было помочь «Ятагану» незаметно подойти к флагману, неся смерть Серому Колдуну.

Глава 14
КЛИНОК ЗАНЕСЕН...

Беззвучная, словно призрак, невидимая, как туман,
Скользнула по волнам галера и оказалась там,
Куда Красный Волк направил лихую свою орду
В поход на Город Огня, суля горожанам беду.

Сага о Тонгоре, XIX

Теперь, когда огромная армада флота пиратов скрылась за густым колдовским туманом, Барим Рыжая Борода мог действовать, как задумал.

Сначала он хотел дождаться полуночи, когда бóльшая часть пиратов уснет, и притупится внимание вахтенных, но теперь ждать не было необходимости. Они ударят сейчас же, немедленно!

Словно привидение, галера Барима беззвучно покинула свое место в строю и направилась в обход флота. Никто из соседей не заметил этого маневра. Те матросы, которые еще не спали и наблюдали за тем, что происходит в тумане, были поглощены картинами, нарисованными волшебным туманом: вокруг кораблей то возносились бесплотные замки, то появлялись огромные бледные лица великанов с пустыми глазницами, то и дело уносимые ветром и появляющиеся вновь.

Длинные, извивающиеся плети тумана переплетались между мачтами и тянулись к матросам, словно желая удержать корабли и схватить людей, утащить их с кораблей и бросить в море. И хотя капитаны объяс-

нили матросам, что этот жутковатый туман — дело рук их союзника, Белшатлы, мало у кого из моряков не забилось учащенно сердце, замирая время от времени от страха. Такие же чувства испытывала и команда «Ятагана». Сжав оружие и готовясь бесстрашно вступить в бой с численно превосходящим противником, отважные пираты с трудом отгоняли страх, глядя на кошмарные картины, нарисованные туманом.

Старина Блай едва удержался, чтобы не выхватить из ножен меч и не полоснуть им пару раз по блуждающим по палубе теням, дабы убедиться, что это и вправду всего лишь облака тумана. Рядом с ним стоял бледный как полотно одноглазый Дурган, переставший улыбаться и сжимающий в кулаке зеленого идола. Даже великан Рогир, синий кочевник, — и тот бормотал заклятия, надеясь защитить себя от Демона Мглы.

Неожиданно галера вышла из туманного облака. Оказалось, что в мире все по-прежнему: так же светит луна, мерцают звезды, плещутся серебряные волны. Значит, рукотворный туман не поглотил весь мир безвозвратно. Многие моряки вздохнули поспокойнее.

Барим приказал поднять на мачты все паруса, вплоть до последнего куска багрового холста. Ведь «Ятагану» предстояло обогнуть весь пиратский флот и подойти к флагману. Ветер наполнил подставленные паруса, и золоченая драконья голова понеслась по серебряным волнам; ряд за рядом, флот Каштара оставался за кормой черной галеры.

Башни и маяки Патанги еще не встали над горизонтом, но было ясно, что еще немного — и они поднимутся перед моряками, словно вынырнув из морских глубин.

Барим еще раз продемонстрировал свое искусство морехода: вскоре «Ятаган» плыл уже параллельно первой шеренге скрытой туманом армады.

Удвоив внимание и осторожность, капитан Барим снова повел корабль внутрь туманного облака.

Словно призраки во мгле, двигались пиратские корабли. Лишь красные и зеленые огни на мачтах и корме каждого судна давали представление о его местонахождении и курсе. Не зажигая огней, почти невидимый «Ятаган», словно морская змея, пробирался, лавируя между тенями, к хорошо различимому даже во мгле огромному силуэту «Красного Волка».

Действуя предельно осторожно, умело орудуя рулем, парусами и веслами, экипаж черной галеры под руководством капитана Барима добился намеченного: «Ятаган» поплыл бок о бок с флагманом.

Дальше командовать должен был Тонгор.

Воин Патанги предложил скорректировать первоначальный план и не рисковать сразу всем кораблем. Не удайся команде «Ятагана» первая атака — второго шанса у них не будут. Поэтому Тонгор приказал Бариму держаться и дальше поблизости от «Красного Волка». Он же решил рискнуть и малыми силами выполнить задуманное. Вдвоем с Чарном Товисом они проплывут разделяющую два корабля сотню ярдов воды и, забравшись на борт флагмана, попытаются незаметно сбросить в воду или разбить Лампу Безумия, и, если повезет, дьявольский аппарат, от которого и расходились клубы тумана. Если же за оговоренное время им этого сделать не удастся, то тогда Барим должен будет подойти к «Красному Волку» и, взяв его на абордаж, исполнить задуманное.

Барим, поворчав, неохотно согласился. По его разумению, нет ничего лучше прямой атаки, а все осторожные попытки — только трата времени. Но повелитель Запада был и его повелителем, и Рыжей Бороде ничего не оставалось делать, как подчиниться, хотя в глубине души он по-прежнему представлял себе лучшим вариантом протаранить борт флагмана острым золоченым носом галеры, перекинув сходни, броситься на палубу вражеского корабля и в бою покончить с Белшатлой, заодно уничтожив его чудовищные машины. Но ничего не попишешь — приказ есть приказ.

Все было готово. Барим подвел «Ятаган» как можно более близко к «Красному Волку». Тонгор скинул плащ и тяжелые сапоги, которые сильно стеснили бы его движения в воде, потянув своим весом ко дну. Затем, взяв у Барима запасную кожаную перевязь, Тонгор приладил ножны Саркозана так, чтобы рукоять меча торчала у него из-за плеча, а сам меч висел вдоль спины, не мешая движению рук и ног.

Чарн Товис последовал примеру своего командира. Не тратя времени на долгие прощания, оба воина спустились на нижнюю гребную палубу и через люки слезли по веслам в воду, чтобы не нырять с борта корабля. Сильный всплеск мог бы привлечь внимание вахтенных на флагмане.

Ощутив обжигающие объятия ледяной воды, Тонгор посильнее оттолкнулся от борта галеры и сильными гребками направился к чуть видному вдалеке силуэту флагманского корабля пиратского флота.

Оказалось, что туман не доходил на фут-другой до поверхности воды, поэтому пловцам можно было не опасаться промахнуться и проплыть мимо цели: снизу они отлично видели торчащий из воды борт большого корабля.

Не останавливаясь, Тонгор обернулся. Чарн Товис следовал за ним по пятам, плывя чуть позади и левее своего командира. Улыбнувшись товарищу, подбадривая его, Тонгор продолжал плыть к цели.

Все вокруг них двигалось и издавало самые разные звуки. Плеск волны о борта плывущих кораблей, поскрипывание мачт, хлопанье парусов, посвистывание ветра в снастях, какие-то приглушенные голоса... Тонгора успокаивало, что, скорее всего, он и его спутник не производят слишком много шума, чтобы привлечь ненужное внимание.

Вскоре над пловцами навис борт пиратского флагмана. Зная по рассказам Карма Карвуса, что Лампа Безумия установлена на носу, Тонгор, загребая изо всех сил, сумел подплыть к кораблю в нужном месте.

Нос флагманского судна был украшен резной деревянной фигурой какого-то морского чудовища. Скульптура послужила хорошей лестницей для валькара и следовавшего за ним по пятам молодого воина.

Приподняв голову над краем борта, Тонгор осмотрел палубу.

Странный механизм из стеклянных шаров и латунной проволоки — наверняка и был чудовищной Лампой Безумия, судя по описаниям Карма Карвуса. А в глубине палубы, ближе к надстройке, рассыпала голубые искры другая машина — видимо, та, что создавала этот густой непроницаемый туман, прячущий от посторонних взглядов пиратский флот.

Двое часовых с мечами наголо стояли по обе стороны Лампы, Разрушающей Разум. Зато около генератора тумана охраны не было.

Спустившись пониже, Тонгор шепотом описал обстановку Чарну Товису и, договорившись о плане действий, перелез по деревянной скульптуре на другой борт, так, чтобы оказаться за спиной часовых.

Затем неслышно, словно привидение, его могучее тело взлетело над бортом и бесшумно приземлилось босыми ногами на даже не скрипнувшие доски палубы. Сжав рукоять Саркозана, Тонгор стал подкрадываться к ничего не подозревающим стражникам.

Лишь легкий шелест металла по коже подтвердил, что меч вынут из ножен, словно охотящийся вандар, подкрадывающийся к жертве, приблизился Тонгор к часовым, охраняющим Лампу Безумия.

Выходя фасадом на Большую площадь, над Патангой возвышалось огромное здание Воздушной крепости. Ее верхние этажи-ангары напоминали пчелиные соты — одни закрытые и запечатанные, другие — открытые, воллеры находились внутри или кружились рядом.

В эту холодную ветреную ночь командовать воздушным патрулем выпало Чангану Джалу, одному из старших офицеров Воздушной гвардии. Сидя на наблюда-

тельном пункте на вершине башни Воздушной крепости, он внимательно принимал сообщения, поступавшие поочередно со всех воллеров, постоянно дежуривших над Городом Огня. Все сообщения были одинаковы — никакой активности, никакого движения, никаких признаков опасности...

Один раз за ночь командиру дежурного патруля полагалось облететь город самому. Чанган Джал уже второй раз за смену, оставив за себя заместителя, вышел на «причал», чтобы, сев в лодку, совершить облет города.

Анзан Варл, молодой отар, подчиненный начальника патруля, в эту ночь исполнял обязанности его пилота. Легкое воздушное судно готово к вылету. Холодный взгляд опытного офицера смягчился, пробежав по изящным линиям воллера, и внимательно остановился на торчащем на носу мощном колдовском камне грома.

«Кто, какой безумный враг осмелится угрожать Патанге, — подумал офицер, — городу, небо над которым защищает целый флот воллеров?»

Поправив крылатый серебристый шлем на голове и поплотнее запахнув плащ (высоко над городом было довольно холодно), Чанган Джал ответил на приветствие молодого отара и сел в воллер. Рука Азана Варла привычно взялись за рычаги управления, и вскоре командир патруля увидел, как поплыла вниз посадочная площадка Воздушной крепости. Одновременно он почувствовал непередаваемое ощущение полета. Поднявшись на положенную высоту в двадцать тысяч локтей, отар сделал вираж и начал облет города.

Ночь выдалась холодной и ясной. Улицы города были пусты, лишь тут и там вышагивали патрули ночной стражи.

Но когда воллер, сделав разворот, оказался над гаванью, что-то заставило Чангана Джала насторожиться.

— Отар! Спуститься до пяти тысяч локтей! — приказал он, и воллер, послушный умелым рукам пилота, тотчас же выполнил маневр. Сам командир, не отрываясь, следил за чем-то внизу, у самой поверхности воды.

— Что случилось? — поинтересовался пилот.

Чанган Джал неуверенно пожал плечами:

— Может быть, и ничего, но... но странно это! Вон та полоса тумана, надвигающаяся со стороны залива... Видишь? Она почти перекрывает залив от берега до берега. Странно. Такое плотное и в то же время четко очерченное облако... В такую холодную ночь... Да, кстати, и ветер южный... Сдается мне, он должен был бы разметать эту завесу уже давным-давно...

Еще долго кружил воллер над заливом, пока его пилоты разглядывали приближающееся к городу туманное одеяло. Что-то странное и угрожающее было в этой серой пелене, что-то, что вызывало в душе офицера подозрение. Какая-то неуверенность закралась в душу Чангана Джала, почти на уровне интуиции. Нет, что-то здесь не то... Уже сорок лет Чанган Джал жил в Великом Городе, стоящем на берегу залива в устье Рек Близнецов. И никогда он не видел ничего, подобного этому туманному валу...

— Дать сигнал остальным патрульным воллерам? — спросил Анзан Варл.

Его командир в задумчивости погладил бороду.

— Нет, — подумав, ответил он. — Туман есть туман, и ничего опасного в этом нет. А то, что он странно плотный и четко очерченный, — еще ни о чем не говорит. С первыми лучами солнца это облако растает, не оставив следов, я уверен... Нет, отар, продолжаем патрулирование.

Воллер быстро поднялся на положенную высоту и направился в облет по внешнему периметру городских стен. Чанган Джал пожал плечами и постарался выбросить из головы странный туман.

И все же что-то не давало ему покоя... что-то здесь было не так...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ШТОРМ СТИХАЕТ

...Земле всегда угрожают Силы Тьмы. Легионы слуг Хаоса и Вечной Ночи осаждают ворота Вселенной, чтобы разрушить Мироздание... Много причин есть тому, что Темные Силы стремятся уничтожить человечество, лишь обратив себе на службу созданные им науку, колдовство и оружие... И простым смертным приходится сражаться против этого оружия, а значит, и против Темных Сил... И нужны им храбрость, сила и вера, — и этих трех добродетелей будет достаточно, чтобы победить.

Великая книга колдуна Шайраты

Глава 15

ПОЗОЛОЧЕННЫЙ ДРАКОН

Призрак чудовища тает, поднявшись из темной воды.
Бойтесь, бесстрашные воины, ужаса Лампы Судьбы!
И в каждой руке — обнаженный сияет клинок стальной,
И в каждой душе — лишь безумье, и каждый тебе — чужой!

Сага о Тонгоре, XIX

Через мгновение Тонгор налетел на первого стражника. Словно лев, он подмял его под себя. Часовой, не успев вскрикнуть, отправился в Царство Теней. В тот же миг Чарн Товис нанес смертельный удар мечом второму стражнику, без стона рухнувшему на палубу.

К несчастью, получив укол в сердце, стражник в последнем усилии поднял руку с мечом над головой... Разжавшись, мертвая рука выронила оружие и, по злой воле судьбы, клинок упал не на доски палубы, а на металлическое основание Лампы Безумия. Звон стали о сталь пронесся по кораблю, словно сигнал тревоги.

Прежде чем Тонгор успел разогнуться, опустив на палубу свою жертву, из люка, ведущего в матросский кубрик, высунулась встревоженная голова одного из пиратов и раздался окрик:

— Эй, что у вас там за шум, ребята?

В этот миг сверкнувший меч Тонгора перерезал любопытному горло. Безжизненное тело покатилось по

трапу вниз, и оттуда донесся грохот и треск ломающихся перил. Раздался настоящий сигнал тревоги, и тотчас же до слуха Тонгора и Чарна Товиса донесся топот десятков пар ног.

— Я задержу их на выходе из трюма! — крикнул Тонгор. — А ты — быстро к лампе! Разбей ее, сломай, сделай что-нибудь! И живо, приятель!

Сжав меч обеими руками, валькар метнулся к открытому люку. Длинный клинок сверкнул, описав дугу, и первые пираты, даже не поняв, что происходит, поплатились жизнью, высунувшись из люка.

Взмах за взмахом... Один за другим падали под ударами валькара сраженные противники. Меч рассекал плоть, с треском раскалывал кости... Очередной пират появился в люке, подняв меч, чтобы отбить удар. Меч Тонгора, словно не заметив препятствия, выбил оружие из рук пирата и раскроил ему череп.

Мало что так любил могучий северянин, как хороший бой. А этот был одним из лучших в его жизни! Тонгор орудовал мечом, не ведая усталости. Перекрыв выход из трюма, он оказался выше своих противников и получил второе, не менее важное преимущество: в узком проходе пираты могли нападать на него по одному. Один мертвый пират падал на другого, и за все это время Тонгор получил лишь один порез острием меча по груди и пару царапин на предплечьях.

С носовой надстройки, куда он отправил Чарна Товиса, не доносилось ни звука. Это насторожило Тонгора, но он долго не мог выбрать время, чтобы рискнуть хоть на миг отвести взгляд от наседающих противников. Но вот, улучив момент, когда очередной убитый пират повалился вниз, сбивая с ног своих товарищей, Тонгор обернулся, и в этот момент... кончик колдовского жезла Белшатлы коснулся его плеча. Тонгора словно ударило молнией.

Электрический разряд прошел по руке и всему телу валькара. Бессильные пальцы разжались, и тяжелый меч с грохотом рухнул на доски палубы. Прежде чем, собрав всю свою волю, Тонгор сумел пошевелиться,

на него со всех сторон налетели пираты, повиснув на руках и ногах могучего северянина. Белшатла молча наблюдал за происходящим, холодно и беспощадно улыбаясь.

Последнее, что успел заметить Тонгор, было безжизненно лежащее рядом с невредимой Лампой Безумия тело Чарна Товиса. Затем, согнувшись под весом нападавших и градом их ударов, все еще полупарализованный, Тонгор чуть не упал на палубу.

Белшатла выскочил из носовой надстройки как раз вовремя, чтобы ударить Чарна Товиса парализующим жезлом и не дать ему разрушить дьявольское орудие. Видимо, какое-то предчувствие опасности заставило Белшатлу ночевать в тесной рубке на носу, а не в отведенной ему каюте на корме. Разделавшись с юношей, угрожавшим разбить его Лампу, колдун подкрался к Тонгору сзади, намереваясь ткнуть его жезлом в затылок. Тогда валькар надолго потерял бы сознание. Но в тот самый момент воин обернулся, и удар пришелся в плечо валькара, парализовав лишь часть тела, а не мозг.

Именно поэтому Тонгор не потерял сознания, а продолжал видеть, слышать и осознавать происходящее.

Даже безоружный, с парализованной рукой, варвар оказался серьезным противником. Прежде чем пираты смогли повалить его, нескольким из них пришлось испытать на себе дикую силу ударов здоровой руки и ног северянина, расплатившись за это сломанными ребрами, вывихнутыми челюстями, отбитыми внутренними органами и наиболее деликатными частями тела. Но все же численное превосходство было слишком велико, и через некоторое время Тонгор оказался лежащим на палубе без движения, со всех сторон облепленный пиратами.

— Колдун! Дай мне прикончить его! — прохрипел один из пиратов, занося над грудью Тонгора остро отточенный стилет.

Резкий окрик Каштара с капитанского мостика заставил пирата отвести клинок в сторону.

Подойдя к лежащему Тонгору, Каштар улыбнулся ледяной безжалостной улыбкой победителя.

— Ну и ну! Сам повелитель Патанги прибыл ко мне, чтобы пригласить почетных гостей в свой город, — притворно приветливо произнес предводитель ширатов.

— Его нужно убить! Немедленно! — суетливо вступил в разговор Серый Колдун. — Слишком опасно оставлять его в живых, даже пленного. Многим доводилось брать в плен этого варвара, но ни один из этих людей не дожил до сего дня. У Тонгора какой-то талант сбегать из плена, расправляясь с теми, кто его захватил...

Каштар покачал головой:

— Может быть, ты и великий колдун, но ты еще и такой же великий дурак, серый пес. Ибо ты готов выбросить за борт подаренный нам богами ключ. Ключ, которым мы распахнем ворота Патанги. Ведь ни один из жителей города не устоит против наших требований, увидев нож приставленный к груди их повелителя.

Белшатла что-то хотел сказать, нерешительно подбирая нужные слова. Старый колдун чувствовал, что нужно убить отважного воина-северянина. Убить немедленно, пока он лежит неподвижный и беспомощный! Разве нужно бояться сопротивления Патанги, раз у них есть Лампа Безумия? Но здесь командовал Каштар, а не Белшатла.

— Что будем с ним делать? — задал вопрос один из помощников Красного Волка.

— Привяжите этого пса к носу корабля, чтобы, когда мы войдем в бухту, все горожане увидели, что их могучий король — наш беспомощный раб.

На руки и ноги Тонгора надели кандалы и потащили его на нос судна и приковали там.

В этот миг над палубой прокатился крик, заставивший всех вздрогнуть и замереть, словно статуи:

— Отпустите повелителя Тонгора, или вам всем конец!

Каштар резко развернулся на месте.

У Лампы Безумия стоял Чарн Товис, очнувшийся и пришедший в себя, пока все пираты занимались Тонгором. Обнаружив, что за ним никто не следит, молодой офицер встал рядом с лампой и, развернув ее, направил на палубу, включив и прогрев аппарат на минимальной мощности, точно так, как рассказал ему Карм Карвус.

Все пираты, включая и самого Белшатлу, побледнели, с ужасом глядя на смертоносную трубку, направленную на них. Никто, глядя на Чарна Товиса, не усомнился в том, что он готов выполнить свою угрозу.

Руки, удерживающие Тонгора, разжались, и северянин встал, гремя кандалами.

— Отлично сработано, Чарн Товис, — крикнул Тонгор, вырывая из рук одного из своих мучителей связку ключей. Сбросив кандалы, валькар немедленно поднял свой меч, валявшийся на палубе в луже крови.

Никто не заметил ухмыляющегося первого помощника Каштара — Дурангу Тула, пробиравшегося по внешней стороне борта, чтобы зайти Чарну Товису со спины. Неожиданно перевалившись через борт и вскочив на носовую надстройку, пират схватил офицера за плечи и отшвырнул от смертоносного аппарата.

В тот же миг меч Тонгора оборвал жизнь ближайшего к нему пирата, стоявшего между валькаром и Лампой Безумия.

В следующий момент палуба «Красного Волка» превратилась в кровавый ад.

Белшатла хотел вновь ткнуть Тонгора своим жезлом, но тот увернулся, и парализующий удар пришелся в бок одному из пиратов.

Каштар успел прокричать приказ пиратам брать Тонгора живым и, обнажив свою тонкую шпагу, бросился наперерез валькару.

Вокруг Тонгора сверкало в воздухе множество клинков: сабли, кинжалы, мечи, скимитары и ятаганы... Словно загнанный тигр, северянин сражался один против множества врагов.

А на носу Чарн Товис, вскочив на ноги, подхватил с палубы свою шпагу и вступил в бой с Дурангой Тулом.

Тонгор продолжал пробиваться к лампе сквозь частокол нацеленных на него клинков.

Дуранга Тул, ухмыляясь, отбивал удары шпаги Чарна Товиса своим мечом. Пират был выше ростом, шире в плечах и мощнее, чем его молодой противник. Опыт тоже был на его стороне. Шаг за шагом молодой офицер отступал к носу корабля, пока не уперся спиной в борт. Из последних сил, призвав на помощь все свое искусство фехтования, Чарн Товис отражал атаки противника, не давая ему ударить себя в сердце или перерезать горло.

По трапам, ведущим из трюмов, протопали десятки пар ног. Все новые пираты спешили на помощь своим товарищам, чтобы поучаствовать в неравной схватке.

Шесть трупов лежало вокруг Тонгора, но теперь противники окружили его таким плотным кольцом, что он тратил все силы лишь на то, чтобы отбить сыплющиеся на него со всех сторон уколы и удары. Долго так продолжаться не могло. Северянин понимал, что рано или поздно коварный удар в спину тяжело ранит его, сделав беспомощным пленником пиратов. Но выхода не было, и могучий воин продолжал безнадежный бой.

Чтобы действительно не стать живым ключом от ворот своего города, Тонгор решил, что как только почувствует, что силы его на исходе, или если получит серьезную рану, то сам нанесет себе последний, смертельный удар в сердце или в горло. А смерть в бою, с оружием в руках, обагренным кровью множества убитых противников, — этого Тонгор не боялся.

Прижатый спиной к борту, Чарн Товис из последних сил отбивал сыплющиеся на него удары меча Дуранги Тула. В какой-то момент обрушившийся сверху тяжелый клинок пирата отбросил руку Чарна

Товиса вниз вместе со шпагой, к самой палубе, оставив его на мгновение беззащитным перед вооруженным противником.

Со сверхъестественной отчетливостью молодой офицер видел каждую морщину на лице своего врага, отводящего меч для последнего удара в сердце. Чарн Товис видел, как выражение ненависти сменяется на лице пирата выражением презрения и торжества победителя, увидел, как вспыхнула радость в налитых кровью глазах...

Вдруг совершенно другие чувства отразились на лице Дуранги Тула: изумление, сменяемое ужасом. Занесенный для удара клинок дрогнул и отклонился в сторону.

Чарн Товис не знал, что вызвало такое удивление у его противника, почти парализовав того. Не тратя времени на выяснение, офицер воспользовался кратким преимуществом и в следующий миг из последних сил вонзил шпагу в грудь Дуранги Тула.

Кровь хлынула изо рта пирата, рухнувшего на палубу у ног Чарна Товиса.

А в следующее мгновение молодой офицер понял, что же так напугало его сильного и уверенного в себе противника.

Из густой пелены тумана медленно вынырнула и нависла над бортом пиратского корабля огромная блестящая голова дракона. Свет фонарей на палубе «Красного Волка» выхватил из темноты золоченую оскаленную пасть и прищуренный глаз.

Палуба пиратского флагмана вздрогнула. Послышался треск ломаемых досок обшивки. Это отточенный нос «Ятагана» пронзил борт «Красного Волка» ниже ватерлинии.

Голова и шея дракона снесла фальшборт флагмана пиратов. Не ожидавшие удара моряки повалились на палубу, потеряв равновесие.

А потом два десятка воинов, издав боевые кличи, спрыгнули с носа вонзившегося в «Красного Волка» корабля, сжимая в руках обнаженные клинки. Вперед

ди всех мчался, словно бык, великан в стальной кирасе и рогатом шлеме, размахивающий огромным топором. Рыжая борода этого великана сверкала, словно боевой штандарт.

Барим Рыжая Борода пришел на помощь друзьям и вступил в бой.

Глава 16
ЛУЧИ БЕЗУМИЯ

Вновь проложим мы дорогу
Сквозь ряды врагов вперед.
Битва нам — вино свободы!
Песню смерти сталь поет!

Боевая песнь Черных Драконов

Барим Рыжая Борода ждал столько, сколько мог, прежде чем направить свою галеру в борт «Красного Волка». Время, оговоренное с Тонгором, прошло; капитан подождал еще немного, но густой туман все так же продолжал волнами расходиться от флагмана, скрывая армаду от взглядов стражей Патанги. Затем до слуха Барима донеслись звуки боя, приглушенные туманом, и могучий рыжебородый северянин понял, что его друзьям не удалось скрытно выполнить то, что было задумано.

Раздалась одна-единственная команда — и через несколько мгновений острый нос «Ятагана» вонзился в борт пиратского флагмана, заставив огромное судно вздрогнуть и нанеся ему огромную рану ниже ватерлинии...

Заранее оставив вместо себя Ангара Зенда, Барим спустился с капитанского мостика и, взойдя на нос, первым ворвался на пиратский корабль. Его сапог ударил в лицо одному из людей Каштара, который так и не успел сообразить, что произошло. Из-под подошв Барима брызнула кровь, но он, даже ни на миг не

задержавшись, помчался дальше, издав дикий, почти звериный боевой клич.

Любимым оружием Рыжей Бороды был большой боевой топор. Орудуя им, Барим прорубал себе дорогу к центру палубы. Рядом с ним, по правую руку от капитана, двигался здоровяк Тангмар из Коданга, круша противников тяжелым ятаганом. Слева великан Рогир размахивал двуручным мечом. Эта троица сильнейших на «Ятагане» воинов словно тараном пробивала дорогу остальным, рассыпавшимся по палубе «Красного Волка», заставшим врасплох экипаж и охрану флагмана.

Стоя на носу корабля, Барим услышал донесшийся с середины палубы боевой клич племени Черных Ястребов. Он ответил криком своего родного племени — боевым кличем Белых Волков — и рванулся на помощь сражающемуся в одиночестве другу, прорубая себе дорогу сквозь строй врагов.

Флагман Таракуса был под завязку загружен отборными головорезами Каштара, в то время как на борту «Ятагана» находился лишь обычный экипаж. Но на стороне нападавших было преимущество внезапности, которое Барим использовал сполна. Его отряд в считанные секунды заполнил палубу флагманского корабля, превратив ее в месиво дерущихся, раненых и убитых.

Распевая древнюю, первобытную боевую песню своего дикого народа, Барим Рыжая Борода прорубил себе дорогу к трапу, ведущему с носовой надстройки на палубу. Его голос, перекрывая шум боя, разносился вокруг. Капитан «Ятагана» шел на помощь своему земляку, другу и королю.

Старина Блай оказался крепко сложен и толстоват. Пожалуй, не погрешил бы против истины тот, кто назвал бы его жирным. Но под внешностью толстого круглолицего добряка скрывался настоящий воин. Потрясая мечом, размахивая сжатым в другой руке кинжалом,

он, неожиданно вынырнув из тумана, производил жуткое впечатление.

Бок о бок с ним сражался его старый друг — Дурган, орудовавший красиво изогнутой саблей, причем с отменным мастерством. Золотая рукоятка, украшенная драгоценными камнями, не давала усомниться в том, что некогда, прежде чем попасть в цепкие, сухие, выдубленные морской водой и ветрами руки пирата, это оружие принадлежало офицеру высокого звания, адмиралу или благородному аристократу. Сверкая единственным здоровым глазом, Дурган сражался с завидным упорством и поразительной яростью.

Незаметно эти двое пробились к главной мачте, где, расправившись с несколькими пиратами и разогнав остальных, обнаружили, что могут перевести дух. Старина Блай не стал терять времени даром, а, обшарив лежащие рядом трупы, нашел то, что искал. Отбив у подобранной бутылки с вином горлышко, он с жадностью приложился к живительной влаге. Сделав несколько глубоких глотков, Блай передал оставшееся вино Дургану, который также не замедлил опрокинуть бутыль себе в глотку.

В этот момент враги снова бросились на закадычных друзей, и, запустив бутылкой в голову приближающегося пирата, Дурган принялся за дело. Выругавшись по поводу пропавшей бутылки, Блай последовал его примеру. Вскоре серия ударов, уколов, нападений и защитных финтов заставила обоих позабыть о жажде.

Когда нос «Ятагана» вонзился в борт флагмана таракусского флота, многие на палубе «Красного Волка» попадали от неожиданного удара. Но Тонгор, заметивший сверкнувшую в свете фонарей позолоченную драконью голову, устоял на ногах.

Воспользовавшись мгновением передышки, валькар решил вырваться из круга наседавших на него противников. Одним движением опустив меч в ножны, все

еще висевшие у него за спиной, северянин подпрыгнул и, ухватившись за ванты, подтянулся и залез высоко на снасти.

Отсюда он окинул взглядом палубу и с ликованием увидел грозную троицу — Барима и двух его помощников, — пробивающую дорогу остальным матросам «Ятагана».

Холодный ветер остудил разгоряченное схваткой лицо Тонгора. Прикинув, он понял, что уже перевалило за полночь, и, следовательно, пиратский флот уже должен оказаться в зоне видимости летающих патрулей Патанги.

Несомненно, с летающих лодок заметили приближающуюся полосу тумана, но вряд ли заподозрили, что под плотной завесой скрывается флот неприятеля. А значит — сигнал тревоги не был дан, и стража Патанги не готовится к обороне Города Огня.

Но если уничтожить машину, создающую туман, то пелена рассеется, и воины Патанги будут подняты по тревоге, чтобы встать на защиту родного города. Поэтому Тонгор решил воспользоваться смятением, царящим на палубе после неожиданной атаки Барима и его людей, чтобы пробраться к колдовской машине и уничтожить ее. С высоты, на которую он забрался, валькар хорошо видел это странное приспособление у мачты и длинный медный штырь, отходящий от него вверх, с конца которого непрестанно сыпались голубые искры.

Перерезав один из вантов кинжалом, Тонгор прыгнул и, не отпуская прочный канат из рук, одним махом оказался рядом с медной потрескивающей и сыплющей искрами мачтой.

Матросы «Ятагана» вели бой уже почти по всей палубе «Красного Волка». Так получилось, что Барим и двое его лучших бойцов оказались в стороне от пьедестала, на котором была закреплена Лампа Безумия. Когда к ней пробились Горчак, Туран и улыбающийся смуглолицый Минга, Чарн Товис, сражавшийся здесь,

с трудом сдерживал троих наседающих на него пиратов. Молодой офицер был счастлив перевести дух хотя бы на краткий миг, пока подоспевшие друзья занялись его противниками.

Неожиданно над всем хаосом сражения прокатился знакомый всем каркающий хриплый голос, заставив вздрогнуть всех находящихся на палубе «Красного Волка» — и пиратов Каштара, и воинов Барима.

У пульта управления Лампой Безумия стоял Серый Колдун — Белшатла.

Он развернул свой смертоносный инструмент таким образом, чтобы держать под прицелом палубу и сражающихся на ней людей.

Рука колдуна лежала на пусковом рычаге. Серые лучи пока не выбивались из смертоносной трубки, но машина была включена и готова в любой момент, по велению колдуна, превратить палубу в арену для сражения уже не противников, а просто безумцев.

Пираты — друзья и враги — застыли, оцепенев от ужаса. Все уставились на направленный на них стеклянный серый глаз, как смотрит порой приговоренный на топор в руках палача.

Никто из пиратов не мог ничего предпринять ради своего спасения — так подействовала на людей угроза погибнуть в бою не как мужчины, а окончить жизнь безумцами в сумасшедшей схватке с такими же обезумевшими несчастными.

Минга, Туран и Горчак оказались слишком далеко от колдуна — у верхних ступенек трапа, ведущего на носовую палубу.

Ближе был только Чарн Товис, но его отделяла от лампы стена стражников Каштара, готовых к бою. Он ни за что не успел бы вовремя пробиться сквозь их строй.

Сверкающий серым огнем глаз лампы был направлен прямо на могучую фигуру Барима.

Рука Белшатлы потянулась к рычагу — и отпустила его!

Глава 17

СМЕРТЬ КАШТАРА

Когда угрожает судьба
И ты выбирать не волен,
Тогда твое дело — борьба
И богу молитва, о Воин!

Алая Эдда

Всем показалось, что паралич ужаса продолжался по крайней мере несколько минут. Но на самом деле такие вещи длятся какие-то доли секунды.

Тонгор уже оторвался ногами от реи, на которой до этого стоял, и в полете к основанию медной мачты вдруг заметил стоявшего у пульта лампы Белшатлу. От острого зрения валькара не ускользнуло и то, что лампа включена, а ее ствол направлен на группу матросов «Ятагана» во главе с Баримом.

Тонгор уже не мог изменить траекторию своего полета, чтобы приземлиться на палубе рядом с лампой. Но в его силах было выхватить из ножен тяжелый клинок Саркозана.

Огромное лезвие просвистело в воздухе. Скорость полета Тонгора помножилась на мощь его мышц — поэтому удар получился невероятной силы.

Свистящий клинок угодил Белшатле чуть пониже уха и перерубил шею колдуна, начисто отделив голову от тела. Седая голова старого колдуна скатилась с плеч и, подпрыгивая, покатилась по палубе, словно какой-то диковинный серебристый фрукт.

Фонтан черной крови брызнул из перерезанных вен и артерий. Обезглавленное тело покачнулось, словно колдун был пьян, и рухнуло на палубу. Падая, оно задело плечом лампу, сместив серый луч и передвинув рычажки на пульте управления.

Внутри аппарата низкое гудение перешло в пронзительный, леденящий душу свист; зловещие серые молнии пробежали по стеклянным сферам, заискрились

латунные провода... В следующий миг из основной трубки ударил бесцветно-серый луч.

Падая, тело Белшатлы сместило прицел лампы, и рождающий безумие луч пришелся не на группу матросов «Ятагана», а на виднеющийся сквозь клубы тумана силуэт ближайшего к флагману корабля армады — большой триремы, называющейся «Тарданской девой». На ее борту плыли многие ближайшие сподвижники Каштара.

Не больше сотни ярдов разделяло два соседних судна. Скользнув по водной поверхности, серый луч уткнулся в борт «Девы» и растекся по ее палубе.

Экипаж и солдаты, плывшие на триреме, стояли плотной шеренгой вдоль борта. Несколько минут назад они услышали шум какой-то заварушки на борту флагмана, затем тяжелый удар тарана и звуки уже нешуточного боя на палубе «Красного Волка». Капитан «Тарданской девы» как раз собирался приказать спустить шлюпки, чтобы выяснить, что происходит на флагмане и не нужна ли помощь. Но стоило серому лучу коснуться заполненной людьми палубы, как трирема превратилась в арену схватки безумцев, забывших обо всем на свете.

Матрос набросился на матроса и пронзил кинжалом его сердце. Один товарищ по кубрику схватил другого, чтобы перегрызть ему горло и выцарапать ногтями глаза. В мгновение ока палуба наполнилась воющими безумцами, сцепившимися в последней отчаянной схватке, словно дикие звери.

Стоявший на мостике капитан «Тарданской девы» тоже попал под дьявольский луч, ударивший с борта флагмана. Повернув голову, оскаленную в звериной гримасе, старый морской волк одним ударом кортика сразил ничего не успевшего понять матроса, стоявшего у штурвала, а затем спрыгнул на палубу, чтобы присоединиться к кровавой резне. Погибший рулевой повалился всем телом на штурвал.

Неуправляемая «Тарданская дева» отдалась на волю волн и течения. Не прошло и нескольких минут, как

трирема ткнулась мощным, окованным медью носом в борт соседнего с ней судна. Удар пришелся вскользь. Медный таран не заткнул собой образовавшуюся дыру в досках обшивки, и тонны ледяной воды хлынули в трюмы второго корабля, тотчас же получившего сильный крен.

А Лампа Безумия продолжала излучать свое страшное сияние, несущее гибель. Серый луч скользил дальше и дальше, и вот уже на пяти пиратских кораблях началась бессмысленная резня. А затем еще и еще...

Пролетев как можно дальше на свисающем с мачты канате, Тонгор прыгнул вперед и, перекувырнувшись в воздухе, приземлился на ноги у самого основания потрескивающей медной мачты.

По всему флагманскому кораблю шел бой. Избежав опасности быть сраженными Серой Смертью, пираты продолжили прерванную схватку с удвоенной яростью.

Первым сбросил с себя оцепенение Барим Рыжая Борода. Он издал свой леденящий душу боевой клич и вонзил топор в грудь ближайшего к нему стражника Каштара. В следующий миг, словно по команде, засверкали в воздухе клинок ухмыляющегося Тангмара и меч непроницаемо спокойного Рогира.

Карм Карвус бросился в бой вместе с матросами «Ятагана», высадившись на центральную часть палубы. Пробившись на носовую надстройку, он, орудуя своим тонким мечом и следуя вдоль самого борта, сумел добраться к тому месту, где рассекали воздух клинки валькара и офицера стражи Патанги Чарна Товиса.

В последний момент путь ему преградил сверкающий дикими глазами полуголый великан с обломком весла в руках. Свирепый корсар с невиданной силой и скоростью крутил над головой тяжелой дубиной. Один удар таким оружием — и переломанные ребра князя Тсаргола вонзились бы ему в легкие, а придись

такой удар в голову, череп треснул бы, как ореховая скорлупа. Уворачиваясь от страшной дубины, Карм Карвус поскользнулся в луже липкой крови и упал на палубу, выронив меч.

Злорадно ухмыляясь, великан уже занес тяжелый обломок весла над головой для последнего удара, но неожиданно какая-то худенькая, почти мальчишеская фигура, перепрыгнув через упавшего князя, вонзила в грудь пирата кинжал почти по самую рукоятку.

Остро отточенный клинок попал в самое сердце. Корсара словно ударила молния — он вздрогнул, дубина вдруг выскользнула из его ослабевших рук и упала за борт. В следующий миг туда же полетел и поверженный великан. Карм Карвус увидел тонкую, изящную руку, протянутую ему, чтобы помочь встать, и поднял глаза, чтобы рассмотреть своего спасителя.

— Яан! — только и смог выдохнуть князь Тсаргола.

Саркайя Кадорны лишь рассмеялась, глядя на удивленное выражение его лица. Карм Карвус строго-настрого приказал ей носа не высовывать из трюма «Ятагана» во время боя, и она обещала выполнить его распоряжение. Но останься она, где было условлено, — и князь Тсаргола уже отправился бы на встречу к Отцу Горму в Зал Героев. В общем, Карм Карвус не посмел осудить саркайю Кадорны, а только лежал и удивленно рассматривал ее.

Никогда еще она не была так красива. Холодный ветер разрумянил ее щеки. Словно два черных самоцвета, сверкали ее чуть раскосые глаза. Тонкая шпага в изящной руке была в крови чуть не по рукоятку, что служило еще одним доказательством (если какие-либо доказательства еще были нужны) того, что Саркайя Яан действительно могла постоять за себя в бою и сражаться не хуже мужчины.

Стройные длинные ноги плотно обтягивали шерстяные брюки, белая блуза подчеркивала правильную форму груди, алая повязка перехватила водопад черных волос, — еще никогда Яан не казалась саркайю Тсаргола такой желанной.

Вскочив на ноги и наклонившись к девушке, Карм Карвус обнял ее и привлек к себе, крепко обняв свободной от оружия рукой. Он поцеловал ее прямо посреди яростного боя, на залитой кровью и устланной трупами палубе. Яан ответила на его поцелуй. Ее губы были чувственны и требовательны, а рот — влажен и сладок.

Тонгор бросился к искрящемуся медному штырю, чтобы сломать, уничтожить машину, скрывающую корабли пиратов. Но тут же перед ним сверкнуло стальным блеском лезвие сабли.

На пути валькара встал сам Каштар.

Лицо предводителя пиратов исказилось в гримасе ярости. Налитые кровью глаза горели жаждой убийства и мести. Пот ручьем стекал с его лба, смешиваясь с кровью, сочившейся из свежего шрама над бровью, полученного в этом ночном бою. Черные, смазанные маслом волосы растрепались и космами разлетелись по плечам пирата.

Каштар был без рубашки, и его сильное, жилистое тело блестело от пота!

— Дикий пес из валькаров! — прохрипел пират. — Сегодня я наконец-то насажу твое вонючее сердце на острие моей сабли!

— Попробуй, — с ухмылкой ответил Тонгор. — Если сумеешь, кровавая свинья из грязного таракусского хлева!

Два клинка скрестились в яростной схватке, зазвенели — словно вступительный аккорд к страшной музыке битвы. Меч валькаров — тяжелый и длинный — больше подходил для бесшабашной схватки, чем для дуэли с опытным фехтовальщиком. Способный прорубать прочные доспехи, меч терял свое преимущество в поединке с быстрым, не защищенным броней противником, вооруженным легким, удобным для фехтования оружием. Но могучие мускулы, крепкие сухожилия и невероятно быстрая реакция Тонгора компенсировали медлительность его двуручного меча. Отбив первый

ростный удар сабли Каштара, северянин встал в боевую стойку и приготовился к серьезному бою.

Каштар был опытным, умелым воином. Сабля сверкала в его руках, словно молния. Но откуда бы она ни летела в противника, ее везде встречал неодолимым заслоном меч Тонгора. Снова и снова наносил удары пиратский адмирал, но каждый раз между лезвием сабли и телом противника вставал широкий клинок Саркозан.

Пот уже потоками лился по спине и тяжело вздымавшейся и опускавшейся груди пирата. Стекая по лбу и смешиваясь с кровью, он превращался в соленую розовую жижу, заливавшую и разъедавшую Каштару глаза. Сам еще не веря, Каштар почувствовал, что силы его на исходе. Все труднее ему становилось наносить молниеносные удары, все тяжелее казалась сабля.

Красный Волк вдруг понял, что, скорее всего, ему не удастся победить Тонгора в честном бою один на один.

Это ощущение было для него новым и здорово напугало. Никогда еще Каштар не встречал воина, устоявшего против града его сабельных ударов. А сейчас, несмотря на напряжение всех мышц, всего тела, ему так и не удалось нанести ни малейшей раны, ни царапины своему могучему противнику.

Тонгор сражался спокойно и уверенно. Его дыхание даже не участилось. Казалось, валькар вообще не знает, что такое усталость. Жестокое удовлетворение сверкнуло в золотых глазах северянина, заметивших бессильное бешенство, страх и растерянность на лице своего противника. Валькар без труда отбивал все удары Каштара.

Ледяная волна ужаса окатила предводителя пиратов.

Каштар держался из последних сил. Измученным легким не хватало воздуха, мышцы молили об отдыхе. Пират понял, что на самом деле Тонгор просто играл с ним, как кот с мышью. Такое распределение ролей было совершенно новым для Красного Волка и абсолютно его не устраивало.

Вдруг в его глазах сверкнул огонек надежды. Каштар заметил, что Тонгор стоит рядом с лужей крови. Из последних сил нанося удары, Красный Волк стал обходить противника, чтобы заставить его сделать роковой шаг. Так и произошло: ступив босыми ногами в липкую жижу, Тонгор поскользнулся и чуть не упал.

Издав победный крик, Каштар занес над головой саблю, вложив все силы в последний удар. Но неожиданно клинок наткнулся на какое-то препятствие.

Поднятая сабля задела медную антенну. Раздался громкий хлопок, все вокруг озарилось синим огнем — и Красный Волк из Таракуса получил удар в десять тысяч вольт.

Глава 18
ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ

Палубы — красным ихором залиты, словно водой.
Солнце встает над морем под музыку битвы стальной.
Сталкиваются друг с другом безжалостно вновь корабли,
И грохот морского боя летит, затихая вдали...

Сага о Тонгоре, стих XIX

Стоило стальному клинку коснуться медного стержня, как он тотчас намертво притянулся к искрящейся антенне и в мгновение ока, пропустив через себя электрический разряд, стал рубиново-красным, затем огненно-оранжевым и, наконец, ослепительно белым. Вскоре сверкающие капли расплавленного металла скатились на рукоятку и упали на держащую ее ладонь.

Но Каштар уже не чувствовал боли. В тот самый миг, когда его сабля задела медную мачту, неведомая сила, заключенная в машине, убила его. Тело пирата медленно сползло на палубу, и даже Тонгор закусил губы и вздрогнул, увидев, во что превратилось лицо

морского разбойника: электрический разряд так изуродовал голову Каштара, что теперь его вряд ли кто-нибудь смог бы узнать.

Вскоре внутри машины раздался второй, более сильный взрыв. Полыхнуло слепящее белое пламя, и из отверстий в корпусе повалил густой черный дым. Таинственное голубое свечение исчезло, и с вершины мачты перестали сыпаться искры. Конечно, валькар из Лемурии понятия не имел об электричестве, не понимал, что стальная сабля Каштара вызвала короткое замыкание, разрушившее механизм. Но главное для себя Тонгор понял: машина, рождающая туман, разрушена и никто не сможет ее восстановить, ибо единственный человек, владеющий ее секретом, обезглавлен в сегодняшнем бою.

И второе, не менее важное событие осознал Тонгор: Красный Волк из Таракуса больше не выйдет в море и не поднимет свой безжалостный меч против кого бы то ни было.

Вокруг Тонгора продолжал кипеть бой. Карм Карвус и Яан пробились к Мингу, Турану и Чарну Товису. Впятером они очистили от пиратов носовую палубу и держали там оборону, обеспечив путь к отступлению на борт «Ятагана» и не подпуская врагов к своему кораблю.

Один за другим пиратские корабли меняли курс, чтобы подойти поближе к флагману и выяснить, что происходит на его палубе. Вблизи было видно, что борт «Красного Волка» протаранен другим судном. Пиратские капитаны высылали шлюпку за шлюпкой, чтобы предложить помощь Каштару, о смерти которого еще никому не было известно.

Но теперь у рычагов Лампы Безумия стоял Чарн Товис,, переводивший дьявольские лучи с одной приближающейся шлюпки на другую. Пораженные Серой Смертью, пираты вступали в безумный бой со своими товарищами, и небольшие лодки быстро переворачивались. Расправившись со шлюпками, Чарн Товис направлял лампу на галеры и триремы.

Вскоре уже почти половина флотилии втянулась в хаотическое сражение. Оставшиеся без рулевых корабли, облученные Лампой Безумия, таранили соседние суда. Сцепившиеся, полузатонувшие груды оказались непреодолимым препятствием; и другие капитаны были вынуждены ломать строй и лавировать, думая только о том, как спасти свой корабль.

Тут и там заполыхали огни — это горели паруса, снасти, мачты и надстройки, подожженные обезумевшими матросами. Спасаясь от пламени, перекидывавшегося на соседние суда, многие моряки, даже безумцы, бросились в ледяные волны залива, но некому было послать шлюпки, чтобы спасти несчастных.

Чарн Товис побледнел и крепко сжал челюсти, чтобы самому не закричать от ужаса. Лишь собрав в кулак всю свою волю, он смог заставить себя вновь и вновь наводить лампу на очередную цель и снова и снова переключать рычаги.

Иногда боги бывают справедливыми. Смерть в безумии, которой пираты грозили Городу Огня, настигла их самих. Но даже ослепленное ненавистью к врагам сердце Чарна Товиса не выдержало — слишком бесчеловечным и жестоким было оружие, оказавшееся в его руках. В какой-то момент, вместо того чтобы вновь перевести рычаг управления, молодой офицер нагнулся и, схватив с палубы тяжелый обломок весла, несколько раз изо всех сил ударил по лампе, превратив ее в груду осколков и искореженных латунных деталей.

Эта дьявольская машина должна была, по воле богов, остаться похороненной в руинах проклятой Нианги. Ей было суждено вечно оставаться вне досягаемости людей под толщей выжженного песка Серой пустыни.

Наперекор божественной воле действовал Белшатла, откопав дьявольское оружие...

Но теперь никто и никогда не сможет использовать эту машину в сражении, обратить ее страшные лучи против человека.

Чарн Товис снова сжал в руках клинок, чтобы присоединиться к битве, шедшей на палубе. Вдруг, подняв голову и посмотрев на небо, он воскликнул:

— Тонгор!

Валькар на миг оторвался от кровавой работы и огляделся... Густой туман больше не наполнял его легкие. Теперь в них ворвался свежий, соленый морской ветер. На востоке, на самом краю горизонта показалась красная полоса восхода.

Сожженная коротким замыканием машина с медным штырем была мертва, и ветер быстро разгонял завесу тумана над кораблями пиратов.

Лицо Тонгора расплылось в удовлетворенной улыбке. Наконец-то пелена тумана перестала скрывать флот Таракуса. Теперь зоркие стражи Патанги заметят подобравшегося почти к самым воротам города противника и поднимут тревогу.

Сумеют ли матросы Барима очистить палубы «Красного Волка», или им всем, включая самого Тонгора, суждено погибнуть в этом сражении, — уже было не столь важно. Главное, что Патанга спасена.

А затем утреннее небо озарилось вспышкой неестественного бело-голубого пламени. Даже не поднимая глаз, Тонгор понял, что это, и радостно улыбнулся, получив подтверждение того, что воины Патанги не только заметили опасность, но уже вступили в бой.

Ближе к рассвету старший офицер Чанган Джал приказал пилоту взять курс на ангар Воздушной Крепости. Дежурство подходило к концу, и офицер уже думал о бутылке вина, теплой постели и сладком, крепком сне.

Но вновь какое-то неясное подозрение кольнуло его, когда он посмотрел в сторону приближающегося к городу туманного вала.

Повинуясь безотчетному импульсу, он изменил приказ и потребовал, чтобы пилот опустился пониже над этим непонятным густым туманом.

Но что же произошло с непроницаемой пеленой тумана? Словно под порывами ураганного ветра, сизые клубы прямо на глазах разлетались и исчезали. А под ними... перед удивленными глазами офицера и его пилота развернулась леденящая душу картина — почти у самых стен города, в бухте Патанги двигались под парусами сотни кораблей.

Чанган Джал действовал машинально, быстрее, чем рассуждал. Еще не до конца понимая, что произошло, он уже схватился за рычаги наведения и направил острый, как игла, электрод грозного орудия на пурпурные паруса внизу.

Времени на обмен сигналами со стражей на башнях уже не оставалось. Заметив пикирующий воллер, огромный флот у входа в гавань и услышав звуки боя, стражники сами поднимут тревогу. Предоставив магическое оружие пилоту, старший офицер приготовился использовать другое, еще более грозное оружие.

Под днищем лодки были закреплены еще два детища гения Иотондуса — ракеты, приводимые в движение сжатым воздухом и взрывающиеся при попадании в цель.

Никогда раньше это оружие еще не использовалось в настоящем бою. Созданные недавно, ракеты должны были применяться только в минуту смертельной для города опасности. И вот такой момент настал, и первая ракета понеслась к цели — одному из кораблей пиратской армады.

Прежде чем произошел первый взрыв, на башнях и шпилях города затрубили серебряные горны, поднимая тревогу. Лучники, отряд за отрядом, занимали свои места на стенах. Боевые расчеты готовили и заряжали крепостные катапульты и тяжелые арбалеты. Готовясь к отражению десанта, несколько отрядов приготовились к вылазке за ворота. Нарушилось привычное равномерное кружение патрульных летающих лодок — спешно выстраиваясь в боевой строй, корабли Воздушной гвардии спешили к заливу, чтобы присоединиться к воллеру Чангана Джала.

Словно быстрые и стремительные черные ястребы, обрушивались воллеры на корабли пиратов. Не успело еще солнце подняться над горизонтом, а в бухте Патанги уже рассвело, как днем — один за другим вспыхивали пораженные с воздуха пиратские корабли...

В пылу боя Тонгор даже не задумывался о собственной безопасности. Но при первом же заходе летающих лодок на таракусский флот и первых взрывах северянин забеспокоился: ясно, что пилоты не разберут сверху, кто есть кто, и будут уничтожать все корабли без разбора.

Крикнув сражающимся рядом, чтобы они удерживали носовую палубу и путь к отступлению, Тонгор метнулся к мачтам, в самую гущу сражения.

Пепел и дым от горящих кораблей щипали глаза, и Тонгор с трудом разыскал Барима. Добравшись до него, валькар схватил рыжебородого воина за руку и крикнул ему прямо в ухо, чтобы перекрыть шум боя:

— Уходим!

Барим кивнул. Поднеся к губам висевший у него на поясе серебряный рог, он протрубил сигнал, по которому все оставшиеся до сих пор в живых матросы «Ятагана» стали пробираться на носовую палубу, чтобы вернуться на свою галеру.

Тонгор, Карм Карвус и Барим Рыжая Борода последними покинули палубу «Красного Волка». В тот же миг весла и багры уперлись в борт пиратского флагмана, нос «Ятагана» выскользнул из пробоины в борту, и черная галера отошла от огромного, некогда грозного, но теперь уже обреченного корабля.

«Красному Волку», как оказалось, было не суждено спокойно затонуть, набрав в трюм хлынувшей в пробоину воды. Едва «Ятаган» отошел от его борта, как в палубу пиратского флагмана вонзился огненный шар, пущенный с одной из воздушных лодок. Разом вспыхнули кормовая надстройка и мачты. Две враждебные

друг другу стихии — вода и огонь — объединились, чтобы быстрее уничтожить «Красного Волка».

Теперь и самому «Ятагану» угрожала не меньшая опасность оказаться жертвой меткого выстрела одного из пилотов. По приказу Барима Блай вытащил откуда-то из трюма большую простыню, которой заменили черный пиратский флаг на мачте галеры в знак капитуляции. Повинуясь ставшему к штурвалу Бариму, «Ятаган» быстро вышел из огненного хаоса, в который превратился обреченный флот пиратов.

Уже больше половины армады было выведено из строя — корабли горели и тонули. Многие бесцельно рыскали в разные стороны, оставшись без рулевого или повинуясь вставшему к штурвалу безумцу — несчастному, попавшему под луч Серой Смерти.

Некоторые пиратские корабли в последних рядах армады стали разворачиваться, чтобы уйти из бухты. Но летающие лодки безжалостно преследовали беглецов и, не давая им уйти, поражали электрическими пушками и огненными ракетами.

Очень немногие экипажи решили сдаться, чтобы избежать гибели. Некоторые, правда, просто не успели прийти к такому решению и пошли ко дну вместе со своими кораблями.

Когда «Ятаган» бросил якорь у причала, к нему немедленно подлетел отряд стражников верхом на кротерах, чтобы разоружить сдавшихся пиратов. Каково же было удивление воинов Патанги, когда вместо молящих о пощаде таракусцев они увидели на палубе галеры своего повелителя, самого Тонгора. Выслушав приветствия командира отряда, валькар решил не уходить с причала, чтобы увидеть конец боя своими глазами.

Большинство кораблей пиратов уже было уничтожено — сотни судов, тысячи жизней.

К тому моменту, когда зубцы на сторожевых башнях города солнце окрасило в алый цвет, битва закончилась.

Патанга была спасена.

Глава 19
КНЯЗЬЯ ЗАПАДА

Слово сказано.
Враг побежден.
Дружба доказана.
Мир — спасен.

Алая Эдда

В начале следующего месяца — амгора, первого месяца зимы, — была прекрасная погода.

И хотя с Северных гор дули студеные ветры, срывавшие последние красно-золотые листья с деревьев, днем солнце хорошо прогревало воздух, и казалось, что до по-настоящему холодного месяца кирамона — второго месяца зимы — еще очень далеко.

В один из таких солнечных дней по улицам Патанги двигалась величественная процессия. Она начала шествие от ступеней главного храма города — Храма Девятнадцати богов, сделала круг по главной площади и вышла на широкую, прямую улицу, ведущую ко дворцу.

Впереди вышагивали герольды в костюмах, цвета которых соответствовали цветам-символам городов империи: золотой был знаком Патанги, алый — Тсаргола, зеленый — Таракуса, а серебристый — далекой Кадорны.

Затем верхом на кротерах скакал отряд стражников Патанги в парадных мундирах. На головах воинов были позолоченные шлемы, начищенные до блеска. Доспехи и упряжь украшали драгоценные камни. Длинные плюмажи развевались за спинами всадников. Во главе отряда ехал князь Дру, двоюродный брат саркайи Сумии, супруги Тонгора. Наследный даотар — командующий стражей, — он ехал во главе могучего эскадрона.

Вслед за ними чеканила шаг когорта Черных Драконов, которую вел их командир — Зед Комис. С плеч воинов широкими складками спадали черные плащи. Солнце играло на шлемах в виде драконьих голов и

на самоцветах, украшавших рукояти тяжелых двуручных мечей.

Затем ехала свадебная колесница, запряженная белоснежным зампом. Колесницей одной рукой правил Карм Карвус, другую руку он не снимал с плеча Яан из Кадорны, лишь несколько минут назад объявленной его женой у подножия огромного алтаря главного Храма.

Далее ехал сам повелитель Запада в колеснице, влекомой двумя вороными зампфами. Над его колесницей развевалось знамя империи. Рядом с Тонгором стояли улыбающаяся Сумия, восторженно сияющий наследник — Тарт и счастливый князь Касан — правитель Кадорны, отец саркайи Яан.

Череда колесниц следовала за экипажем повелителя империи. В этих колесницах ехали почетные граждане, жрецы, аристократы и важные чиновники. В одной из них находился и Барим, явно чувствовавший себя не в своей тарелке. Зеленый бархат, символизирующий королевский цвет Таракуса, сменил привычные капитану грубый черный плащ, латы и боевой топор. Серебряная диадема с изумрудами была водружена на голову Барима, а в одной руке вместо оружия он сжимал скипетр повелителя города. Да, Бариму приходилось терпеть все страдания. Но держался он достойно, как и подобает вновь испеченному князю. Да, только что, у подножия алтаря, Тонгор провозгласил своего старого друга Барима правителем Таракуса. А Рыжая Борода, склонив колени перед Черным Ястребом, признал его своим Великим повелителем, правителем империи и поклялся в верности Трону Патанги. Итак, пират, честный и отважный моряк, Барим стал одним из князей Запада, а Таракус — седьмым городом, вошедшим в империю Тонгора Могучего.

Проезжая по роскошным улицам Патанги, Барим вспомнил богатые событиями последние дни. После сражения, в котором воллеры сожгли все не пожелавшие сдаться корабли ниратов, война перенеслась к стенам Таракуса. Осада не была ни долгой, ни сложной.

Несомненно, летающий флот Тонгора мог бы разрушить город пиратов до основания, но валькар решил обойтись без напрасных разрушений. Кроме того, Каштар взял в поход на Патангу всех мало-мальски стоящих солдат, оставив в Таракусе лишь стариков ветеранов да тех, кому имел основания не очень доверять. Само собой, гарнизон не смог бы отразить серьезного нападения, и после нескольких дней осады пираты сдались и ворота Таракуса были открыты легионам Тонгора.

Кроме этого военного похода, в последующие дни была предпринята еще одна, уже мирная экспедиция. Роскошный флагман Воздушной гвардии империи отправился в Кадорну, лежащую за водами залива и непроходимыми джунглями Ковии. Корабль должен был доставить саркайю Яан в ее родной город. В этом путешествии девушку сопровождал Карм Карвус, чья роль была двойной — обеспечить безопасность саркайи и попросить ее руки. Князь Касан, правитель Кадорны, уже не надеявшийся увидеть дочь живой, был счастлив снова встретиться с нею и познакомиться с ее спасителем. Он с радостью дал свое согласие на то, чтобы Яан вышла замуж за князя Тсаргола.

Пока Барим вспоминал все это, процессия подъехала к воротам дворца Патанги. Здесь все гости сошли с колесниц и вошли внутрь дворца.

Зал Ста Сарков ничуть не изменился с тех пор, когда Барим побывал здесь в прошлый раз. Все так же множество каменных лиц былых правителей Патанги взирало на людей со стен. Солнечный свет проникал в помещение через множество небольших окон в куполе, закрытых разноцветными стеклами. Радужная карусель ярких пятен света лежала на троне, ступенях и площадке перед ним.

Когда приглашенные заняли свои места, а Сумия и наследник — джасарк Тарт — поднялись по ступеням пьедестала, Тонгор, пройдя сквозь расступившуюся толпу, поднялся по девяти большим ступеням к самому

Огненному Трону. Здесь он остановился и, развернувшись лицом к гостям, кивнул канцлеру. Тот, подняв свой тяжелый жезл, гулко ударил им по каменному полу и громко произнес:

— Слава тебе, Великий Царь! Все стоящие здесь, знайте, что вы удостоены лицезреть Великого повелителя, Тонгора Могучего, князя Патанги, императора Семи Городов! Приветствуем тебя, повелитель Запада!

И не успело эхо слов канцлера затихнуть под сводом купола, как из сотни глоток вырвался мощный приветственный возглас:

— Слава повелителю Запада!

Стоя рядом с Огненным Троном, положив руку на рукоять Саркозана, Тонгор с достоинством принимал приветствия своих подданных. Он роскошно выглядел в черном бархате и с Золотым Щитом Патанги, украшенным Черным Ястребом Валькарта, на груди.

Из-под купола прямо на корону на голове Тонгора падали солнечные лучи, и древний символ власти сверкал, будто живой огонь. Лицо Тонгора оставалось спокойным, но те, кто хорошо знал сурового северянина, могли заметить довольную, едва заметную улыбку. В этот миг его глаза светились от счастья.

Тонгор обежал взглядом зал. Рядом с помостом были установлены полукругом шесть тронов — для повелителей городов империи. На них сидели, каждый со своим гербом, вышитым на парадном платье: Зул — повелитель Зангабала, Тармис из Шембиса, Тон из Тардиса, Карвус из Тсаргола, Тан из Пелорма и Барим из Таракуса.

Повелитель Запада начал свою речь без долгих предисловий:

— Я долго ждал этого дня, чтобы отблагодарить тех, кто в тяжелую минуту верно служил мне и нашему городу. Пусть выйдет вперед тот человек, который уже неоднократно шел со мной в бой бок о бок, прикрывал мне спину и чьи заслуги передо мной трудно переоценить.

Посеребренный жезл вновь ударил об пол, и громкий голос канцлера произнес:

— Чарн Товис из Возашпы, коджан империи и командир Девятой Когорты Черных Драконов, — выйди вперед!

Бледный, сжав губы, молодой офицер чеканным шагом подошел к ступеням трона. Его глаза встретились с полными радостного волнения и благодарности глазами Тонгора.

Король заговорил:

— Вот уже три года с тех пор, как был повержен предатель Далендус Вул, вознамерившийся захватить власть, принадлежащую Царю. Баронские поместья и титул барона Таллана остаются без владельца. На колени, Чарн Товис!.. А теперь — вставайте, барон, повелитель Таллана!

Вспыхнув от смущения и не в силах поверить в столь щедрую награду, юный воин принял из рук Тонгора жезл — символ власти и баронского титула. Поклонившись улыбнувшейся ему Сумии и дружески подмигнув наследнику, только что произведенный в аристократы повелитель земель Таллана вернулся на свое место в первом ряду приглашенных.

Тонгор вновь заговорил:

— В большой степени свободой Патанги все мы обязаны бдительности и наблюдательности одного храброго офицера. Все мы у него в долгу. Пусть этот человек выйдет вперед!

И снова раздался удар жезла, и снова канцлер произнес громким, густым голосом:

— Чанган Джал, родом из Патанги, старший даотар Воздушной гвардии — выйди вперед!

Сверкая серебряным крылатым шлемом, шурша складками парадного небесно-голубого плаща, к подножию трона подошел строевым шагом тот, кто первым заметил в рассеивающемся тумане корабли пиратской армады и, вступив в бой, поднял тревогу.

— На колени, даотар Чанган Джал!.. Вставайте — вице-даотаркон Воздушной гвардии, коджан империи!

Когда была завершена церемония награждения, канцлер поочередно пригласил выступить с приветственными словами всех повелителей империи. И когда в Зале Ста Сарков вновь воцарилась тишина, Тонгор улыбнулся и сказал:

— А теперь все приглашаются на праздничную трапезу!

Здесь и заканчивается наш рассказ. Заканчивается, как и положено всем хорошим историям, — победой, свадьбой и шумным всеслым пиром.

«...Даже пираты Таракуса, использующие Серую Магию и ее дьявольское оружие, не смогли противостоять воину-валькару и были побеждены им... Так седьмой город Запада встал под знамя Черного Ястреба. Год за годом росла и крепла Золотая Империя...»

Так написано в третьей главе Пятой книги Летописей Лемурии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЭРА СЕРЫХ КОЛДУНОВ

Перед вами — отрывки из Летописи Лемурии, хранящие историю Серых Колдунов Нианги. Именно к этим строчкам обратился Иерарх Эодрим в третьей главе нашего повествования. Только эти фрагменты друвней книги и дошли до нас. Мы полагаем, что читателям будет интересно прочесть те самые тексты, на которые ссылался Иерарх.

Летописи Лемурии были написаны пятьсот тысяч лет назад. Язык, на котором говорили их создатели, давно исчез, как и сам континент, на котором происходили описанные события, где жили создатели Летописей. Он исчез с лица земли, скрывшись под водами Тихого океана. Но все же несколько древних страниц сохранились до наших дней и донесли нам весть о древней Лемурии.

Вот одна из этих страниц.

Из Книги Третьей.

2. Об основании девяти городов Запада.

...И так случилось, что потомки Немедиса отправились на Запад и основали в этих землях девять городов: Турдис, Тсаргол, Кадорну, Зингабал, Шембис, Катул, Таракус, Пелорм и Патангу — Город Огня. Здесь они остались и произвели на свет многих сильных и высоких сыновей и красивых дочерей. И так продолжалось три тысячи лет...

3. Эра Серых Колдунов.

На востоке, в землях Нианги, вершили свои дела Темные Силы. И вот там, спустя века после падения Немедиса и исхода людей на Запад, появилось могу-

щественное королевство, в которое вошли три города: Кут, Шандатар и мрачный город Занджан. И Черные Колдуны далекого Заара, породненные с самим Великим Змеем Моря, пришли к этому народу и соблазнили их служить злу, пообещав власть и могущество. И возникло царство Серых Колдунов, как называли их люди со страхом и дрожью.

4. Серая Магия.

...Алая Эдда повествует о том, как колдуны Нианги овладели секретом силы самого всемогущего повелителя солнца. Познали они такие тайные силы, которые могли потрясти и уничтожить всю Землю с ее человечеством, превратить в облако раскаленной пыли и мертвого дыма, если бы эти силы вырвались на свободу.

5. Рок Нианги.

Но как только Серые Колдуны потревожили хрупкое равновесие сил, благодаря которым Земля держится на своем месте среди небесных сфер, не замерзая во всеобщей пустоте и не падая на Солнце, — черная судьба постигла города Нианги: Кут, Шандатар и мрачный Занджан. Все эти города были разрушены до основания. Лишь немногие их жители смогли бежать из погибших городов. А та земля стала безжизненной пустошью, которую люди зовут Серой пустыней и где никто не живет. Одни говорят, что это была воля богов, другие, — что сама Природа покарала дерзких колдунов, осмелившихся нарушить ее Законы. Так закончилась еще одна битва извечной войны сил Мироздания против Темных Сил Хаоса.

6. Рассвет Запада.

Так пали Серые Колдуны, осмелившиеся участвовать в битвах, которые вели Силы, правящие звездами, поддерживающие их на своих местах на небосводе. Дерзкие люди оказались уничтожены теми же самыми Силами, которые они хотели подчинить себе...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ
Пер. А. Тишинина
5

КНИГА ПЕРВАЯ
Пер. А. Митрофанова
63

КНИГА ВТОРАЯ
Пер. А. Рудого
207

КНИГА ТРЕТЬЯ
Пер. В. Правосудова
351

Литературно-художественное издание

Лин Картер

ЦАРСТВО ТЕНЕЙ

Руководитель проекта
Геннадий Белов

Редактор
Александр Тишинин

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
Елена Омельяненко
Татьяна Виноградова

Верстка
Вера Романенко

ЛР № 071177 от 05.06.95.
Подписано в печать с оригинал-макета 28.06.96.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Печать высокая. Гарнитура «Кудряшов».
Тираж 30 000 экз. Усл. печ. л. 26,8.
Изд. № 82. Заказ № 1890.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Издательство «Азбука»
представляет новый проект

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

Мы рады предложить всем любителям героического фэнтези большой цикл произведений российских и зарубежных авторов, создавших неподражаемые образы могучих, бесстрашных Героев. Каждая книга этой новой серии – стремительный вихрь поединков, погонь, грандиозных сражений и кровавых схваток. Каждый роман – это боевая песнь непобедимых воителей, смысл жизни которых составляет непримиримая битва с порождениями Хаоса и Тьмы.

В каждом томе «Саги» всех истинных поклонников фэнтези ждет выпуск «Вестника Конан-Клуба». На его страницах будут опубликованы письма читателей, статьи о литературе «меча и колдовства» и конечно же повести и рассказы самых известных зарубежных фантастов.

В серии «Сага о Бессмертных Героях» вышли:

Лин Картер. «Сказание о Тонгоре»
Том 1. «Черный ястреб»
Том 2. «Царство Теней»
Майкл Резник. «Торир Рыжебородый»

Готовится к выпуску сериал

КОРМАК

Его создатель — замечательный американский писатель, ученик Роберта Говарда, автор романов о Конане-киммерийце **ЭНДРЮ ОФФУТТ.**

Цикл романов о свирепом воине Кормаке МакАрте – прямое продолжение уже знакомых читателям повестей Говарда «Тигры морей» и «Ночной волк».

КТО НЕ С НАМИ – ТОТ ПРОТИВ НАС!

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

КЕЙН

Создатель всемирно известного сериала о Кейне Меченосце – американский фантаст Карл Эдвард Вагнер, признанный ученик Роберта Говарда, автор блестящего романа о Конане «Дорога Королей».

Изгнанный безжалостными властителями воин-колдун Кейн — скорее сторонний наблюдатель, чем активный участник необычайных событий, происходящих в мире, где правит черная магия.

Но стоит только подуть Ветру Ночи, как бессмертный воин, обнажив свой сверкающий клинок, бросается в битву против сил Зла. Ужасные оборотни, безымянные чудовища Хаоса, незнающие жалости убийцы... никто не может противостоять Кейну Меченосцу.

Читайте первые два тома «Сказания о Кейне»:

Том 1. «Ветер Ночи»
Том 2. «Ангел Смерти»

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

БРЭК

Читатели откроют для себя писателя, имя которого овеяно множеством легенд. Это знаменитый американский фантаст **ДЖОН ДЖЕЙКС.**

В рамках серии «Сага о Бессмертных Героях» выходят в свет романы Джона Джейкса под общим названием **«БРЭК-ВАРВАР».** Летопись о приключениях отважного варвара множество раз переиздавалась на Западе — и вот наконец-то переведена на русский язык.

Джейкс создал свой неповторимый, удивительный мир, населил его самыми загадочными племенами и народами. И самое главное – автор создал великолепного Героя. Сказание о странствиях и подвигах могучего Брэка – это один из лучших образцов героического фэнтези. Это подлинный подарок тем, кто не привык скучать над книжными страницами, кто жаждет стать участником головокружительных приключений, испытать свою волю и ощутить вкус настоящей борьбы.

Не пропустите двухтомник Джона Джейкса «БРЭК-ВАРВАР»!

ТАКОГО ГЕРОЯ ВАМ НЕ ЗАБЫТЬ НИКОГДА!

Снова над древней Лемурией —
миром джунглей и динозавров
нависла опасность.
Колдуны Востока с помощью черной магии
собираются призвать на Землю Повелителей Хаоса...
На Юге творят бесчинства безжалостные пираты,
овладевшие жуткими тайнами Серых волшебников.
Морские разбойники собрали
непобедимую флотилию и могут насылать
на своих врагов Серую Смерть...
А сам Тонгор Черный Ястреб
предательски выдворен в Царство Теней...
О новых приключениях непобедимого северянина
Тонгора, о его странствиях в таинственном мире
древних богов повествует новая книга
ЛИНА КАРТЕРА —
ученика Великого Мастера
фэнтези меча и колдовства
Роберта Говарда.